

КРЕСТЬЯНСТВО ЧУВАШИИ: ХОЗЯЙСТВО, СОЦИАЛЬНОЕ
РАЗВИТИЕ И ПОВСЕДНЕВНЫЙ БЫТ (1946–1990 гг.)

В.Г. ХАРИТОНОВА

В.Г. ХАРИТОНОВА

КРЕСТЬЯНСТВО ЧУВАШИИ
ХОЗЯЙСТВО, СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
И ПОВСЕДНЕВНЫЙ БЫТ (1946–1990 гг.)

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

В.Г. Харитонова

КРЕСТЬЯНСТВО ЧУВАШИИ

**ХОЗЯЙСТВО,
СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
И ПОВСЕДНЕВНЫЙ БЫТ
(1946–1990 гг.)**

Чебоксары
2017

УДК 94(470.344)
ББК 63.3(2Рос.Чув)63-2
Х 20

*Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук*

Научный редактор
доктор исторических наук **И.И. Бойко**

Рецензенты:
кандидат исторических наук **Е.В. Касимов**,
кандидат исторических наук **В.Н. Клементьев**

Харитонов В.Г.

Крестьянство Чувашии: хозяйство, социальное развитие и повседневный быт (1946—1990 гг.) / В.Г. Харитонов. — Чебоксары: ЧГИГН, 2017. — 284 с.: ил.

В монографии раскрывается история крестьянства Чувашии 1946—1990 гг. Глава 1 содержит социально-демографическую характеристику сельского населения, анализ трудового участия крестьянства в общественном производстве. В главе 2 комплексно освещается развитие крестьянских дворов, их место в аграрном производстве и жизни сельского жителя. Выяснению уровня жизни и повседневного быта крестьянства Чувашии посвящены главы 3 и 4. Впервые в региональной историографии раскрыты такие сюжеты жизни сельского сообщества, как семейный бюджет, потребление, расходы, жилищно-бытовые условия, бытовая культура, социальное развитие и повседневный быт, культурно-досуговая деятельность. В главе 5 рассмотрены взаимоотношения крестьянства и власти, права и обязанности крестьянства, социальные представления, ценностные установки, поведенческие модели крестьянства. Автором сделана попытка показать чувашский мир, неразрывно связанный с крестьянской, земледельческой субкультурой.

При подготовке издания использованы архивные материалы, статистические данные, источники личного происхождения, СМИ, опубликованные документы.

Книга адресована историкам, этнологам, преподавателям вузов, студентам, а также всем, кто интересуется историей и культурой Чувашии.

На обложке: А.П. Рыбкин. Мой старый добрый дом. Фрагмент. 2017. Х., м. 170 x 300.

ISBN 978–5–87677–224–4

© В.Г. Харитонов, 2017

© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2017

*Посвящается
научному руководителю —
доктору исторических наук
Ивану Мефодьевичу Волкову*

Введение

История крестьянства России, ее отдельных регионов является одной из активно изучаемых тем, но, как отмечают исследователи, «крестьянский, аграрный, или вопрос о мужике — как его ни назови — при кажущейся своей простоте настолько сложен и неоднозначен, что разрешить его раз и навсегда не представляется никакой возможности, ибо этот вопрос не только социальный или политический, но и философский, нравственный, этический, общекультурный — короче говоря, он связан со всеми сторонами жизни народа. Если и не всегда связями прямыми, то опосредованными непременно»¹.

Актуальным и значимым, на наш взгляд, является, исследование истории крестьянства и сельского хозяйства, повседневной жизни сельчан 1946—1990-х гг. В этот период произошло развитие новой модели социального устройства села и аграрного производства, связанной с советской государственной системой.

Изучение истории послевоенной деревни России велось достаточно интенсивно. Написаны монографии, статьи, раскрывающие основные социально-экономические сюжеты аграрного сектора экономики, общественно-политической и отчасти культурно-просветительской работы на селе². Оценка исследований по истории деревни, проведенных сообразно с представлениями тех лет, в соответствии с уровнем развития исторической науки, носящих наряду с достижениями и недостатки идеологизированного характера, дана в ряде историографических работ³.

С 1958 г., когда состоялась первая сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, крестьяноведческие исследования активизировались. С 1965 г. при нем начала функционировать секция истории сельского хозяйства и крестьянства периода социализма. Большое значение имела первая Всесоюзная конференция аграрников-историков (1961). С 1991 г. функционирует Научный совет по проблемам аграрной истории при Отделении истории РАН, который координирует постановку и разработку новых актуальных проблем в данной отрасли отечественной науки, в том числе через проведение сессий Симпозиума по изучению аграрной истории. В материалах данных научных форумов нашли отражение многие проблемы развития крестьянства России⁴.

В 80-х гг. XX в. начинается издание крупных обобщающих работ, в том числе пятитомной «Истории советского крестьянства», подготовка подобных трудов в регионах⁵. Публикации тех лет по истории крестьянства свидетельствуют о расширении и углублении научно-исследовательской проблематики.

В 1990-х гг. в российской науке завершилось оформление нового направления — крестьяноведения, начало которому было положено изысканиями историков и экономистов-аграрников 1920-х гг. В историческом плане необходимо отметить труды В.П. Данилова, Л.Н. Денисовой, М.Н. Денисевича, О.М. Вербицкой, И.Е. Зеленина, Е.Ю. Зубковой, В.П. Мотревича, В.П. Попова, П.И. Симуша и др.⁶

Проблема социально-философского освещения духовности крестьянства, развития крестьянского двора, дискуссии о семейных фермах и крупных хозяйствах, концепциях аграрного развития нашли отражение как в отечественной, зарубежной, так и в региональной историографии⁷.

Весьма значительный вклад в создание целостной концепции изучения социальных представлений и поведения крестьянства был сделан Дж. Скоттом. По его мнению, в основе огромного большинства конкретных проявлений аграрной организации лежит принцип «главное — выжить», выражающий стремление крестьянского социума обеспечить своим членам минимальный прожиточный минимум в тех размерах, в которых это позволяют сделать имеющиеся ресурсы⁸.

Заметный вклад в разработку экономических, социальных, демографических проблем послевоенной деревни внесли экономисты, политологи, социологи. Наряду с общими вопросами развития российского крестьянства, раскрестьянивания, они уделили много внимания развитию личных подсобных хозяйств⁹. Изучению в совокупности внутренних и внешних факторов эволюции крестьянского хозяйства (крестьянского двора) советской эпохи посвящены работы М.А. Безнина. Его исследования, содержащие отчасти дискуссионные суждения, оказали серьезное влияние на развитие методологии изу-

чения крестьянского двора, придали импульс региональным исследованиям в Нечерноземье, на Европейском Севере, в Среднем Поволжье¹⁰. Региональные исследования посвящены в целом аграрной сфере, крестьянству, общественно-политической, социальной и культурной жизни сельского общества¹¹. Большую лепту в разработку данной проблематики вносят региональные научные конференции аграрников-историков Среднего Поволжья, возобновившиеся с середины 1990-х гг.¹² В изучении аграрной истории в последние годы произошел перенос акцентов с социально-экономических и политических процессов на повседневную жизнь. Вопросы истории повседневности разработаны во многих исследованиях, в том числе применительно к сельскому населению¹³. Сделан существенный методологический и историографический вклад в изучение советской повседневности¹⁴.

Новым направлением стал также междисциплинарный научный анализ различных аспектов взаимодействия крестьянства и власти России в XX в. Начало активной дискуссии было положено 12 ноября 2010 г., когда по инициативе общенационального научно-политического журнала «Власть» в Москве, в Институте социологии Российской академии наук, был организован Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века», преемственно продолживший дискуссии Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» (23 октября 2009 г.). В этой дискуссии были затронуты в первую очередь такие темы: крестьянский вопрос: смысл и значение в истории России и человечества; XX век в истории России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание» страны; «великий незнакомец» и «публичная политика в России»: мифы и реальность; русское крестьянство: «могильщик» Империи или ее цивилизационный фундамент; «Аграрные реформы» и «русские крестьяне»: отечественная история и ее фальсификации. Одним из важных результатов круглого стола была договоренность об организации регулярной работы нового междисциплинарного семинара, которому решено было дать название «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»¹⁵. Ранее подобные проблемы стали предметом обсуждения на уровне региональных конференций, отдельных статей, монографий¹⁶.

Новые подходы к изучению аграрной истории отражены и в региональных исследованиях, посвященных сельскому хозяйству и крестьянству отдельных республик и областей России¹⁷.

В российской историографии появились работы, освещающие социальную структуру деревни советского времени, в которых затрагивались сюжеты, связанные с характеристикой самосознания крестьян, в том числе на региональном уровне¹⁸.

По изучению истории послевоенной чувашской деревни проделана значительная работа. Первыми публикациями явились брошюры передовиков, руководителей кол-

хозного производства, экономистов, руководителей республики. В целом в региональной историографии в большей степени нашли отражение вопросы развития аграрного сектора экономики на разных исторических этапах, прежде всего в рамках освещения реализации пятилетних планов развития народного хозяйства республики, государственной аграрной политики. Так, различные аспекты истории села изучены в работах И.А. Афанасьева, Г.Н. Ахмеева, В.А. Васильева, К.Е. Евлампьева, И.Е. Ильина, К.В. Калининной, В.А. Королькова, В.Л. Кузьмина, Н.М. Михайлова, С.М. Михайловой, А.П. Николаева, В.В. Орлова, С.Н. Хаймуллина, В.Г. Харитоновой, О.Н. Широкова, экономистов И.Е. Верхеева, В.Н. Викторова, М.Н. Ергачёва, М.В. Зайцева, В.И. Ильдеменова, Г.С. Кудряшова, С.Р. Малютина, Т.И. Петровой, И.П. Прокопьева, А.А. Семьянина, П.А. Сидорова, А.М. Шорникова и др. Статьи, брошюры посвящены отдельным сторонам истории деревни: развитию экономики колхозов и совхозов, их материально-технической базы, социальной структуры, политическому и трудовому воспитанию колхозного крестьянства¹⁹. Изложение многих сюжетов аграрной истории носило описательный характер, сельская экономика и жизнь крестьянства представлялись вполне благополучными, соответствующими стадии развития социализма, установкам и задачам, поставленным партией и государством. Одновременно большое внимание уделялось изучению вопросов развития культурно-массовой работы на селе, образования, здравоохранения, создания условий жизни, быта сельского населения, общественно-политической жизни, религиозной ситуации. Данные сюжеты освещались в работах Г.А. Алексева, К.Д. Дмитриева, В.Е. Прокопьева, Ю.Б. Гурова, Л.Ю. Браславского, Н.Е. Егорова, В.П. Иванова, Л.А. Иванова, И.А. Маркелова, Г.М. Матвеева, П.М. Михайлова, Т.С. Сергеева, Ю.Г. Серебрякова, Г.С. Сидорова, Н.Г. Скородумова, Н.С. Степанова, Э.Г. Сютруковой, П.П. Фокина и др.²⁰

Важным событием в историографии стало издание «Очерков истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии» в двух частях, где впервые на основе анализа литературы и привлечения дополнительных источников в целом виде исследовано крестьянство и сельское хозяйство Чувашии начиная с конца XIX в. до 1985 г.²¹ В дальнейшем данная тема получила развитие в трудах обобщающего характера²². История чувашского сельского сообщества, крестьянства привлекала внимание ряда исследователей. Современный этап исследований характеризуется расширением проблематики данного направления отечественной истории. Такой подход нашел отражение в сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся в 2010 г. В докладах и сообщениях историков, философов, социологов, экономистов, правоведов, фольклористов рассмотрен широкий круг вопросов аграрного развития и истории кре-

стьянства²³. Появились работы, посвященные развитию личных хозяйств населения республики²⁴.

Особый вклад в разработку темы внесли этнологические исследования, в которых представлены наблюдения за повседневной жизнью и бытом сельчан²⁵.

Несмотря на определенные успехи в изучении аграрной истории послевоенной деревни Чувашии, в основном по вышеназванной теме исследования в рамках региона только предпринимаются²⁶. История развития чувашского села, повседневный быт, социально-культурные, материально-бытовые условия жизни сельского населения, общественно-политическая ситуация 1946—1990-х гг. нуждаются в комплексном рассмотрении, с широким привлечением исторического, социологического, демографического, этностатистического материалов. Постановка подобной проблемы предполагает всестороннее и объективное изучение на основе анализа широкого круга опубликованных и архивных источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот.

Исходя из степени актуальности и изученности темы, наличия источников, используя методологию и методы исторических исследований, достижения информационных технологий, на наш взгляд, необходимо решить ряд исследовательских задач: прежде всего проанализировать состояние социальных ресурсов села, трудовое участие крестьянства в общественном производстве; комплексно осветить развитие крестьянских дворов в Чувашии, их место в аграрном производстве и жизни сельского жителя; рассмотреть уровень жизни и повседневный быт крестьянства Чувашии, раскрыть такие стороны жизни сельского сообщества, как семейный бюджет, потребление, расходы, жилищно-бытовые условия, бытовая культура, социальное развитие и культурно-досуговая деятельность; изучить и проанализировать права и обязанности, социальные представления, ценностные установки, поведенческие модели крестьянства. Предпринята попытка проанализировать малоизученные аспекты жизни сельского населения: материальное положение, социальное самочувствие, уровень жизни и повседневный быт, взаимоотношения крестьянства и власти и ряд других.

При написании книги использованы опубликованные материалы и архивные источники. В основе исследования — официальные документы партии и Советского государства, в которых сформулирована политика в области сельского хозяйства, социальной и культурной жизни села. В качестве источников привлечены директивные и отчетные материалы центральных и местных государственных, советских и партийных органов и организаций, законодательные акты. Следующий комплекс источников состоит из широкого круга статистических материалов, опубликованных в центральных, местных статистических сборниках и специальных изданиях, позволяющих осветить наиболее су-

ществленные стороны изучаемых явлений. Часть статистических источников, в том числе подготовленные в свое время для служебного пользования, сохранились в фондах научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук. В книге привлекаются материалы переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Демографические изменения, социальная и поселенческая структура, образовательный уровень, уровень занятости населения, структура сельской семьи, национальный состав населения, миграционные процессы исследуются с использованием этих ценнейших источников.

Значительный и разнообразный материал выявлен в периодической печати — в республиканских и районных газетах, общественно-политических журналах, где нашли отражение проблемы обеспечения населения продовольственными и промышленными товарами, жилищные условия и состояние детских учреждений, качество бытового обслуживания жителей и уровень организации культурных форм досуга, другие аспекты повседневности. Достаточно активно в прессе тех времен использовались карикатуры, юмористические рассказы — как для высмеивания негативных моментов жизни, так и для утверждения общепринятых норм поведения. Газетный материал включает в себя самую различную по происхождению и содержанию информацию: официальные сообщения и законодательные акты, публицистику и письма, хронику и заметки-отчеты, репортажи и интервью, объявления и беллетристику, некрологи и пр. Многие сюжеты из жизни сельского сообщества освещены в периодической печати с идеологических позиций того времени, реальная ситуация зачастую отличалась от ее отображения на страницах газет и журналов. В то же время отдельные моменты повседневной жизни получили освещение прежде всего именно в периодической печати. Особый интерес представляют письма граждан, раскрывающие их отношение к событиям, происходящим в обществе. Использование писем и воспоминаний простых граждан позволило реконструировать советскую действительность того времени.

Среди традиционных письменных источников выделяются биографии, мемуары, дневники и письма, позволяющие понять человека и его поступки в конкретных ситуациях, уловить то, что отличает его повседневность от жизни других, находящихся в тех же обстоятельствах. Кроме того, документы личного происхождения помогают понять настроения в обществе и оценить характер социально-экономических изменений через восприятие простых людей. В частности, интересный материал для реконструкции советской послевоенной повседневной реальности дают воспоминания участников событий. Письма крестьян в периодическую печать и обращения в органы власти разного уровня раскрывают специфику сельского мира, позволяют проследить те или иные мнения и настроения крестьянства при изучении исторического пути сельского сообщества и

аграрной сферы. К сожалению, корпус подобных источников, использованных автором при подготовке данного издания, не так велик, это различные по содержанию, происхождению, назначению материалы, подготовленные от имени одного лица, коллектива, опубликованные в разных периодических изданиях, отложившиеся в архивных фондах. К числу весьма специфических источников исследования массового сознания и повседневного поведения можно отнести также фольклорные материалы. Фольклор, прежде всего частушки, — индикатор крестьянских настроений. В социологической литературе подчеркивается, что особенности бытового поведения населения находят свое отражение в пословицах и поговорках, выполняющих в обществе незаменимые социальные и культурные функции. В пословицах и поговорках отражаются стереотипы поведения, привычки и навыки людей, их взгляды на жизненные ситуации. С помощью фольклора можно реконструировать и систему жизненных ценностей.

Архивные источники явились основой документальной базы. Они выявлены в фондах Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР), Государственного архива современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР), научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Используются материалы некоторых районных архивов республики. Наиболее массовый и востребованный архивный материал содержат отчетные и делопроизводственные документы государственных и хозяйственных организаций, в том числе отчеты колхозов, совхозов, других сельскохозяйственных учреждений, земельные балансы, сводные отчеты и аналитические записки о состоянии отдельных отраслей сельского хозяйства, социальной и культурной сфер. Более подробные сведения о развитии школ, об уровне культуры, образования, о сфере социального обслуживания, торговле, здравоохранении, в целом сельской инфраструктуре содержатся в информационных материалах, справках, отчетах разных министерств и ведомств. Разные сюжеты общественно-политической жизни села, отчеты о политико-идеологической, агитационной, атеистической работе, сведения об общественных настроениях, выполнении решений партии и правительства во вопросах сельского хозяйства, официальные документы и решения, принятые в рамках реализации государственной аграрной политики, содержатся в фондах Государственного архива современной истории. В составе архивных материалов приведены как официальные документы органов власти (отчеты, доклады, инструкции, приказы), так и документы, идущие непосредственно из среды крестьян (заявления, просьбы, протоколы собраний, приговоры, постановления). Большинство фольклорных материалов извлечено из фондов научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук. Совокупность данных о материальной культуре, традиционной куль-

туре, изменениях быта и образа жизни сельского населения Чувашии содержится в материалах комплексных экспедиций, проведённых в 1933, 1960, 1970 и 1980 гг. сотрудниками Чувашского государственного института гуманитарных наук. Во время экспедиций собраны уникальные сведения по 21 населенному пункту, представлявшим все административные районы Чувашии, о динамике культуры и быта сельского населения Чувашии за 50 лет. Обследование такого уровня и такой периодичности не имеет аналогов в регионе. Часть собранного материала нашла отражение в научных трудах, большая часть хранится в научном архиве института²⁷.

Источниковая база расширилась в связи с изданием специализированных сборников материалов, документов, очерков, воспоминаний с содержательной информацией по разным сферам истории народного хозяйства, культуры, общества²⁸. Для более глубокого понимания крестьянского вопроса, проблемы исторического развития российского крестьянства (в том числе и чувашского), его особенностей, философской, духовно-нравственной, этической ситуаций, важно обращение к произведениям художественной литературы и публицистики, в которых ставятся острополемические вопросы данной тематики. Таких работ в отечественной литературе, в том числе представленных так называемой «деревенской прозой», немало, есть они в республике. Но, как отмечал известный журналист и автор злободневных публицистических статей А.П. Леонтьев в 1992 г., «и в начале перестройки еще не нашлось среди чувашских литераторов желающих написать правду о тех годах, и это заставляет задуматься»²⁹. На наш взгляд, для писателей, как и для ряда художников Чувашии, более характерно воспевание, возвышение земледельческого труда, стремление духовно-нравственный облик чувашского народа представлять прежде всего в образе крестьянства. По крайней мере, для автора данной книги они послужили неким образцом, особенно при освещении крестьянской жизни в целом. Прежде всего это размышления П. Хузангая, Я. Ухсяя, А. Воробьева, Г. Айги, А. Миттова, А. Рыбкина, П. Петрова, публицистика А. Леонтьева, И. Федотова, В. Погильдякова. Заметным событием являлись произведения А. Артемьева, А. Емельянова, В. Алендея, Л. Таллерова, Ю. Скворцова, А. Тарасова и др. И.П. Прокопьев, много лет руководивший республикой, назвал это явление «традиционным восприятием земледельческого образа жизни жителей республики»³⁰.

Таким образом, имеющийся корпус источников обеспечивал документальную базу для исследования заявленной нами темы «Крестьянство Чувашии: хозяйство, социальное развитие и повседневный быт», позволил раскрыть достаточно полно многие ее аспекты. Часть сюжетов нуждается в дальнейшем изучении, по мере расширения ис-

точниковедческой базы и накопления фактического материала. Книга состоит из введения, пяти глав, заключения и приложений.

Автор выражает глубокую благодарность научному редактору И.И. Бойко, редактору Т.Н. Таймасовой, рецензентам, сотрудникам отдела истории ЧГИГН, архивных учреждений республики, работникам научного архива и научной библиотеки института за помощь в исследовании темы и подготовке данного издания. В книге использованы фотоматериалы из фондов научного архива ЧГИГН, Чувашского книжного издательства, личных архивов И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Н.Н. Осипова, Л.А. Афанасьевой.

Литература, источники и примечания

¹Ланциков А.П., Салуцкий А.С. Крестьянский вопрос вчера и сегодня. М.: Современник, 1990. С. 280.

²История советской деревни (1917–1977 гг.): указатель литературы (1968–1977 гг.) / АН СССР, Ин-т истории СССР. Вып. 2. 1985. 226 с.; Вып. 3. 1987. 140 с.

³Волков И.М. Сельское хозяйство СССР в послевоенные годы // Проблемы истории современной советской деревни, 1946–1973 гг. М.: Наука, 1975. С. 102–129; *Его же*. Деревня в СССР в 1945–1953 годах в новейших исследованиях историков // Отечественная история. 2000. № 6. С. 115–124; Сельское хозяйство и крестьянство СССР в современной советской историографии. Кишинев: Штиинца, 1977. 214 с.; Аграрная история советского общества / И.М. Волков, В.П. Дмитренко, И.Е. Зеленин, В.В. Кабанов // Изучение отечественной истории в СССР между XXV–XXVI съездами КПСС. М.: Наука, 1982. С. 140–171; *Данилов В.П.* Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства. М.: АН СССР, 1969. 147 с.; *Погудин В.И.* Путь советского крестьянства к социализму: историографический очерк. М.: Мысль, 1975. 276 с.; *Поляков Ю.А.* Некоторые вопросы историографии переходного периода от капитализма к социализму: итоги и проблемы // История СССР. 1982. № 5. С. 102–109; *Чинчиков А.М.* Советская историография социалистических преобразований сельского хозяйства СССР (1917–1969 гг.). М.: Мысль, 1971. 221 с.; Аграрная история XX века: историография и источники / под общ. ред. П.С. Кабытова. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2014. 486 с.

⁴Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда: Русь, 2001. 428 с.; Землевладение и землепользование (социально-правовые аспекты): Доклады и сообщения XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2003. 464 с.; Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. XXX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений, Тула, 19–23 сентября 2006 г. М.: ИРИ РАН, 2006. 144 с.; Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования: Материалы XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань: Рязан. гос. ун-т, 2012. 406 с.; URL: <http://sites.google.com/site/sahee1958/>.

⁵История крестьянства СССР: История советского крестьянства: в 5 т. М.: Наука, 1986–1988. Т. 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов. 1988. 395 с.; История крестьянства Сибири. Т. 5: Крестьянство и сельское хозяйство Сибири, 1960–

1980-е гг. / под ред. Н.Я. Гущина. Новосибирск, 1991. 493 с.; История советского крестьянства Мордовии: в 2 ч. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987—1989. Ч. 2. 224 с.; Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии: в 2 ч. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989—1990. Ч. 1. 301 с.; Ч. 2. 254 с.; Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья: советский период. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. 208 с.

⁶ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке: избранные труды: в 2 ч. М.: Росспэн, 2011. Ч. 1. 861 с.; Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е годы. М.: ИРИ РАН, 1996. 216 с.; Денисевич М.Н. Индивидуальное хозяйство на Урале (1930—1985 гг.). Екатеринбург: УрО АН СССР, 1991. 196 с.; Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву, середина 40-х — начало 60-х гг. М.: Наука, 1992. 222 с.; Зеленин И.Е. Крестьянство и власть в СССР после «революции сверху» // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 14—31; Его же. Аграрная политика Н.С. Хрущёва и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 76—93; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы, 1945—1964. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1993. 198 с.; Мотревич В.П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941—1950 гг.). Екатеринбург: Наука, 1993. 307 с.; Попов В.П. Крестьянство и государство (1945—1953). Париж: YMCA-Press, 1992. 299 с.; Симуш П.И. Мир таинственный: Размышления о крестьянстве. М.: Политиздат, 1991. 255 с.

⁷ Волгер И. Миф о семейной ферме: господство агробизнеса в сельском хозяйстве Соединенных Штатов // Отечественная история. 1998. № 1. С. 118—139; Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин. М.: Прогресс, Прогресс — Академия, 1992. 432 с.; Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.): материалы международной конференции. М.: Росспэн, 1996. 440 с.; Новый мир истории России: форум российских и японских исследователей. М.: Агро-XX, 2001. 592 с.; Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1992. № 5. С. 3—31; Михайлова Р.В. Духовность крестьянства России XX века (социально-философский анализ). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. 222 с.; Зотова О.И., Новикова В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства: прошлое и настоящее. М.: Наука, 1983. 168 с.; Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения (методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности). Новосибирск: Наука, 1979. 352 с.; Большакова А.Ю. Крестьянская Россия в отечественной и западной русистике 1980—90-х годов: к проблеме межнациональных архетипов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М.: ИРИ РАН, 2002. Вып. 2. С. 307—324.

⁸ Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии (реферат) // Отечественная история. 1992. № 5. С. 6.

⁹ Милосердов В.В. Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее: в 3 ч. Ч. 1. Исторические этапы крестьянского вопроса в России. М.: ГУП «Агропресс», 1999. 255 с.; Ч. 2. Российское крестьянство на грани веков. 1999. 306 с.; Его же. Крестьянство России в глобальном мире. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009. 392 с.; Лысенко Е.Г. Подсобные хозяйства России за 100 лет: история, теория, практика. М.: Россельхозакадемия, 2002. 338 с.; Калугина Э.И. Личное подсобное хозяйство в СССР: социальные регуляторы и результаты развития. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.; Её же. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001. 2-е изд. 196 с.; Киркорова Л.А. Методология развития аграрных отношений и эволюция крестьянского двора в России. Великий Новгород: Новгор. гос. ун-т, 2007. 183 с.; Староверов В.И. Сельская социология. М.: ИСПИ, 2003. 259 с.; Его же. Раскрестьянивание: социолого-политологический анализ // Социс. 2010. №4. С. 24—32; Тощенко Ж.Т. Парадоксаль-

ный человек. М.: Гардарики, 2001. 398 с.; Назаренко В.И. Россия и зарубежные страны: модели аграрной политики. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 476 с.

¹⁰ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950–1965. М.; Вологда, 1991. 256 с.; Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96–111; Их же. История крестьянства Европейского Севера России в XX веке: итоги и проблемы изучения // Вестник РГНФ. 2003. № 1. С. 30–40; Их же. Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930–1980-х годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 94–120.

¹¹ Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения: сб. научных статей. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. 160 с.; Региональные проблемы аграрной реформы в России / Л.А. Александрова, Н.А. Киреева, В.В. Кирсанов [и др.]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 293 с.; Проблемы истории марийской деревни XX века. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. 154 с.; Павлов Н.П. Крестьянство Удмуртии, 1946–1970: историко-социологические очерки. Ижевск, 1975. 244 с.; Рыбаков А.Г. Крестьянское хозяйство: историко-социологический аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 95 с.; Истомин В.Г. Общественно-политическая жизнь крестьянства Сибири (1959–1975 гг.). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 181 с.; Социальная эволюция крестьянства в 60–80-е годы: (на материалах областей Поволжья) / В.М. Долгов, А.А. Вилков, И.Ю. Михайловский, Р.А. Москвитина; под ред. В.М. Долгова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 110 с.; Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории / под ред. М.А. Безнина. Вологда: Изд-во ВГПИУ «Русь», 2000. 141 с.; Галлямова А.Г. История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х — первая половина 1980-х гг.). Казань: Магариф, 2010. 223 с.

¹² Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: сб. материалов VI Региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2002. 461 с.; Крестьянство и власть Среднего Поволжья: Материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск, 2004. 543 с.; Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. М.: ИНИОН РАН, 2005. 594 с.; Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: Материалы I Всероссийской (IX Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Самара: Самар. ун-т, 2007. 496 с.; Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: Материалы III Всероссийской (XI Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Ижевск: Удм. ун-т, 2010. 546 с.; Хозяйствующие субъекты аграрного сектора России: история, экономика, право: сб. материалов IV Всероссийской (XII Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Казань: Ин-т татарской энциклопедии, 2012. 596 с.; Российская деревня: социально-экономическая история и современность: сб. материалов VI Всероссийской (XIV Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Ульяновск, 2016. 430 с.

¹³ Федченко М.Н. Повседневная жизнь советского человека (1945–1991 гг.): монография. Курган: Изд-во Кург. гос. ун-та (КГУ), 2009. 231 с.; Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом. гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2010. 317 с.; Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125–132; Сенявский А.С. Трансформация российского общества в XIX–XX вв. и личные модели поведения // Человек и личность как предмет исторического исследования. СПб., 2010. С. 24–40;

Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М.: Аграф, 2001. 427 с.; *Его же.* Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М.: Ломоносовъ, 2011. 69 с.; *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву, середина 40-х — начало 60-х гг. М.: Наука, 1992. 222 с.; *Ее же.* Российская деревня в 1945—1959 гг.: (историко-демографический аспект) // Этот противоречивый XX век. М.: Росспэн, 2001. С. 298—316; *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945—1953. М.: Росспэн, 1999. 229 с.; *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953 г.): сб. документов. М.: Прометей, 1993. 204 с.; Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова; Московская высшая школа социальных и экономических наук. М.: Росспэн, 2002. 592 с.; *Фципатрик Ш.* Сталинские крестьяне: Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. М.: Росспэн, 2001. 422 с.; *Ее же.* Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. 2-е изд. М.: Росспэн: Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 336 с.; *Иванова Г.М.* На пороге «государства всеобщего благоденствия»: Социальная политика в СССР (середина 1950-х — начало 1970-х годов). М.: ИРИ РАН, 2011. 284 с.

¹⁴ *Соколов А.К.* Социальная история России Новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история: ежегодник. М.: Росспэн, 1999. С. 39—76; Человек в российской повседневности: сб. научных статей / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: СТИ МГУ сервиса, 2001. 259 с.; *Козлова Н.* Советские люди: сцены из истории. М.: Европа, 2005. 527 с.; *Кознова И.Е.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: ИФ РАН, 2000. 207 с.

¹⁵ Крестьянство и власть в истории России XX века: сб. научных статей Международного круглого стола, Москва, 12 ноября 2010 г. / журнал «Власть», Институт социологии РАН; под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: ООО «АПР», 2011. 472 с.; Сталинизм и крестьянство: сб. научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: Изд-во Ипполитова, 2014. 764 с.

¹⁶ Крестьянство и власть Среднего Поволжья: Материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск, 2004. 543 с.; Государственная власть и крестьянство в XX — начале XXI века: сб. статей. Ч. 1. Коломна: Колом. гос. пед. ин-т, 2007. 624 с.; *Безнин М.А., Димони Т.М.* Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). М.: Росспэн, 1996. С. 156—167; *Их же.* Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. №3. С. 81—99; *Ломшин В.А.* Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946—середина 1950-х гг.). Саранск: НИИГН при Правительстве Республики Мордовия, 2008; *Роголина Н.Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. 230 с.

¹⁷ *Задкова Т.Ю.* Колхозная деревня Мордовии в условиях «оттепели» (1953—1964). Саранск: НИИГН при Правительстве Республики Мордовия, 2010. 272 с.; *Рыбалка В.И.* Марийская деревня (1946—1965 гг.): материальное положение колхозного крестьянства и культурно-просветительная работа. Йошкар-Ола: [б.и.], 2002. 260 с.; Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири, конец 1920-х — 1980-е годы / под ред. В.А. Ильиных. Новосибирск, 2001. 188 с.; *Костяшов Ю.В.* Повседневность послевоенной деревни: Из истории переселенческих колхозов Калининградской области, 1946—1953 гг. М.: Полит. энциклопедия, 2015. 263 с.; *Изюмова Л.В.* Колхозный социум 1930—1960-х гг.: социальная трансформация, идентификация и престиж // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 16. № 59. С. 103—118; *Безнин М.А., Ди-*

мони Т.М. Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда: Легия, 2008. 56 с.; *Надькин Т.Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: Росспэн: фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 311 с.

¹⁸ *Виноградский В.Г.* Российский крестьянский двор // Мир России. 1996. № 3. С. 1–76; *Никитина Г.А.* Социально-психологический автопортрет современных удмуртов: к вопросу о специфике национального характера // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности и 400-летию освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (Чебоксары, 8–9 ноября 2012 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 8–16; *Захарова А.Н.* Особенности «советского» и «постсоветского» менталитетов, оказывающих влияние на экономическое поведение населения в условиях социальной трансформации российского общества // Там же. С. 125–129; *Иванов В.П.* О роли традиционных ментальных ценностей чувашей в современных социально-политических процессах в Чувашской Республике // Там же. С. 129–137.

¹⁹ История Чувашской Республики: библиографический указатель. Чебоксары, 1996. С. 267–268, 270–274, 281–307.

²⁰ Там же. С. 314–326.

²¹ Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии: в 2 ч. Чебоксары, 1989–1990.

²² *Староверов В.И., Петров А.П., Ильин И.Е.* Социальный портрет сельской Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. 176 с.; История Чувашии Новейшего времени: в 2 кн. Кн. 2: 1945–2005. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 398 с.

²³ Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году земледельца в Чувашской Республике: в 2 ч. Чебоксары: ЧКИ РУК, ЧГИГН, 2010. Ч. 1. 400 с.; Ч. 2. 535 с.

²⁴ *Нестерова Н.В.* Личное подсобное хозяйство как малая форма организации аграрного производства в регионе: автореф. дис. ... канд. экономич. наук. Чебоксары, 2010. 22 с.; *Лаврова А.П.* Трансформация социально-экономических функций личных подсобных хозяйств населения: на примере Чувашской Республики: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. СПб., 2012. 23 с.; *Харитонов В.Г.* Трансформация крестьянских хозяйств Чувашии в 1930–2008 годах: этапы и некоторые итоги // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. статей. Вып. 5. Чебоксары, 2012. С. 168–184.

²⁵ Чуваши: этнографическое исследование: в 2 ч. Ч. 1: Материальная культура. Чебоксары, 1956. 415 с.; Ч. 2. Духовная культура. Чебоксары, 1970. 307 с.; *Иванов Л.А.* Современный быт и культура сельского чувашского населения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1973. 124 с.; Семейный быт народов СССР. М.: Наука, 1990. 520 с.; Чуваши: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. 240 с.; Чуваши: история и культура: историко-этнографическое исследование: в 2 т. / под ред. В.П. Иванова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. 415 с.; Т. 2. 335 с.; *Иванов В.П.* Проблемы этнографии чувашского народа: избранные труды. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2012. 668 с.

²⁶ *Пинаева Д.А.* Колхозное крестьянство Чувашии в 1953–1985 гг.: исторический опыт и уроки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2008. 23 с.

²⁷ *Кузнецов И.Д., Фокин П.П.* Первая комплексная экспедиция по изучению сельского населения Советской Чувашии // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР: сб. статей /

ЧНИИ. Чебоксары, 1982. С. 139–156; Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии (По материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.) / Л.А. Иванов, И.Д. Кузнецов, П.А. Сидоров, П.П. Фокин // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 45–93; НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 419; Отд. III. Ед. хр. 393.

²⁸ Мартынов Г.А. Записки агронома. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. 114 с.; Потребительская кооперация Чувашии (1920–2000): документы и материалы. Воспоминания и статьи, фотографии / ЦГА Чувашской Республики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2000. 431 с.; История торговли Чувашии: сб. материалов, документов, воспоминаний. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2009. 531 с.; Денежная реформа в СССР 1947 года: документы и материалы. М.: Росспэн, 2010. 791 с.; Чувашская областная организация КПСС: хроника, 1898–1991: в 2 кн. Кн. 2 (1956–1991). Чебоксары, 2007. 656 с.; Прокопьев И.П. По зову сердца: сб. статей. Чебоксары: [б.и.], 1998. 206 с.; *Его же*. Во имя народа: сб. статей и очерков. Чебоксары: Чувашия, 2001. 191 с.; Леонтьев А.П. Публицистика разных лет: в 3 кн. Кн. 1. Борец и наблюдатель. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 347 с.; Кн. 2. Трагическое наследие. 2012. 287 с.; Работники сельского хозяйства: очерки: иллюстрированное издание. Т. 11. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 366 с.

²⁹ Леонтьев А.П. Трагическое наследие: публицистика разных лет. Кн. 2. С. 93–95, 179–229.

³⁰ Прокопьев И.П. По зову сердца. С. 28.

Глава 1

Сельское население Чувашии в 1946–1990 гг.:

численность, расселение, социально-демографическая характеристика, трудовые ресурсы

1.1. Численность, расселение сельских жителей Чувашии

Сельское хозяйство и крестьянство Чувашии являлись и являются одним из определяющих факторов развития республики. Накануне Великой Отечественной войны сельские жители составляли 87,8 % населения республики, естественно, что именно село понесло большие людские потери в годы войны. Около 150 тыс. селян были призваны на защиту Отечества и сражались на фронтах, более 80 тыс. из них не вернулись к родным очагам¹.

С 1946 г. численность сельского населения начинает возрастать. Этот рост продолжался до 1949 г., происходил он в основном за счет возвращения демобилизованных воинов Красной армии и увеличения рождаемости. В 1946 г. рождаемость населения в целом по СССР увеличилась по сравнению с 1945 г. на 57,7 %, в Чувашской АССР — на 89,9 %. Чувашия входила в группу республик с высокой рождаемостью, в 1948 г. переходит по этому показателю в среднюю группу². В дальнейшем наблюдается снижение показателей рождаемости в республике. Если за 1940–1960 гг. уровень рождаемости уменьшился на 14,9 %, то за 1960–1970-е гг. — на 40,8 %. В 1940 г. на 1000 чел. населения в республике приходилось 36,1 родившихся, в 1950 г. — 29,6; в 1960 г. — 30,7; в 1970 г. — 18,3; в 1980 г. — 17,3; в 1990 г. — 15,8³. При этом в республике показатели рождаемости были выше, чем в среднем в РСФСР и Волго-Вятском районе. В 1950–1960 гг. естественный прирост населения составлял в среднем за год 20,9 %, в 1960–1970 гг. — 13 %, в 1970–1976 гг. — 8,7 %. Существовали значительные различия в динамике естественного при-

роста городского и сельского населения, в сельской местности он сокращался более быстрыми темпами, тогда как в городах почти не изменился⁴. На 1 января 1992 г. коэффициент естественного прироста населения в Чувашии составил 4,2; в Российской Федерации — 0,7; в Нечерноземной зоне — минус 1,8. Естественный прирост в республике был выше, чем во многих регионах Нечерноземья, более высокие показатели были зафиксированы в Республике Коми (4,7)⁵.

В целом в рассматриваемый период в республике наблюдается сокращение численности сельского населения и снижение его удельного веса в социальной структуре общества (см. табл. 1.1)⁶.

Таблица 1.1

**Численность населения Чувашии
(по данным переписей населения)**

	Все население, тыс. чел.	Городское население, тыс. чел.	Сельское население, тыс. чел.	Городское население, в % от общей численности	Сельское население, в % от общей численности
1939 (на 17 января)	1078,1	131,3	946,8	12,2	87,8
1959 (на 15 января)	1098,2	255,7	842,5	23,3	76,7
1970 (на 15 января)	1228,8	435,9	792,9	35,5	64,5
1979 (на 17 января)	1298,7	591,4	707,3	45,5	54,5
1989 (на 12 января)	1338	771	567	57,6	42,1

По данным переписи 1959 г., сельское население в республике составляло 76,7 %, в Волго-Вятском регионе — 61,0 %, в РСФСР — 48,0 %⁷. На начало 1965 г. 70,9 % населения Чувашии было сельским, в целом по СССР сложилась следующая ситуация: городское население составило 53 %, а сельское — 47 %, соотношение изменилось в пользу города⁸. В 1970 г. сельское население республики насчитывало 792,9 тыс. чел. (64,5 %), в 1975 г. — 741,0 тыс. чел. (58,8 %). С 1959 по 1979 г. произошло уменьшение сельского населения на 135,2 тыс. чел. На начало 1981 г. численность сельского населения Чувашии составила 669,6 тыс. чел., на 1 января 1986 г. на селе проживало 583 тыс. чел., по сравнению с 1979 г. население сократилось на 124,3 тыс. чел.⁹ По данным переписи 1989 г., сельское население Чувашии составило 567 тыс. чел., или 42,1 %, в Российской Федерации — 26,4 %, в Нечерноземной зоне — 19,6 %, в Волго-Вятском регионе — 31,1 %¹⁰. В 1990 г. на селе проживало 546,1 тыс. чел.¹¹

Одновременно с начала 1970-х гг. в Чувашии высокими темпами шёл процесс урбанизации. В целом население республики за 1970–1979 гг. увеличилось на 68,8 тыс. чел. (5,6 %), а городское население — на 157,5 тыс. чел. (36,1 %), в том числе за счет естественного прироста в городах — на 59,8 тыс. чел., за счет перевода некоторых населенных пунктов в состав городских и переезда сельских жителей в города — на 97,7 тыс. чел. Естественный прирост в сельской местности в 1970–1978 гг. составил 36 тыс. чел., однако численность сельского населения уменьшилась на 88,7 тыс. чел. (11,3 %) ¹². За 1979–1989 гг. городское население выросло на 23,2 %, из них около 48 % — за счет естественного прироста, 52 % — за счет миграционного прироста и преобразований сельских населенных пунктов в городские ¹³. С 1979 по 1989 г. миграция из сельской местности в 8 раз превысила естественный прирост на селе ¹⁴. Миграционная убыль населения из села в 1981–1985 гг. составила 68,8 тыс. чел., в 1986–1990 гг. — 65,2 тыс., в 1991 г. — 3,4 тыс. чел. ¹⁵ Перепись 1989 г. впервые выявила превышение численности городских жителей над численностью сельских. В общей численности населения доля сельчан сократилась с 54,5 % в 1979 г. до 42,4 % в 1989 г. ¹⁶

Миграция населения в город в послевоенные годы являлась объективным процессом, вызванным резко увеличившейся потребностью промышленности, строительства и транспорта в рабочей силе. В республике активно возводились промышленные предприятия, сельские жители пополняли ряды строителей и рабочих ¹⁷. С другой стороны, шло высвобождение части трудовых ресурсов села. Пополнение рабочего класса за счет сельского населения осуществлялось двумя путями: через государственную систему организованного набора рабочих и ухода части населения из колхозов самостоятельно. С 1947 г. набор рабочих в республике проводился Чувашской республиканской конторой организованного набора рабочих, с мая 1953 г. был создан отдел организованного набора рабочих в Совете министров Чувашской АССР ¹⁸. В республике ежегодно набиралось в среднем 8–9 тыс. чел. для постоянной работы в промышленном производстве, и среди них преобладали сельские жители. Одновременно селяне привлекались по оргнабору для участия в сезонных работах, лесозаготовках и торфоразработках, строительстве дорог. Так, по плану набора постоянных и сезонных рабочих в разные отрасли народного хозяйства страны в 1955 г. предусматривалось направление 27 315 чел. из Чувашии, что составляло 9 % от общего числа трудоспособных в колхозах республики ¹⁹. Среди сельских жителей, выезжающих на лесозаготовки и особенно на торфоразработки, было немало женщин, в том числе незамужних. Часть девушек соглашалась на эти работы по личным причинам (накопить средства на приданое, помочь семье), но многие из них направлялись в добровольно-принудительном порядке. Колхозница

Батыревского района М. Федорова в течение 5 лет (с 1943 г.) выезжала на торфоразработки в Ивановскую область. По ее воспоминаниям, работали они с марта по ноябрь, жили в бараках по 30—40 человек, а в зимние месяцы трудились в родном хозяйстве. Обычно колхоз снаряжал подводу для проводов работников до районных центров. М. Федорова отмечает, что они «чувствовали себя солдатами, призванными на службу, всю дорогу пели грустные песни». В народе сложился корпус песен о трудной судьбе, в них описывается несчастная доля, необходимость уехать в незнакомые места, жить вдали от родственников²⁰.

Часть трудоспособного населения, проживающая в колхозах и числящаяся колхозниками, работала в транспортной отрасли, сфере строительства, промышленном производстве. В целом по стране в первые послевоенные годы (1946—1958 г.) отходники

составляли от 5 до 7 %, в Чувашии от 8 до 11 % от общего числа трудоспособных сельчан. Более высокая доля отходников в республике обусловлена отчасти большим количеством экономически слабых хозяйств, из которых уход на работу в другие отрасли народного хозяйства был более распространенным, и избытком рабочих рук, особенно в южных районах Чувашии. Характерным этот процесс являлся для жителей пригородных поселений. В 1951 г. из наличных трудоспособных членов колхоза «Дружба» Чебоксарского района около 21 % работали на транспорте, в промышленности, но проживали в колхозах. В 1961 г. в колхозе «Коммунизм» того же района в другие отрасли народного хозяйства было отпущено 129 чел., учились с отрывом от производ-

Совет народного хозяйства
экономического административного района

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРУДОВОЙ ДОГОВОР

о работе на торфопредприятиях и торфостроительстве

Гражданин(ка) Осипова Евдокия Федоровна
(фамилия, имя и отчество)

Год рождения 1938 Член колхоза «Дружба»

Сельсовета Батарецкого района Батыревского
республики (области) Чувашской АССР

паспорт серия Л № 123456789, выданный 10/03/61 (указать день и год выдачи)

с одной стороны и Гандриловской М/р-ш (указать наименование торфопредприятия, торфостроительства)

в лице Гандриловской М/р-ш (указать наименование торфопредприятия, торфостроительства)
директора торфопредприятия, начальника торфостроительства на
уполномоченного уполномоченного

Гандриловской М/р-ш (фамилия, имя и отчество) Григорьевич

именуемого в дальнейшем торфопредприятие торфостроительство, с другой стороны, заключили настоящий трудовой договор в следующем:

I. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА РАБОЧЕГО

Гражданин(ка) Осипова Евдокия Федоровна обязуется:

1. Проработать на Гандриловской М/р-ш (наименование торфопредприятия, торфостроительства)

а) осенне-зимний период с 1 по 1 1961 г. в качестве на доборе, сушке и уборке торфа (указать наименование работы)

б) в сезонный период с 1 по 1 1961 г. в качестве на доборе, сушке и уборке торфа (указать наименование работы)

2. Прибыть на сборный пункт отправки для проезда по железнодорожному или водному транспорту к месту работы в сроки, устанавливаемые торфопредприятием (торфостроительством).

3. Честно и добросовестно выполнять порученную работу, оберегать социалистическую собственность, бережно относиться к выданному на руки инструменту, обслуживаемому оборудованию и спецоснастке, строго соблюдать трудовую дисциплину, выполнять правила внутреннего распорядка на производстве и в общежитиях, выполнять распоряжения администрации.

Индивидуальный трудовой договор о работе на торфопредприятиях Осиповой Евдокии Федоровны. 1-я страница. 1961 г.

ства — 63 чел., 29 % от общего числа трудоспособных членов колхоза работали постоянно в промышленности и на транспорте. В 1970–1985 гг. в предприятиях промышленности, на транспорте и в межхозяйственных объединениях ежегодно трудились более 30 тыс. населения с постоянным местом жительства в колхозах, что составляло от 16 до 20 % от общего числа трудоспособных членов колхозов²¹.

Изменение численности сельского населения было связано также с организованным переселением жителей в другие районы страны. Чувашия оставалась одним из густонаселенных регионов с преобладающим сельским населением. По плотности населения она занимала 3-е место в РСФСР после Московской и Тульской областей. В 1959 г. на одного трудоспособного колхозника в республике приходилось в

среднем 2,8 га земли, а в некоторых районах заметно ниже: в Красночетайском и Шумерлинском — 1,8 га, в Первомайском — 2,2; в Мариинско-Посадском — 2,3 га²². Переселялись жители Чувашии в Саратовскую, Сахалинскую, Читинскую, Архангельскую, Крымскую области, Карело-Финскую ССР, Красноярский, Хабаровский края и др. Для них предусматривались существенные льготы: списание задолженностей по обязательным поставкам сельскохозяйственных продуктов, налогов, страховых платежей; освобождение от налогов на новом месте сроком до двух-трех лет; бесплатный проезд на новое место и медицинское обслуживание в пути; выдача безвозвратного денежного пособия, кредитов на обустройство; в сельской местности выделение приуса-

Чувашская АССР
Батыревский р.и

26. Адреса сторон: _____

а) рабочий № 1/о Наршим д. Турьевского

б) торфопредприятия (торфостроительства) Владимирская обл. Юва-Хрустальский р.и, Ткачково-Сосновский т.п.п.

Подпись: _____

Рабочий Осипова

Директор торфопредприятия _____

Начальник торфостроительства _____

Уполномоченный _____

22 февраля 1961 года

Настоящий трудовой договор зарегистрирован в правлении колхоза _____

сельсовета _____

района _____ республике (области) _____

2 марта 1961

Президент правления колхоза _____

Печать _____ Подпись _____

СПРАВКА

Гражданин(ка) Осипова Евдокия Федоровна

(фамилия, имя и отчество полностью)

прошел медицинский осмотр при _____

_____ (имя фамилия, должность)

_____ (полное наименование больницы, амбулатории или здравпункта)

19 _____ Противопоказаний для работы на _____

торфопредприятии _____ в качестве _____

торфостроительства _____

Врачи больницы (амбулатории) _____

Печать _____ Подпись _____

Тел. ГЭИ. 2032 — 100 000

Индивидуальный трудовой договор о работе на торфопредприятии Осиповой Евдокии Федоровны. 4-я страница. 1961 г.

дебного участка и др. В 1946—1948 гг. семьи колхозников из Чувашии переселялись преимущественно в Калининградскую область, где были организованы чувашские сельскохозяйственные артели. Направлялись туда также специалисты и руководящие работники для организации и налаживания работы вновь созданных колхозов. Уже в августе — октябре 1946 г., согласно постановлению Совета министров СССР, предусматривалось переселить в сельскую местность Калининградской области на добровольных началах 12 тыс. семей колхозников из 23 автономных республик и областей РСФСР, а также из Белоруссии. В 1946—1949 гг. жители Чувашии составили основной костяк сельского населения Полесского (тогда Лабиауского) района Калининградской области²³. Среди переселенцев преобладали семьи колхозников. Основным требованием к переселенцам являлось наличие в семье не менее двух трудоспособных членов. Председатели и правления колхозов не имели права задерживать переселяющихся. В противном случае представители промышленных предприятий и инспектора переселенческих отделов обращались в райкомы партии и райисполкомы с жалобой на председателей колхозов. Обычно вопрос решался не в пользу колхозов²⁴. В 1950 г. началась переселенческая кампания в Молотовскую область (ныне Пермский край). По данным пе-

Чувашские женщины. Деревня Малые Кусты Куединского района.
Середина XX в.

реселенческого отдела Молотовского облисполкома, в период с 1951 по 1955 год в область прибыли 7872 чуваша. Мигранты расселились в развивающихся промышленных городах, леспромхозах, значительная часть поселилась в сельских районах. Переселенческая политика 1950-х гг. привела к значительному миграционному притоку чувашского населения в Пермское

Прикамье. Основной причиной переселения являлось не столько предоставление государственных льгот, сколько социально-экономические трудности, переживаемые сельским населением Чувашии в послевоенные годы. Переселенцы обосновывали своё решение о смене места жительства рядом мотивов: «Трудно было очень жить там, здесь лучше было»; «Шибко мы плохо жили там, а потом думали, думали. Давай сюда поедем, раз родня здесь, родня сюда приехала» (д. Дойная Куединского района); «Плохо мы там жили, дров нет, леса нет» (д. Нижний Тымбай Куединского района); «Уехали потому, что в деревне Нижнее Кляшево не было работы, а в район Ибреси специально приезжали вербовщики, ходили по домам и обещали, что тем, кто поедет, предоставят льготы» (с. Большие Кусты Куединского района)²⁵. В песенном фольклоре чувашей особое место занимают песни переселенцев²⁶.

На динамике численности сельского населения сказывался уход значительной части молодежи на учебу в город. Этот процесс усилился с середины 1950-х гг. В 1958 г. в различных учебных заведениях с отрывом от производства обучались 6,6 тыс. трудоспособных членов колхозов²⁷. Из года в год эта тенденция возрастала. Например, в 1976 г. почти 90 % переселенцев из села были граждане трудоспособного возраста, из них более 80 % — молодежь в возрасте до 30 лет²⁸. По данным социологического исследования «Социальная структура и образ жизни сельского населения Чувашской АССР», проведенного в марте — апреле 1980 г., в 1975–1979 гг. 85,1 % выбывших из обследованных деревень составили граждане трудоспособного возраста, преимущественно молодежь (65,7 %)²⁹. По данным 1991 г., 72,8 % сельских жителей переезжали в город в связи с учебой, 11,7 % — по семейным обстоятельствам, 10,9 % — в связи с переменой места работы, 5,5 % — из-за неустроенности быта³⁰. В целом, для рассматриваемого периода характерно проявление ранее несвойственной для крестьянского хозяйства тенденции «выталкивания» подрастающих детей из крестьянского состояния, что нашло четкое отражение в 70–80-х гг. XX в. в республике. Исследования, проведенные в 1980-х гг. М.Н. Ергачевым в двух пригородных и двух отдаленных от городов и промышленных центров Чувашии хозяйствах, показали, что в основном население предпочитает жить в сельской местности (более 80 % опрошенных). Однако на вопрос «Желаете ли Вы оставить своих детей жить в деревне или хотите, чтобы они переехали в город?» около 70 % родителей ответили, что в будущем хотят видеть своих детей жителями городов³¹. По их мнению, главные причины миграции деревенской молодежи в города — неравномерная загрузка сельчан работой в течение года; неограниченный рабочий день, особенно в сезон полевых работ; низкая заработная плата; недоступность культурных и бытовых услуг, жилищные условия; получение специаль-

ности и др.³² Миграции сельского населения в города с начала 1960-х гг. способствовало также ослабление паспортного режима, хотя сельское население еще не имело права на получение паспортов.

Таким образом, миграция из сел республики обеспечивала вплоть до 1990-х гг. прирост городского населения, начиная с 1989 г. темпы урбанизации снижаются. При общем увеличении численности жителей республики с 1 315,5 тыс. чел. в 1985 г. до 1 346,2 тыс. чел. в 1990 г., в сельской местности численность населения сократилась и составила 546,1 тыс. чел.³³

В рассматриваемые годы изменилось положение сел и деревень республики. В 1946—1949 гг. был изменен статус 33 селений: 3 — ликвидированы; 2 — переименованы; 17 — слились с другими селениями; 10 — переселены; 1 — не упоминается после 1949 г. За 1950—1959 гг. произошли следующие перемены: 3 населенных пункта были переименованы; 14 — слились с другими селениями, из них 5 — слились с городами; 3 — переселены; 9 — не упоминаются в списке. Среди них следующие населенные пункты: Бугровский, Гартровский лесозаводы, Канашский лесхоз, Княжий Яр — пристань, Кожедеиха — пристань, Паршальский лесозавод, Шихранское лесничество. В связи с прекращением производственной деятельности в этих поселениях они прекратили свое существование. С конца 1950-х гг. активно начала проводиться государственная политика по изменению исторически сложившейся системы расселения сельского населения, особенно в Нечерноземье, куда входила и Чувашская АССР. Она выразилась в том, что началось укрупнение сельских населенных пунктов, слияние и переселение некоторых из них в центральные усадьбы колхозов и совхозов. К началу 1960 г. сельские советы и органы местной власти Чувашии совместно с общественными организациями разработали и приняли списки перспективных сельских населенных пунктов. Остальные селения вошли в круг так называемых «неперспективных» деревень. По данным на 1 января 1961 г., в Чувашии насчитывалось 2558 сельских населенных пунктов, в среднем на один населенный пункт приходилось 324 жителя. Из них 30,7 % составили села с населением до 100 жителей; 49,2 % — от 101 до 500 чел.; 14,4 % — от 501 до 1000 чел.; 5,5 % — от 1001 до 3000 чел.; 0,2 % — от 3001 до 5000 чел.; 0,02 % — свыше 5000 чел. Процесс укрупнения сел и деревень и переселения жителей в Чувашии произошел в 1963—1964 гг., в эти годы был решен вопрос об исключении из списка 111 населенных пунктов. В 1946—1980 гг. из списка населенных пунктов было исключено всего 239 деревень (12 % от общего числа): 65 из них ликвидировано в связи с переселением, 174 — слились с другими селениями. Ликвидация малых сельских поселений в республике носила особенно интенсивный характер, по сравнению с другими

областями и автономными республиками, в том числе и из-за высокой плотности населения. К началу 1970-х гг. в селах людностью менее 100 чел. проживало около 5 % населения, более 56 % селян жили в поселениях людностью свыше 500 чел. В среднем на один населенный пункт приходилось более 350 чел. В результате, по таким показателям, как количество дворов и населенность деревни, в Нечерноземье выделились Чувашская и Мордовская АССР (средний размер колхозных деревень — свыше 100 дворов, населенность — 370–410 чел. на один сельский пункт). В целом Нечерноземная зона оставалась малодворной: от 13 до 25 дворов на поселение³⁴. Кроме того, до 1980 г. в Чувашии было утверждено 28 новых поселений. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., сельское население проживало в 1761 населенном пункте. Средний размер селений по численности жителей составлял 402 чел., почти 80 % населения проживали в селах численностью от 201 до 2000 чел³⁵. В 1980 г. по решению Росгразднотра было отменено деление сел на перспективные и неперспективные, в качестве основного направления стало рассматриваться сохранение и развитие существующих сельских населенных пунктов³⁶. Труженики села пытались противостоять реализации политики сселения и ликвидации сельских поселений. Так, известный в республике и всей России председатель колхоза «Знамя труда» Моргаушского района, более 30 лет возглавлявший хозяйство, Герой Социалистического Труда Е.А. Андреев многократно

Е.А. Андреев с колхозницами

выступал против решения о неперспективности малых деревень. Он понимал, что важными для села является подготовка смены хлеборобов из среды молодежи, необходимость создания условий для реализации ими своих способностей. В основу стратегии опоры на молодежь Е.А. Андреев положил мудрую чувашскую поговорку: «Если не удался урожай — на один год горе. Если не удалась дети — на всю жизнь горе». Твёрдую позицию по сохранению «малых родин» занимали в 1946—1990 гг. многие видные организаторы сельскохозяйственного производства³⁷.

В 1965—1990 гг. активно протекал процесс модернизации деревни. Эволюция сельских населенных пунктов (начиная с 1960-х гг. разрабатываются схемы районной планировки и застройки сельских поселений) приводит к тому, что сельское подворье, в первую очередь крестьянский двор, начинает заменяться новым, урбанизированным вариантом, в рамках которого производство продукции сельского хозяйства сводится к минимуму либо полностью прекращается³⁸. По данным переписи 1989 г., в республике насчитывалось 1733 сельских поселения, в основном сельскохозяйственного назначения. Из них 70,7 % относились к категории средних (от 101 до 1000 жителей); 24,4 % — к категории малых (100 и менее жителей); 4,9 % — к категории крупных (свыше 1000 жителей), в 10 пунктах не было зафиксировано жителей³⁹.

По сравнению с другими регионами, в том числе входящими в состав Волго-Вятского экономического района, отток сельского населения Чувашии в города и за пределы республики был менее интенсивным. Но под влиянием социальных, экономических, культурных, социально-демографических, миграционных и других факторов произошло снижение численности сельского населения. Отток населения из сельских районов республики был стихийным, в некоторых из них начался процесс не только механической, но и естественной убыли населения.

1.2. Социально-демографическая характеристика сельского населения

В 1946—1990 гг. произошли изменения не только количественной характеристики сельского населения, но и его структуры, в том числе социальной, социально-профессиональной, возрастной, гендерной, брачно-семейной, национальной, образовательной и др. По данным переписи 1959 г., колхозники составляли 60,3 %, рабочие — 25,3 %, служащие — 13,4 %, крестьяне-единоличники и неоперированные кустари — 1 % от общей численности населения республики⁴⁰. В 1959 г. в структуре сельского населения страны не существовало абсолютного перевеса какой-либо общественной группы, а в Чувашской АССР семьи колхозников составляли около 82 % населения села,

это соотношение сохранилось и к началу 1965 г.⁴¹ В 1970 г., по данным Всесоюзной переписи населения, в Чувашии колхозники составляли 39,5 %, рабочие 43,9 %, служащие 16,3 % от общей численности населения. Среди занятого сельского населения республики преобладали колхозники — 54 % (рабочие — 33,5 %, служащие — 11,7 %) ⁴². В 1970–1979-х гг. изменение социального состава населения Чувашии выразилось в росте доли рабочих — до 54,2 %, доли служащих — до 19,4 %, уменьшении доли колхозников — до 26,3 %. В составе сельского населения также произошел рост доли рабочих до 42,9 %, служащих — до 10,7 %, доля колхозников уменьшилась — до 46,2 %. Преобладание среди сельчан общественной группы колхозников еще сохранялось. Но в общей численности занятого населения произошло сокращение доли колхозников с 31,3 до 18,6 %, занятого сельского населения — с 54 до 38,6 %. В последующие годы процесс снижения удельного веса колхозников в социальном составе населения республики стабилизировался, в 1989 г. он составил 18,3 % ⁴³. По данным переписи 1989 г., в структуре сельского населения рабочие составили 45,1 %, колхозники — 40,1 %, служащие — 14,6 %, в структуре занятого сельского населения — 47,7; 34,3 и 17,9 % соответственно ⁴⁴. Одновременно шел процесс сокращения доли занятых в сельском хозяйстве: с 46 % в 1961 г. до 19,8 % в 1990 г., в 1991 г. в сельском хозяйстве было занято 12,4 % трудоспособного населения ⁴⁵.

Произошли значительные изменения в соотношении трудоспособного населения, в половозрастной структуре. Прирост трудоспособного сельского населения до 1959 г. был выше, чем прирост всего наличного населения общественных хозяйств, однако довоенный уровень не был достигнут. Одновременно увеличилась численность трудоспособного мужского населения, численность женщин не подвергалась резким колебаниям, лишь немного сократилась по сравнению с 1950 г., но женщины оставались главной фигурой на селе, хотя наблюдалась тенденция к уменьшению удельного веса женщин в трудовых ресурсах. По-прежнему значительное место занимали престарелые и подростки. В 1970 г. удельный вес населения трудоспособного возраста в общей численности сельского населения республики составил 43,4 % (52,2 % в 1959 г.). Доля трудоспособного населения в возрасте 20–29 лет также снизилась: с 16,9 % в 1959 г. до 7,5 % в 1970 г. Удельный вес граждан пожилого возраста увеличился до 9,1 % (8,6 % в 1959 г.) ⁴⁶. В дальнейшем происходило повышение уровня занятости населения трудоспособного возраста, в том числе на селе. Численность занятых в народном хозяйстве в 1979 г. составила 50,2 % (652,3 тыс. чел.) населения республики, по сравнению с 1970 г. увеличилась на 17,6 %. На данный процесс оказывало влияние вовлечение в общественное хозяйство лиц, занятых в домашнем и личном подсобном хозяйствах. Так, только

с 1970 по 1979 г. число занятых в личном подсобном хозяйстве сократилось с 12,3 тыс. до 4,4 тыс. (на считая учащихся). Возрастной состав в эти годы был более благоприятным с точки зрения прироста численности трудоспособного населения, его удельный вес возрос с 49,7 до 56,2 %. Несмотря на общий рост численности населения в республике, начиная с 1959 г. наблюдается снижение доли детей и подростков и рост доли населения старше трудоспособного возраста. Разрыв в соотношении мужчин и женщин, более характерный для старших возрастов и вызванный последствиями Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с 1959 по 1989 г. постепенно сокращается⁴⁷. Все изменения в социальном составе сельского населения и интенсивные миграционные процессы из села привели к «старению» жителей: доля лиц старше трудоспособного возраста достигла на конец 1991 г. 26,1 %, среди горожан — 12,7 %⁴⁸. Средний возраст жителей в сельской местности составил в 1979 г. 33,4 года, в 1989 г. — 36,9 года, в городской местности соответственно 29,8 и 30,9 года⁴⁹.

Сокращение сельского населения, процессы миграции наиболее сильно отразились на сельских семьях, прежде всего в сокращении их размеров. На трансформацию типов семей на селе значимое влияние оказала миграция молодежи, начавшаяся в предвоенные годы и усилившаяся во второй половине XX в. Крестьяне многие годы стремились «лучше» устроить своих детей, предпочитая отправлять их в города, в итоге большая часть молодежи проживала именно в них. По данным на 1 января 1991 г., молодежь в возрасте от 15 до 29 лет составляла 18 % от общей численности сельского населения Чувашии⁵⁰. Из-за оттока молодежи естественный процесс превращения малой крестьянской семьи в расширенную становился невозможным. С начала 1960-х гг. отчетливо прослеживается ориентация чувашской сельской семьи на малодетность. В начале XX в. (по данным 1926 г.) менее одной четверти чувашских семей состояли из трех человек, в 1970—1979 гг. — каждая третья. В 1953 г. средний размер сельской семьи был равен 3,7 чел., в 1959 — 4,2 чел., в 1970 — 4,4 чел., в 1979 — 3,9, в 1989 — 3,5 чел.⁵¹ В сельской местности средний размер семьи с 1959 г. по 1970 г. увеличился, но при этом сократилось число семей, что явилось результатом уменьшения общей численности населения.

С 1970-х гг. в чувашском селе начинают преобладать простые (малые) семьи. Наиболее распространенным типом стали семьи, живущие одной брачной парой с детьми или без них. В городах они составляли 65 % (66,2 тыс. семей в 1970 г.), в селах — 50,3 % (85,9 тыс. семей). Значителен был удельный вес семей с одной брачной парой и с одним из родителей супругов и другими родственниками: 14,4 % — в городах; 21,7 % — в селах. Наименьший удельный вес занимали семьи, состоящие из двух или более

брачных пар, с одним из родителей и другими родственниками, — всего 8,5 тыс. семей (3,1%). Большинство таких семей приходилось на сельскую местность, в среднем в них проживало 6,6 чел. По данным 1979 г., 26,6% сельских семей состояли из 2 человек; 20,6% — из 3; 19% из 4; 14,7% из 5 человек. Семьи, в составе которых было 6 и более человек, на селе составили 19,1% от общего их количества, в городах их было в 5 раз меньше⁵².

Людность крестьянского двора зависела от множества факторов, в том числе и от структурного типа семьи. На селе семей колхозников было больше, чем семей рабочих и служащих, размер сельских семей рабочих и служащих был незначительно выше городских. Так, по данным переписи населения 1970 г., наименьший средний размер семьи (3,3 чел.) был отмечен у служащих, наибольший — у колхозников (4,4 чел.), у рабочих он составлял 3,8 человек. Самый большой удельный вес семей из 5 и более человек приходился также на семьи колхозников.

Характерным признаком большинства семей в Чувашии являлась социальная однородность. По национальному составу большинство из них моноэтничные. При общем положительном отношении к межэтническим бракам, в селах национально-смешанных семей было намного меньше, чем в городах. В 1970 г. в городах республики 18,4% семей были национально-смешанными, на селе — 3,7%. Наибольшей средний размер семьи наблюдался у татар (5,1 чел.), наименьший — у русских (3,5 чел.)⁵³. К началу 1990-х гг. данные тенденции стабилизировались, сельская семья мало чем отличалась от городской, но сохранила функцию хранителя и транслятора этнически значимой информации и традиционной культуры.

Во внутрисемейных отношениях сохранились традиционные нормы и стереотипы поведения, прочность брака. За 1966–1976 гг. на селе в среднем на каждые 100 браков было зарегистрировано в 2 раза меньше разводов, чем в городах; в 1990-х гг. число разводов на 1000 человек сельского населения было в 5 раз

Семейная пара с детьми. 1985 г.

ниже, чем среди городского населения⁵⁴. Сельская семья сохранила и развивала обрядовую культуру этноса, духовный мир крестьянского сообщества⁵⁵. Понимая это, многие руководители колхозов республики, лидеры крестьянских сообществ, ставших известными в республике не только производственными показателями, но и истинно бережным отношением к земле, селу и крестьянскому миру, старались сохранить и развивать эти качества. Так, в деятельности В.В. Зайцева, более 35 лет руководившего коллективными хозяйствами республики, в качестве основной стержневой позиции отмечается последовательное воплощение в жизнь завета патриарха русской агрономии И.А. Стебута: «Желаете поддержать нравственность в народе — поддержите семью; желаете сохранить в целостности и здоровье семьи — поддержите деревню и сельское хозяйство»⁵⁶.

Крестьянская семья и крестьянский двор в совокупности составляют основу социальной организации крестьянства, сельских жителей. В рассматриваемые годы снижение рождаемости, планирование семьи, социально-экономические условия привели к уменьшению людности семьи. В результате общего изменения строя жизни города и деревни, связанного с индустриализацией и коллективизацией, урбанизацией и миграцией, ростом уровня культуры, происходит непрерывный процесс разрушения традиционной семьи не только в городе, но и в деревне. За короткое время расширенную многопоколенную семью, включавшую в себя также и боковые родственные ветви, замени-

Председатель колхоза «Победа» Яльчикского района, Герой Социалистического Труда В.В. Зайцев с колхозницами провожает доярку М. Иванову на Выставку достижений народного хозяйства. 1956 г.

ла малодетная семья нуклеарного типа, состоящая из супружеской пары и детей. Большая традиционная семья потеряла свой социально-экономический смысл⁵⁷. Но в то же время в республике имелись особенности. На протяжении всего рассматриваемого периода семьи колхозников в Чувашии составляли большинство в

структуре сельского населения республики, что наложило определенный отпечаток на развитие сельских семей, сдерживая темпы их трансформации.

Сельские жители, составлявшие вплоть до середины 1980-х гг. большинство населения республики, отличались устойчивым национальным составом. По состоянию на 1959 г. 85 % сельских населенных пунктов республики были чувашские, 10 % — русские, остальные 5 % составляли татарские и мордовские, а также селения с этнически смешанным населением. К концу XX в. (1989 г.) доля сельских населенных пунктов с численно преобладающим чувашским населением увеличилась и достигла 91,2 %. Большинство в этническом составе сельского населения республики, по данным 1989 г., составляли чуваша — 85,5 %, русские составляли 8,5 %, татары — 3,8 %, мордва — 1,7 %, другие национальности — 0,5 %⁵⁸.

Значительные изменения произошли в образовательном уровне сельского населения Чувашии. Динамику изменения уровня образования можно проследить по данным переписей населения. За 1959–1989 гг. число лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием на 1000 человек населения на селе выросло в 1,9 раза, среди занятого сельского населения — в 2,2 раза. В эти годы продолжилось сближение уровня образования городского и сельского населения, а уровень образования работающих мужчин и женщин на селе стал практически одинаков. Наиболее высокий уровень образования имели на селе служащие, далее — рабочие и колхозники. По данным 1989 г., среди занятых в аграрном секторе экономики служащих, проживающих в сельской местности, высшее, незаконченное высшее, среднее специальное образование имели 768 чел. из 1000 человек, из них 86 колхозников и 84 рабочего⁵⁹. Несмотря на это, в начале 1990-х гг. уровень образования сельского и чувашского населения был ниже по сравнению с общероссийскими показателями.

1.3. Социально-профессиональная структура сельского населения

В 1950 г. общественное сельское хозяйство республики было представлено 1242 колхозами и 3 совхозами. На селе насчитывалось 177,6 тыс. колхозных дворов и около 5 тыс. единоличных хозяйств, также хозяйства рабочих и служащих общей численностью 2,7 тыс. чел.⁶⁰ На начало 1991 г. в республике действовало 220 колхозов, 133 совхоза и 34 межхозяйственных предприятия (см. табл. 1.2)⁶¹. Среднегодовая численность работников в них составила 142,7 тыс. чел.⁶²

**Число колхозов, совхозов и межхозяйственных предприятий Чувашии
(на начало года)**

	1941	1951	1961	1971	1981	1991
Число колхозов	1686	1242	361	321	179	220
Число совхозов	4	3	6	46	104	133
Число межхозяйственных предприятий	—	—	—	14	31	34

В начале рассматриваемого периода социальную структуру сельского населения республики составляли колхозное крестьянство, рабочие и служащие, кооперированные кустари, крестьяне-единоличники и некооперированные кустари. Самой представительной группой являлись колхозники, которые были связаны одновременно с личным и общественным хозяйством. Рабочие совхозов и МТС (до 1958 г.), причисленные статистикой к категории сельскохозяйственных рабочих, незначительно отличались от колхозников по характеру и видам работы, своему социальному статусу. Они занимались преимущественно общественным хозяйством, но имели личные подсобные хозяйства, как и служащие. Самую малочисленную группу составляли единоличные крестьяне и некооперированные кустари, которые также вели хозяйство.

За годы войны наличное население колхозов Чувашии сократилось с 676,4 тыс. в 1940 г. до 630,3 тыс. в 1945 г., в том числе взрослое трудоспособное население с 329 тыс. до 234 тыс.⁶³ В структуре трудовых ресурсов колхозов в 1945 г. мужчины составляли 11,1 %, женщины — 50,5 %, престарелые и больные — 15,7 %, подростки от 12 до 16 лет — 22,7 %, до войны в 1940 г. соответственно — 31,5; 43,7; 8,4; 16,4 %⁶⁴. В Чувашской АССР, в отличие от страны в целом, трудовые ресурсы колхозов к концу четвертой пятилетки были восстановлены. В 1950 г. численность колхозников составила 701,3 тыс. чел., т.е. по сравнению с 1940 г. увеличилась на 24,9 тыс., по сравнению с 1945 г. — на 71 тыс. Однако в 1950–1953 гг. численность населения колхозов начинает сокращаться: в 1953 г. она оказалась меньше на 48,3 тыс., чем в 1949 г., и на 16,9 тыс., чем в 1940 г. Число трудоспособных в 1948–1952 гг. сократилось на 25,6 тыс.⁶⁵ В 1946–1952 гг. произошли существенные изменения в половозрастной структуре колхозного крестьянства в отношении трудоспособного населения. В эти годы численность трудоспособного населения колхозов увеличилась с 268,0 тыс. чел. в 1946 г. до 280,0 тыс. чел. в 1952 г., численность мужского трудоспособного населения увеличилась с 82,2 тыс. чел.

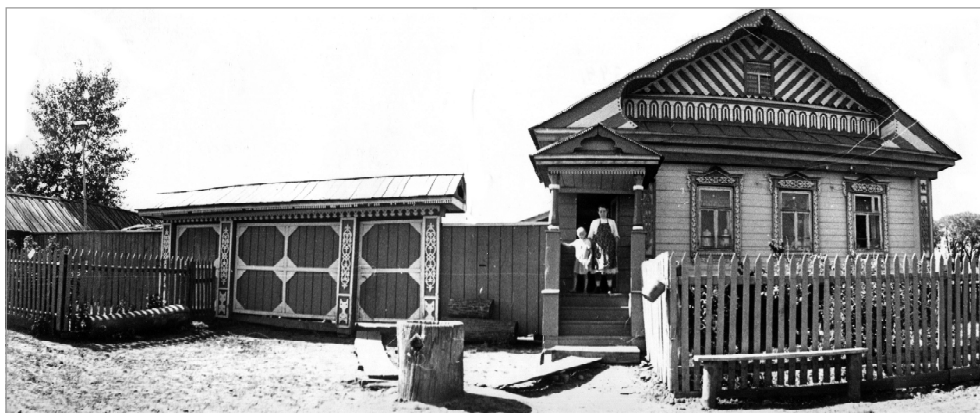
в 1946 г. до 87,7 тыс. чел. в 1952 г. (или на 6,6 %), численность женщин, обязанных выработать установленный минимум трудодней, возросла с 185,7 тыс. чел. в 1946 г. до 192,3 тыс. чел. в 1952 г. (или на 3,5 %). В структуре колхозного крестьянства существенного изменения численности лиц пожилого возраста и подростков в эти годы не наблюдалось⁶⁶. С 1953 г. начинается рост численности крестьянства республики и уменьшение числа уезжающих из деревни. В 1954 г. наличное население колхозов увеличилось по сравнению с 1953 г. на 26,1 тыс. чел. Количество трудоспособных колхозников увеличилось на 13,2 тыс. чел. В связи с реорганизацией МТС в 1958 г. колхозное население республики возросло на 9,8 тыс. чел. Из МТС в колхозы были переведены также 3587 механизаторов и специалистов. К 1958 г. наличное население колхозов составляло 678,9 тыс. чел., т.е. больше, чем в 1940 и 1946 гг. Вырос удельный вес трудоспособного населения в колхозах. Изменилось соотношение различных возрастных групп трудоспособной и нетрудоспособной части населения. Заметно уменьшился удельный вес престарелых и подростков. Число мужчин трудоспособного возраста увеличилось с 96,1 тыс. в 1953 г. до 116,3 тыс. в 1958 г., а численность трудоспособных женщин существенно не

Выпускники Канашской школы механизации. 1952 г.

изменилась. Колхозное население в целом по СССР, так и по РСФСР сократилось, но в Чувашии наблюдается рост: в 1958 г. по сравнению с 1940 г. — на 0,3 %, по сравнению с 1945 г. — на 7,7 %⁶⁷. Однако с начала 1960-х гг. население колхозов вновь начинает сокращаться: в 1965 г. в республике насчитывалось 598,3 тыс. колхозников и членов их семей⁶⁸. В связи с преобразованием отдельных колхозов в совхозы часть колхозников приобрела статус совхозных рабочих. В 1965 г. в 29 совхозах работало 22,2 тыс. чел.⁶⁹ В 1970 г. наличное население колхозов Чувашии составило 315,6 тыс. чел., в 1975 г. — 424,1 тыс. чел., в 1980 г. — 331 тыс. чел., в том числе численность членов колхозов соответственно 279,8; 269,3 и 189,7 тыс. чел.⁷⁰ В 1971—1975 гг. среднегодовая численность колхозников, занятых в общественном хозяйстве, составляла 134,6 тыс. чел., в 1976—1980 гг. — 121,2 тыс. чел., в 1980—1985 гг. — 114,2 тыс. чел., в 1990 г. — 85,8 тыс. чел.⁷¹ С 1970 г. по 1980 г. наблюдается уменьшение количества трудоспособного населения колхозов, в том числе колхозников. Необходимо отметить новую тенденцию в изменении структуры трудовых ресурсов колхозов в этот период — уменьшение доли колхозников в общей численности трудоспособного населения колхозов с 80,3 % до 71,1 %. Продолжался процесс сокращения количества детей и подростков и лиц старше трудоспособного возраста. В 1980 г. на долю подростков и детей приходилось в колхозах республики 32 % от общей численности населения. Особенно интенсивным было уменьшение числа детей до 12 лет: с 159,2 тыс. до 70 тыс. чел.⁷²

Одним из постоянных источников формирования трудовых ресурсов колхозов являлось пополнение их за счет вступления в члены сельскохозяйственной артели молодежи, достигшей 16-летнего возраста, а также специалистов и механизаторов, вернув-

Дом колхозника. Вурнарский район. Начало 1970-х гг.

шихся из городов. Количество вновь принятых в колхозы стало возрастать с середины 1950-х гг. и сокращаться с 1965 г. В 1970–1980-х гг. в среднем в год принималось в члены колхозов около 1500 чел., в дальнейшем в связи с сокращением численности детей и подростков пополнение членов колхозов за их счет значительно снижается.

До 1960 г. в этом процессе участвовали и единоличные хозяйства, решившие вступить в колхоз. Процент коллективизации крестьянских хозяйств возрос с 85,5 % в 1940 г. до 99,9 % в 1960 г.⁷³ Вовлечению единоличных хозяйств в колхозы большое внимание уделялось в первые послевоенные годы. В 1946 г. в республике насчитывалось 13 905 единоличных хозяйств, по сравнению с 1945 г. количество единоличных хозяйств даже увеличилось⁷⁴. В каждом районе республики была проведена работа по учету единоличных хозяйств и по вовлечению их в колхозы. Так, на 1 октября 1947 г. в Шумерлинском районе насчитывалось 694 хозяйства единоличников (13,5 % крестьянских хозяйств района). По мнению партийных работников, в районе сложилась благоприятная обстановка для единоличных хозяйств, которые «обогащаются и находятся экономически в более привилегированном положении, нежели колхозники»⁷⁵. В Шемуршинском районе в селения, в которых имелось много единоличников, были посланы ответственные работники из районного партийного актива для проведения проверок правильности обложения единоличных хозяйств налогами, сельскохозяйственными продуктами, взыскания за пастьбу скота на пастбищах колхозов, вручения извещений на привлечение единоличников к платной трудгужповинности по заготовке и вывозке леса. На 1 января 1947 г. в районе насчитывалось 474 хозяйства единоличников, в которых содержалось 12 лошадей, 72 рабочих быка, 196 коров, 395 овец и коз, 12 свиней. В условиях жесткого регламентирования количества скота в хозяйствах колхозников данная ситуация провоцировала недовольство своим положением среди них. По итогам работы комиссий на заседании райкома партии было принято решение о вручении предупреждений 17 хозяйствам на изъятие зерна, 15 — на изъятие картофеля. Практика привлечения единоличных хозяйств к судебной ответственности за неуплату налогов и невыполнение заданий перед государством, обложения дополнительным денежным налогом была распространенной. Комиссия по Ибресинскому району отметила, что «в районе прекратился приток в колхозы из числа единоличников, а в ряде случаев, в связи с отсутствием распределения доходов во многих колхозах, они оказались в лучшем материальном положении»⁷⁶. На самом деле многие единоличные хозяйства относились к хозяйствам престарелых, инвалидов Великой Отечественной войны или семей погибших, которые преимущественно не облагались налогами, их экономическое состояние не могло оказывать отрицательного влияния на организационно-хозяйственное укрепление обществен-

Административное здание совхоза «Волга»
Козловского района
1980-е гг.

ных хозяйств. В течение 1947 г. в колхозы вступило 4396 дворов, в 1948 г. — 7879 дворов, в 1949—1952 гг. — по 500 дворов. В 1952 г. в республике насчитывалось 4583, в 1956 г. — 697, в 1957 г. — 373 единоличных хозяйства⁷⁷. Часть же единоличных хозяйств переходила в категорию рабочих или же служащих. Социальная база единоличного крестьянства частично пополнялась за счет колхозников, исключенных из общественных хозяйств. Ежегодно около 1 % от общего числа трудоспособных кол-

хозников исключалась из сельхозартелей из-за невыполнения установленного минимума трудодней, часть была вынуждена уехать из села⁷⁸. В 1970—1980-х гг. исключение из колхозов не представляло для сельского населения значительной угрозы, как в первые послевоенные годы, поэтому этот процесс проходил достаточно вяло, правда, в отдельные годы наблюдается всплеск ситуации. Так, в 1975 г. в колхозы был принят 1321 чел., исключено оттуда 1779 членов⁷⁹.

Аграрный сектор республики в рассматриваемые годы, наряду с колхозами, был представлен совхозами, государственными сельскохозяйственными предприятиями⁸⁰. Начало интенсивного совхозного строительства в Чувашии относится к первой половине 1960-х гг., когда ряд отстающих колхозов был преобразован в совхозы. Предполагалось, что создание совхозов явится одной из мер быстрого преодоления отставания и подъема экономики сельского хозяйства. Государство вновь созданным предприятиям оказывало значительную материальную и финансовую помощь. Бывшие колхозники, теперь в статусе рабочих, начали получать гарантированную оплату своего труда, имели ряд социальных преимуществ. Действительно, в первые годы деятельности благодаря значительной поддержке со стороны государства совхозы достигли более высо-

ких темпов развития, чем колхозы. Однако в дальнейшем сложности развития совхозов во многом были схожи с положением дел в колхозах, в целом характерным для сельскохозяйственной отрасли как республики, так и страны. Количественно в Чувашии число совхозов увеличилось с 29 в конце 1965 г. до 133 в 1990 г. С учетом природно-экономических условий республики преобладали специализированные совхозы — животноводческого, хмелеводческого и овощеводческого направлений. В 1990 г. в них производилось 27,9 % валовой продукции сельского хозяйства. До 1971 г. в связи с ускоренным преобразованием колхозов в совхозы численность работников в них растет, начиная с этого времени вплоть до 1990 г. среднесписочная численность работников совхозов составляла чуть более 50,0 тыс. чел.: за 1971–1975 гг. в среднем — 52,5 тыс., за 1976–1980 гг. — 51,1 тыс., в 1990 г. — 51,5 тыс.⁸¹

Многочисленную социальную группу на селе составляли работники, занятые преимущественно физическим трудом в полеводстве, животноводстве и на стройках. Среди них наиболее многочисленной была группа занятых неквалифицированным и малоквалифицированным трудом как в колхозах, так и в совхозах, хотя в рассматриваемый период ее доля снижается. Удельный вес работников квалифицированного механизированного труда и квалифицированного ручного труда в аграрном секторе неуклонно повышался⁸². Происходили изменения в профессиональной подготовке, содержании и характере труда, появились новые профессии, часть старых наполнилась новым содержанием. Значительную роль в подготовке кадров массовой квалификации сыграли агрозоотехнические кружки, а с 1950 г. — агрозоотехнические курсы с трёхлетним сроком обучения без отрыва от производства⁸³. В начале 1960-х гг. началось обучение учащихся в общеобразовательных школах сельским специальностям. Несмотря на рост числа обучающихся, постоянно растущие по-

Колхозники изучают агрозоотехнику. Мариинско-Посадский район. 1954 г.

требности сельского хозяйства в кадрах не удовлетворялись. Только в 1975—1985-х гг. колхозы и совхозы нуждались в дополнительной подготовке около 22 тыс. чел. Были приняты экстренные меры, и вновь вернулись к практике сокращенного обучения: стали появляться краткосрочные курсы, учебно-трудоустроенные комбинаты как вспомогательные формы обучения, на первый план вышел экстенсивный путь образования. С 1977 г. в Чебоксарах стал работать учебно-курсовой комбинат «Нива», где начали готовить операторов машинного доения, машинистов, операторов по откорму скота, мастеров-наладчиков, машинистов дождевальных и насосных установок⁸⁴. В связи с укреплением материально-технической базы села наблюдался рост числа механизаторов: в 1946 г. работало 3030 чел., в 1954 г. — 4825 чел., в 1957 г. — 6327 чел. При реорганизации МТС часть механизаторов перешла в колхозы. В 1959 г. в колхозах республики насчитывалось 9093 механизатора, в том числе 4802 тракториста, 1064 комбайнера, 510 машинистов, 2717 шоферов, что составило 2,9 % от общего числа трудоспособных. Однако удельный вес механизаторских кадров в Чувашии был ниже, чем в целом по стране⁸⁵. В начале 1970-х гг. в республике по инициативе механизаторов совхоза «Россия» Урмарского района Р.В. Сорокиной и Е.Е. Беяевой развернулось движение среди женщин за получение технических знаний и квалификации сельского механизатора⁸⁶. За 1960—1980-е гг. численность механизаторских кадров в колхозах и совхозах выросла с 9839 до 15 396 чел., доля их в колхозах составила 11,6 % от общего числа трудоспособных, в совхозах — 15,7 %⁸⁷. По состоянию на 1 апреля 1986 г. на селе работало 26,3 тыс. механизаторов. На 1 апреля 1989 г. в колхозах, совхозах и межхозяйственных предприятиях Чувашской АССР трудилось 15,8 тыс. штатных трактористов-машинистов, комбайнеров, или 10,5 % работников этих хозяйств. Также в числе работников, постоянно занятых на других работах, было 3675 резервных механизаторов⁸⁸. За 1985—1989-е гг. численность механизаторских кадров сократилась на 10 %. Кроме механизаторов, занятых преимущественно в земледелии, появилась новая категория работников: электрики, газовики, операторы машинного доения, по раздаче кормов и уборке навоза, операторы инкубаторов, слесари-наладчики и др.

Особую социальную группу на селе составили работники административно-управленческого персонала и специалисты сельского хозяйства. В колхозах республики в первые послевоенные годы большое внимание уделялось их подготовке в высших и средних учебных заведениях. Прежде всего, это было связано с тем, что после войны к руководству колхозами пришли так называемые практики, в большинстве своём хорошие организаторы, но без соответствующего образования. В 1950 г. высшее и среднее образование имели 11,1 % председателей колхозов, а в 1958 г. — уже 48,6 %⁸⁹. Среди них

появились дипломированные специалисты сельского хозяйства. В середине 1950-х гг. колхозы пополнились «тридцатитысячниками»: для укрепления руководящего состава сельскохозяйственных предприятий по рекомендации партийных органов было направлено 253 чел.⁹⁰ Должность председателя колхоза приносила его обладателю ряд преимуществ, по сравнению с простыми колхозниками. Он имел более высокую оплату труда, право на фактическое управление колхозным имуществом и распоряжение финансовыми ресурсами, возможность решения многих проблем проживания на селе для себя и своей семьи. С другой стороны, эта должность была связана с определенным риском — это административное и уголовное преследование за срыв заданий, сложность продвижения по административной лестнице. Деятельность многих председателей колхозов сопровождалась массовыми жалобами, доносами со стороны колхозников во все органы власти. К концу 1950-х гг. и в 1960-х гг. происходит сближение стилей управления колхозных председателей и директоров совхозов. По существу, они сосредоточили почти всю экономическую и социальную власть в сельском обществе, преимущественно для решения производственных задач. От того, какие взаимоотношения имелись с районной властью, с другими сельскохозяйственными учреждениями, обслуживающими аграрную сферу, зависела судьба руководимых ими предприятий. Новый стиль управления еще более увеличил социальный разрыв между рядовыми колхозниками и председателями колхозов.

Большое значение придавалось обеспечению колхозов агрономами, зоотехниками, ветеринарными работниками, экономистами, бухгалтерами и другими специалистами. До 1955 г. только отдельные колхозы имели в штате подобных специалистов, обслуживали их специалисты МТС и из аппарата различных ведомств и организаций. В совхозах, как и в МТС, были свои специалисты. В начале 1958 г. на селе трудились 1850 агрономов, зоотехников и ветработников, из них 355 имели высшее образование⁹¹. Произошли положительные изменения и в подготовке кадров среднего звена. В конце 1958 г. более 5,9 % бригадиров, полеводов и заведующих животноводческими фермами имели высшее и среднее образование⁹².

Одной из составляющих аграрной политики в Чувашской АССР во второй половине 1960 — первой половине 1980-х гг. стало формирование кадрового потенциала в Чувашии, обусловленное поиском направлений перевода сельскохозяйственного производства на интенсивный путь развития. Формируется сеть учебных учреждений, занимающихся повышением квалификации руководящих кадров и специалистов колхозов и совхозов. В 1966 г. на базе ранее действовавшей одногодичной школы подготовки руководящих кадров колхозов и совхозов и курсов повышения квалификации специ-

алистов сельского хозяйства был организован факультет повышения квалификации руководящих кадров колхозов и совхозов и специалистов сельского хозяйства при Чувашском сельскохозяйственном институте. В 1966–1974 гг. на этом факультете повысили знания 1,7 тыс. руководителей и специалистов колхозов и совхозов⁹³. В том же году была организована Чувашская школа повышения квалификации сельскохозяйственных кадров. За 1966–1974 гг. прошёл переподготовку 3831 чел. К 1976 г. почти все директора совхозов и половина председателей колхозов имели высшее образование, на селе работали 5454 специалиста⁹⁴.

Целенаправленная работа по подготовке кадров руководителей колхозов и совхозов проводилась в связи с реализацией программы по Нечерноземью. В конце 1980 г. в республике из 179 председателей колхозов 110 имели высшее образование, 43 — среднее специальное, из 104 директоров совхозов высшее образование имели 98, среднее специальное — 4⁹⁵. Увеличивалось число специалистов сельского хозяйства: в конце 1980 г. их численность составила 8100 чел., в том числе агрономов, зоотехников и ветеринарных работников — 4311. Из них 2858 чел. работали в колхозах, остальные — в совхозах, межхозяйственных, подсобных и прочих производственных, сельскохозяйственных предприятиях⁹⁶. На каждый колхоз в среднем приходилось по 16, на совхоз и межхозяйственное предприятие — по 38 специалистов. Если в высших учебных заве-

В.В. Зайцев и Е.И. Васильева на кукурузном поле колхоза «Победа» Яльчикского района. Обмен опытом

дениях и техникумах обучалось в 1975 г. 360 колхозных и совхозных стипендиатов, то в 1979 г. — более 1500 чел.⁹⁷ Несмотря на принятые меры, кадров среднего звена было недостаточно, среди них наблюдалась большая текучесть, многие из них имели небольшой стаж работы. Так, из 3692 должностей среднего звена (управляющий отделе-

нием, бригадиры, заведующие фермами и т.д.) только 29 занимали специалисты⁹⁸. В начале 1980-х гг. было принято решение о повышении на 30 % в среднем оплаты труда руководящих работников, специалистов и служащих совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий. На 15 ноября 1985 г. в аграрном секторе было занято 10,6 тыс. специалистов: рост их составил до 30,8 % по сравнению с 1980 г.⁹⁹ Из 178 председателей колхозов 72,5 % имели высшее образование, 18,3 % — среднее специальное, из 110 директоров совхозов 90 % имели высшее образование, 8,2 % — среднее специальное. Среди работников среднего звена 12,6 % от общей численности являлись специалистами с высшим образованием, 37,7 % — со средним специальным образованием¹⁰⁰. Широкое применение промышленной технологии в производстве, механизация, электрификация сельского хозяйства сказались на характере и производительности труда. Заметно возросло число специалистов и других высококвалифицированных кадров. Из 10,6 тыс. специалистов всех профилей 8,3 тыс. имели сельскохозяйственные специальности.

В рамках новых направлений развития аграрного сектора выходила на первый план кадровая политика, прежде всего подготовка и повышение квалификации работников. Численность специалистов в сельском хозяйстве республики увеличивалась, в том числе с высшим образованием. В конце 1989 г. в отрасли работали 4554 специалиста с высшим, 8847 специалистов со средним специальным образованием. На 1 апреля 1989 г. из 121 директора совхоза 113 имели высшее, 7 — среднее специальное образование, из 199 председателей колхозов — соответственно 154 и 33¹⁰¹. Несмотря на все попытки закрепления кадров, текучесть специалистов оставалась высокой. В 1980 г.

Студенты на практике. Село Шихазаны Канашского района. Июнь 1957 г.

31,2 % председателей колхозов и 30 % директоров совхозов от их общего количества работали в занимаемой должности менее одного года¹⁰². За 1981–1984 гг. сменилось около 40 % председателей колхозов, более 56 % директоров совхозов, 36 % главных специалистов хозяйств. Высокой оставалась сменяемость кадров среди бригадиров полевых бригад, заведующих фермами, управляющих отделениями¹⁰³. В 1985–1986 гг. сменился каждый 3-й председатель колхоза и директор совхоза, бригадир и заведующий фермой, 70 % из которых являлись практиками¹⁰⁴. По состоянию на 1 апреля 1989 г. менее двух лет работали в занимаемой должности 37,8 % руководителей колхозов, совхозов и межхозяйственных предприятий, 34,3 % — зоотехников, 32,9 % агрономов, 31,6 % инженеров, 31,3 % экономистов, 31,4 % руководителей среднего звена¹⁰⁵. Кадровая политика на селе была направлена на улучшение образования, в т.ч. профессионального, складывание системы преемственности школьного и профессионального образования. Особое место занимал вопрос закрепления кадров в сельскохозяйственном производстве. Однако не всегда политика достигала своих целей и соответствовала курсу, направленному на улучшение качественного состава сельскохозяйственных кадров. С другой стороны, этот процесс сопровождался увеличением административно-управленческого аппарата. В 1946–1958 гг. в среднем в год в системе управления колхозов было занято от 5 до 8 % от общего числа трудоспособных его членов. В дальнейшем в связи с укрупнением колхозов и их преобразованием в совхозы численность административно-управленческого персонала снижается. В 1970 г. удельный вес работников аппарата управления в общей численности трудоспособных в колхозах республики составил 2,9 %, но в 1980 г. вновь достиг 5,9 %, в совхозах их удельный вес равнялся 8,1 %¹⁰⁶. В республике сложилась особая социальная группа работников сельского хозяйства, состоящая из руководителей и основных специалистов колхозов и совхозов. М.А. Безнин, Т.М. Димони, авторы ряда исследований по аграрной сфере и сельскому населению России, пишут «о формировании в сельском социуме нового социального слоя (класса) интеллектуалов, представленного в технико-технологической, финансово-экономической, агрономической, ветеринарно-зоотехнической сферах хозяйствования. Наряду с сельской протобуржуазией и менеджерами (руководителями и работниками среднего звена), они продолжали сохранять свою «особость» среди массы сельского населения, выражавшуюся как в обладании рядом правовых, социальных, материальных и статусных привилегий, так и ментально-поведенческими характеристиками»¹⁰⁷. Сложно не согласиться с авторами в отношении того, что данные группы обладали особым статусом среди сельчан и для других категорий сельского населения сохранялись возможности в рамках сельского социума перейти в эти высшие «деревенские социальные страты» (см. Приложение 22).

При решении кадровых проблем активизировалось участие рядовых работников сельского хозяйства, которые обсуждали вопросы подбора и организации работы руководителей и специалистов предприятий, подвергали критике стиль и методы работы, вносили предложения по улучшению их деятельности.

В целом в эти годы в республике реально появились выдающиеся руководители и организаторы сельскохозяйственных предприятий, высококвалифицированные специалисты аграрного производства, искренне преданные своему делу и много лет служившие родной земле и народу. Часть из них начинала свою деятельность в 1930-х гг., на этапе организации коллективных хозяйств, часть приступила к работе в трудные послевоенные годы. Первым необходимо назвать имя легендарного председателя, дважды Героя Социалистического Труда С.К. Короткова, который в 1929 г. возглавил артель им. Сталина в д. Кольцовка Вурнарского района. В довоенные годы стал председателем колхоза М.Г. Долгов, который проработал в колхозах «Звезда» и «Гвардеец» Батыревского района 35 лет, также Герой Социалистического Труда. Столь же длительный стаж руководителя имел В.В. Зайцев, Герой Социалистического Труда, начавший свою деятельность в 1942 г., после ранения вернувшийся с фронта, поднявший экономику колхозов «Победа» и им. космонавта А.Г. Николаева в Яльчикском и Мариинско-Посадском районах. В послевоенные годы пришли к руководству колхозами бывшие фронтовики: В.П. Кошкин (колхоз «Правда» Шемуршинского района), И.Ф. Кош-

Дважды Герой Социалистического Труда
С.К. Коротков

Председатель колхоза «Ленинская искра» Ядринского района
А.П. Айдак

кин (колхоз «Правда» Вурнарского района), С.А. Шлябин (колхоз «Искра», позднее «Правда» Аликовского района). В 1950-х гг. стали известными Е.А. Андреев (колхоз «Знамя труда» Моргаушского района), И.Я. Денисов (колхозы Яльчикского района), А.В. Лёнин (колхоз «Красный луч» Алатыр-

ского района), В.И. Романов (колхоз «Янгорчино» Вурнарского района). Участники Великой Отечественной войны Е.А. Андреев и А.В. Лёнин также удостоились звания Героя Социалистического Труда. Заслуженно почитаем К.А. Волков, проработавший 59 лет в сельском хозяйстве, из них 45 лет — бессменным председателем колхоза «Маяк» Порецкого района. Всероссийскую известность получил колхоз «Ленинская искра» Ядринского района под руководством А.П. Айдака, более 40 лет посвятившего служению своей малой родине. В 1960—1980-х гг. высоких результатов достиг колхоз им. Мичурина Урмарского района, который возглавлял Герой Социалистического Труда, участник Великой Отечественной войны С.Л. Лукин. В 1960-х гг. достигли заметных успехов А.Д. Смалайкин — председатель колхоза «Искра» Красночетайского района, А.Г. Шордеев — председатель колхоза «Трудовик» Ибресинского района, оба Герои Социалистического Труда. Путь от колхозного агронома до первого заместителя министра сельского хозяйства прошла Е.И. Васильева, Герой Социалистического Труда. В.А. Никитин начал свою профессиональную деятельность с должности зоотехника, затем избирался председателем колхоза «Гвардеец» Батыревского района, удостоен звания Героя Социалистического Труда. Многогранна деятельность Г.А. Мартынова, прошедшего все ступени карьерного роста от учащегося сельскохозяйственного техникума до главного агронома Народного комиссариата земледелия, министра сельского хозяйства республики в 1950-е гг., первого заместителя Председателя Совета минист-

ров Чувашии, кандидата сельскохозяйственных наук, автора работ о развитии села. В 1960–1990-х гг. сельская общественность республики хорошо знала В.А. Агафонова как энергичного, трудолюбивого, грамотного и внимательного руководителя, более тридцати лет посвятившего организации сельскохозяйственной отрасли республики, избравшегося председателем Комитета Верховного Совета Российской Федерации по аграрно-социальным вопросам и продовольствию¹⁰⁸.

Председатель колхоза «Гвардеец» Батыревского района, Герой Социалистического Труда В.А. Никитин знакомит делегацию из Венгрии с хозяйством. 1970 г.

1.4. Трудовые ресурсы села: занятость и занятия

В годы послевоенного восстановления и дальнейшего развития сельского хозяйства особое внимание уделялось использованию трудовых ресурсов. Система привлечения колхозников к труду в общественном хозяйстве, сложившаяся к концу 1930-х гг. и действовавшая до середины 1960-х гг., получила в отечественной историографии наименование «отработочная повинность»¹⁰⁹. Основной сферой приложения крестьянского труда была работа в общественном хозяйстве колхозов, также они должны были выполнять трудовую и гужевую повинность на лесозаготовках, лесо- и торфоразработках, принимать обязательное трудовое участие в строительстве и ремонте дорог, в других отраслях. Сельская молодежь до первой половины 1950-х гг. подлежала мобилизации в ремесленные и железнодорожные училища. Обязательный минимум трудодней на год для всех трудоспособных колхозников был утвержден постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР в мае 1939 г. Он составлял от 60 до 100 дней, в зависимости от региональных

различий¹¹⁰. В 1942 г. данный минимум был увеличен до 100—150 дней постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». Этим же документом был введен обязательный минимум для подростков от 12 до 16 лет, членов семей колхозников, составлявший 50 трудодней в год¹¹¹. Данные нормы выработки продолжали действовать и в первые послевоенные годы, при этом неоднократно принимались попытки их увеличения. В середине 1950-х гг. колхозам было рекомендовано придерживаться годового минимума в 150 трудодней для женщин и 200 для мужчин¹¹². Однако показатель среднегодовой выработки трудодней не отражал ни объема проделанной работы, ни ее результатов, которые зависели от многих других факторов. По мнению В.П. Попова, «объем выработанных трудодней воспринимался государственными органами лишь как показатель большей или меньшей вовлеченности крестьян в колхозные работы. Служил неким барометром определения трудовой дисциплины, а не труда. Заставить трудиться — вот главный смысл усилий государства в отношении крестьянского населения»¹¹³.

В принятом в 1956 г. постановлении Совета министров СССР и ЦК КПСС «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели» подчеркивалась необходимость разработки норм выработки и расценки их в трудоднях с учетом уровня механизации и достижений передовиков. В 1958 г. Министерство сельского хозяйства Чувашской АССР утвердило примерные нормы выработки и расценки в трудоднях на сельскохозяйственные работы и рекомендовало колхозам республики руководствоваться ими¹¹⁴. Одним из первых в Чувашии новые нормативы принял колхоз «Слава» Яльчикского района, они были приближены к тарифам совхозов, способствовали переходу к гарантированной оплате и повышению материальной заинтересованности сельских тружеников¹¹⁵. По воспоминаниям современников, именно эта система, учитывающая вклад каждого работника, председателя, специалистов и работников аппарата управления, позволила в течение 2—3 лет значительно увеличить доходы колхозников, доходы и чистую прибыль предприятия¹¹⁶. Нормы выработки колхозников Чувашии ежегодно повышались. Уставом сельхозартели «Дружба» Чебоксарского района на 1956 г. были установлены следующие размеры минимума трудодней: колхозникам: мужчинам — 150, женщинам — 120 трудодней; членам промартели: мужчинам — 75, женщинам — 60 трудодней; рабочим и служащим — 20, подросткам от 12 до 16 лет, не обучающимся в учебных заведениях, — 50 трудодней. На 1960 г. ежегодный минимум трудодней для членов данного колхоза составил для трудоспособных мужчин — 225 трудодней, или 145 рабочих дней в году, для трудоспособных женщин — 150, для домохозяек — 130 трудодней.

В 1964 г. установленный минимум трудодней для мужчин-колхозников решением общего собрания колхозников был утвержден в размере 250 трудодней, или 200 дней, для женщин-колхозниц — 150 трудодней, или 125 дней, для домохозяек — 125 трудодней, или 100 дней¹¹⁷. Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 16 мая 1966 г. «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства» в систему трудовой мотивации были внесены изменения: вводилась гарантированная оплата труда колхозников деньгами (авансом ежемесячно) и натурой, тем самым трудодни как мера учета трудового участия отменялись. Примерный устав колхозов 1969 г. функцию государственного регулирования трудового участия колхозников передал правлениям сельскохозяйственных предприятий, также они получили право воздействия на работников, уклоняющихся от работы в общественном хозяйстве без уважительных причин¹¹⁸. Колхозники Чувашии еще на стадии обсуждения проекта Примерного устава колхозов вносили предложения о расширении прав правлений по выработке положений об участии и поощрении за участие в колхозном производстве¹¹⁹. Вплоть до 1951 г. количество трудодней, выработанных в среднем одним колхозником, в республике, как и по стране, было ниже, чем в предвоенном 1940 г. Но при этом данные показатели превышали регламентированные нормы. С начала 1950-х гг. ситуация меняется. В целом по Чувашии в 1946–1958 гг. произошло увеличение среднегодовой выработки трудодней с 192 в 1946 г. до 257 в 1958 г., или на 28,6 %, в колхозах страны рост составил 43,5 % — с 239 в 1946 г. до 345 в 1958 г.¹²⁰ Темпы роста среднегодовой выработки в Чувашской АССР отставали от темпов роста в среднем по стране. Большинство колхозного крестьянства вырабатывало в среднем от 200 до 300 норм, также увеличилась доля работников, выполнявших обязательный минимум. Удельный вес не выработавших обязательный минимум трудодней колхозников был особенно высоким в экономически слабых колхозах, где доходы от личного подсобного хозяйства составляли главный источник существования крестьянской семьи. В целом по республике доля колхозников, не выполнявших минимум трудодней, колебалась от 21 до 22 % от общего числа трудоспособных в 1946–1952-х гг., в 1953–1958-х гг. — от 16 до 18 %, в отдельных хозяйствах достигал 33–36 %¹²¹. Часть колхозников не участвовала в общественном производстве, в 1970 г. их доля составляла 1,5 % от общего числа, в 1975 г. — 1 %, в 1980 г. — 1,2 %¹²². В большинстве колхозов преобладало сезонное использование труда работников. Основная масса тружеников села, особенно женщины, работали максимально в летние, частично в осенние месяцы, т.е. в период прополки, уборки, обмолаота урожая. В отдельные месяцы весеннего и зимнего периода работы для всех колхозников не хватало. Сами члены артелей также пользовались возможностью ухода

после отработки обязательного минимума трудодней на заработки в другие хозяйства или отрасли, что создавало определенные трудности при проведении сезонных работ. Чаще это практиковали работники колхозов, где оплата труда оставалась низкой. Для выправления положения начиная с 1956 г. колхозам было разрешено самим устанавливать число рабочих дней в году, в том числе и помесечно¹²³. Основную рабочую силу в колхозах составляли женщины, хотя к концу 1950-х гг. их доля немного снизилась. В 1946 г. женщины выработали 62,7 % трудодней, мужчины 37,3 %, в 1958 г. — 54,1 и 49,5 % соответственно¹²⁴. За 1959—1965 гг. трудовое участие колхозников в производстве увеличилось почти на 10 %¹²⁵.

Реальная ситуация, когда за хорошую работу и добросовестное отношение к общественному труду выплачивали несоизмеримо маленькое вознаграждение или же были одни «пустые» трудодни, также сказывалась на трудовой активности крестьянства. Довольно высокая доля сельских жителей республики не проявляла должной трудовой активности, ограничиваясь выработкой установленного минимума трудодней.

Особенностью 1946—1965-х гг. было то, что общественные хозяйства республики на данном этапе не испытывали недостатка в рабочей силе. Поэтому найм рабочих и специалистов со стороны для работы в колхозах, по сравнению со многими районами страны, был незначительным. Так, в 1956 г. только 72 колхоза (9,5 % от общего их числа) привлекли к работе 5,3 тыс. чел., не являющихся членами хозяйств. В основном это были кузнецы, механизаторы и другие специалисты¹²⁶. Но уже в 1966—1975 гг. наблюдается увеличение доли работников промышленных предприятий, организаций и учреждений, студентов, привлекаемых для помощи сельскохозяйственным предприятиям. Первоначально их «помощь» (распространенным стал термин «шефская помощь») заключалась во внедрении достижений механизации, проведении электрификации. В 1970—1971 гг. 17 промышленных предприятий Чебоксар и Чебоксарского района обязались изготовить детали и узлы для 30 автоматизированных линий птицефабрик. Чебоксарский агрегатный завод вел строительство двух механизированных коровников, монтаж двух дождевальных и двух зерноочистительных установок в колхозах Аликовского района¹²⁷. Позже эта практика распространилась на все отрасли, в том числе не требующие особой квалификации: заготовку кормов, уборку картофеля, хмеля, прополку посевов и др. Именно работники с низкой квалификацией, занятые преимущественно физическим неквалифицированным трудом, имеющие более низкие доходы от своей работы в общественных хозяйствах, принимали в ней минимальное участие. Так, ими в среднем на каждого в 1975 г. было отработано по 164 трудодня, а по всем категориям работников — 200¹²⁸. В 1970 г. только в колхозном производстве приняли участие 23 тыс. чел., рабо-

тающих в разных учреждениях, и учащиеся от 16 лет и старше, в 1975 г. их число равнялось 20,6 тыс., в 1980 г. — 21,6 тыс.¹²⁹ В 1988 г. рабочие и служащие различных отраслей народного хозяйства отработали 119 тыс. человеко-дней, что было равнозначно труду 460 работников¹³⁰.

В 1980-х гг. сельскохозяйственные предприятия вынуждены были привлекать горожан и в связи с тем, что в них сложился отрицательный баланс трудовых ресурсов, вызванный миграцией сельского населения и рядом других причин, особенно в летне-осенний период. В отдельных районах и колхозах не хватало также механизаторских и животноводческих кадров. Отвлечение рабочих и служащих от их основной деятельности приобрело массовый характер не только в Чувашии, но во всех регионах РСФСР, в целом в СССР. Так, в среднем на одного работника по основным отраслям народного хозяйства в РСФСР было «отвлеченных» дней в 1986 г. 2,19; в 1987 г. — 2,09; в 1988 г. — 1,63; в 1989 г. — 1,37; в Чувашии соответственно 1,04; 1,02; 0,71 и 0,67 дней¹³¹. В дальнейшем эта практика была отвергнута и сошла на нет. В целом производительность труда в колхозах и совхозах за 1965–1989-е гг. в расчете на одного работника выросла почти в 3 раза¹³².

В сельском хозяйстве сложилась определенная система по внедрению передового опыта. Большое распространение в основном по почину «верхов» получили разные виды ударничества, социалистического соревнования. Движение ударников и передовиков производства приобретало в 1946–1990-х гг. новые черты, выросли требования при подведении итогов, менялся характер обязательств, на первый план ставились вопросы себесто-

Приехали шефы копать картошку. Отвезу эти лопаты и скоро вернусь. Рисунок В.Е. Емельянова. 1976 г.

имости, доходности производства, эффективности использования земли, внедрение новых культур. Как и в предыдущие годы, наблюдается общность форм соревнования в промышленности и в сельском хозяйстве. Повышению трудовой активности сельчан способствовало принятое по указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1938 г. решение о присвоении звания Героя Социалистического Труда «лицам, которые своей новаторской деятельностью в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта, торговли, научных открытий и технических изобретений проявили исключительные заслуги перед Советским государством, содействовали подъему народного хозяйства, науки и культуры, росту могущества и славы СССР». Ранее за профессиональные заслуги награждали рабочих и представителей интеллигенции¹³³. Впервые звание Героя Социалистического Труда вручили труженикам сельского хозяйства за высокие показатели в уборке урожая в 1947 г., далее присвоение звания стало ежегодным событием. Появились колхозы с 10 и более героями, к примеру закавказский колхоз им. Л.П. Берии, где было 40 героев труда. В Чувашии это колхоз им. Сталина (позже им. Ленина, д. Кольцовка Вурнарского района), где насчитывалось 13 Героев Социалистического Труда, в том числе председатель колхоза С.К. Коротков, дважды удостоенный данного звания. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1948 г. сразу 11 мастерам высоких урожаев Чувашии: С.К. Короткову, А.Д. Ашанину, В.Д. Ашанину, Т.Ф. Елдыревой, Е.Е. Ерошкиной, В.В. Зайцеву, Г.И. Емельянову, М.Д. Лаврентьевой, А.Е. Петровой, И.Е. Перепелкину, В.Е. Салкину — было присвоено звание Героя Социалистического Труда. 392 человека были награждены орденами и медалями Советского Союза¹³⁴. В 1949 г. Героем Социалистического Труда стал бригадир тракторной бригады Вурнарской МТС И.П. Пронькин. В 1950 г. список героев пополнился новыми именами: К.Н. Николаев, В.С. Григорьева, В.Т. Попкова, В.М. Саканин, И.С. Саканин, Н.С. Сурова, Н.Я. Михейкин, А.Ф. Доманин, П.П. Пупин¹³⁵. В конце 1950-х гг. возникло движение за коммунистическое отношение к труду. Первыми на этот призыв откликнулись труженики колхоза им. Ленина Вурнарского района. Возникновение и распространение этого движения во многом было связано с демократизацией жизни общества, явилось выражением принятия и инициирования осуществления реформ. В то же время эта попытка, так же как и стремление реально связать энтузиазм и экономический интерес (начало бригадного подряда, переход к хозрасчету), не была поддержана руководством страны, т.к. оно не было готово к углублению реформ, не связывало их с народным движением. Несмотря на ряд недостатков, результаты деятельности передовиков производства действительно были высокими. По итогам семилетки (1959–1965 гг.) звания Героя Социалистического Труда

были удостоены: председатель колхоза «Красный луч» Алатырского района А.В. Ленин, бригадир колхоза «Победа» Яльчикского района И.А. Михайловский, председатель колхоза «Гвардеец» Батыревского района М.Г. Долгов, свиляр-механизатор этого же колхоза Н.В. Каргин, председатель колхоза «Знамя труда» Моргаушского района Е.А. Андреев, телятница Чувашской сельскохозяйственной

Герои Социалистического Труда С.Ф. Лукина
и М.З. Зиновьева

опытной станции С.Ф. Лукина, доярка совхоза «Стемасский» Алатырского района В.З. Панарина, агроном этого же колхоза А.М. Ястребова, бригадир хмелеводческой бригады совхоза «Волга» Козловского района П.Г. Шорков. 52 передовика были награждены орденом Ленина, 191 — орденом Трудового Красного Знамени, 366 — орденом «Знак Почета», около 900 — медалями. Многим было присвоено звание «Лучший по профессии» и почетное звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Чувашской республики»¹³⁶. Ряд сельскохозяйственных предприятий за достигнутые успехи в развитии хозяйств был награжден орденом СССР. В мае 1967 г. колхоз «Победа» Яльчикского района удостоен ордена Ленина, возглавлял его в 1964–1974 гг. Герой Социалистического Труда В.Г. Свеклов. Указом Президиума Верховного Совета СССР в январе 1971 г. были награждены: орденом Ленина — колхоз «Гвардеец» Батыревского района (председатель В.А. Никитин в 1968–1973 гг.), орденом «Знак Почета» — колхоз им. космонавта А.Г. Николаева Мариинско-Посадского района (председатель в 1964–1977 г. Герой Социалистического Труда В.В. Зайцев). В 1973 г. звание Героя Социалистического Труда было присвоено И.Т. Кузьмину — трактористу совхоза «Комбинат» Шумерлинского района, Н.Ф. Миронову — бригадиру колхоза «Россия» Комсомольского района, А.Г. Шордееву — председателю колхоза «Трудовик» Ибресинского района. 47 человек удостоились ордена Ленина, 61 — ордена Октябрьской революции, 380 — Трудового Красного Знамени, 475 — ордена «Знак

А.Н. Орлова,
 доярка колхоза «Дружба»
 Комсомольского района,
 ударник
 коммунистического труда,
 кавалер ордена Ленина

Почета», 277 — медали «За трудовую доблесть», 277 — медали «За трудовое отличие»¹³⁷. По итогам деятельности в 1976 г. ордена Трудового Красного Знамени удостоился колхоз «Янгорчино» Вурнарского района, возглавлявшийся с 1958 по 1976 г. В.И. Романовым. Весомых успехов добились также колхозы «Канаш» Канашского, «Ленинец» и «Герой» Батыревского, «Красный Октябрь» Комсомольского, «Слава» и «Прогресс» Яльчикского, им. Мичурина Урмарского района и ряд других. Орденом Ленина были награждены 14 работников животноводства республики, 19 человек — орденом Октябрьской Революции, многие труженики — орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», медалями «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие», занесены в Почетную книгу трудовой славы и героизма Чувашской АССР. Отдельные сельскохозяйственные предприятия также достигли успехов. Колхоз «Победа» Яльчикского района как в земледелии, так и в животноводстве добился рентабельного производства, умело используя экономические методы управления, в т.ч. хозяйственный расчет. Достаточно высокой рента-

бельности добились колхозы «Слава» и «Прогресс» Яльчикского, «Ленинская искра» Ядринского, им. Е.А. Андреева Моргаушского, «Новый путь» Янтиковского, «Янгорчино» Вурнарского, совхозы «Звезда» Алатырского и «Ядринский» Ядринского района и другие хозяйства. В 1976 г. группа передовиков сельского хозяйства Чувашии была удостоена государственных наград: ордена Ленина — 19 чел., Октябрьской Революции — 34, Трудового Красного Знамени — 188, «Знак Почета» — 236, Трудовой Славы I степени — 12, Трудовой Славы II степени — 280 человек. Бригадиру колхоза «Путь Ленина» Канашского района М.З. Зиновьевой и председателю колхоза им. Мичурина Урмарского района С.Л. Лукину было присвоено звание Героя Социалистического Труда¹³⁸.

За претворение в жизнь Продовольственной программы большая группа колхозников, рабочих и специалистов агропромышленного комплекса была удостоена

орденов и медалей: 11 чел. — ордена Ленина, 15 — Октябрьской Революции, 101 — Трудового Красного Знамени, 58 — Дружбы народов, 187 — «Знак Почета», 29 — Трудовой Славы II и III степени¹³⁹.

В развитии социалистического соревнования наблюдались элементы кампанейщины и стихийности, формализм, мелочная опека, механическое на-

Активисты колхоза «Канаш» Канашского района после вручения переходящего Красного знамени ЦК КПСС и Совета министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ на вечное хранение. 1986 г.

саждение, приписка численного состава передовиков и результатов их деятельности. Но, несмотря на то, что образы ударника и стахановца были сконструированы советской пропагандой, они не были выдуманными героями. Агитационное воздействие, возможности повышения социального статуса и материального благосостояния нашли отражение в сельском сообществе, и уже к середине 1930-х гг. появляется новый социальный слой — «передовиков», отличавшихся как от рядовых колхозников, так и от колхозной администрации, в отдельных случаях и от руководителей регионов. Таким, к примеру, был С.К. Коротков, дважды Герой Социалистического Труда. Периодически проводившиеся слеты и съезды передовиков разного уровня также способствовали формированию чувства «особенности положения». В своих письмах в органы власти передовики подчеркивали личный вклад в общественное производство и политическую активную позицию — поддержку разного рода кампаний, займов, выборов в советы, выступления на собраниях. Зачастую такая активная деятельность вызывала неоднозначную реакцию как у односельчан, так и у местных руководителей¹⁴⁰. Одновременно неравномерность приложения трудовых усилий в общественном производстве вызывала явное раздражение: тех, кто пытался уклониться от выполнения прямых обязан-

ностей в деревне осуждали. Так, при обсуждении проекта Примерного устава колхозов 1969 г. некоторые руководители и рядовые колхозники предлагали усилить меры воздействия на колхозников, не вырабатывающих минимума трудодней. Выступая на собрании, колхозник П.И. Сорокин (колхоз «Броневик» Вурнарского района), подчеркнул: «...в проекте Устава мало сказано об обязанностях колхозников, пункт пятый носит общий характер. Нужно откровенно сказать, что у нас еще встречаются нерадивые люди, которые небрежно относятся к технике, нерационально используют ее, поэтому этот пункт желательно дополнить, обязать колхозников производительно использовать машины и другие орудия труда, активно бороться за приумножение общественного богатства колхоза»¹⁴¹. Со стороны государства, особенно в 1946–1958 гг., происходит ужесточение личной ответственности крестьян за нежелание трудиться в колхозе. Меры наказания по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» лишь немногим уступали печально известному Указу от 7 августа 1932 г., получившему название «Закон о пяти колосках». По нему предусматривалась мера лишения свободы от 5 до 20 (при повторном нарушении) лет с пребыванием в ИТЛ и с возможной конфискацией имущества. Закон носил репрессивный характер, считают исследователи и из-за того, что минимальный размер кражи не оговаривался. В итоге появилась возможность вынесения приговора на максимальный срок при ничтожно малом размере хищения¹⁴². В целом по стране за 8 лет было осуждено 1,3 млн чел., сроки лишения свободы колебались от 5 до 10 лет. В 1947 г. к пяти годам лишения свободы были приговорены около 20 % всех осужденных, свыше 5 и до 10 лет — 49,6 %, 10 лет и выше получили 25,5 %¹⁴³. В Чувашии среди 159 граждан, осужденных в 1947–1956 гг. по данному указу, 30 человек (19 %) получили срок менее 10 лет, 104 (64 %) — на 10 лет, 24 (16 %) — свыше 10 лет¹⁴⁴. Одновременно продолжали действовать вплоть до 1956 г. Указы от 8 сентября 1939 г., 26 июня 1940 г., 15 апреля 1942 г., предусматривающие различные меры наказания за нарушение трудовой дисциплины. Так, по Указу 1942 г. все трудоспособные колхозники, не выработавшие обязательного минимума трудодней без уважительных причин, предавались суду, по приговору которого привлекались обычно к исправительно-трудовым работам в колхозе на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты трудодней до 25 % в пользу колхоза. Большую часть осужденных составляли женщины. В 1946 г. в Вурнарском районе за невыполнение минимума трудодней без уважительных причин было исключено из колхозов 15 хозяйств с лишением приусадебных участков, в Шемуршинском районе исключено 9 хозяйств, осуждены народным судом 43 чел., оштрафованы 280, предупреждены 263 колхозника. Решением Чурачикского исполкома райсо-

вета материалы на 17 нарушителей трудовой дисциплины были переданы в прокуратуру. По Алатырскому району только в третьем квартале 1946 г. оказалось 847 не выполнивших трудовую норму, из них по уважительным причинам — 315 чел., материалы на 188 чел. были переданы для привлечения к судебной ответственности. В Козловском районе были осуждены 200 колхозников. Данная ситуация была характерна для всех районов республики. Подобные меры воздействия не давали ожидаемого практического эффекта, приводили к массовой судимости колхозников, поэтому в первые послевоенные годы они были непопулярны в обществе. Однако специальный пункт указа предусматривал привлечение к судебной ответственности председателей правлений и бригадиров колхозов «за уклонение от предания суду трудоспособных колхозников, не выработавших обязательного минимума трудодней». Статистика о привлечении к уголовной ответственности председателей колхозов и об исключении их из рядов партии не совершенна. Документы свидетельствуют, что повод был разный: за «саботирование выполнения хлебозаготовок, плохое руководство по проведению уборки урожая и хлебозаготовок, систематический срыв призыва учащихся в школы ФЗО, разбазаривание приусадебных земель» и т.д.¹⁴⁵ С другой стороны, сами судебные органы находились под жестким контролем и привлекались к дисциплинарной или уголовной ответственности. Так, за неприятие своевременных законных мер по привлечению к уголовной ответственности председателей колхозов, саботирующих выполнение указаний «сверху», прокурору Калининского района республики был объявлен выговор¹⁴⁶. В 1947–1948 гг. обсуждение вопроса о вовлечении колхозников в общественное производство и мерах ответственности за уклонение от колхозных работ проходило в Совете по делам колхозов при правительстве СССР. Его возглавил заместитель председателя Совета министров СССР А.А. Андреев, в состав Совета был включен и председатель колхоза д. Кольцовка Вурнарского района С.К. Коротков. Представителями Совета по делам колхозов по Чувашской АССР работали Н.И. Рогаткин (1946–1949 гг.) и И.П. Старухин (1950–1953 гг.). При содействии Совета в районах республики были образованы комиссии, которые провели сплошную проверку соблюдения Устава сельскохозяйственной артели во всех колхозах, в том числе и на предмет трудового участия колхозников. По материалам проверки было выявлено, что в основном не выполняли обязательный минимум трудодней женщины, имеющие малолетних детей, имеющие большие семьи, обремененные домашним хозяйством. Другую категорию игнорирующих обязательное трудовое участие составили члены семей административно-управленческого персонала, семей служащих и рабочих, особенно в пригородных колхозах. Результаты проверок выявили слабую материальную заинтересованность крестьян в колхозных рабо-

тах, конечно, среди них были и откровенные туеядцы, но их было меньшинство. Особую категорию составляли крестьяне, выступающие за «правильное» отношение государства к колхозам и колхозникам. В ходе обсуждения итогов проверки был сделан вывод о необходимости отказа от судебной ответственности, замене ее экономическими мерами. Несмотря на это, был принят Указ от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни», по которому местные органы власти при помощи сельских сходов или же колхозных собраний могли решать вопрос о выселении за пределы республики практически любого живущего в деревне человека. На основании указа выселяли, как правило, на 8 лет и лишь через 5 лет после выселения давалось право возбудить ходатайство перед райисполкомом, которым был утвержден приговор, о возвращении на прежнее место жительства. Выселение происходило в Карелию, Сибирь, Дальний Восток, преимущественно на работы объектов МВД (золотодобыча, горнорудная и лесная промышленность, железнодорожное строительство), незначительная часть работала в совхозах и других предприятиях. Самые сильные репрессии по этому указу прошли летом 1948 г. (было выслано более 12 тыс. крестьян по России в целом). В Чувашии также были проведены собрания во всех районах республики. Несмотря на предварительную подготовку, голосование за выселение проходило с большими трудностями, население не поддержало Указ от 2 июня 1948 г. Иногда собрания по выселению превращались в трибуну для анализа и критики существующего положения в колхозах. Дальнейшая судьба осмелившихся выступить с критикой колхозников была сложной. Находился ряд административных, экономических, политических мер к их усмирению. Это и исключение из рядов партии, из колхозов (а так как уйти из деревни на работу в другие организации они не могли без согласия администрации, то должны были существовать впроголодь), сокращение площади приусадебного хозяйства, повышенное обложение хозяйства государственными поставками, привлечение к уголовной ответственности за нарушение Устава сельхозартели и др.

Кроме выселения, применялась другая мера наказания — предупреждение о возможной высылке. С начала 1950-х гг. исполнение Указа от 2 июня 1948 г. все более сводилось к предупреждениям, исполкомы обычно отменяли ранее принятые решения о выселении. Всего было отправлено на спецпоселение в целом по СССР 33 266 чел. и 13 598 членов их семей. По архивным данным, на июнь 1950 г. предполагалось отселение из Чувашской АССР 344 чел. Освобождение началось после 1953 г. Да и после истечения срока высылки начинать им заново обустроить жизнь приходилось нелегко¹⁴⁷. Часто колхозная семья подвергалась одновременно разным видам наказаний за

нарушение трудовой дисциплины и неуплату налогов. Описывая состояние своей семьи в первые послевоенные годы, В. Погильдяков, известный журналист, отмечает: «Когда в 1951 г. вернулся домой с войны, в колхозе я начал работать молотобойцем в кузнице, т.к. был в армии авиационным механиком. За работу получал полкило хлеба в день и, пока шел домой, съедал его (дома были мать и четыре сестры младше). Собирали с матерью колосья в оренбургской степи (он был уроженцем Самарской области. — В.Х.). А за колосья была “расстрельная” статья. В придачу ко всему к нам вскоре пришли разбирать дом, который описали за неуплату штрафа»¹⁴⁸.

Такое положение разрушило достаточно зыбкое доверие крестьянства к правительству, возникшее на селе во время войны и сразу после нее. Чрезвычайные меры приносили кратковременный эффект, ускорили развал хозяйств и исход крестьян из деревни, обнажили её противоречия, состояние сельского хозяйства, положение крестьянства было кризисным. Труд в колхозе был просто невыгоден для колхозников. В любом случае им для выживания приходилось искать дополнительные источники. В дальнейшем меры воздействия на колхозников носили в основном экономический характер. Законом «О сельхозналоге», принятом в 1953 г., предусматривалась возможность повышения сельхозналога на 50 %, если отдельные члены колхозных дворов не выработали в течение текущего года минимума трудодней, на основании решений общего собрания колхозников или собрания уполномоченных. Данное положение нашло отражение и в постановлении Совета министров СССР от 23 июня 1954 г. «Об обязательном минимуме трудодней для трудоспособных колхозников». Колхозы также получили право сокращать размеры или же лишать приусадебных участков колхозников, уклоняющихся от работы, не выделять им общественные выпасы и сенокосы, не разрешать использовать технику для нужд личного хозяйства. Уставом сельхозартели «Дружба» Чебоксарского района на 1956 г. предусматривалось сокращение приусадебных участков у хозяйств рабочих и служащих, трудоспособные члены которых не выполняли установленного минимума трудодней, также при распределении натуральных и денежных доходов им полагалось на 30 % меньше выплат. За неоднократное уклонение от работы в колхозном производстве колхозника могли лишить участия в производстве на срок от 3 месяцев до 1 года (т.е. временно исключить из колхоза). Для тех же, кто добросовестно выполнял или перевыполнял минимум трудодней, предусматривались льготы: бесплатный отпуск подвод на хозяйственные нужды (до 8 раз), бесплатное предоставление транспорта при строительстве домов и надворных построек, установление минимальной платы за пастьбу скота на общих выгонах и пастбищах и другие виды материального поощрения. В 1960 г. колхозники артели «Коммунизм», не выполнившие уста-

новленный минимум трудодней без уважительной причины, за обработку огорода тягловой силой должны были платить 2 руб. за сотку, не члены колхоза — 5 руб. В 1960—1961 гг. у части тружеников данного колхоза за систематический отказ от работы в общественном хозяйстве были урезаны приусадебные участки до 0,15 га¹⁴⁹. С 1969 г. правления колхозов по своему усмотрению получили право частично или полностью лишать таких членов колхоза дополнительной оплаты или других видов материального поощрения. В 1964—1991 гг. основной формой стала борьба с «тунеядцами». 4 мая 1961 г. на основании ст. 12 Конституции Президиум Верховного Совета РСФСР принял указ «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Действие указа распространялось не только в колхозной деревне, но и по всей стране. По постановлениям районных (городских) народных судов, в отдельных случаях и по общественному приговору, вынесенному коллективами трудящихся по предприятиям, цехам, учреждениям, организациям, колхозам и колхозным бригадам, они подвергались выселению в специально отведенные местности на срок от 2 до 5 лет с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем, и обязательным привлечением к труду по месту поселения. К середине 1964 г. по этому указу было сослано 37 тыс. чел. При этом под «общественно полезным трудом» понимался лишь труд в санкционированной государством форме. Самодеятельный же труд разрешался только в свободное от «общественно полезного труда» время, иначе он приравнивался к тунеядству. Учеба в государственном учебном заведении считалась достаточным эквивалентом «общественно полезного труда». Борьба с тунеядством велась до принятия в апреле 1991 г. закона «О занятости населения», отменившего уголовную ответственность за тунеядство и признавшего безработицу¹⁵⁰.

В 1980-х гг. в колхозах и совхозах для стимулирования трудовой деятельности работников применялись разные формы организации и оплаты труда: коллективный подряд с оплатой за конечный результат, элементы хозрасчета, дополнительная оплата труда за количество и качество выполненной работы и т.д. Но в результате сложилась парадоксальная ситуация: по замечанию одного из председателей колхоза, «если раньше не работали из-за того, что знали: все равно ничего не дадут, то теперь не работают потому, что знают: все равно дадут»¹⁵¹. Гарантированность оплаты разрушила связь между трудовыми усилиями и экономической эффективностью, с одной стороны, и оплатой работников, с другой. По сути, заработная плата колхозников, как и раньше минимальная для существования, стала выступать в форме социального вспомоществования. Прежде всего, необходимо подчеркнуть то, что колхозник отчуждался от результатов своего

труда. Да и годы, когда труд в колхозе не был желательным, не прошли даром: снизилась ценность общественного труда, выросла материальная мотивация. Ухудшение отношения к общественному производству, нерадивая, некачественная работа, большие потери рабочего времени, сельхозпродукции, варварское отношение к материальным ресурсам колхозов и совхозов, земле, равнодушие к судьбе общественного хозяйства, пассивность в труде широко распространились среди работников совхозов и колхозников республики. Падение трудовой дисциплины, воровство колхозно-совхозной продукции превратились в существенный элемент сельской жизни. Считается, что в 70–80-е гг. XX в. эти тенденции, возникшие намного раньше, стали устойчивыми и господствующими в характеристике социальной апатии крестьянства. Описывая данную ситуацию, сложившуюся в чувашском селе, П.П. Жузангай, народный поэт Чувашии, писал: «Некоторые говорят: “Наш мужик как-то поостыл к земле, поэтому и нет поэзии сельского труда”. Верно: было время, когда нарушения основного экономического закона на селе, забвение принципа материальной заинтересованности резко сказались на психологии колхозного крестьянства»¹⁵². В конце 1980-х гг. для решения проблем аграрного сектора экономики в республике предлагалось проведение действенных мер по улучшению использования в колхозах и совхозах собственных трудовых ресурсов, сокращению привлечения работников из других отраслей народного хозяйства, совершенствованию организации производства и труда, внедрение его прогрессивных форм, укрепление трудовой дисциплины, закрепление молодежи на селе, применение практики перераспределения трудовых ресурсов между трудоизбыточным и трудонедостаточным районами. Все чаще ставились вопросы борьбы с пьянством и алкоголизацией сельского населения¹⁵³. При этом основной упор делался опять на технологические процессы. Только в отдельных случаях обращалось внимание на человека труда. Так, отметив положительные результаты деятельности правления колхоза «Россия» Комсомольского района по расширению колхозной демократии, сказывавшиеся на росте доходов сельхозартели, ставшей миллионером, бюро обкома партии, рассмотревший этот вопрос в 1989 г., нацелило внимание парторганов на необходимость усиления внимания не на формы, а на содержание и результативность работы, на человеческий фактор, позволяющий раскрыть качество полноправного хозяина земли и его творческую хозяйственную инициативу¹⁵⁴.

Таким образом, социальная трансформация сельского населения республики, прежде всего колхозного крестьянства, зависела от экономической политики в аграрной сфере, процессов модернизации аграрного сектора, от государственной политики социального развития села. Серьезные изменения произошли в социально-демографическом развитии сельского населения, в социально-профессиональном облике тружеников сель-

ского хозяйства. Самое непосредственное влияние на данные трансформационные процессы деревни оказала урбанизация (в широком смысле этого понятия), что повлекло изменения традиционного образа жизни, в развитии сельских семей, в организации и культуре труда сельского населения. В процессе развития колхозной системы колхозники по статусу все более приближались к работникам наемного труда. Одновременно усиливалась дифференциация колхозного социума, в основе которой лежали такие факторы, как объем властных полномочий, профессиональная специализация, уровень дохода, престиж. Отдельные социальные группы колхозников стали различаться не только по уровню материального достатка, но и моделью поведения, образом жизни, профессиональными интересами. Значительно возросла социальная мобильность колхозников. Это проявлялось в возможности смены социального статуса, а также перехода в другую группу колхозного социума. В социальной структуре сельского населения появились новые категории, по статусу и положению приближенные к государственным работникам. Целенаправленная и достаточно продуктивная политика по подготовке кадров всех уровней на селе привела к росту человеческого потенциала сельского общества. В то же время процессы раскрестьянивания сопровождались и серьезными негативными явлениями. Сельскохозяйственный труд не удалось возвести в ранг социально престижного труда, усиливалась пассивность колхозников, наблюдалось равнодушие к работам на земле, все больше ощущался разрыв в ценностных установках различных поколений селян. Принимаемые жесткие меры по усилению трудовой мотивации сельских тружеников — политика «кнута и пряника» — не дали ощутимых изменений в мировоззрении и отношении к общественному труду. Несмотря на это, занятость сельского населения была очень высокой.

Литература, источники и примечания

¹ Космовский А.В., Космовская О.В. Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. С. 224; ГИА ЧР. Ф. Р-11. Оп. 14. Д. 1. Л. 1–323.

² Попов В.П. Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 3–15; *Его же*. Демографическая ситуация в СССР в 40-е годы (по документам «особой папки» Сталина) // Отечественные архивы. 1996. № 2. С. 27–33; Статистика Чувашии в годы Великой Отечественной войны, 2015: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2015. С. 85–86, 127.

³ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 4372. С. 9; Демографический ежегодник Чувашской Республики: статист. сб. Чебоксары, 2008. С. 25.

- ⁴ *Викторов В.Н., Кураков Л.П., Зимин А.А.* Население и трудовые ресурсы Чувашской АССР / под ред. Л.П. Куракова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. С. 27, 29.
- ⁵ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1848. С. 25.
- ⁶ Чувашия, 1920–2010: цифры и факты: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2010. С. 23.
- ⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. С. 25.
- ⁸ *Сидоров П.А.* Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. С. 45; Советская Чувашия за 45 лет: статист. сб. Чебоксары, 1965. С. 9, 90, 93.
- ⁹ *Шорников А.М.* Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959–1985 гг.). Ч. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 173–174.
- ¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1690. С. 21.
- ¹¹ Статистический ежегодник Чувашской Республики, 1999: статист. сб. Чебоксары, 2000. С. 22.
- ¹² НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 810. Инв. № 4372. С. 2.
- ¹³ *Иванов В.П.* Этническая карта Чувашии. Чебоксары: Руссика, 1996. С. 88.
- ¹⁴ Население и трудовые ресурсы Чувашской Республики / Л.П. Кураков [и др.]. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. С. 9.
- ¹⁵ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1848. С. 23.
- ¹⁶ Чувашия, 1920–2010: цифры и факты: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2010. С. 23.
- ¹⁷ Чувашия за 40 лет в цифрах. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. С. 41.
- ¹⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 25. Л. 160; Д. 30. Л. 5.
- ¹⁹ Там же. Ф. Р-197. Оп. 44. Д. 10. Л. 364; НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 46. Инв. № 83.
- ²⁰ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 1165. Инв. № 7357. Л. 28, 128–130, 158–159 (см. Приложение 22).
- ²¹ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 44. Д. 10. Л. 261, 277, 304, 329, 364, 403; Д. 21. Л. 2, 50, 88; Оп. 42. Д. 1437. Л. 1, 42, 81; НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 46. Инв. № 83; Ед. хр. 1492. С. 7; Чебоксарский районный архив. Ф. 16. Оп. 1. Д. 17. Л. 1; Ф. 274. Д. 83.
- ²² ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 4. Д. 45. Л. 276.
- ²³ *Костяшов Ю.В.* Повседневность послевоенной деревни: Из истории переселенческих колхозов Калининградской области, 1946–1953 гг. М.: Полит. энциклопедия, 2015. С. 18, 34.
- ²⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 4. Д. 67. Л. 11, 20, 199; Д. 58. Л. 195; Ф. Р-1834. Оп. 1. Д. 89. Л. 28; Д. 77. Л. 23.
- ²⁵ *Черных А.В., Каменских М.С.* Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб.: Маматов, 2014. С. 47, 56.
- ²⁶ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 1165. Инв. № 7357. Л. 68, 126–134.
- ²⁷ Там же. Отд. VII. Ед. хр. 46. Инв. № 83.
- ²⁸ *Викторов В.Н., Кураков Л.П., Зимин А.А.* Указ. соч. С. 15.
- ²⁹ *Староверов В.И., Петров А.П., Ильин И.Е.* Социальный портрет сельской Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. С. 38.
- ³⁰ *Васильева О.* Чувашская Республика: модель этнологического мониторинга. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 28.
- ³¹ НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 245. Инв. № 983. С. 10.
- ³² Там же. С. 11.
- ³³ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2: 1945–2005. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 314; Статистический ежегодник Чувашской Республики, 1999. С. 22.

- ³⁴ Расселение в Нечерноземной зоне РСФСР. М.: [б.и.], 1975. С. 35–41; *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950–1965 гг. М.-Вологда, 1991. С. 36.
- ³⁵ *Нестеров В.А.* Населенные пункты Чувашской АССР: справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. С. 69; НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 810. Инв. № 4372. С. 6.
- ³⁶ *Мазур Л.Н.* Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х – 1980-е гг.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 35.
- ³⁷ Работники сельского хозяйства: очерки: иллюстрированное издание. Т. 11. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 53, 56.
- ³⁸ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 604. Инв. № 5091. Л. 7.
- ³⁹ *Казаков Н.А.* Сельские поселения // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. Т. 3: М–Се. С. 650.
- ⁴⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 153.
- ⁴¹ *Сидоров П.А.* Указ. соч. С. 45.
- ⁴² НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 144. Инв. № 678. Л. 3, 15, 39.
- ⁴³ Там же. Отд. X. Ед. хр. 828. Л. 6, 7; История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 236, 314.
- ⁴⁴ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1690. Л. 43–48.
- ⁴⁵ Чувашия, 1920–2010: цифры и факты: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2010. С. 26.
- ⁴⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. М.: Статистика, 1972. Т. 1: Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. С. 161.
- ⁴⁷ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1690. С. 7, 9, 22, 33; Ед. хр. 810. Инв. № 4372. С. 21–22.
- ⁴⁸ Статистический ежегодник Чувашской Республики, 1999. С. 25–26.
- ⁴⁹ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: в 14 т. М.: Статистика России, 2004. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. С. 168–169.
- ⁵⁰ Агропромышленный комплекс Чувашской Республики, 2003: статист. сб. / Комитет государственной статистики Чувашской Республики – Чувашии. Чебоксары, 2003. С. 9.
- ⁵¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 366. Инв. № 3818. Л. 60; Отд. X. Ед. хр. 1690. Л. 83.
- ⁵² Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки: статист. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. С. 5.
- ⁵³ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 392. Инв. № 4140. Л. 1–5.
- ⁵⁴ *Викторов В.Н., Кураков Л.П., Зимин А.А.* Указ. соч. С. 30; Статистический ежегодник Чувашской Республики, 1999. С. 36.
- ⁵⁵ *Фокин П.П.* Чувашская сельская семья в конце XIX в. – 1980-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2002; Семейный быт народов СССР. М.: Наука, 1990. С. 258–265; *Иванов В.П.* Влияние миграции из села на демографические и этнические характеристики чувашских городских семей // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в условиях развитого социализма: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1982. С. 100–124; *Фокин П.П.* Социальная и этнодемографическая характеристика структуры сельской семьи Чувашской АССР // Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 33–51.
- ⁵⁶ Работники сельского хозяйства: очерки. Т. 11. С. 146–158.
- ⁵⁷ *Карпунина И.Б.* Семейная структура сельского населения Сибири в 1960–1989-х годах: проблемы изучения // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения: сб. науч. статей. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. С. 127.

- ⁵⁸ Чувашская Республика: социокультурный портрет / под ред. И.И. Бойко, Д.М. Шабунина, В.Г. Харитоновой. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 43–44.
- ⁵⁹ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1690. С. 12–13, 49–50; Чувашия за 70 лет: статист. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 18–19.
- ⁶⁰ Чувашия за 50 лет: статист. справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. С. 19; Чувашия за 40 лет в цифрах. С. 102, 133.
- ⁶¹ Чувашия, 1920–2010: цифры и факты. С. 75.
- ⁶² Статистический ежегодник Чувашской Республики, 1999. С. 121.
- ⁶³ Советская Чувашия за 45 лет: статист. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. С. 9; *Артютюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 390.
- ⁶⁴ *Космовский А..В., Космовская О.В.* Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 197.
- ⁶⁵ *Харитонов В.Г.* Колхозное крестьянство Чувашской АССР в 1946–1958 годах: численность, состав, трудовое участие // Исследования по аграрной истории Чувашии: сб. статей. Чебоксары, 1989. С. 37.
- ⁶⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 44. Д. 10. Л. 261, 278, 304, 329, 403; Д. 21. Л. 2, 50, 83; НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 55. Инв. № 149. Л. 1; Инв. № 150; Ед. хр. 46. Инв. № 83.
- ⁶⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 44. Д. 21. Л. 59; Д. 246. Л. 57, 58; НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 46. Инв. № 83.
- ⁶⁸ По данным сводных годовых отчетов колхозов.
- ⁶⁹ Советская Чувашия за 45 лет: статист. сб. С. 93.
- ⁷⁰ НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 245. Инв. № 982. Л. 8, 45.
- ⁷¹ Там же. Отд. X. Ед. хр. 925. Л. 4; Ед. хр. 1848. Л. 27.
- ⁷² Там же. Отд. VII. Ед. хр. 245. Инв. № 982. Л. 45; ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 52. Д. 1160. Л. 3.
- ⁷³ Чувашия за 50 лет: статист. сб. С. 43.
- ⁷⁴ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 256. Л. 111.
- ⁷⁵ Там же. Д. 263. Л. 147–148.
- ⁷⁶ Там же. Д. 476. Л. 1–69.
- ⁷⁷ Чувашия за 50 лет: статист. сб. С. 43; ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 44. Д. 10. Л. 277, 304, 329, 364, 403; Д. 21. Л. 2; Ф. 210. Оп. 26. Д. 1120. Л. 13, 16, 27.
- ⁷⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 44. Д. 10. Л. 261, 277, 304, 329, 364, 403; Д. 21. Л. 2, 50, 88; Оп. 42. Д. 1437. Л. 1, 42, 81; НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 46. Инв. № 83.
- ⁷⁹ НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 245. Инв. № 982. Л. 45.
- ⁸⁰ Решением III Всесоюзного съезда колхозников, состоявшегося в 1969 г., сельскохозяйственные предприятия, базировавшиеся на колхозно-кооперативной собственности, предлагалось называть колхозами, а не сельскохозяйственными артелями // История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 180.
- ⁸¹ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 925. Л. 3–4; Ед. хр. 1832. Л. 3.
- ⁸² *Староверов В.И., Петров А.П., Ильин И.Е.* Социальный портрет сельской Чувашии. С. 65–66.
- ⁸³ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 235. Л. 13; ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 42. Д. 1142. Л. 120; Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 1022. Л. 214; Ф. Р-197. Оп. 37. Д. 354. Л. 1; Оп. 45. Д. 12. Л. 14.

- ⁸⁴ Советская Чувашия. 1978. 22 марта.
- ⁸⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 37. Д. 472. Л. 4; Оп. 44. Д. 197. Л. 188; Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 1350. Л. 27; Д. 1495. Л. 48.
- ⁸⁶ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 33. Д. 39. Л. 3.
- ⁸⁷ НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 245. Л. 4; *Староверов В.И., Петров А.П., Ильин И.Е.* Социальный портрет сельской Чувашии. С. 40–41.
- ⁸⁸ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1437. Л. 108.
- ⁸⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 44. Д. 10. Л. 255; Оп. 37. Д. 1029. Л. 2; Оп. 42. Д. 539. Л. 1; Д. 763. Л. 77; Д. 1510. Л. 15; ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 1131. Л. 16.
- ⁹⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 42. Д. 763. Л. 109.
- ⁹¹ Там же. Оп. 37. Д. 1029. Л. 79; Оп. 42. Д. 1316. Л. 102.
- ⁹² Там же. Оп. 44. Д. 246. Л. 64; Советская Чувашия за 45 лет: статист. сб. С. 98.
- ⁹³ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 38. Д. 58. Л. 2.
- ⁹⁴ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.): статист. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. С. 66.
- ⁹⁵ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.). Чебоксары, 1982. С. 79.
- ⁹⁶ Там же. С. 78.
- ⁹⁷ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 46. Д. 222. Л. 30.
- ⁹⁸ Советская Чувашия. 1978. 22 марта.
- ⁹⁹ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1437. Л. 104.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 105–107.
- ¹⁰¹ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 32. Л. 16–17.
- ¹⁰² Там же. Оп. 46. Д. 222. Л. 3.
- ¹⁰³ Советская Чувашия. 1985. 16 февраля.
- ¹⁰⁴ Чувашская АССР за 70 лет: статист. сб. С. 80–81; ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 60. Д. 100. Л. 53–55; Оп. 62. Д. 2.
- ¹⁰⁵ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1653. С. 38–40.
- ¹⁰⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 42. Д. 1142. Л. 120; Оп. 52. Д. 1160. Л. 12.
- ¹⁰⁷ *Безнин М.А., Димони Т.М.* Интеллектуалы в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни): монография. Вологда: Легия, 2010. С. 121.
- ¹⁰⁸ Работники сельского хозяйства: очерки. Т. 11. С. 5–8.
- ¹⁰⁹ *Безнин М.А., Димони Т.М.* Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 97.
- ¹¹⁰ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1940 гг. М.: Сельхозгиз, 1940. С. 41–47.
- ¹¹¹ Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М.: Сельхозгиз, 1948. С. 310–311.
- ¹¹² *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву: середина 1940-х – начало 60-х гг. М.: Наука, 1992. С. 52.
- ¹¹³ *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953). Париж: YMCA-Press, 1992. С. 224.
- ¹¹⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 44. Д. 246. Л. 2, 139.
- ¹¹⁵ Нормы выработки и расценки в трудоднях в колхозе «Слава» Яльчикского района Чувашской АССР. Чебоксары, 1962. С. 3–5.

- ¹¹⁶ Работники сельского хозяйства: очерки. Т. 11. С. 109–110.
- ¹¹⁷ Чебоксарский районный архив. Ф. 16. Оп. 1. Д. 33; Ф. 274. Оп. 2. Д. 63; Д. 101.
- ¹¹⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 6. 1966 — июнь 1968 года: сборник документов за 50 лет / [сост.: К.У. Черненко, М.С. Смиртюков]. М.: Политиздат, 1968. С. 111–113; Решения партии и правительства по сельскому хозяйству, 1965–1974 гг.: [сб. документов]. М.: Колос, 1975. С. 386.
- ¹¹⁹ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 33. Д. 225. Л. 4, 39, 55.
- ¹²⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 44. Д.10. Л. 261, 278, 304, 330, 365, 404; Д. 21. Л. 3; Д. 246. Л. 51–58; Оп. 24. Д. 1493. Л. 88; Павлов Н.П. Крестьянство Удмуртии 1946–1970 гг.: историко-социологические очерки. Ижевск, 1975. С. 206.
- ¹²¹ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 42. Д. 126. Л. 66; Оп. 37. Д. 888. Л. 119; Оп. 42. Д. 1437. Л. 20; Д. 12. Л. 87; Ф. Р-1800. Оп. 2. Д. 5. Л. 16, 53; Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 1493. Л. 88.
- ¹²² НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 245. Инв. № 982. Л. 9.
- ¹²³ Сборник решений по сельскому хозяйству. М.: Сельхозгиз, 1963. С. 84.
- ¹²⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-1800. Оп. 2. Д. 5. Л. 3.
- ¹²⁵ Чувашия за 50 лет советской власти в цифрах: статист. сб. Чебоксары: Чувашиздат, 1967. С. 7.
- ¹²⁶ По данным сводных годовых отчетов колхозов за 1946–1958 гг.
- ¹²⁷ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 34. Д. 59. Л. 13–14; Оп. 36. Д. 46. Л. 4–5.
- ¹²⁸ Шорников А.М. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959–1985). Ч. 2. С. 121.
- ¹²⁹ НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 245. Инв. № 982. Л. 9.
- ¹³⁰ Там же. Отд. X. Ед. хр. 1653. Л. 38.
- ¹³¹ Там же. Ед. хр. 1785. Инв. № 6016. С. 378, 381.
- ¹³² Чувашская АССР за 70 лет: статист. сб. С. 70.
- ¹³³ Звание отменено в 1991 г.
- ¹³⁴ Красная Чувашия. 1948. 20 марта.
- ¹³⁵ Там же. 1950. 15 июля.
- ¹³⁶ Шорников А.М. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959–1985). Ч. 2. С. 62–63.
- ¹³⁷ Советская Чувашия. 1973. 12, 23, 25, 27–29, 31 декабря.
- ¹³⁸ Там же. 1967. 25 мая; 1973. 3 сентября, 4 ноября; 1974. 1 июня; Шорников А.М. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959–1985). Ч. 2. С. 118.
- ¹³⁹ Шорников А.М. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959–1985). Ч. 2. С. 208.
- ¹⁴⁰ Кедров Н.Г. Социальная идентичность крестьянства Русского Севера в 1930-е годы // Российская история. 2012. № 5. С. 152–161; Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления [пер. с англ. А.В. Бардина]. М.: Росспэн: фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2010. С. 279.
- ¹⁴¹ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 33. Д. 225. Л. 2.
- ¹⁴² URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4643.htm (дата обращения: 9.12.2014).
- ¹⁴³ Попов В.П. Государственный террор в Советской России, 1923–1953 гг.: (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 20–31.
- ¹⁴⁴ По данным ИВЦМВД ЧР.

¹⁴⁵ Красная Чувашия. 1947. 14 июня; ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 187. Л. 22, 38, 41, 72; Д. 177. Л. 2, 60; Д. 256. Л. 111; Д. 263. Л. 147–148; Д. 558. Л. 100; Д. 468. Л. 67; ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 20. Д. 363. Л. 9, 9 об.

¹⁴⁶ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 554. Л. 81.

¹⁴⁷ Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 38; История СССР. 1992. № 1. С. 131; *Зима В.Ф.* «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х — начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109–125; ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 752. Л. 84, 88–91; Д. 759. Л. 9, 14, 17, 45; *Кузьмин Л.* Без вины виноватые // Советская Чувашия. 1995. 27 октября.

¹⁴⁸ Бизнес-среда. 1996. № 21. Май. С. 11.

¹⁴⁹ Чебоксарский районный архив. Ф. 16. Оп. 1. Д. 33; Ф. 274. Оп. 2. Д. 63, 72.

¹⁵⁰ *Фицпатрик Ш.* Паразиты общества: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008. С. 219–254; *Ластовка Т.* Тунеядство в СССР (1961–1991): юридическая теория и социальная практика // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 212–229.

¹⁵¹ *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы, 1945–1964. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1993. С. 125.

¹⁵² *Хузангай П.* Книга дружбы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. С. 42–51.

¹⁵³ НА ЧГИГН. Отд. Х. Ед. хр. 1653. С. 43.

¹⁵⁴ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 63. Д. 36. Л. 36–39.

Глава 2

Хозяйство крестьянского двора и производство сельскохозяйственной продукции

2.1. Личное крестьянское хозяйство Чувашии: основные этапы и динамика развития

В развитии сельского хозяйства и крестьянства в XX в. определенную роль сыграли личные крестьянские хозяйства, функционировавшие наряду с колхозно-совхозной системой. Они прошли сложный и противоречивый путь развития, что отразилось на применении в исторической литературе и других жанрах ряда неоднозначных терминов для его обозначения, таких как «личное крестьянское хозяйство», «индивидуальное крестьянское хозяйство», «единоличное крестьянское хозяйство», «личное подсобное хозяйство», «крестьянский двор», «колхозный двор», «крестьянское хозяйство» и т.д. Множественность понятийного аппарата, определяющего предмет исследования, связана с объективным ходом развития крестьянских хозяйств и их трансформации на протяжении ряда десятилетий XX в., обусловлена также механизмом формирования и проведения государственной политики в их отношении. Для определения основной сущности крестьянского хозяйства, этапов и форм трансформации важно остановиться на его характеристике. В 1920-е гг. благодаря работам А.В. Чаянова оформляется организационно-производственное направление экономической мысли, центральным звеном которого становится идея устойчивого развития крестьянского хозяйства и повышения его эффективности¹. В эти годы была сделана попытка определения статуса крестьянского хозяйства. Под «крестьянским хозяйством» рассматривалась такая организация сельского хозяйства, в которой производство ведется на основе труда самого земледельца и его семьи². По мнению А.В. Чаянова, принцип целостности крестьянско-

го хозяйства заключается в семейном труде. «Интенсивность сельскохозяйственного производства и его организационные формы в наибольшей степени зависят от размеров земельного участка, которым располагает трудящаяся семья, и от уровня ее потребностей, то есть от ее внутренних факторов (численность и состав семьи, соотношение между размерами семьи и надела, используемого в производстве), с другой стороны, внешними по отношению к нему факторами, такими, как рынок, естественно-исторические условия и техника»³. Ему также принадлежит заслуга в создании концепции организационного плана, детального анализа конкретных вопросов организации индивидуального крестьянского хозяйства⁴. Земельный кодекс РСФСР 1922 г. установил правовой статус крестьянского двора. Согласно ст. 65, 66, 67 раздела Земельного кодекса «О дворе (трудовое земледельческое хозяйство)» двором признавался семейно-трудовое объединение лиц, совместно ведущих сельское хозяйство. Членами двора считались как все наличные его участники (включая малолетних и престарелых), так и ушедшие временно на трудовые заработки и не вышедшие из него законным порядком. Состав двора увеличивался в случаях брака и примачества (приема во двор новых членов) и уменьшался при выходе из него членов или их смерти. Право на землю, находящуюся в трудовом пользовании двора (хозяйства), а также на постройки и сельскохозяйственный инвентарь принадлежало всем членам двора в полном его составе, независимо от пола и возраста. В 1930-е гг. в связи с изменением системы ведения сельского хозяйства, прежде всего с коллективизацией, отношение к крестьянскому хозяйству в государственной политике кардинально меняется. Предполагалось, что крестьянский двор потеряет свое значение как социально-экономическая единица на селе, исходя из этого и статус юридического лица⁵. Другие функции крестьянского двора в расчет просто не брались. Устав сельскохозяйственной артели, принятый в марте 1930 г., разрешал колхозникам иметь в личном пользовании небольшое подсобное хозяйство, в том числе приусадебные участки, без определения конкретных размеров. В нем также не нашли отражения и размеры личной собственности колхозного двора. Но важен сам факт сохранения важнейшего элемента традиционного вида хозяйствования в виде личного приусадебного хозяйства колхозного двора. В действительности приоритет двора в выполнении повседневных функций, в том числе в экономических и финансовых отношениях с государством, остался прежним, считает Ш. Фицпатрик⁶. Новый Устав сельскохозяйственной артели 1935 г. в статье о приусадебных хозяйствах и содержании домашнего скота называл крестьянский двор в качестве единицы, наделяемой соответствующими правами и обязанностями. В личном пользовании двора оставались жилые и хозяйственные постройки, необходимые для содержания скота. По уставу это

могли быть коровы (одна на двор), свиньи (две на хозяйство), овцы и козы (до 15 штук), птица, кролики и улья. Колхозный двор наделялся землей в размере от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ гектара, в отдельных районах до 1 гектара, в зависимости от группы, все районы страны распределялись на четыре группы⁷. Размеры приусадебных участков единоличников и позднее служащих, живущих в деревне, также устанавливались официально и должны были иметь меньшую площадь, чем приусадебные участки колхозников⁸. В процессе коллективизации крестьянские дворы становились «колхозными дворами» (личным хозяйством колхозника, основу которого составляло приусадебное хозяйство). Конституция 1936 г. признала колхозный двор юридическим лицом, гарантируя его право на приусадебный участок. Любое крестьянское хозяйство, в составе которого был член колхоза, называлось колхозным двором, имеющим преимущество перед единоличным хозяйством. При этом членом колхоза не обязательно должен был быть глава семьи, а в других случаях остальные члены семьи могли быть единоличниками, работниками совхозов, служащими или же трудиться вне сферы сельского хозяйства⁹. В середине 1950-х гг., по определению В.П. Попова, колхозный двор «образуется колхозной семьей, члены которой связаны между собой семейными узами и совместным трудом в подсобном хозяйстве крестьянского двора». Порядок землепользования колхозного двора устанавливался ст. 2 Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 г.¹⁰ Колхозный двор являлся правовой формой личного подсобного хозяйства колхозников и неразрывно был связан с сельскохозяйственной артелью. Колхозник, член личного подсобного хозяйства, участвуя личным трудом в колхозном производстве, придавал колхозному двору определенное народнохозяйственное значение. Наряду с определенными правами (на пользование приусадебной землей, на владение личной собственностью, на получение определенных льгот и т.д.), колхозный двор нес ряд обязанностей (уплата налогов, обязательные сельскохозяйственные поставки государству). Земельный кодекс РСФСР 1970 г. подтвердил правовую основу колхозного двора. В ст. 60–63 определялось право семьи колхозника (колхозного двора) на приусадебный земельный участок, предоставление приусадебного земельного участка при разделе колхозного двора, сохранение права колхозного двора на приусадебный земельный участок. Однако в соответствии с Конституцией СССР 1977 г. устанавливался единый правовой режим личного подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих совхозов, наименование «колхозный двор» выходило из употребления. В 1988 г. в Примерный устав колхоза были внесены изменения, согласно которым право на ведение личного подсобного хозяйства принадлежало не семье колхозника, не колхозному двору, а члену колхоза. Таким образом, Устав колхоза в соответствии с

Дом колхозника с. Красные Четаи
1975 г.

конституционным положением в качестве единого носителя (субъекта) прав и обязанностей признавал члена колхоза при осуществлении хозяйственно-трудовой деятельности в личном подсобном хозяйстве. По новому положению личные подсобные хозяйства населения имели на праве владения и пользования земельный приусадебный участок, площадь которого устанавливалась нормативно-правовыми документами. В частной собственности находились: жилой дом, средства производства, продуктивный скот и птица, многолетние насаждения. Хозяйства носили натуральный, полунатуральный, потребительский характер, обеспечивали себя продуктами питания, дополнительным доходом, полученным с реализации излишков продукции, платили земельный налог. Основной доход семья и его члены получали от общественного производства, а дополнительный — за счет личного труда на приусадебном участке¹¹.

При разработке аграрной политики в 1946—1990 гг. высказывались неоднозначные подходы к колхозным дворам и личным подсобным хозяйствам. В первые послевоенные годы к ним относились настороженно, их противопоставляли социалистическому сельскому хозяйству. Общественно-политическая оценка аграрной политики этого времени, агитационно-пропагандистская работа были направлены на поддержку общественных хозяйств. Но одновременно колхозные дворы вынуждены были отдавать государству продукцию своего хозяйства в форме обязательных государственных по-

ставок. В январе 1951 г. ЦК ВКП(б) направил в партийную сеть закрытое письмо «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением колхозов», в котором предупредил о недопустимости ликвидации или свертывания личных подсобных хозяйств колхозников. И.В. Сталин в своей беседе с видными советскими экономистами в феврале 1952 г. подчеркнул, что «коммунизм будет после того, как функции крестьянского двора на обслуживание личных потребностей отпадут»¹². В Законе, принятом Верховным Советом СССР 8 августа 1953 г., все же было разрешено увеличить размеры приусадебных участков¹³. Аграрная реформа 1953 г. вызвала развитие личных хозяйств всех категорий населения, что обозначало вынужденный компромисс государства с индивидуальным сектором. Но уже в 1956 г. постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» запрещало увеличение размеров приусадебных участков членов колхозов за счет общественных земель и даже рекомендовало сократить и участки, и количество личного скота. 12 августа 1959 г. был издан указ Президиума Верховного Совета РСФСР и 20 августа постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 мая 1963 г. в отношении лиц, содержащих скот сверх установленных норм, вводился налог¹⁴. В Программе КПСС 1961 г. отмечалось: «На определенном этапе общественное хозяйство колхозов достигнет такого уровня развития, когда станет возможным за счет его ресурсов полностью удовлетворять потребности колхозников. На этой основе личное подсобное хозяйство постепенно себя изживет экономически. Когда общественное хозяйство колхозов сможет полностью заменить личное подсобное хозяйство колхозников, когда колхозники сами убедятся в том, что им невыгодно иметь приусадебное хозяйство, они добровольно откажутся от него»¹⁵. В принятом в октябре 1964 г. постановлении ЦК КПСС «Об устранении необоснованных ограничений личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих» осуждались волевые методы и субъективистский подход к решению экономических вопросов, рекомендовалось рассмотреть и решить вопрос о снятии введенных за последние годы ограничений производства продукции в ЛПХ; пересмотреть нормы содержания скота и размеры приусадебных земельных участков в сторону увеличения; оказывать добросовестно работающим работникам помощь в обработке приусадебных участков, в обзаведении скотом и птицей, в заготовке кормов; в целом создавать благоприятные условия для ведения ЛПХ¹⁶.

Для 1956—1969-х гг. характерна политика ограничения личных хозяйств, попытка слияния с колхозно-государственной собственностью, что в итоге привело к очередной волне падения уровня сельскохозяйственного производства. В 1969 г. III Всесоюзный съезд колхозников принял новый Примерный устав колхозов, действовавший до 1988 г., в котором предусматривалось уменьшение размеров личных подсобных хозяйств. С 1970 г. в Устав и Примерные правила внутреннего распорядка (ст. 22, 29) были включены положения о помощи со стороны колхоза его членам в содержании скота, возделывании земельных участков¹⁷. В 1970—1985-х гг., по определению М.Д. Денисевича, происходило «тихое сосуществование» личных хозяйств с общественным сектором¹⁸. Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других категорий граждан и коллективном садоводстве и огородничестве» (1977), «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан» (1981) предусматривали снятие всех ограничений в ведении личных подсобных хозяйств в колхозах. Кроме того, постановлением от 8 января 1981 г. предусматривались дополнительные меры по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан и налаживанию интеграционных связей личного подсобного хозяйства с общественным производством¹⁹. Постановлением бюро обкома КПСС и Совета министров Чувашии был определен комплекс мер, направленных на развитие личных подсобных хозяйств. Предусматривались меры по расширению в сельской местности строительства домов усадебного типа с надворными постройками. В июне 1982 г. этот вопрос рассматривался на сессии Верховного Совета Чувашской АССР. Принимались меры по увеличению продажи населению молодняка скота и птицы, комбикормов, сена, соломы, корнеплодов. Была усилена разъяснительная работа среди населения. Продовольственная программа, принятая в мае 1982 г., в отношении личных хозяйств населения предусматривала более активное вовлечение их в решение продовольственной проблемы. При этом одним из таких каналов предполагалось расширение стимулирования работы в общественных хозяйствах «натуральными» поощрениями. Имелось в виду все, что необходимо было в развитии личного подворья: зерно, корма, удобрения и т.д. Таким образом стремились расширить производство в личных подсобных хозяйствах, увеличить производство продукции сельского хозяйства, планировалась поддержка развития личных хозяйств населения²⁰.

Аграрная политика в 1986—1990 гг. для решения продовольственной проблемы рассматривала развитие подсобных хозяйств граждан, предприятий, коллективного садоводства и огородничества. Дальнейшее развитие получала кооперация двух секторов

сельскохозяйственного производства на договорных условиях, на принципах коллективного, семейного и арендного подряда, расширялась продажа населению молодняка скота и птицы, а также лошадей и другого рабочего скота с правом их содержания и использования на работах в приусадебных участках, кредитование строительства индивидуальных жилых домов (в размере до 20 тыс. руб. с погашением в течение 50 лет), надворных построек (до 4 тыс. руб. с погашением в течение 10 лет), на приобретение средств малой механизации (до 1 тыс. руб. с погашением в течение 3 лет), включение в общий трудовой стаж женщинам, имеющим малолетних детей и в связи с этим не занятым в общественном производстве, времени, затрачиваемого ими на выращивание скота и птицы, картофеля, овощей и других культур в личном подсобном хозяйстве по договорам с сельскохозяйственными предприятиями и организациями потребительской кооперации, расширение объемов и видов платных услуг владельцам личных подсобных хозяйств на началах индивидуально-трудовой и кооперативной деятельности. Размеры приусадебных участков и нормы содержания скота и птицы в личных подсобных хозяйствах определялись сельскими и поселковыми Советами народных депутатов, колхозами и совхозами с учетом участия владельцев личных хозяйств в общественном производстве²¹. В начале 1988 г. Совет министров Чувашской АССР рассмотрел вопрос «О дополнительных мерах по развитию личных подсобных хозяйств граждан, коллективного садоводства» и обозначил основные пути развития личных подсобных хозяйств в Чувашии²². В декабре 1990 г. III пленум рескома КПСС поддержал решения XXVIII съезда, октябрьского, ноябрьского и декабрьского (1990) пленумов ЦК КПСС о переходе на рыночные отношения, проведение аграрной реформы. По этим документам всем формам сельскохозяйственных организаций, арендаторам, крестьянским хозяйствам (личным подсобным хозяйствам) предоставлялись равные условия и стартовые возможности, право свободного выбора форм хозяйствования на земле. Аграрный сектор экономики оставался приоритетным для Чувашии, при этом предусматривалось ускоренное развитие инфраструктуры села преимущественно за счет государственных средств²³.

Таким образом, для рассматриваемого нами периода, 1946–1990 гг., наиболее характерным стало употребление термина «личное подсобное хозяйство» — так стали называть индивидуальные (личные) приусадебные хозяйства, возникшие на базе крестьянских хозяйств. Термин отражал принципы аграрной политики и идеологии времени, исходившие из временного характера личных хозяйств. Исследования показали, что личные подсобные хозяйства не были подсобными ни по удельному весу в общей валовой продукции сельского хозяйства, ни в формировании совокупного дохода крестьянских семей и снабжении продуктами питания. Отношение самих сельских жителей, колхозни-

ков к личному хозяйству как подсобному не наблюдалось вплоть до конца XX в. По мнению Ж.Т. Тощенко, «в условиях начавшегося функционирования колхозного строя сознание и поведение крестьянства среагировало следующим образом: личное хозяйство стало рассматриваться как производное от общественного. В 1950—1960-е гг. начинает складываться новая идеология — теперь коллективное хозяйство становится частью личного подсобного хозяйства»²⁴. Исследователи эволюции крестьянского хозяйства советской эпохи М.А. Безнин, Т.М. Димони выделяют в сельской подсистеме России 1930—1980-х гг. три основных социально-экономических уклада. Третий уклад — крестьянский (его название, закрепившееся в литературе, — ЛПХ, т.е. личное подсобное хозяйство, отражает, по мнению авторов, «лишь декларации официальной экономической политики советского времени»), происхождение которого характеризуется остаточностью «необобществленной» части крестьянских хозяйств 1920-х гг., патриархальным характером производства, рутинностью техники, отсутствием развития, универсализмом в использовании труда. При этом, как высказываются авторы, в отношении крестьянского уклада действовал механизм его отсеечения от источников капитализации. Заинтересованность государства в сохранении крестьянского двора в качестве социального амортизатора объясняла консервирование этого уклада на уровне минимального насыщения капиталом (в виде ручных орудий труда, коровы и др.), достаточным для его рутинного функционирования в системе простого воспроизводства²⁵.

На современном этапе большинство исследователей аграрной истории и экономики сельского хозяйства считает, что личные подсобные хозяйства населения являлись неотъемлемой частью народного хозяйства²⁶. Часть исследователей рассматривает крестьянские хозяйства, крестьянский двор «в качестве основной многомерной единицы социальной организации крестьянства», при этом, как они считают, на первый план выходит не отношение к собственности, а факт приложения своего труда, так как он не является собственником средств производства. «Крестьянский двор, — отмечает в своем исследовании И.А.Ножкина, — одна из немногих устойчивых, принципиально не упраздняющих социально-экономических, демографических и культурно-нравственных форм социальной организации»²⁷. По Г.Н. Никоновой, крестьянский двор, имея приусадебное (личное подсобное) хозяйство, при социализме явился единственным источником воспроизводства частнособственнической психологии сельского населения, хранителем традиций семейного ведения сельского хозяйства. С точки зрения теории институционализма Г.Н. Никонова дает следующее определение: «Крестьянский двор — узловой институт, в котором фокусируется воздействие других институтов: государства, права, религии, собственности, семьи и др., в совокупности определяющих как его роль

в экономическом и социальном развитии страны, так и неформальные морально-этические нормы, передающиеся из поколения в поколение»²⁸. Ответ на вопрос о формах и степени «закрытости» крестьянского двора в историографии базируется на классических концепциях: теории трудового крестьянского хозяйства А.В. Чаянова и концепции моральной экономики Дж. Скотта²⁹. Несмотря на имеющиеся различия в применении терминов, характеризующих крестьянское хозяйство, существенной особенностью исследований крестьянских хозяйств является системный подход, целостный анализ тех или иных процессов и явлений. Для рассматриваемого нами хронологического среза, 1946–1990-х гг., характерно употребление терминов «колхозный двор», «личное подсобное хозяйство», «приусадебное хозяйство крестьян»; в более широком смысле и в исследовании общей динамики развития в срезе XX в. наиболее приемлем термин «крестьянский двор». В связи с тем, что вплоть до середины 1960-х гг. колхозы составляли основу аграрного сектора в республике, объектом исследования за данный период являются колхозные дворы, с середины 1960-х гг. до 1990 г. наряду с ними значительную часть хозяйств населения составили личные хозяйства рабочих совхозов и служащих.

В количественном отношении число наличных колхозных дворов в 1946–1960 гг. возрастает по сравнению с довоенным 1940 г. на 14,8 тыс. хозяйств (см. табл. 2.1)³⁰.

Таблица 2.1

Колхозные дворы Чувашии (на начало года)

	1941	1951	1961	1971	1981	1986	1990
Число наличных колхозных дворов (тыс.)	166,2	177,6	170,3	134,6	101,9	85,2	91,8

В дальнейшем в связи с сокращением численности сельского населения, преобразованием части колхозов в совхозы, из-за государственной политики ограничения развития личных подсобных хозяйств сельчан происходит сокращение числа колхозных дворов в республике. На начало 1986 г. в республике насчитывалось 85,2 тыс. колхозных дворов. Государственная политика в 1985–1990-х гг., направленная на поддержку личных подсобных хозяйств сельчан, привела к росту числа колхозных дворов до 91,8 тыс.

В целом, личные хозяйства сельского населения Чувашии не только сумели сохраниться в XX в., но и получили дальнейшее развитие. В 1980 г. в республике насчитывалось 164,2 тыс. хозяйств, в 1990 г. в республике функционировало 190,6 тыс. сель-

Сельская улица. Колхоз им. Сталина Вурнарского района. 1954 г.

ских подворий³¹. О сохранении личными хозяйствами социально-экономических функций и возможностей для дальнейшего развития говорит и следующий факт. Начиная с 1991 г. в республике отмечена положительная динамика роста числа личных хозяйств, связанная с аграрными реформами, в республике количество личных хозяйств населения за 1991–1996 гг. увеличилось более чем на 10 тыс. единиц и составило свыше 206 тыс. дворов на начало 1997 г.³²

2.2. Усадьба и землепользование личного крестьянского хозяйства

Традиционная крестьянская усадьба состояла из жилых и хозяйственных построек. В Чувашии хозяйственные постройки были представлены помещениями для скота, постройками для хранения зерна, продуктов, кормов, инвентаря, разными навесами, летними кухнями, колодцами и другими объектами. На развитие индивидуальной усадьбы большое влияние оказала коллективизация. Прежде всего, исчезла необходимость в

конюшнях, снизилась потребность в навесах для хранения инвентаря (саней, телег и т.п.), стали ненужными отдельные гумна, мякинницы, овины для сушки хлеба, исчезла необходимость в больших амбарах для хранения урожая, в основном зерновых. Для хранения зерна, выданного на трудодни, достаточно стало клетки. С переходом с конца 1950-х гг. на денежную оплату труда стала отпадать и необходимость в больших клетях, в 1980-е гг. их имели около 50 % хозяйств, но уже использовались кладовки срубной конструкции, навесы над погребами.

Изменению подверглись функциональные варианты использования летней кухни и эксплуатации погреба. У чувашей южных районов республики, традиционно имевших летние кухни, в рассматриваемые годы они продолжали активно функционировать, это были капитальные строения срубной или кирпичной кладки, располагающиеся на усадьбе, как правило напротив избы, нередко выходящие на улицу двумя или одним большим окном. В других местах в качестве летних кухонь служили предбанники, сени. Летние кухни имели пол, потолок, обставлялись мебелью, для приготовления пищи устанавливались газовые плиты, иногда здесь обустраивались и столовые. Если до начала 1980-х гг. погреб использовались зимой для хранения корнеплодов, а летом в качестве холодильного помещения (набивались снегом, который позволял хранить продукты), то со временем в них стали держать только корнеплоды и заготовки на зиму. Сарай стали небольшими, лишь

для мелкого инвентаря, появились специальные помещения для дров, угля. В связи с газификацией и необходимостью соблюдения правил безопасности строили специальные помещения-котельные для установки газового оборудования. Среди других хозяйственных построек определенное место отводилось помещениям для содержания скота (коровник,

Летний домик. Село Норваш-Шигали Батыревского района
1980-е гг.

свинарник, хлев). Они были срубными и утепленными, позже их стали возводить и из других материалов: из кирпича или блоков и т.д. Несмотря на неоднозначную государственную политику в отношении личного подсобного хозяйства вплоть до начала 1990-х гг., количество помещений для зимнего содержания скота увеличивалось.

Особое место в системе крестьянской усадьбы занимала баня. До начала 1960-х гг. бани располагались вне комплекса хозяйственных построек усадьбы. По данным обследования 1980 г., проведенного в 21 населенном пункте республики, бани имели более 84,5 % опрошенных семей и они стали частью надворных построек³³. Таким образом, в 1946–1990-х гг. в структуре усадьбы сельского жителя произошли существенные изменения, как и в материалах для ее строительства, архитектуре и функциональной предназначенности хозяйственных построек, что было вызвано улучшением экономического состояния и условий жизни населения.

В землепользовании личных хозяйств находились приусадебные и полевые участки. Государство имело специальные земли приусадебного фонда, которыми наделялись члены колхозов, специалисты сельского хозяйства, рабочие, служащие и другие граждане, проживающие в сельской местности. Приусадебный участок, по сути, представлял собой землю вокруг жилого дома, включающую огород и небольшой сад с плодовыми деревьями. На II съезде колхозников-ударников надлежащий размер приусадебного участка стал предметом самых оживленных споров. Уставом сельскохозяйственной артели

Баня. Село Кушниково Мариинско-Посадского района
1980-е гг.

1935 г. регламентировались размеры приусадебных участков колхозников в большинстве регионов страны, часть имеющих участки меньше регламентированного получала право требовать дополнительные земли. Такие прирезки иногда делались за счет соседних усадеб, превышающих нор-

му, а там, где это было невозможно, колхозники добивались выделения земли под приусадебный участок от колхозного поля. При этом считалось, что если земля расположена в поле, а не вокруг дома крестьянина, то приусадебный участок теряет характер подсобного хозяйства и становится пред-

Сад в личном приусадебном хозяйстве. Село Кушниково Мариинско-Посадского района. 1980-е гг.

метом первоочередного внимания колхозного двора, члены которого могут жить исключительно за счет своего участка и практически прекращают работать в сфере общественного хозяйства. Наиболее интенсивно использовались земельные участки, расположенные вокруг собственных домов сельских жителей³⁴. В годы Великой Отечественной войны появилась тенденция к расширению приусадебных участков. Приусадебные участки засеивались зерновыми, что было нехарактерно даже для 1930-х гг. В 1945 г. в стране 32 % приусадебных участков колхозников были отведены под зерновые³⁵. Это было вынужденной мерой. В июне 1944 г. НКВД Чувашской АССР представил в обком партии докладную записку о сложном продовольственном положении в республике, в ней указывалось, что в ряде районов колхозники в течение 2–3 лет не получали на трудодни никаких зернопродуктов. Нормированное продовольственное снабжение по карточкам не распространялось на колхозное крестьянство. В годы войны крестьяне Чуваши выжили за счет продукции с приусадебных участков, урожаем с огородов еще и колхозам помогали рассчитывать с государством³⁶. Не улучшилось положение и в первый послевоенный год: в 1946 г. на трудодень было выдано лишь 0,61 килограмма зерна³⁷.

Наиболее важные положения о праве землепользования семьи колхозника (колхозного двора), других категорий сельских жителей были закреплены в главах XV и XVI Земельного кодекса РСФСР 1970 г. По остальным вопросам Земельный кодекс отсылал к Уставу колхоза, в котором эти вопросы четко регулировались. Участок не яв-

лся личной собственностью и по закону не мог продаваться или сдаваться в аренду: согласно ст. 73, переход права собственности на жилое строение, расположенное в сельской местности, не означал перехода права пользования приусадебным земельным участком. Предоставление приусадебного земельного участка лицу, которому перешло право собственности на жилое строение, производилось на общих основаниях в соответствии с требованиями Земельного кодекса. В случаях перехода права собственности на расположенное в сельской местности строение наследникам, если они не имели права на получение в установленном порядке приусадебного земельного участка, им предоставлялось право пользования частью земельного участка, необходимой для содержания этого строения, в размере от 0,03 до 0,06 гектара, включая площадь под строением. Образовавшиеся при этом мелкие земельные участки, которые невозможно было использовать для производственных нужд колхозов, совхозов, иных предприятий и организаций или передать другим гражданам, могли предоставляться указанной категории граждан сверх предусмотренной нормы в порядке, устанавливаемом Советом министров РСФСР. Однако дом и строения, стоящие на участке, были личной собственностью, и крестьяне вполне законно могли их сдавать или продавать. Это порождало ряд сложностей³⁸. Государство регулярно проводило регламентацию размеров приусадебных хозяйств, периодические проверки их размеров и «отрезков». В противовес этому крестьянство выработало свои формы борьбы за землю: это самовольная распашка, фиктивные разделы семей, скрытая аренда, распашка земель государственного фонда. Система контроля за размером приусадебных хозяйств сложилась в конце 1930-х гг. В 1939 г. согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» по всей стране был проведен обмер приусадебных участков. Незаконные отрезки общественных земель для расширения приусадебных участков, наделение колхозников новыми усадебными землями за счет полевых земель, предоставление колхозами участков для выпаса скота лицам, не работающим в сельскохозяйственной артели, сдача сенокосов в колхозных полях, лугах и лесах в индивидуальное пользование, самовольный захват общественных земель колхозниками были отнесены к уголовным преступлениям³⁹. Наиболее масштабными стали проверки в первом послевоенном году. 19 сентября 1946 г. Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В районах республики были созданы комиссии, которые стали регулярно проводить контрольные обмеры земель крестьянского подворья. Комиссии признали массовыми нарушениями расширение земель приусадебных хозяйств сверх положенного Уставом сельскохозяйственной артели. Было выявлено 18,2 тыс. слу-

чаев нарушения колхозного землепользования, в том числе 5498 га — из-за самовольного увеличения размеров приусадебных участков колхозников, 1334 га — среди других категорий сельского населения, 4164 га — из-за выделения в период войны участков для индивидуальных огородов рабочих и служащих⁴⁰. Выявленные земельные «излишки», то есть сверх установленных уставом норм землевладения, конфисковали вместе с урожаем, в отношении хозяев возбуждали уголовные дела. По итогам деятельности комиссии только в одном, Вурнарском районе к декабрю 1946 г. за нарушение размеров землепользования были привлечены к судебной ответственности 27 хозяйств, осуждены 20 человек, в том числе 16 колхозников, 2 единоличника и 2 служащих⁴¹. Житель д. Яманак Красноармейского района за самовольный захват 0,25 га колхозной земли был осужден к 6 месяцам принудительных работ, гражданка той же деревни «за захват 0,13 га колхозной земли осуждена к одному году лишения свободы»⁴². Несмотря на жесткие административные меры, самовольный захват «общественной» земли в целях расширения приусадебного хозяйства стал массовым явлением как в Чувашии, так и в стране в целом. Колхозники стремились сохранить приусадебное хозяйство, поскольку оно являлось источником материального благополучия сельского населения. В 1950–1960-е гг. земельные органы страны фиксировали тысячи и десятки тысяч случаев захвата земли крестьянами, ежегодная их доля составляла от 7 до 10 % всех дворов. В 1949 г. в республике были выявлены 2693 случая расширения приусадебных участков за счет земель колхозов, в 1950 г. — 2320, в 1951 г. — 2015, в 1952 г. — 3445 случаев⁴³. В 1966 г. 38 хозяйств колхоза «Калининец» Ядринского района самовольно расширили приусадебные участки на площади в 31 га. Официальные заявления о возврате отрезанных участков или выделении взамен их новых участков поступили от 9 хозяйств. Правлением колхоза 6 колхозникам в просьбе было отказано, 3 хозяйствам из запасного приусадебного фонда было выделено в пределах 0,02–0,07 га⁴⁴.

Отрезанные от крестьянских дворов участки не всегда использовались общественными хозяйствами по назначению, зачастую они оставались невостребованными. За использование отрезанного земельного участка по решению судов взыскивали урожай или его стоимость. Принципиальный характер имеет вопрос о том, на какие земли покушались нарушители правил приусадебного землепользования. В общем и целом, они не носили антиколхозный характер, так как нарушения происходили в пределах так называемого «запасного приусадебного фонда» и сенокосов, часто не используемых колхозами. В начале 1960-х гг. Совет министров СССР оценивал использование земли, изъятой у крестьянских хозяйств колхозников, рабочих и служащих, как «крайне неудовлетворительное», отмечая, что эти приусадебные участки «нередко выпадают из

сельскохозяйственного оборота, зарастают кустарником и сорняками, пустуют без пользы для колхозов и государства». По данным Министерства сельского хозяйства СССР, фонд свободных приусадебных земель в колхозах в целом по стране составлял 2 млн га⁴⁵. В марте 1956 г. постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» запрещалось увеличивать размер приусадебного участка членов колхозов за счет общественных земель. Здесь же содержались рекомендации по сокращению поголовья скота и участка. В 1956—1957 гг. колхозы республики внесли в уставы своих предприятий дополнения и изменения отдельных положений, касающиеся размеров приусадебных участков и количества скота в них. Так, в 1956 г. в уставе сельхозартели «Дружба» Чебоксарского района размер приусадебного участка для хозяйств колхозников был установлен в размере 0,3 га. Также предусматривалось лишение приусадебных участков хозяйств колхозников, самовольно ушедших и не принимавших участия в колхозном производстве более одного года, в том числе и разбор надворных построек, сокращение размеров участков рабочих и служащих, трудоспособные члены которых не выполняли установленный минимум трудодней⁴⁶. В декабре 1958 г. вновь ставится вопрос о сокращении размеров приусадебного участка и численности скота. Совет министров СССР в декабре 1963 г. установил также размер приусадебных участков для рабочих и служащих. Они были подразделены на сельские и пригородные зоны. В сельской местности для рабочего совхоза рекомендовалось выделить не более 0,25 га, в пригороде — не более 0,2 га земли для ведения личного хозяйства. Отрезанные участки передавались в ведение общественных хозяйств. В приусадебном землепользовании в Чувашии произошло сокращение его площади. Если в 1953—1958 гг. в среднем на одно хозяйство приходилось 33,1 сотки, то в 1965 г. — 31 сотка⁴⁷.

Массовый перевод колхозов в совхозы предусматривал пересмотр размеров приусадебных участков бывших колхозников. По Земельному кодексу 1970 г. совхозы и другие государственные сельскохозяйственные предприятия, организации и учреждения могли предоставлять приусадебные земельные участки или огороды из земель, предназначенных для этих целей, постоянным рабочим и служащим, а также учителям, врачам и другим специалистам, работающим и проживающим в сельской местности. Предоставление приусадебных земельных участков или огородов производилось на основании решения администрации совхоза или предприятия, организации и учреждения. В большинстве случаев местные власти предпочитали сохранять за жителями используемые земли. Это объективно привело к росту приусадебного землепользования рабочих сов-

хозов, средние размеры которых стали приближаться к показателям колхозников. В 1966 г. размер приусадебных участков рабочих, служащих и других граждан, проживающих на территории совхоза «Большевик» Чебоксарского района, образованного в 1964 г. в связи с преобразованием колхозов «Большевик», «Правда», «Коммунизм», варьировал от 0,15 до 0,3 га. Наименьшие участки имели единоличники, инвалиды и пенсионеры⁴⁸. Примерный устав колхоза, принятый в 1969 г., утвердил максимальный земельный надел под личное приусадебное хозяйство в размере до 0,5 га, включая земли под постройки. Размер участка определялся по решению общего собрания с учетом количества членов семьи и степени их трудового участия в общественном производстве. Был также предусмотрен механизм предоставления земельного участка в сельских поселениях нового типа с многоквартирной застройкой. Земельный кодекс РСФСР 1970 г. закрепил практику индивидуального землепользования. Нормы земельных наделов составляли на семью: для колхозников в соответствии с уставами колхозов до 0,5 га; для постоянных рабочих, специалистов и служащих совхозов — до 0,3; для рабочих, служащих и специалистов, постоянно проживающих и работающих в сельской местности — до 0,25; для рабочих, служащих, пенсионеров, инвалидов, проживающих в сельской местности, — до 0,15 га. Право на получение земли имели только члены колхоза, а также рабочие и служащие совхозов и промышленных предприятий; оно сохранялось до тех пор, пока они относились к соответствующей организации⁴⁹.

Приусадебное землепользование продолжало развиваться и в 1970-х, и в 1980-х гг. Оно получило определенный стимул к расширению в связи с принятием постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР 14 сентября 1977 г. «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих и коллективном садоводстве и огородничестве», а позднее в рамках Продовольственной программы⁵⁰. Аграрная политика в 1980–1990-е гг. для решения ряда проблем сельского хозяйства и личных хозяйств граждан предусматривала меры, затрагивающие финансово-кредитную, ценообразующую, плановую, снабженческую и другие сферы хозяйственной деятельности. В 1987 г. принимается Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», положивший начало товарно-денежным отношениям. С 1 июля 1988 г. был введен в действие Закон «О кооперации в СССР», расширивший сферу частной инициативы в сельском хозяйстве. В аграрной отрасли допустили арендные отношения, разрешили семьям брать в аренду землю (до 50 лет) и полностью распоряжаться продукцией. Однако арендное движение не получило широкого развития в силу ряда объективных и субъективных причин. В 1991 г. в хозяйствах арендаторов в целом по стране находилось 2 % возделываемых земель и 3 % поголовья скота⁵¹.

Вопрос о частной собственности на землю предполагалось решить по результатам республиканского всенародного референдума. Участники III пленума рескома КПСС (1990) высказались однозначно против частной собственности на землю, выдвинув предложение о предоставлении гражданам земельных участков в пожизненное владение с правом наследования⁵².

В структуре землепользования основными участниками являлись сельскохозяйственные предприятия. В 1950 г. колхозы пользовались 91,7 %, совхозы — 1,6 % посевной площади, личным хозяйствам сельских жителей принадлежало 6,5 %, в единоличном пользовании находилось 0,2 % посевной площади⁵³. На 1 ноября 1975 г. в пользовании сельскохозяйственных предприятий и хозяйств находилось 1178,7 тыс. га, в том числе земли общественного пользования колхозов составляли 713 тыс. га; совхозов и других государственных хозяйств — 399,1 тыс. га; приусадебные участки в пользовании колхозников, рабочих и служащих на землях колхозов — 37,7 тыс. га; других сельских жителей — 28,9 тыс. га⁵⁴. К 1990 г. крестьянским хозяйствам Чувашии принадлежало 63,5 тыс. га земель, в среднем на один двор — 29,8 сотки. Коллективными садами пользовались 79,2 тыс. семей, на площади 4,3 тыс. га, в среднем на одну семью приходилось 5,4 сотки; коллективными огородами — 14,7 тыс. семей на площади 6,7 тыс. га, в среднем на одну семью — 4,8 сотки⁵⁵.

В Чувашской АССР размеры земельного участка личных хозяйств граждан в рассматриваемые годы в основном составляли от 30 до 33,5 сотки в среднем на одно хозяйство. Заметное увеличение среднего размера земельного участка хозяйств населения до 0,5 га произошло в связи с реализацией земельной реформы 1991 г., главным условием которой являлось обеспечение граждан земельными участками для личного хозяйства⁵⁶.

В целом, в рассматриваемые годы сформированная авторитарными методами система землепользования исключала субъектную роль труженика. Попытки реформирования системы землепользования, предпринятые в 1980—1990-е гг., не дали ожидаемых результатов.

2.3. Хозяйство крестьянского двора: земледелие и животноводство

Развитие земледелия в рамках крестьянского хозяйства зависело не только от природно-географических и климатических факторов, но и площади приусадебного надела. Размеры огородных посевов определялись потребностями семьи, а также трудовым потенциалом хозяйства. Урожай приусадебного хозяйства использовался в основном на личные нужды, часть шла на продажу, что составляло стабильную долю доходов в семейном бюджете. В 1946–1990-х гг. произошли заметные изменения в структуре посевных площадей: сократились площади и удельный вес зерновых культур, колхозники стали удовлетворять потребности в зерновых культурах за счет общественных хозяйств (см. табл. 2.2)⁵⁷.

Таблица 2.2

**Посевные площади отдельных сельскохозяйственных культур
в хозяйствах населения Чувашии (тыс. га)**

Годы	Посевная площадь	В том числе			
		под зерновые культуры	под технические культуры	под картофель и овощебахчевые культуры	под кормовые культуры
1928	534,1	492,5	9,3	28,4	3,9
1940	48,4	17	1,4	29,5	0,5
1950	44,6	2,9	1,1	40,2	0,4
1960	44,9	0,8	0,3	41,7	2,1
1970	44,0	0,6	0,2	41,3	1,9
1980	45,3	0,4	0,2	31,9	12,8
1990	45,3	0,1	0,1	29,1	16

Одновременно выросли площади и удельный вес картофеля и овощей, кормовых культур, сократились площади и удельный вес технических культур. В 1980–1990-е гг. в связи со снижением численности сельского населения произошло уменьшение площадей под картофель и овощные культуры и рост площадей под кормовые культуры, что было связано также с преимущественным развитием в личных хозяйствах животноводства. Население на своих участках выращивало весьма трудоемкие культуры: картофель, овощи и кормовые корнеплоды. В пригородных районах большое развитие получило овощеводство закрытого грунта: выращивание рассады, ранних огурцов, зелени.

Выращивание овощей в личном приусадебном хозяйстве
Маринский Посад. 1980-е гг.

Урожайность основных сельскохозяйственных культур приусадебного хозяйства сельских жителей Чувашии была выше, чем в колхозах и совхозах, особенно по картофелю и овощам. Этому способствовали работы по ежегодному повышению плодородия земли, качество выполнения сельскохозяйственных работ.

Важнейшей отраслью личных хозяйств было животноводство. Практически все семьи, за небольшим исключением, держали скот и птицу. Основу личного стада составлял продуктивный скот, обеспечивающий семью мясом, молоком, шерстью. Животноводство в большей степени было ориентировано на торговлю. Объем и динамика животноводства находились в тесной зависимости от демографической характеристики и социального состава семьи. К примеру, по итогам выборочного исследования личных подсобных хозяйств семей колхозников, пенсионеров-колхозников, работников совхозов, а также работников народного образования и здравоохранения, проживающих в сельской местности, в 1988 г. было выявлено, что в семьях колхозников содержалось больше поголовья скота и птицы, чем в других хозяйствах. Наиболее обеспечены были скотом и птицей семьи, состоящие из трёх и более человек, причем во всех категориях рассматриваемых семей⁵⁸. Численность скота и птицы, содержащихся в личных подсобных хозяйствах, зависела и от места проживания семьи (см. табл. 2.3), наиболее хорошие условия были у тех хозяйств, которые развивались на базе собственных усадеб⁵⁹.

Развитие животноводства в личной собственности носило циклический характер, связанное прежде всего с государственной политикой в отношении личного крестьянского хозяйства. С самого начала государство регулировало и контролировало коли-

Поголовье скота и птицы в личном подсобном хозяйстве населения по состоянию на 1 октября 1988 г. в зависимости от места проживания семьи в РСФСР (в среднем на 100 семей — голов)

	Коровы	Молодняк крупного рогатого скота	Свиньи	Овцы и козы	Птица
Семьи колхозников	65	95	154	212	2830
В том числе, проживающие в собственных домах	72	99	143	290	3383
В домах, принадлежащих колхозу, совхозу и другим госорганизациям	55	88	169	106	2083
Из них в многоквартирных домах городского типа	11	23	82	14	471
Семьи пенсионеров-колхозников	26	29	40	169	1950
В том числе, проживающие в собственных домах	26	29	39	178	2000
В домах, принадлежащих колхозу, совхозу и другим госорганизациям	25	30	64	55	1304
Из них в многоквартирных домах городского типа	13	13	13	25	488
Семьи работников совхозов	37	63	108	83	1827
В том числе, проживающие в собственных домах	62	86	106	213	2544
В домах, принадлежащих колхозу, совхозу и другим госорганизациям	30	57	110	48	1642
Из них в многоквартирных домах городского типа	10	24	72	18	854
Семьи работников народного образования и здравоохранения, проживающие в сельской местности	28	45	83	52	1406
В том числе, проживающие в собственных домах	44	61	82	123	2305
В домах, принадлежащих колхозу, совхозу и другим госорганизациям	24	40	84	29	1133
Из них в многоквартирных домах городского типа	4	9	48	6	555

чество скота в личных хозяйствах, динамика роста поголовья скота в хозяйствах населения была неоднозначной (см. табл. 2.4)⁶⁰.

Поголовье скота в хозяйствах населения Чувашии
(на 1 января, тыс. голов)

Годы	Крупный рогатый скот	В том числе		
		коровы	свиньи	овцы и козы
1916	174	117	136	590
1935	191,2	117,9	156,9	526,7
1941	110,1	84,7	40,2	455,1
1951	158,9	101,5	17	332,8
1961	118,8	95	87	463,5
1971	160,4	118,6	124,1	425,4
1981	140	103,7	60,4	296,8
1991	134,9	95,7	51,3	304,5

В 1946 г. нарушения Устава сельскохозяйственной артели выразились также в несоблюдении регламентирования количества скота, которое можно было иметь колхознику в своем хозяйстве. В материалах проверки состояния колхозов Первомайского и Ибресинского районов отмечается: «Десятки колхозных дворов имеют рабочих волов, по две коровы и свиней сверх норм, предусмотренных Уставом сельскохозяйственной артели». По итогам проверки было принято решение: «до 1 августа 1947 г. обобщить всех рабочих волов, произвести отрезку излишних приусадебных участков». В 1948 г. колхозникам было настоятельно рекомендовано продать государству мелкий скот, рабочий же скот передать общественным хозяйствам. Вследствие этого в течение полугодия по стране в целом было втайне забито более 2 млн голов скота. В республике численность скота по всем видам в хозяйствах колхозников с 1946 по 1952 г. снижалась. В первую очередь это было связано с исчислением крупного сельскохозяйственного налога и заданием на обязательную поставку государству продуктов животноводства по низким закупочным ценам. На 1 ноября 1953 г. в республике не имели крупного рогатого скота 40,6 % хозяйств, никакого скота — 9,1 %.

Меры, принятые по списанию налогов в 1953 г., благотворно сказались на развитии животноводства. Начиная с 1954 г. наблюдается рост поголовья скота, кроме лошадей и коз. В 1958 г. не имели крупного рогатого скота 28 % хозяйств, коров — 42,7 %, без всякого скота было 6,4 %⁶¹. Уже с 1959 г. принимаются меры по ограничению личного подсобного хозяйства. Президиумом Верховного Совета РСФСР в 1959, 1963 гг. были изданы указы: «О запрещении содержания скота в личной соб-

ственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках», «О нормах скота, находящегося в личной собственности граждан — не членов колхозов» и «О денежном налоге с граждан-владельцев скота, не занимающихся общественно-полезным трудом, и с граждан, содержащих скот в целях личного обогашения». Согласно им, граждане имели право держать в лич-

ном пользовании корову с телятком не старше четырех месяцев или козу с козленком, трех овец с приплодом или свинью⁶². В последующие годы также систематически повторялись попытки регулирования и регламентирования развития животноводства на частных подворьях. В итоге за годы семилетки (1959–1965 гг.) поголовье крупного рогатого скота в личных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих уменьшилось на 19,5 тыс. голов. Такое резкое сокращение поголовья объяснялось и тем, что колхозы на содержание личного скота почти перестали выделять пастбища и корма. Сельские жители преимущественно были вынуждены переключиться на содержание в своих хозяйствах свиней, не требующих пастбищных выпасов. На начало 1965 г. их поголовье увеличилось на 12,4 тыс. голов. Широкою пропаганду получил опыт тех колхозов, где сокращалось личное подворье. Первыми в Чувашии решили отказаться от содержания коров в своих хозяйствах колхозники сельскохозяйственной артели «Гвардеец» Батыревского района, где было принято решение выдавать колхозникам молоко на трудодни. В начале 1960-х гг. этот почин распространился и в других хозяйствах⁶³. Сокращение поголовья скота в личных подсобных хозяйствах граждан продолжилось и в последующие годы, несмотря на принятое 27 октября 1964 г. постановление ЦК КПСС

Министерство заготовок СССР Чувашская АССР 1-й экземпляр — слатчику Форма № Д-22
 В.О. ЗАГОТЖИВСВЯРЬЕ Омская Р.С.К. ШЛЭ
 ЗАГОТЖИВСВЯРЬЕ

ПРИЕМНАЯ КВИТАНЦИЯ № 467133
 ПО ПОСТАВКЕ ШЕРСТИ

обл., край, республика, контора
 пайочная контора
 фамилия приемщика
 пункт поступления
 издательство по поставке шерсти: серия
 иную от
 живящего в
 одельского

№ 1953 г.
 по выкладной № от 1953 г.
 № 4048
 наименование слатчи
 районе
 городе
 сельсовет
 улицы, дом №

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
наименование шерсти (по стандарту) и сезон стрижки	Виды шерсти (тонкая, полутонкая, полугрубая, грубая)	Грязная полушерсть, перестой, пересох	Качество	кожевала	Наименование дефектов	Связка с ценой (в кг) за	за-сортность	Вес (в кг) фактиче-ская	Цена	Сумма	Вес (в кг) заче-тний	
Воск								0,150	4	-	1	05,1005
Мотис	полугру			14,58				0,9	8,88		7	55
Итого										×	8	60,1025

фактический вес шерсти пропорцио
 сумм приписку
 шерсть слала
 шерсть принял
 деньги получил
 деньги уплатил

чет производится в порядке безналичных расчетов через Госбанк.
 Инициалы Приемщика

Тип. им. Котлякова 2147

Приемная квитанция по поставке шерсти с хозяйства Осиповой Ксении Федоровны. 1953 г.

«Об устранении необоснованных ограничений личного подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих»⁶⁴. За 1966–1976 гг. поголовье крупного рогатого скота в них сократилось на 7,7 тыс. голов, в том числе коров — на 6,4 тыс., свиней на 63 тыс., овец — на 57 тыс. голов⁶⁵. За 1976–1980 гг. наблюдалось дальнейшее сокращение поголовья скота в личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других групп сельского населения. За пятилетие поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 11,9 тыс. голов, в том числе коров на 3 тыс., свиней — на 7,9 тыс., овец и коз — на 51,9 тыс. голов. На 1 января 1981 г. 16,6 % колхозных семей не имели никакого вида скота, 41,9 % — коров, 34,5 % — крупного рогатого скота, 72,6 % — свиней, 40,1 % — овец, 90,2 % — коз. Среди хозяйств рабочих и служащих не имели никаких видов скота 17,5 %, крупного рогатого скота — 39 %, коров — 48,7 %, свиней — 77,4 %, овец — 35,8 %, коз — 95,6 %⁶⁶. В 1981–1985-х гг. в личных хозяйствах произошло сокращение поголовья коров и свиней. Причин снижения поголовья скота в личном пользовании населения было много: сокращение численности самих сельских жителей, отсутствие условий для содержания скота, трудности с приобретением молодняка для откорма, нехватка времени для работы в личном хозяйстве, отсутствие материальной заинтересованности сельчан в развитии личного хозяйства. Основной причиной сельские жители в 1988 г. назвали отсутствие «желания заниматься скотом», только в семьях колхозников-пенсионеров основной причиной указывалось «некому ухаживать за скотом»⁶⁷. В отдельных поселениях, где руководители общественного аграрного сектора с пониманием относились к развитию личных подсобных хозяйств и помогали своим жителям, достигались неплохие результаты. Особенно в передовых колхозах республики, таких как «Янгорчино» Вурнарского, «Ленинская искра» Ядринского района, и ряде других сельхозпредприятий, которые помогали личным хозяйствам продажей молодняка, плановым обеспечением кормами, организацией централизованных закупок и реализации излишков продукции⁶⁸. Передовые организаторы аграрного производства понимали и важность личного подворья для сельского жителя. А.П. Айдак, председатель колхоза «Ленинская искра» Ядринского района, в целях восстановления почв в коллективном хозяйстве, совместно с его жителями принял неоднозначное решение о полном отказе от содержания в личных подсобных хозяйствах крупного рогатого скота на четыре года. Позже он скажет: «На своем горьком опыте мы убедились, что в настоящее время в конкретных наших условиях без коровы крестьянское подворье деградирует. Зачастую без коровы деградирует и крестьянская семья. Ибо корова — это не только молоко и молочные продукты, это целый мир ежедневных забот, обязанностей, радостей, это не только экономический стержень для семьи, но и во многом

нравственный, несущий целебный и зачастую еще очень нужный многим из нынешнего поколения крестьян груз так необходимой ответственности, мобилирующий волю человека только на доброе. После этого эксперимента, проведенного в четырех деревнях непосредственно в своем хозяйстве, для нас стала несомненной социальной и экономической значимость крестьянского подворья»⁶⁹. поголовье скота во всех категориях хозяйств составило в 1990 г. 526,1 тыс. голов, в том числе в сельскохозяйственных организациях — 391,2; в хозяйствах населения — 134,9 тыс. голов; коров — соответственно 202; 106,3 и 95,7; свиней — 507,8; 271,5 и 78,2; овец и коз — 401; 96,5 и 304,5 тыс. голов⁷⁰. Государственная политика по отношению к личным подсобным хозяйствам не предусматривала действенных стимулов для развития в них животноводства, недооценивая их вклад в развитие аграрного сектора. Основной упор в рассматриваемые годы делался на общественный сектор, государственные и межхозяйственные предприятия, на промышленную основу развития сельского хозяйства, что привело к значительному уменьшению доли поголовья скота в хозяйствах населения в общей численности скота во всех категориях хозяйств (см. табл. 2.5)⁷¹.

Таблица 2.5

Поголовье скота в хозяйствах населения Чувашии (на 1 января;
в % к общему поголовью скота данного вида во всех категориях хозяйств)

	1941	1951	1961	1971	1981	1991
Крупный рогатый скот	69	64	43	37	28	26
Из них коровы	83	79	62	58	47	47
Свиньи	42	12	31	26	12	10

Несмотря на это, значительная часть животноводческих продуктов производилась в личных подворьях сельских жителей, производство основных продуктов животноводства за рассматриваемые годы выросло (см. табл. 2.6)⁷².

Таблица 2.6

Производство основных продуктов животноводства в хозяйствах населения Чувашии

	1940	1950	1960	1970	1980	1990
Скот и птица на убой (в убойном весе), тыс. т	12,6	24	29,8	23,5	19,2	29,8
Молоко, тыс. т	102,7	212,5	145,4	180,9	160	287,2
Яйца, млн штук	45,8	72,4	108,7	121,9	90,8	108,9
Шерсть (в физическом весе), т	566	700	1126	798	582	900

Продуктивность скота в личных приусадебных хозяйствах изменялась по годам в зависимости от множества причин, в т.ч. и в связи со слабой обеспеченностью кормами. В реальности обеспечение личного скота и птицы кормами осуществлялось из следующих источников: из своего приусадебного участка, из колхоза или совхоза, вследствие закупки на рынке или у других хозяйств. Большая часть недостающих кормов покупалась на рынке. Обязательное предоставление земельных участков для выпаса скота, сенокосения, выращивания кормовых культур для скота и птицы, а также для других нужд сельским подворьям было закреплено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 апреля 1981 г., внесшим изменения в Земельный кодекс 1970 г.⁷³ Ограничительные по отношению к личным подсобным хозяйствам граждан меры, предпринятые руководителями страны в конце 1950 — начале 1960-х гг., были очень непопулярны в народе. И в то же время данная политика опиралась на установки тех лет о том, что общественные хозяйства имеют больше преимуществ в развитии, о решающей роли социалистического сектора в снабжении страны сельскохозяйственной продукцией, о скорой возможности построения коммунистического общества и т.д.⁷⁴ В реальности ситуация складывалась иная. В своей аналитической записке к Н.С. Хрущёву экономист-аграрник Н.Я. Ицков писал: «...в конце 1959 г. ЛПХ колхозников производили от половины до 80 % валовой продукции молока, мяса, картофеля и овощей, яиц колхозного сектора, с 1953 по 1959 г. доля общественного хозяйства колхозов повысилась всего на 2—3%. Потребуется много лет, чтобы вытеснить производство ЛПХ по овощам, картофелю, мясу и салу. Государство не готово взять на дополнительное снабжение население, составляющее половину жителей страны... Постановка этого вопроса преждевременна, нервирует колхозников, рабочих и служащих»⁷⁵. Доля валовой сельскохозяйственной продукции крестьянских хозяйств в Чувашии в 1950 г. составила 53 %, доля продукции животноводства равнялась 73 % продуктов производства всех категорий хозяйств (в стоимостном выражении)⁷⁶. В 1958 г. в колхозах и совхозах Чувашии производили 29,8 % мяса всех видов (в пересчете на живой вес), в ЛПХ — 70,2 % , в 1964 г. — 39,9 и 60 %, молока — соответственно в 1958 г. — 30,7 и 69,3 %, в 1964 г. — 44,7 и 55,3 %, яиц в 1958 г. — 13,3 и 86,7 %; в 1964 г. — 23,7 и 76,3 %; шерсти в 1958 г. — 30 и 70 %, в 1964 г. — 25,3 и 74,7 %⁷⁷. Среди продукции растениеводства личные хозяйства населения являлись основными производителями картофеля и овощей, фруктов. Удельный вес личных подсобных хозяйств в общем объеме производства по Чувашской АССР за 1978—1980 гг. составил по картофелю 84 %, овощам — 21 %, мясу — 61 %, молоку — 80 %, яйцам — 83 %. Таким образом, в личных подсобных хозяйствах республики производилось около 30 % продукции сель-

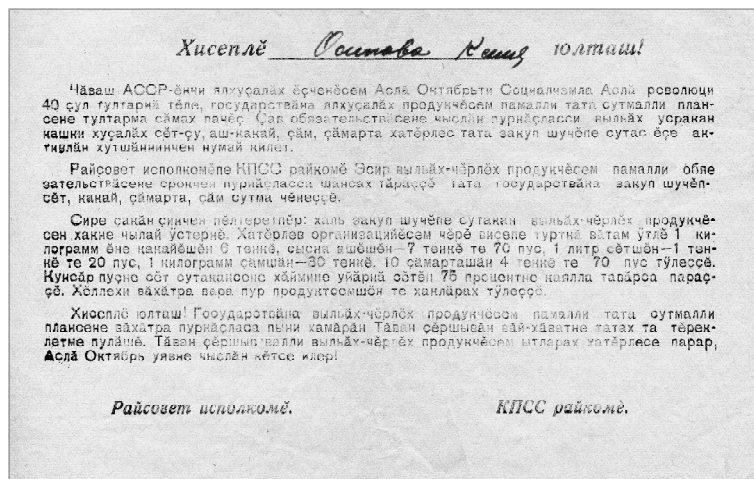
ского хозяйства⁷⁸. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 8 января 1981 г. «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан» поставил дальнейшие задачи по усилению и использованию возможностей ЛПХ в решении продовольственного снабжения населения⁷⁹. На пятой сессии Верховного Совета Чувашской АССР были утверждены мероприятия по реализации данного постановления на 1982–1985 гг. и на период до 1990 г. Уже в 1982 г. по сравнению с 1980 г. производство сельскохозяйственных продуктов в личных хозяйствах увеличилось: картофеля на 57 %, овощей на 47%, шерсти на 7%, плодов и ягод в 4,5 раза⁸⁰. Колхозники, рабочие и служащие села в 1985 г. произвели 42,9 % молока, 23,1 % — мяса и яиц, 82,9 % — шерсти. В 1990 г. хозяйства населения в общем объеме производства продуктов животноводства поставили 27 % скота и птицы (в убойном весе), 46 % — молока, 28 % — яиц, 45 % — картофеля, 18 % — овощей, 70 % — плодов и ягод. В них было произведено 30,9 % продукции сельского хозяйства⁸¹. В 1991 г. удельный вес ЛПХ населения в общем объеме производства сельскохозяйственной продукции составил в Чувашии 34,8 %, в том числе продукции животноводства — 42,7 %, картофеля — 46,7 %, плодов и ягод — 79%⁸².

2.4. Крестьянские хозяйства и обеспечение населения сельскохозяйственной продукцией

Роль крестьянского двора в производстве сельскохозяйственной продукции, в его распределении и потреблении среди всех категорий хозяйств, в обеспечении совокупных доходов крестьян в XX в. оставалась значимой. На протяжении многих лет, несмотря на зигзаги политики по отношению к личному хозяйству, ЛПХ являлись основными производителями картофеля, овощей, яиц, мясной и молочной продукции. Часть этой продукции реализовывалась на колхозных рынках, продавалась государству через заготовительные организации, колхозы, большая часть шла на собственное потребление. В 1926 г. 80 % сельского населения Чувашии обеспечивали себя сами. Уместно отметить, что и в дальнейшем потребности сельских жителей в овощах, фруктах, картофеле, мясе и молоке удовлетворялись в основном за счет личных приусадебных участков и подсобных хозяйств, часть продукции направлялась в помощь детям или родственникам, проживающим в городах. Так, в 1980-е гг. хозяйства из пригородного совхоза «Кадыковский» и колхоза им. Ленина Чебоксарского района более 30 % продукции растениеводства с личного приусадебного хозяйства направляли для горожан-родствен-

ников, более 40 % продавали на рынке и чуть более 20 % — государству. Крестьянские хозяйства из отдаленных от городов районов (колхозы «Октябрь» Вурнарского и «Родина» Батыревского района) на родственников тратили от 15 до 22 % продукции, на рынках реализовывали около 10 % и государству продавали от 70 до 75 % продукции. Продукцию животноводства и птицеводства для потребностей своей семьи использовали от 9 до 15 % хозяйств; на себя и городских родственников тратили в пригородных районах от 60 до 67 % опрошенных дворов, в отдаленных районах до 40 %; для продажи использовали в пригородных хозяйствах от 23 до 26 % семей, в отдаленных хозяйствах от 45 до 47 % семей. В пригородных хозяйствах не возникало больших трудностей для реализации излишков продукции на рынке, особенно молока и молочных продуктов, в отдаленных от городов районах продукцию личного подсобного хозяйства в основном использовали для обеспечения потребностей своей семьи и городских родственников, а излишки продукции продавали через колхозы и совхозы или заготовительные организации. В Чувашии в структуре реализуемой продукции из личного подсобного хозяйства населения ведущее место занимал картофель, далее — овощи и фрукты, среди продукции животноводства — мясо, молоко и яйца⁸³. До 1958 г. большая часть продукции личного хозяйства сдавалась государству в виде обязательных поставок по минимальным ценам, другая часть продавалась на рынках. Но в последующем ситуация меняется, основными покупателями продукции становятся государственные организации. С 1959 г. государство начало закупать от личных хозяйств колхозников, рабочих и служащих значительную часть сельскохозяйственных продуктов. В 1959—1965 гг. на их долю в общем объеме заготовок ежегодно приходилось: шерсти — 48,8 %, скота и птицы — 26,5 %, картофеля — 26,6 %, овощей — 20,2 %. В феврале 1961 г. множественные формы заготовок были заменены единой формой — контрактацией, были созданы районные государственные инспекции по закупке сельскохозяйственных продуктов и республиканское управление. В 1962, 1965, 1970, 1979 и 1983 гг. государство стимулировало производство и продажу ряда продуктов сельского хозяйства повышением закупочных цен на них. В условиях необходимости обязательного выполнения государственных заданий на поставку продукции в некоторых селениях и колхозах местные органы власти продолжали устанавливать населению разного рода задания по сдаче государству сельскохозяйственной продукции, при невыполнении требований лишали их возможностей выпаса скота и сенокошения, других условий для ведения хозяйства. Например, в Красночетайском районе под нажимом местных властей население покупало в городе масло и сдавало его государству в счет выполнения колхозами плана закупок молока⁸⁴. В сельских магазинах даже в начале 1980-х гг. товары

можно было приобрести, заплатив помимо стоимости еще и продукцией со своего подворья по самым низким ценам. Такое положение распространялось и на тех, у кого в хозяйстве не содержались скот и птица, на специалистов, совсем не ведущих хозяйство⁸⁵. Для обеспечения продовольственного снабжения насе-

Информационный листок о повышении закупочных цен 1957 г.

ления страны государство нуждалось в закупке продукции от граждан. Заготовительные организации и руководители сельскохозяйственных предприятий в 1966–1976 гг. были заинтересованы и активно работали по изъятию продукции из личного подворья колхозников, рабочих совхозов и сельской интеллигенции. Сами крестьяне для удовлетворения потребностей семьи также довольно массово продавали государству продукцию со своего хозяйства. Только в 1975 г. сельским населением республики было продано государству 33,1 тыс. тонн картофеля (11,1 % от общего объема заготовок), 390 т шерсти (40 %), 12,2 тыс. т мяса (13,4 %), 2 млн штук яиц и 6,4 тыс. т молока⁸⁶. С 1980 г. продукция животноводства, овощеводства и садоводства, заготовленная и закупленная колхозами от личных хозяйств, стала зачитываться в счет выполнения ими государственного плана, что способствовало материальной заинтересованности обеих сторон в реализации сельскохозяйственных продуктов государству. В 1981 г. в общем объеме проданной государству продукции доля личных хозяйств составила по мясу 3 %, молоку — 7,3 %, шерсти — 42 %, картофелю — 44,7 %. В 1984 г. население продало государству 1999 т мяса и 1575 т молока, соответственно 1,9 и 0,5 % в общем объеме закупок молока и мяса по всем категориям хозяйств. Кроме того, по договорам было продано колхозам и совхозам скота и птицы 21,8 тыс. т, молока 25,6 тыс. т⁸⁷.

В послевоенные годы монопольными заготовителями сельхозпродукции и сырья на селе выступали кооператоры. Ими проводилась большая работа по увеличению закупок сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах. Так, в 1983 г.

на селе работали 276 заготовителей, было введено в строй 100 сельских приемозаготовительных пунктов, из них 50 — с низкотемпературными холодильными камерами. После обследования дворов населения были заключены договора на закупку продукции: мяса, молока, меда, овощей, картофеля и яиц. Для повышения заинтересованности сельчан в продаже животноводческой продукции только в 1983 г. были использованы более 12 т комбикормов, товары повышенного спроса, для сдатчиков мяса — 100 тяжелых мотоциклов, 20 автомашин. В 1987 г. было заключено 57 тыс. договоров — в 1,5 раза больше, чем в 1986 г. С каждого крестьянского двора в среднем было закуплено 366 кг картофеля, 45 л молока, 44 кг мяса — на общую сумму в 149 руб. на один двор. В 1988 г. через кооперативную торговлю было продано 2,9 % картофеля, 7 % овощей, 20,5 % фруктов и бахчевых культур от общего объема реализации соответствующего вида продукции⁸⁸.

В системе крестьянской торговли определенное место на всем протяжении рассматриваемого периода занимал колхозный рынок, где продавалась продукция, выращенная в подсобных хозяйствах крестьян и горожан, а также колхозная продукция, оставшаяся после выполнения плана государственных заготовок. Развитие колхозного рынка в целом определялось государством. В периоды, когда административный контроль ослабевал и проведение мероприятий против рынков стихало, он снова отвоевывал экономическое пространство. По мнению Е. Осокиной, государство допустило в политэкономическую сферу социализма колхозный рынок, имевший якобы социалистический характер⁸⁹. Крестьянская торговля была продолжением производственной семейной деятельности колхозного двора, поэтому ее рамки во многом определялись состоянием крестьянского приусадебного земледелия и животноводства. Продажа продукции на рынке разрешалась колхозникам и также колхозам только после выполнения обязательств перед государством, по специальному документу органов власти. Ограничения касались разной продукции, чаще всего не допускалась свободная торговля зерном, мукой и хлебом. В первые послевоенные годы, в связи со сложным положением в аграрной сфере, необходимостью восстановления народного хозяйства страны, из-за голода 1947 г. во многих регионах Поволжья ограничительная политика в отношении крестьянской торговли была очень сильна. Органы власти Чувашии жестко контролировали все рынки республики на предмет недопущения сельскохозяйственной продукции на продажу до специального разрешения. С 1948 г. ситуация меняется, постановление Совета министров ЧАССР разрешило организовать даже «массовый выезд колхозников на Чебоксарский рынок для продажи сельскохозяйственных товаров»⁹⁰. В 1953 г. постановлением Совета министров и бюро обкома КПСС «О развертывании колхоз-

ной торговли картофелем и овощами» предусматривалось развернуть «широкую колхозную торговлю картофелем и овощами», колхозникам также предоставлялась возможность беспрепятственной их продажи на рынке⁹¹. В 1955–1958 гг. на колхозном рынке г. Чебоксары реализовывалось более 25 наименований сельскохозяйственных продуктов, наибольший объем продажи приходился на картофель, капусту, свежее молоко и яйца⁹². Вплоть до середины 1960-х гг., несмотря на ряд административных запретов и ограничение развития личных подсобных хозяйств, колхозный рынок оставался значимым явлением в торговой сфере, так как главным образом через него городское население снабжалось основными продуктами питания. Позже значимость рынка снижалась, но по ряду продуктов и их качеству и в последующий период оставалась высокой. Ограничение развития личных подсобных хозяйств часто приводило к сокращению производства, уменьшению поступления на рынок продуктов и соответственно росту цен. Так, в 1965 г. на колхозном рынке г. Чебоксары сократился объем продажи мяса, картофеля, ягод и фруктов. По сравнению с 1958 г. цены на продукты животноводства выросли более чем на 30 %. На заседании правления колхоза «Коммунизм» Чебоксарского района от 3 марта 1960 г. были утверждены цены на продукцию животноводства, предусмотренную для реализации на колхозном рынке. В зависимости от качества продукции предполагалось: продавать свинину за 12–14 руб. один килограмм, говядину — за 6–8 руб., баранину — за 10–12 руб., конину — за 3–5 руб., птицу — за 6–8 руб., сало нутряное — за 20 руб., молоко — за 3 руб. один литр, пахту и обрат — за 0,5 руб., топленое масло — за 45 руб. один килограмм, яйца — за 9–10 руб. десяток, мед — за 20 руб. один килограмм⁹³. В 1965 г. на территории колхозных рынков Чувашпотребсоюзом было открыто 6 ларьков, отремонтирована столовая на рынке с. Красные Четаи. В поселке Урмары и селе Ковали Урмарского района вблизи рынков построены двухэтажные универмаги. Зачастую на колхозных рынках торговали автолавки райпотребсоюзов и сельпо. Ими проводились базары и ярмарки в районных центрах и городах республики⁹⁴. С 1966 г. функционировало Управление колхозными рынками при Министерстве торговли Чувашской АССР. В 1966–1977 гг. были построены крытый колхозный рынок «Центральный» на 500 торговых мест в Чебоксарах, крытые рынки на 58 торговых мест в городах Новочебоксарск, Канаш, Шумерля. В 1983 г. распоряжением Совета министров Чувашской АССР было рекомендовано райисполкомам закрепить колхозы и совхозы за рынками для торговли сельскохозяйственными товарами. Однако данное распоряжение в основном не выполнялось. В 1985 г. колхозными рынками были заключены 34 договора с колхозами и совхозами и 94 договора с частными лицами на завоз и реализацию на рынках сельскохозяйственной продукции.

За семь месяцев было реализовано 1,1 т мяса, 3 т овощей, 10,5 т ягод⁹⁵. В 1988 г. через колхозный рынок продано населению 4,2 % картофеля, 6,4 % овощей, 12,3 % фруктов и бахчевых культур (от общего объема реализации соответствующего вида продукции)⁹⁶. С августа 1987 г. в соответствии с постановлениями правительств СССР, РСФСР, Чувашской АССР все колхозные рынки были переданы из подчинения Министерства торговли в ведение потребительской кооперации⁹⁷. Продажей на колхозных рынках сельскохозяйственной продукции занимались и общественные хозяйства. По решению ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20 марта 1986 г. колхозам и совхозам продавать сельхозпродукцию на колхозных рынках можно было и через кооперацию, в том числе по договорным ценам⁹⁸. В 1986 г. государственный заказ охватил 81,4 %, а по отдельным видам от 93,2 до 100 % объема всей товарной продукции общественных хозяйств республики; через рынок общественного питания ими было реализовано 17,7 % зерна, 6 % картофеля, 3 % овощей, скота и птицы — 2,4 %, молока — 0,3 % от общего объема товарной продукции. Через колхозный рынок было реализовано от 0,1 до 1 % продуктов⁹⁹. Снижение объема продажи на колхозных рынках и дефицит основных продуктов питания приводили к постоянному росту рыночных цен, в том числе по сравнению с государственными розничными ценами (см. табл. 2.7)¹⁰⁰.

Таблица 2.7

Соотношение цен колхозного рынка и государственных розничных цен в РСФСР
(государственные розничные цены=100)

	1970	1980	1985	1986	1987	1988
Все продукты	164	221	251	252	279	295
Картофель	177	375	428	421	360	344
Овощи	208	289	279	275	286	275
Капуста свежая	280	477	476	440	430	491
Лук репчатый	153	198	260	274	217	217
Огурцы свежие	220	227	224	243	244	269
Помидоры свежие	211	249	247	238	287	232
Фрукты	176	258	276	275	251	263
Масло растительное	134	195	182	200	238	227
Мясо	160	175	258	260	232	243
Молочные продукты	154	287	281	355	321	375

Государственная торговля и потребительская кооперация не оказывали существенного влияния на уровень цен колхозного рынка, даже путем расширения продажи продукции по более низким ценам. Цены на рынках, которые стабилизировались в 1982–1986 гг. на высоком уровне, с 1987 г. снова стали расти на 6–7 и более процентов ежегодно. В 1987 г. средние цены на продукты питания, приобретаемые рабочими и служащими в государственной, кооперативной торговле и на колхозном рынке, составляли (за один килограмм): на говядину — 2,91 руб. (2,16 руб. в 1970 г.), на свинину — 2,89 руб. (2,34 руб.), на картофель — 0,29 руб. (0,17 руб.), овощи и бахчевые 0,56 руб. (0,35 руб.), фрукты и свежие ягоды — 1,45 руб. (0,84 руб.). Колхозники тратили на ряд продуктов значительно больше денег (за один килограмм): на говядину соответственно 4,12 и 2,46 руб., на свинину — 4,23 и 2,73 руб., на картофель — 0,36 и 0,16 руб., на другие продукты ниже: овощи и бахчевые — 0,38 и 0,21 руб., фрукты и ягоды свежие — 1,32 и 0,49 руб. По отдельным регионам разница в ценах составляла в 1,5–2 раза выше¹⁰¹.

К 1990 г. темпы роста рыночных цен по сравнению с розничными возрастают: на продукты питания по сравнению с 1980 г. выросли в 1990 г. на 48,5 %¹⁰². В целом в 1946–1990 гг. происходило абсолютное и относительное сокращение колхозной торговли в стране. Рост общественного сельскохозяйственного производства, вне рыночной продажи основных продуктов питания способствовал снижению роли колхозного рынка. Динамика оборотов крестьянской базарной торговли во многом предопределялась состоянием приусадебного хозяйства и балансом потребительского бюджета семьи. Зачастую торговля крестьян на рынке носила сезонный характер, связанный с производством тех или иных продуктов. Большое влияние оказывали состояние дорог, природные условия, занятость крестьян в общественном и личном хозяйствах. В 1965 г. 74,9 % денежных поступлений от продажи населением продуктов со своего хозяйства приходились на государственные закупки, 15,3 % — на потребительскую кооперацию, 9,8 % — на рынок и другие поставки. В 1985 г. в структуре денежных доходов крестьянских дворов от продажи продуктов сельского хозяйства доля от продажи колхозам и совхозам составляла 50,4 %, от государственных закупок — 21,7 %, от потребительской кооперации — 21,2 %; от продажи на колхозном рынке — 4,1%, от продажи государственным организациям и предприятиям — 2,6 %¹⁰³.

2.5. Труд крестьянина в личном хозяйстве

Главным мотивом, побуждающим к активному труду в ЛПХ, является производство продуктов питания для семьи и стремление повысить уровень доходов, недостаточный в общественном хозяйстве для нормального материального обеспечения жизни¹⁰⁴. Труд крестьянина в ЛПХ значительно интенсивнее, эффективнее, чем в общественном производстве. Он носил более творческий и самостоятельный характер, в большей степени соответствовал личным интересам крестьянина, его семьи. На личном подворье труд, почти полностью лишенный механизации, являлся в 2 раза более производительным, чем в колхозах и совхозах. Продуктивность гектара личных угодий была выше в 20 раз, чем в совхозах, и в 13 раз, чем в колхозах¹⁰⁵. Развитие личного подсобного хозяйства во многом зависело от личной инициативы, деловой энергии, знания крестьянского труда, умения рационально использовать труд всех членов семьи, предпринимательской деятельности, навыков и опыта хозяйствования, личных связей и помощи родственников, соседей и т.д. Применялись и незаконные средства: хищение общественных кормов, самовольное использование сельскохозяйственной техники, применение хлеба и других продуктов на корм скота, перекупка продукции личного подсобного хозяйства. Все эти неформальные средства способствовали развитию личных хозяйств. Основной трудностью в ведении приусадебного участка являлась обработка почвы, которую приходилось зачастую проводить вручную, так как колхозы и совхозы не всегда своевременно выделяли населению технику или лошадей для вспашки почвы и посадки картофеля. Свой вклад в работу на приусадебном участке вносили все члены семьи, в том числе и подростки, проживающие в городах дети и другие родственники. Но основная нагрузка ложилась на женщин, престарелых родителей. Вплоть до середины 1960-х гг. просматривается тенденция роста доли затрат крестьянской семьи в личном хозяйстве. В целом в РСФСР она составила 23 % в 1950 г. и 30 % в 1964 г. Из всей годовой выработки часов (все производственные занятия) мужчины затратили (по РСФСР) в 1950 г. в приусадебном хозяйстве 8 % времени, в 1955 г. также 8 %, женщины соответственно 26 и 28 %¹⁰⁶. В 1981 г. был изучен вопрос об участии членов семьи в работах на приусадебном участке в трех колхозах республики. Оказалось, что от 40 до 65 % опрошенных дворов использовали на приусадебных участках труд всех членов семьи, но основную нагрузку продолжали нести женщины, доля их участия достигала до 40 %. В некоторых семьях, особенно в пригородных, им помогали взрослые дети, живущие в городах¹⁰⁷. Вообще традиция почти обязательного участия всех членов семьи в проведении основных сельскохозяйственных работ (вспашка почвы, посадка и выкопка

картофеля, заготовка сена) на личных подворьях, независимо от места проживания, была характерной чертой чувашского крестьянского двора. К началу 1990-х гг. доля затрат в личном подсобном хозяйстве составила 27,1 %, а в общественном производстве 72,9 % в общих затратах труда. Преобладающая доля затрат труда (80 %) в этой сфере приходилась на лиц, совмещающих труд в общественном и личном подсобном хозяйствах, в том числе на трудоспособных женщин в возрасте от 16 до 54 лет — 47,9 %, на трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 59 лет — 35,8 % от общих затрат труда¹⁰⁸.

Огород в личном приусадебном хозяйстве. 1980-е гг.

Средняя совокупная трудовая нагрузка сельского жителя во все времена была выше, чем у рабочего в промышленности. Труд в личном подсобном хозяйстве велся в основном с применением простейших сельскохозяйственных орудий труда и частично средств малой механизации. С 1927 г. государство перестало продавать сельскохозяйственную технику в частные руки¹⁰⁹. Вплоть до 1991 г. сохранилось формальное запрещение колхозникам держать лошадей, хотя оно не столь строго соблюдалось в последнее десятилетие. С 1982 г. право иметь лошадь разрешено рабочим совхозов и всем прочим сельским жителям, кроме колхозников. С другой стороны, привязывание крестьян к земле, к системе ведения хозяйства с его архаичными и традиционными формами обрекало их на новые формы несвободы, ставя под сомнение любые отклонения от хозяйства на некоторое время. Однако на определенных этапах развития аграрного сектора, в сложные периоды своего развития хозяйства населения оказывались наиболее гибкой формой хозяйствования. В них происходило полное использование трудовых ресурсов, они обеспечивали определенную защищенность и материальное благополучие сельского населения. Перемещение трудовой активности сельского насе-

ления из общественного сектора в личный было вызвано разными причинами: снижением производства в общественных хозяйствах, уменьшением поступления доходов от общественного сектора в совокупном семейном доходе, необходимостью обеспечения семьи продовольственными продуктами, узостью сферы приложения труда на селе и его несоответствием возрастающим требованиям работников, ухудшением демографической ситуации, инерционностью сельских жителей, социальными проблемами и т.д. Активизации данного процесса способствовали неэффективные меры развития в целом сельского хозяйства и перегибы политики в отношении ЛПХ. Анкетный опрос 1980 г., проведенный экономистом М.Н. Ергачёвым в пригородных и отдаленных районах республики, о перспективах развития личных хозяйств показал, что 65 % опрошенных в пригородных селениях и 85—90 % опрошенных в отдаленных от центров селениях рассматривали возможность расширения подсобного хозяйства, увеличения количества скота и птицы в них. Основными условиями этого ими выдвигалось: улучшение обеспеченности хозяйств молодняком, животных кормами и выгонами, оказание содействия общественными сельскохозяйственными предприятиями. Мотивация тех, кто не собирался расширять подсобное хозяйство (около 10—15 % опрошенных), заключалась в отсутствии трудоспособных молодых членов семьи и недостатке свободного времени для ведения хозяйства¹¹⁰. В 1980-е гг., после снятия жестких ограничений ведения ЛПХ, большое воздействие на принятие решений о расширении личного подсобного хозяйства

Изготовление изделий из лозы в домашнем хозяйстве
Маринский Посад. 1980-е гг.

стали оказывать факторы, отражающие объективную возможность ведения хозяйств: состав семьи, сфера занятости ее работающих членов, условия жизни в населенных пунктах, характер жилья, масштабы и виды помощи от общественных и других организаций. В своем отношении к ЛПХ сельчане стали учи-

тывать высокую тяжесть физического труда и недостаток свободного времени, происходит постепенный пересмотр традиционных норм ведения личного хозяйства¹¹¹. Основные функции крестьянского двора — обеспечить выживание и воспроизводство членов крестьянской семьи, передать следующему поколению социально и регионально детерминированную форму собственности, выполнить ряд обязательств по отношению к экономическим и политическим властям, сохранить и по возможности повысить внутридеревенскую репутацию данного крестьянского рода. Личные подсобные хозяйства выполняли социально-психологические функции престижности, самоутверждения личности сельского труженика. Хорошо возделанный огород, сад, пасека и т.д. свидетельствовали в глазах деревенского сообщества о хозяйственной основательности их владельца, вызывали уважение. Так, при опросе сельских жителей Чувашии в марте — апреле 1980 г. было выявлено, что 27 % сельчан признают большое воспитательное значение ЛПХ (помощь детей родителям в ведении ЛПХ, уход за животными, растениями, бережное отношение к природе и т.д.)¹¹². По мнению П.П. Великого, труд в личном хозяйстве являлся положительной традицией крестьянской жизни¹¹³. Но, судя по рассказам и оценкам крестьян, а также по собственным представлениям автора, есть двор и двор. Даже в пределах одной деревенской улицы неповторимость каждого двора — налицо. Она выражается не только в различии социокультурных и социально-экономических деталей, повседневной практики, но и несхожести неких основных принципов жизнедеятельности. Каждый двор имеет свою неповторимую «ухватку» и этим прежде всего известен односельчанам. Крестьянский двор был основной единицей производства, потребления, владения, политических союзов, социализации, общения, моральной поддержки и взаимопомощи. Общественное положение и самооценка крестьянина внутри его сообщества в решающей мере определялись общественным положением двора и его положением в нем¹¹⁴. В своей эволюции крестьянский двор прошел все стадии процесса институционализации. Как социальный институт крестьянский двор характеризуется наличием цели совместной деятельности, конкретными функциями, обеспечивающими достижения этой цели, набором типичных социальных позиций и ролей.

Одновременно институциональные, правовые, социально-экономические изменения способствовали трансформации личных крестьянских хозяйств. Процессы трансформации затрагивали все сферы их деятельности — экономическую, демографическую, политическую, культурную, социальную, эволюцию сельских поселений. В период становления колхозно-совхозной системы личные крестьянские хозяйства рассматривались главным образом как источник самоснабжения. Но фактически приусадебные хозяйства стали важным источником товарной продукции через систему государственных

планов и поставок, каналы колхозного рынка. Л.Н. Мазур отмечает практически полное включение крестьянства в товарно-денежные отношения и наличие товарной функции личных подсобных хозяйств¹¹⁵.

В рассматриваемый период (1946—1990 гг.) крестьянские хозяйства получили право на существование, дальнейшее их развитие было урегулировано нормативно-правовыми актами и происходило в определенные годы вопреки политике, проводимой государством по отношению к ним. В первые послевоенные годы и в годы хрущевских аграрных реформ утверждался политический взгляд на личное подсобное хозяйство населения как на форму хозяйствования, выполнившую свою историческую роль в обеспечении населения страны продуктами питания. В эти годы проводились новые ограничения и притеснения ЛПХ, особенно в направлении сокращения поголовья животных. Ограничения были вскоре отменены, но сами крестьяне уже не стремились расширять личные подсобные хозяйства.

В дальнейшем начиная с 1965 г. основной аграрно-политической линией партии и государства являлось положение о том, что личные подсобные хозяйства представляют собой присущий социализму, органично связанный с общественным хозяйством источник дополнительной валовой и товарной продукции сельского хозяйства, основанный на трудовом использовании мелких приусадебных участков, личной собственности на домашний скот и некоторые орудия труда, применение которых возможно в свободное от работы в общественном производстве время¹¹⁶. К концу рассматриваемого периода приусадебное хозяйство окончательно утвердилось, и его необходимость была признана не только экономистами, но и политиками, значение личных хозяйств в аграрной системе возрастало. Несмотря на это, централизованная система управления народным хозяйством неизбежно приводила к изменению хозяйственных функций и качеств крестьянства и прежде всего к утрате крестьянством самостоятельности и хозяйственных навыков. Колхозы и совхозы стали рассматриваться сельскими тружениками как институты социальной защиты и гаранта экономической стабильности. Наиболее сильной трансформации подверглись такие сферы жизнедеятельности крестьянских дворов, как социальная, демографическая, культурная, духовно-нравственная. Необходимо отметить значительное влияние на процессы трансформации миграционной убыли сельского населения и урбанизации республики. По утверждению А.С. Сенявского, в эти годы произошло как наиболее агрессивное вытеснение деревни городом, так и некое «городское» преобразование деревни¹¹⁷. Трансформация крестьянских хозяйств Чувашии проходила в рамках государственной аграрной политики, имевшей региональные особенности. Крестьянство не принимало, а иногда и сопротивлялось некоторым формам и направ-

лениям трансформации, в частности касающихся социальных и ценностных представлений, поведенческой модели. Анализ факторов трансформации крестьянских хозяйств показывает, что они были обусловлены не столько природой крестьянского труда, сколько социально-политическими условиями. Но в целом, несмотря на сложности, крестьянский двор в Чувашии не только сохранился, но и продолжал выполнять функцию социальной организации крестьянства, сельских жителей.

Литература и источники

¹ Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М.: Тип. Т. Дортман, 1919. 343 с.; *Его же*. Организация крестьянского хозяйства. М.: Кооп. изд-во, 1925; *Его же*. Крестьянское хозяйство: избранные труды. М.: Экономика, 1989. 492 с.

² Маслов С. Крестьянское хозяйство: очерки экономики мелкого земледелия. 3-е доп. изд. М.: Универсальная библиотека, 1918. С. 157–196.

³ Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. С. 232–233.

⁴ Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства.

⁵ Советский юрист. 1937. № 12. С. 22.

⁶ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Росспэн, 2001. С. 130.

⁷ История советского крестьянства: в 5 т. М.: Наука, 1986. Т. 2. С. 320–321, 323, 326, 327; Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников, 11–17 февраля 1935 г.: стенографический отчет. М.: Огиз – Сельхозгиз, 1935. С. 187.

⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. Т. 2. С. 520.

⁹ Советский юрист. 1937. № 20. С. 14.

¹⁰ Попов В.П. Крестьянство и государство (1945–1953): сб. документов. Париж: YMCA-Press, 1992. С. 286.

¹¹ Лысенко Е.Г. Основы стратегического управления развитием форм хозяйствования в аграрном секторе. Ч. 1: Личные подсобные хозяйства. М.: Россельхозакадемия, 2009. С. 225–227.

¹² Цит. по: Шестаков В.А. Политика Н.С. Хрущёва в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история. № 6. С. 112–113.

¹³ Толстова Н.Н. Российская деревня: проблемы существования в Новейшее время // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19–21 мая 2005 г.). М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 296.

¹⁴ Коньшев Д.Н. Государственная политика ограничения личного подсобного хозяйства (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Российская история. 2011. № 3. С. 106.

¹⁵ Программа Коммунистической партии Советского Союза: принята XXII съездом КПСС. М.: Политиздат, 1967. С. 83.

¹⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М.: Политиздат, 1968. Т. 5. С. 517.

¹⁷ Истомин В.Г. Общественно-политическая жизнь крестьянства Сибири (1959–1975 гг.). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. С. 118–126.

¹⁸ Денисевич М.Н. Индивидуальное хозяйство на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург: УрО РАН, 1991. 196 с.

¹⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1979. Т. 12 (1977–1979 гг.). С. 104–111; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1981. Т. 13 (1979–1981 гг.). С. 533–541; Калугина З.И. Личное подсобное хозяйство в СССР. Новосибирск: Наука, 1991. С. 13.

²⁰ Балицкий Р.Н. Планы руководства Советского государства по решению продовольственной проблемы в середине 1980-х гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сб. статей / науч. ред. А.И. Шевельков. Коломна: Москов. гос. обл. соц.-гуманит. ин-т, 2011. С. 555–558.

²¹ Калугина З.И. Личное подсобное хозяйство в СССР. С. 67.

²² Советская Чувашия. 1988. 16 января.

²³ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 69. Д. 909. Л. 56, 57, 61; Советская Чувашия. 1990. 28 декабря.

²⁴ Тощенко Ж.Т. Парадоксальность экономического сознания и поведения российского крестьянства // Крестьянство и власть в истории России XX века: сб. научных статей участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: ООО «АПР», 2011. С. 352–353.

²⁵ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950–1965. М.: Вологда, 1991; Безнин М.А., Димони Т.М. История крестьянства Европейского Севера России в XX веке: итоги и проблемы изучения // Вестник РГНФ. 2003. № 1. С. 30–40; Их же. Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930–1980-х годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 94–120.

²⁶ Калугина З.И. Личное подсобное хозяйство в СССР. С. 11; Денисевич М.Н. Индивидуальное хозяйство на Урале (1930–1985 гг.); Коньшев Д.Н. Государственная политика ограничения личного подсобного хозяйства (конец 1950-х – начало 1960-х гг.). С. 102; Милосердов В.В. Крестьянство России в глобальном мире. М.: Росинформагропротех, 2009. 392 с.; Шмелев Г.И. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М.: Мысль, 1971. С. 91; Егзю же. Личное подсобное хозяйство: возможности и перспективы. М.: Политиздат, 1983. С. 14–15.

²⁷ Ножкина И.А. Российский крестьянский двор на этапе реформ и изменений: социологические проблемы: дис. ... канд. социолог. наук. Саратов, 1999.

²⁸ Никонова Г.Н. Трансформация аграрного сектора экономики (теория, методология и практика): автореф. дис. ... д-ра эконом. наук. СПб., 2000. С. 35.

²⁹ Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин. М.: Прогресс, Прогресс – Академия, 1992. 432 с.

³⁰ Чувашская АССР за 70 лет: статист. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 69.

³¹ Ергачев М.Н. Вопросы повышения эффективности подсобных хозяйств сельского населения // Вопросы повышения эффективности интенсификации сельскохозяйственного производства в Чувашской АССР. Чебоксары, 1983. С. 111, 114; История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2: 1945–2005. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 353.

³² ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп. 1. Д. 30. Л. 47–48, 50–51; Чувашия за 40 лет в цифрах: статист. сб. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. С. 102; Котов Ю.Н. О ходе реализации программы проведения земельной реформы в Чувашской Республике // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке: преобразования, проблемы и перспективы развития. Чебоксары, 1997. С. 120; Сельское хозяйство Чувашской Республики: статист. сб. Чебоксары, 2007. С. 13.

³³ Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии (По материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.) / Л.А. Иванов, И.Д. Кузнецов, П.А. Сидоров, П.П. Фокин // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. Чебоксары, 1986. С. 45–93; НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 419. Л. 227; Отд. III. Ед. хр. 393. Л. 263.

³⁴ Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников, 11–17 февраля 1935 г.: стенографический отчет.

³⁵ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне: Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. С. 155.

³⁶ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 1: 1917–1945. Чебоксары, 2001. С. 232.

³⁷ *Шорников А.М.* Ликвидация нарушений Устава сельскохозяйственной артели — важнейшее звено укрепления колхозного строя в послевоенный период (1946–1952 гг.) // Вопросы истории сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары, 1986. С. 63.

³⁸ Земельный кодекс РСФСР. М., 1970; Ведомости ВС РСФСР. № 28. 1970.

³⁹ *Мотревич В.П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 12.

⁴⁰ *Шорников А.М.* Ликвидация нарушений Устава сельскохозяйственной артели ... С. 60.

⁴¹ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 178. Л. 22, 38; Д. 468. Л. 81 об.

⁴² Там же. Д. 541. Л. 1; Д. 468. Л. 81 об.; ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 20. Д. 341. Л. 12; Д. 252. Л. 42, 43.

⁴³ *Шорников А.М.* Ликвидация нарушений Устава сельскохозяйственной артели ... С. 69.

⁴⁴ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 31. Д. 221. Л. 45.

⁴⁵ Цит. по: *Коньшев Д.Н.* Государственная политика ограничения личного подсобного хозяйства (конец 1950-х — начало 1960-х гг.). С. 108.

⁴⁶ *Афанасьева Л.А.* Живи, мой край родной, деревня Анаткасы: летопись истории поселения. Чебоксары, 2014. С. 143. Используются материалы Чебоксарского районного архива. Ф. 16. Оп. 1. Д. 33.

⁴⁷ Составлено по сводным годовым отчетам колхозов; *Безнин М.А.* Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье, 1950–1965 гг. Вологда, 1989. С. 9–26; *Его же.* Классовая борьба в советской колхозной деревне // Крестьянское хозяйство: история и современность. Вологда, 1992. Ч. 2. С. 63–64; Народное хозяйство Чувашской АССР за 1957 год: статист. сб. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958. С. 172–173.

⁴⁸ *Афанасьева Л.А.* Живи, мой край родной, деревня Анаткасы ... С. 151–152. Используются материалы Чебоксарского районного архива. Ф. 259. Оп. 1. Д. 19.

⁴⁹ Земельный кодекс РСФСР. М., 1970; Ведомости ВС РСФСР. № 28. 1970.

⁵⁰ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 180–182.

⁵¹ *Верт Н.* История Советского государства, 1900–1991. М.: Прогресс, 1992. С. 454.

⁵² История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 265, 267–268.

⁵³ Чувашия за 40 лет в цифрах. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. С. 65–66.

⁵⁴ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.): статист. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. С. 53.

⁵⁵ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 266.

⁵⁶ *Котов Ю.Н.* О ходе реализации программы проведения земельной реформы в Чувашской Республике. С. 113–114.

⁵⁷ Чувашия, 1920–2010: цифры и факты: статист. сб. Чебоксары: Чувашстат, 2010. С. 79.

- ⁵⁸ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1679. С. 4.
- ⁵⁹ Там же. С. 23.
- ⁶⁰ Чувашия, 1920—2010: цифры и факты. С. 82.
- ⁶¹ Народное хозяйство Чувашской АССР за 1957 год; статист. сб. С. 172—173.
- ⁶² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988): в 16 т. / КПСС; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983—1990. Т. 9: 1956—1960. М., 1986. С. 94, 96, 287.
- ⁶³ Шорников А.М. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959—1985 гг.). Ч. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 47.
- ⁶⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5. С. 517.
- ⁶⁵ Шорников А.М. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959—1985 гг.). Ч. 2. С. 108.
- ⁶⁶ Ергачёв М.Н. Вопросы повышения эффективности подсобных хозяйств сельского населения. С. 111; ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 52. Д. 151. Л. 8а.
- ⁶⁷ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1679. С. 160.
- ⁶⁸ Шорников А.М. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959—1985 гг.). Ч. 2. С. 155, 202.
- ⁶⁹ Цит. по: Кряжинов А.М. И взошли семена // Работники сельского хозяйства: очерки. Т. 11. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 29.
- ⁷⁰ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976—1980 гг.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. С. 60.
- ⁷¹ Чувашия — цифры и факты: статист. сб. Чебоксары, 2005. С. 66.
- ⁷² Там же. С. 67.
- ⁷³ URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_10724.htm. (дата обращения: 12.03. 2016).
- ⁷⁴ Хрущёв Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства: речи и документы: в 7 т. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 2. С. 498, 525—527.
- ⁷⁵ Цит. по: Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущёва и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 82.
- ⁷⁶ Рассчитано по: Безнин М.А. Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье, 1950—1965 гг.: методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества. Вологда, 1989. С. 81—86. Табл. 46.
- ⁷⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 48. Д. 4. Л. 325, 327, 329; Шорников А.М. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959—1985 гг.). Ч. 2. С. 52.
- ⁷⁸ Ергачёв М.Н. Вопросы повышения эффективности подсобных хозяйств сельского населения. С. 105.
- ⁷⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1988), 1983—1990. 9-е изд., доп. и испр. Т. 14: 1981—1984. М., 1987. С. 12—24.
- ⁸⁰ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 54. Д. 246. Л. 1, 2, 3.
- ⁸¹ Чувашия — цифры и факты: статист. сб. С. 68; Статистический ежегодник Чувашской Республики, 1999: статист. сб. Чебоксары, 2000. С. 120; НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1806. С. 99.
- ⁸² НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1848. С. 115.

- ⁸³ *Ергачёв М.Н.* Вопросы повышения эффективности подсобных хозяйств сельского населения. С. 105; НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 245. Инв. № 983. Л. 8–10.
- ⁸⁴ *Шорников А.М.* Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959–1985 гг.). Ч. 2. С. 51–53.
- ⁸⁵ *Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 93.
- ⁸⁶ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.): статист. сб. С. 69.
- ⁸⁷ *Батурин Н.К.* Проблемы реализации продовольственной программы в Чувашской АССР // Осуществление продовольственной программы и социальное развитие деревни Среднего Поволжья. Казань, 1987. С. 28; *Еремеев В.А., Никишев М.Ф.* Состояние и перспективы развития личного подсобного хозяйства в Чувашской АССР // Вопросы истории сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары, 1986. С. 108.
- ⁸⁸ Потребительская кооперация Чувашии: документы, материалы, воспоминания, фотографии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2000. С. 215, 225, 229.
- ⁸⁹ *Осокина Е.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: Росспэн, 2008. 377 с.
- ⁹⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-1430. Оп. 4. Д. 204. Л. 12.
- ⁹¹ ГАСИ ЧР. Ф. П-869. Оп. 5. Д. 29. Л. 51.
- ⁹² Чувашия за 40 лет в цифрах. С. 159.
- ⁹³ *Афанасьева Л.А.* Живи, мой край родной, деревня Анаткасы ... С. 146. Использованы материалы Чебоксарского районного архива. Ф. 247. Оп. 2. Д. 63.
- ⁹⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 1969. Л. 162–163.
- ⁹⁵ История торговли Чувашии: сб. материалов, документов, воспоминаний. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2009. С. 125.
- ⁹⁶ Потребительская кооперация Чувашии (1920–2000): документы, материалы, воспоминания и статьи, фотографии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2000. С. 229.
- ⁹⁷ История торговли Чувашии: сб. материалов, документов, воспоминаний. С. 124–125, 143, 144.
- ⁹⁸ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 62. Д. 56. Л. 43–46.
- ⁹⁹ *Сымаков А.Н., Моисеева Е.В.* Развитие рынка сельскохозяйственной продукции в Чувашской Республике в 1986–1995 гг. // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке: преобразования, проблемы и перспективы развития. Чебоксары, 1997. С. 188–194.
- ¹⁰⁰ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1666. С. 193.
- ¹⁰¹ Народное хозяйство СССР в 1990 году: статист. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 174; Народное хозяйство в СССР в 1987 году: статист. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1988. С. 436, 438.
- ¹⁰² СССР в цифрах в 1990 году: краткий статист. сб. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 10–17.
- ¹⁰³ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1674. Л. 17.
- ¹⁰⁴ Личное подсобное хозяйство в условиях агропромышленной интеграции. М.: Наука, 1988. С. 112.
- ¹⁰⁵ Экономические науки. 1991. № 3. С. 13.
- ¹⁰⁶ *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950–1965 гг. С. 68, 80.

¹⁰⁷ *Ерғачёв М.Н.* Вопросы повышения эффективности подсобных хозяйств сельского населения. С. 143.

¹⁰⁸ *Погодина Т.В.* Преобразования в аграрном секторе экономики Чувашии в 90-е годы: социальные аспекты // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке: преобразования, проблемы и перспективы развития. С. 130.

¹⁰⁹ *Носова Н.П.* Управлять или командовать!: Государство и крестьянство Советской России (1917–1929). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 211.

¹¹⁰ *Ерғачёв М.Н.* Вопросы повышения эффективности подсобных хозяйств сельского населения. С. 143–145; НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 245. Инв. № 983.

¹¹¹ *Мелентьева А.П.* Личное подсобное хозяйство в 1960-е — середине 1980-х годов: историография, тенденции развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. С. 116.

¹¹² *Староверов В.И., Петров А.П., Ильин И.Е.* Социальный портрет сельской Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. С. 132.

¹¹³ *Великий П.П.* Духовная жизнь советского села. М.: Мысль, 1982. С. 104–105.

¹¹⁴ *Шанин Т.* Крестьянский двор в России // Великий незнакомец: хрестоматия. М.: Прогресс, Прогресс — Академия, 1992. С. 30.

¹¹⁵ *Мазур Л.Н.* Зажиточность и колхозное крестьянство: парадоксы социально-экономической дифференциации // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Вологда: Русь, 2001. С. 367–368.

¹¹⁶ *Киркорова Л.А.* Методология развития аграрных отношений и эволюция крестьянского двора в России: монография. Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т, 2007. С. 37, 42.

¹¹⁷ *Сенявский А.С.* Россия в XX веке: модернизационный императив и развитие регионов (теоретико-методологические проблемы) // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья: сб. статей. Чебоксары, 2008. С. 250.

Глава 3

Уровень жизни и повседневный быт крестьянства Чувашии

3.1. Уровень жизни сельского населения: семейный бюджет, потребление и расходы

Уровень жизни крестьянства, отражая степень удовлетворения потребностей человека в материальных, культурно-бытовых и духовных благах, характеризуется рядом показателей: доходы, расходы и потребление материальных благ и услуг; качество и структура потребляемых продуктов питания; обеспеченность жильем и уровень его комфортности; уровень сбережений; дифференциация доходов; состояние здравоохранения, сферы образования и культуры; уровень грамотности; социально-демографическая структура. Совокупность этих данных занимает важное место в общей системе показателей социально-экономического развития, а также в разработке и реализации социальной политики. Исходя из этого в монографии будут рассмотрены основные аспекты социального развития чувашского села, уровень жизни и повседневный быт его жителей. Прежде всего остановимся на анализе таких показателей, как совокупный доход семьи и реальные доходы.

Совокупный доход формируется как суммирующий все денежные и натуральные поступления в бюджет семьи, а также выплаты и льготы общественных фондов потребления. В 1946—1990-х гг. показатели совокупного дохода крестьянских семей имели устойчивую тенденцию роста. Так, в СССР за 1950—1970 гг. средний месячный доход семьи колхозника из двух человек возрос в 3,6 раза¹. В целом по стране за четверть века, с 1960 по 1985 г., реальные доходы на душу населения увеличились в 2,6 раза, общественные фонды потребления —

более чем в 5 раз². Принципы формирования доходной части бюджета крестьянского двора менялись в соответствии с аграрной политикой государства. Структура совокупного дохода формировалась из следующих основных источников: доходы от работы в колхозе и МТС, совхозе, поступления от продажи сельскохозяйственных продуктов, произведенных в личном хозяйстве, доходы от работы в государственных и кооперативных организациях, пенсии и пособия, доходы от кустарно-ремесленной деятельности и прочие поступления.

Доходы от работы в колхозах — важнейшая составляющая совокупного дохода, они представлены в виде натуральных и денежных поступлений. До середины 1960-х гг. в колхозах действовал порядок распределения доходов, установленный в 1930-е гг. По Примерному уставу сельхозартели 1935 г. натуральные доходы распределялись между колхозниками по остаточному принципу, т.е. после выполнения обязательств перед государством, выплат МТС, засыпки семян на посев, фураж, создания страховых фондов, выделения части продукции на продажу³. Вплоть до 1953 г. денежные выплаты по трудодням были незначительными, в основном оплата труда носила натуральный характер, включая выдачу зерна, картофеля, овощей. Размер оплаты труда колхозников Чувашской АССР в 1946—1952 гг. был невысоким: в среднем на один трудодень выдавалось денег от 0,27 до 0,40 руб.; зерна — от 0,61 до 1,74 кг; картофеля — от 0,1 до 1,12 кг; овощей — от 0,09 до 0,26 кг; сена — от 0,03 до 0,07 кг⁴. Методы формирования и оплаты труда совершенствовались. В республике наблюдалось ежегодное, хоть и незначительное, повышение удельного веса расходов на распределение по трудодням в общих производственных затратах колхозов. В 1956 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах», которое рекомендовало по решению общих собраний выдавать колхозникам ежемесячно в течение года авансом на трудодни не менее 25 % денежных доходов, фактически полученных от всех отраслей общественного хозяйства и не менее 50 % денежных средств, получаемых в виде аванса по контрактации, закупкам, обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции⁵. После 1956 г. в колхозах получает распространение гарантированное авансирование, с одинаковым размером выплат на трудодень за все месяцы и с окончательным расчетом в конце года. Более широко стали применяться дополнительная оплата и другие формы материального поощрения (см. табл. 3.1)⁶.

Размер выплат за работу сельскохозяйственной продукцией зависел от производственных показателей. Формирование фонда оплаты труда по остаточному принципу во многих хозяйствах не гарантировал и минимальных ее размеров. Оплата труда в

колхозе напрямую зависела от состояния данного хозяйства, его прибыльности, характера выполняемых работ, количества отработанных трудодней. Существовала дифференциация в зависимости от экономического статуса колхоза. Наиболее высокооплачиваемыми были представители административно-управленческого аппарата и специалисты. Далее шли механизаторы и животноводы. Особую группу составляли социально-смешанные семейные хозяйства, в состав которых входили помимо колхозников рабочие или служащие. В 1961 г. в Чувашии было проведено обследование оплаты труда по отдельным профессиям. Выяснилось, что из 349 сельхозартелей только в 12 оплата одного трудодня составила 2 руб. и выше, в 118 (экономически средние хозяйства) — оплата одного трудодня была от 1 до 2 руб., и в 219 — ниже 1 руб.⁷

Таблица 3.1

Выдача колхозникам зерна, картофеля, овощей и денег (на один трудодень)

	1953	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Зерна, кг	1,79	1,91	1,4	1,41	1,22	2,03	1,48	1,7	2,25
Картофеля, кг	0,85	0,38	0,32	0,41	0,55	0,27	0,3	0,47	0,41
Овощей, кг	0,19	0,1	0,08	0,08	0,17	0,09	–	0,1	0,08
Денег, руб.	0,06	0,18	0,21	0,24	0,29	0,32	0,37	0,45	0,54

Сравнительно высокой была оплата труда в передовых колхозах: «Гвардеец» Батыревского, «Победа» Яльчикского, им. Буденного Ядринского, «Знамя труда» Моргаушского, им. Ленина Вурнарского района и др., в них выдавали от 3 до 6 кг хлеба и от 2 до 5 руб. на каждый трудодень. Гарантированную оплату получали механизаторы МТС, им колхозы на каждый трудодень выдавали 2–3 кг зерна (в зависимости от вида работ и сроков их выполнения) и 2,5 руб.

Совершенно новые принципы оплаты труда колхозников были установлены постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 16 мая 1966 г. «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства». Этим документом с 1 июля 1966 г. вводилась гарантированная оплата труда (не реже одного раза в месяц) деньгами, натурой в соответствии со сроками получения продукции. Оплата устанавливалась исходя из тарифных ставок соответствующих категорий работников совхозов. Средства на оплату труда должны были выделяться в первую очередь⁸. С этого времени доля натуральной оплаты колхозников и рабочих совхозов начинает снижаться. В 1966 г. она составила 36 % в совокупном доходе от работы в общественных хозяйствах, в 1981 г. не превышала 2 %⁹.

С середины 1960-х гг. повышению уровня оплаты труда колхозников и рабочих совхозов уделялось пристальное внимание. В 1960-е гг. был определен основной источник доходов крестьянской семьи, он должен был повышаться за счет увеличения оплаты труда в общественном хозяйстве. По данным комплексной экспедиции 1960 г. по изучению быта и культуры сельского населения Чувашии, денежные доходы в бюджете семьи составили 40,3 %¹⁰. В дальнейшем в колхозах наблюдается рост денежной части оплаты труда. Так, в расчете на один человеко-день в колхозах было выдано денег и продуктов в 1965 г. 1,93 руб., в 1970 г. — 2,92 руб., в 1975 г. — 3,56 руб., в 1980 г. — 4,09 руб. Более высокий уровень оплаты труда был у механизаторов, животноводов. Например, в 1975 г. колхозникам, занятым на конно-ручных работах, за один человеко-день было выдано денег и продуктов на 2,89 руб., что на 1,95 руб. меньше, чем трактористам, и на 1,77 руб., чем дояркам. Среднегодовой заработок у этой группы работников составил 474 руб. (в среднем по всем категориям работников — 725 руб.). В то же время занятые на конно-ручных работах в 1975 г. в среднем на каждого выработали по 164 человека-дня, тогда как в среднем по всем категориям работников было выработано по 200 человеко-дней¹¹.

Начиная с 1980-х гг. в колхозах и совхозах применялись разные формы организации и оплаты труда: коллективный подряд с оплатой за конечный результат, элементы хозрасчета, дополнительная оплата труда за количество и качество выполненной работы и т.д. В итоге произошло сближение уровня оплаты колхозников, рабочих совхозов и других отраслей (см. табл. 3.2)¹². Темпы роста заработной платы на селе были выше, чем в других отраслях народного хозяйства.

Таблица 3.2

**Среднемесячная заработная плата работников совхозов
и оплата труда колхозников в Чувашской АССР (руб.)**

	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Работники совхозов	49	73	95	103	146	183
Колхозники	32	52	64	74	112	174

В Чувашии среднемесячная заработная плата колхозников увеличилась с 32 руб. в 1965 г. до 174 руб. в 1990 г., т.е. в 5,4 раза. В совхозах республики в 1990 г. среднемесячная заработная плата на одного работника составила 183 руб. (49 руб. в 1965 г.), рост составил в 3,7 раза. Реальный доход работников сельского хозяйства с 1965 г. по 1990 г. вырос в среднем по республике более чем в 2,8 раза, среднемесячная заработная

плата работников, занятых в сельском хозяйстве, соответственно с 45 до 127,5 руб.¹³ Начиная с 1946 г. вплоть до конца 1950-х гг. уровень оплаты в колхозах был ниже, чем в совхозах. Похожая ситуация сложилась и в целом по стране. В 1958 г. более половины колхозов страны оплачивали труд своих членов в 2 раза ниже, чем совхозы, 12 % — в 4 раза ниже. К концу 1980-х гг. происходит сближение уровня оплаты труда в колхозах к уровню и формам оплаты труда, сложившимся в совхозах. Среднедушевой совокупный доход колхозников республики в 1990 г. составил 99,7 % к совокупному доходу работников совхозов, значительно приблизившись к уровню доходов рабочих и служащих в целом по народному хозяйству Чувашии¹⁴. Одновременно существовала установка на то, что оплата труда колхозников не должна опережать уровень зарплаты рабочих данного района или области. В 1946 г. зарплата у рабочих и служащих Чувашии составляла 48 руб., в 1950 г. — 64 руб. в месяц. К началу 1950-х гг. колхозники же получали в среднем 16,4 руб. в месяц, почти в 4 раза меньше, чем рабочие и служащие¹⁵. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих республики в народном хозяйстве в 1980 г. составила 147,7 руб., значительно больше, чем в сельском хозяйстве (106,6 руб.)¹⁶. Разрыв продолжал сохраняться и в последующий период. В 1990 г. рабочие и служащие в народном хозяйстве республики в среднем в месяц получали 242,7 руб., колхозники — 174 руб., то есть 72 % от суммы заработка работников народного хозяйства. Однако в 1946–1990-х гг. достаточно высокой оставалась разница в оплате труда колхозников Чувашии и в целом по Российской Федерации и Нечерноземной зоне: в 1990 г. заработная плата колхозников Российской Федерации составила 265 руб. в месяц, по Нечерноземной зоне — 253 руб. Среднемесячная денежная заработная плата работников сельского хозяйства Российской Федерации в 1990 г. составила 307,2 руб., в Нечерноземной зоне — 301,4 руб.¹⁷ Прослеживается устойчивая тенденция сближения уровней доходов сельских и городских жителей.

В совокупном денежном доходе как колхозников, так и работников совхозов происходит рост поступления за работу в общественном производстве (Приложение 11). Доходы от работы в колхозе по РСФСР возрастают с 33,3 % в 1953 г. до 41,3 % в 1958 г. и в дальнейшем приобретают определяющее значение¹⁸. В 1988 г. они составляли 59,4 % денежного дохода семьи колхозника¹⁹.

Дальнейшее развитие получили общественные фонды, создаваемые за счет средств колхозов: фонд культурно-бытовых нужд, фонд помощи престарелым, инвалидам, фонд помощи в строительстве индивидуальных домов. Уставом сельхозартели «Дружба» Чебоксарского района на 1956 г. предусматривалось: «в целях создания обеспеченной старости честным колхозникам и норм бытовых условий получившим увечье

или инвалидность в колхозном производстве установить им ежегодную пенсию исходя из уровня материальной обеспеченности их до 200 трудодней в год, рассмотрев предварительно эти вопросы в индивидуальном порядке на заседании правления»²⁰. На 1 января 1959 г. около $\frac{4}{5}$ сельхозартелей страны оказывали материальную поддержку своим членам по старости и инвалидности. Однако их размеры были незначительными и составляли 6–8 руб. ежемесячно в зависимости от экономического состояния колхозов. В Чувашии в 1960 г. материальную поддержку по старости и инвалидности на селе получали 7,1 тыс. чел. Средства общественных фондов потребления направлялись на содержание детских садов и яслей, пионерских лагерей, клубов и библиотек, на приобретение путевок в дома отдыха и санатории, на организацию общественного питания, на пополнение фонда пенсионного обеспечения колхозников, на премирование и другие мероприятия социального порядка. Только в 1965 г. колхозы республики на эти мероприятия выделили 1,2 млн руб.

Принципиальные изменения в социальном обеспечении произошли в 1964 г. в связи с принятием Закона о пенсиях и пособиях членам колхозов, в результате была сформирована единая система пенсионного обеспечения. Минимальный размер пенсии

Вручение «пенсионной книжки» колхознику
Ф.О. Власову председателем колхоза,
Героем Социалистического Труда А.В. Лениным.
Село Иваново Алатырского района.
1965 г.

устанавливался в 12 руб., максимальный — 102 руб. Законом определялось, что пенсия назначается по старости, инвалидности и в случае потери кормильца. Пенсию по старости получали колхозники, достигшие пенсионного возраста (мужчины — 65 лет, женщины — 60 лет) и имевшие определенный трудовой стаж (мужчины — не менее 25 лет, женщины — не менее 20 лет). Колхозницам, родившим пять и более детей и воспитавшим их до восьмилетнего возраста, пенсия по старости назначалась по достижении 55 лет и при стаже ра-

боты не менее 15 лет (с 1972 г. — по достижении 50 лет). Также были установлены минимальные размеры пенсий по инвалидности и потере кормильца²¹. В соответствии с данным указом 89 тыс. колхозников республики получили право на пенсионное обеспечение²². В рамках реализации закона в декабре 1964 г. в колхозе «Коммунизм» Чебоксарского района была создана комиссия для рассмотрения вопросов назначения пенсии колхозникам, которая приняла решение установить за один рабочий день 1,5 трудодней, также было принято решение об оказании помощи 6 престарелым членам колхоза и выдаче им по 30 кг зерна²³.

В дальнейшем основными тенденциями в развитии законодательства о пенсиях колхозников явились: увеличение размеров пенсий, сближение условий и уровня пенсионного обеспечения колхозников с пенсионным обеспечением рабочих и служащих (см. табл. 3.3)²⁴.

Таблица 3.3

**Средний размер пенсии по Закону о пенсиях и пособиях для членов колхозов
Чувашской АССР (руб.)**

	1970	1980	1985	1986	1987	1988	1990
Колхозники	14,1	34,8	47,5	48,6	54,3	55,4	101

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1971 г. на членов колхозов и их семьи распространялся порядок исчисления пенсий, установленный на рабочих и служащих. Пенсионный возраст для получения пенсии по старости снижался для колхозников-мужчин до 60 лет, для женщин — до 55 лет. С апреля 1975 г. был снижен до 50 лет пенсионный возраст для женщин-механизаторов в сельском хозяйстве. Минимальный размер пенсии по старости был повышен до 20 руб. в месяц, максимальный размер пенсий сохранен на действующем уровне. Минимальный размер пенсии по инвалидности в зависимости от группы инвалидности варьировал от 16 руб. (III группа) до 30–35 руб. (I группа). Минимальные размеры пенсии по случаю потери кормильца зависели и от количества нетрудоспособных членов семьи и назначались в пределах от 16 до 30 руб. В 1974 г. было проведено дальнейшее повышение пенсий инвалидов и членов семей, потерявших кормильца из числа членов колхоза. Менялся и порядок назначения пенсии²⁵. С 1 января 1978 г. колхозники начали получать пенсию в размере 100 % при условии, если размер приусадебного участка не превышал норм, предусмотренных уставом колхоза. До этого, если колхозник имел приусадебный участок более 0,15 га, его пенсия уменьшалась на 15 %. Повышение пенсий колхозников про-

водилось в рамках мероприятий по улучшению пенсионного обеспечения другим категориям населения. С 1 января 1980 г. повышались минимальные размеры пенсий членам колхозов: по старости — до 28 руб. в месяц (с 1981 г. минимальный размер пенсии для рабочих и служащих составлял 50 руб.), по I группе инвалидности — до 45 руб., II группе — 28 руб. в месяц. Повышался и минимальный размер пенсии по случаю потери кормильца. Теперь он составлял от 20 до 45 руб. в месяц²⁶. С 1 ноября 1985 г. минимальный размер пенсии по старости для колхозников был повышен до 40 руб. в месяц. Также повысились и минимальные пенсии по инвалидности: I группе — до 60 руб. в месяц, II — до 40 руб., III — до 21 руб. в месяц. Пенсии семьям колхозников по случаю потери кормильца также увеличились — их минимальный размер с 1 ноября 1985 г. составлял от 25 до 60 руб. в зависимости от количества нетрудоспособных членов семьи²⁷. В Чувашии происходит рост численности пенсионеров на селе: с 51,4 тыс. чел. в 1965 г. до 86,5 тыс. чел. в 1989 г. Наиболее высокими темпами росла численность пенсионеров по старости вплоть до 1975 г., в дальнейшем в связи с сокращением численности сельского населения уменьшается и численность пенсионеров (см. Приложение 20). Вплоть до 1990-х гг. в деревне сохранялось неравенство пенсионного обеспечения, когда часть колхозников — председатели колхозов, специалисты и механизаторы — получала более высокую государственную пенсию²⁸. По мере становления системы государственного пенсионного обеспечения колхозников постепенно теряло свое значение внутриколхозное социальное обеспечение. К началу 1970-х гг. его основные виды состояли из назначения персональных пенсий и регулярных доплат к пенсии по закону, трудоустройства инвалидов, организации труда пенсионеров по старости, предоставления инвалидам средств передвижения, бесплатного протезирования и т.д. Наиболее распространенной формой материальной помощи престарелым и инвалидам являлась доплата к пенсиям. К началу 1980-х гг. практически свернули свою деятельность колхозные кассы общественной взаимопомощи.

До середины 1960-х гг. единой системы государственного социального обеспечения колхозников не существовало, основную нагрузку должны были нести сами общественные хозяйства, хотя на словах провозглашалась необходимость налаживания охраны труда колхозников, предоставления оплачиваемых отпусков женщинам-колхозницам по беременности и родам, оказания материальной помощи или пенсионного обеспечения колхозников в старости, в случае инвалидности и потери кормильцев. С 1950-х гг. право на отдельные виды социального страхования имели председатели колхозов, избранные из числа специалистов-практиков, специалисты и механизаторы, перешедшие на работу в колхозы в связи с реорганизацией МТС в 1958 г. В 1964 г. система госу-

дарственного социального страхования этих категорий была оформлена законодательно по нормам, предусмотренным для рабочих и служащих²⁹. Обеспечение обязательного социального страхования членов колхозов было предусмотрено постановлением Совета министров СССР и ВЦСПС от 27 марта 1970 г. «О мерах по осуществлению социального страхования членов колхозов», которое утвердило порядок образования и использования Централизованного союзного фонда социального страхования колхозников. Осуществление социального страхования членов колхозов возлагалось на профсоюзные организации, листки нетрудоспособности членам колхозов должны были выдаваться лечебными учреждениями в порядке, предусмотренном для рабочих и служащих. Сам фонд формировался за счет взносов колхозов в размере 2,4 % от суммы фактических расходов на оплату труда, в фонд поступали и государственные средства. Также из этого фонда выделялись деньги на приобретение путевок в санатории и дома отдыха, организовывался отдых детей³⁰. С середины 1960-х гг. целенаправленно проводилась политика по улучшению социального обеспечения ветеранов Великой Отечественной войны. В этих целях вводились дополнительные льготы и выплаты: частичная оплата стоимости лекарств, отдельных медицинских услуг; коммунальных услуг, платы за жилье и топливо; право бесплатного или льготного проезда на транспорте; повышение минимальных размеров пенсий; освобождение от сельскохозяйственного налога; с 1975 г. бесплатная выдача автомобиля, первоначально «Запорожца»³¹.

Появилась возможность для социальной поддержки беременных и кормящих матерей-колхозниц, многодетных матерей, малообеспеченных семей, инвалидов с детства, выдачи пособия на погребение³².

Личное хозяйство колхозников — еще один важнейший источник формирования бюджета крестьянской семьи. Оно полностью обеспечивало потребности крестьян в основных продуктах питания. Часть сельскохозяйственной продукции

Дом отдыха «Кувшинка».
1973 г.

шла на продажу и становилась источником денежных поступлений в бюджет. Вплоть до конца 1950-х гг. доходы от ЛПХ определяли совокупный доход крестьянской семьи. В 1953 г. доходы от ЛПХ в РСФСР составляли 45,7 %, а в 1988 г. от них было получено около 20 % совокупного дохода. В 1990 г. доходы семей колхозников от личного хозяйства по стране в целом составили 1808 руб. в год, или 25 % совокупного дохода семьи³³. Несмотря на преимущественно натуральный характер крестьянского подворья, практически все хозяйства в большей или меньшей мере участвовали в товарно-денежных отношениях. В этой связи большой интерес представляет проблема соотношения натуральной и товарной тенденций в развитии личного хозяйства, а также выделение факторов, стимулирующих его товарную направленность. Прежде всего, продажа продукции личного хозяйства была вынужденной мерой, особенно до середины 1960-х гг. Журналист П. Галочкин, вспоминая родную деревню, пишет: «Выручало свое подсобное хозяйство, выращивали овощи, преимущественно картошку (фруктовых садов практически не было). Вывозили ее на рынок в райцентр, продавали, осуществляя таким образом смычку города с селом. Это и был единственный источник наличных денег. Привозили из города, как ни странно, хлеб, ржаной и белый. Ни мельницы, ни хлебопекарни своей в селе не было. Редкая семья не имела рогатой коровы, разве что самые старые и немощные. Иногда крупный рогатый скот заменялся мелким в виде козы. Молоко и прочие молочные продукты тоже уходили на рынок, часто вовсе даже не излишки. Нужда заставляла. Выращивали свиней, но мясо редко попадало на обеденный стол, разве что по большим праздникам. Отправлялось туда же, на рынок»³⁴.

В большинстве случаев личное подсобное хозяйство было ориентировано не на получение прибыли, а на самообеспечение, в том числе это касалось и товарно-денежных операций. Недостаток необходимых денежных средств вынуждал крестьян компенсировать его за счет продажи сельскохозяйственной продукции, полученной на своем подворье. В ряде случаев продавались не только излишки, но и часть необходимого для воспроизводства продукта. Получив единовременные денежные доходы, впоследствии 1/3 семей вынуждена была докупать картофель, овощи, мясо и т.д. Известный исследователь села Л.Н. Мазур отмечает, что «имевшие место ограничения производственной деятельности личных хозяйств, а также занятость основных работников в общественном производстве не позволяли им перерасти рамки натурального хозяйства. Развитие товарных тенденций зависели более от внешних условий и относились к более позднему периоду — концу 1970-х гг., когда поддержка личных приусадебных хозяйств стала составной частью аграрной политики»³⁵. По данным выборочного обследования личных подсобных хозяйств семей в 1988 г., в РСФСР колхозами, совхозами оказывались

следующие виды помощи в его ведении: обработка приусадебного участка, обеспечение скота кормами, обеспечение топливом, ремонт жилища и надворных построек, реализация продукции ЛПХ, обеспечение стройматериалами, предоставление транспорта для личных и производственных нужд. В целом сельчане были удовлетворены качеством и перечнем видов помощи³⁶. В РСФСР в 1988 г. 99,1 % семей колхозников, 93 % семей работников совхозов, 98,4 % семей колхозников-пенсионеров и 88,6 % семей работников народного образования и здравоохранения, проживающих в сельской местности, имели поступления от личного подсобного хозяйства. Доход семей в месяц колебался от 71 руб. в семьях колхозников до 36 руб. в семьях работников образования и здравоохранения. Наиболее высокие доходы (от 79 до 87 руб. в месяц) имели семьи колхозников, проживающие в собственных домах и состоящие из 5 и более человек³⁷. Среднегодовой доход от личного хозяйства населения РСФСР по материалам обследования семейных бюджетов, вырос с 191 руб. в 1980 г. до 212 руб. в 1988 г., доход семей рабочих и служащих соответственно с 110 до 140 руб., семей колхозников — с 988 руб. до 1160 руб.³⁸ В 1960–1990-х гг. доля денежного дохода личного подворья от продажи продукции, выращенной в своем хозяйстве, в общей структуре денежных доходов двора в Чувашской республике в среднем в год составила около 6 %³⁹.

Таким образом, в составе совокупного дохода крестьянского двора ведущее место стала занимать заработная плата за работу в общественном производстве, далее шли социальные поступления (пенсии, пособия, стипендии), поступления от продажи продуктов сельского хозяйства, прочие денежные доходы от колхозов и совхозов, другие поступления. При этом государство ограничивало товарную направленность развития личных хозяйств, не допуская как экономическими, так и административными методами сельских жителей к рыночной торговле. Доходы сельского населения как в республике, так и в целом по стране не обеспечивали нормального материального достатка и рационального уровня потребления.

С ростом реальных доходов и улучшением социального обеспечения сельского населения было связано увеличение расходов хозяйств. Расширялись возможности и для удовлетворения материальных и культурных потребностей в связи с развитием социальной сферы деревни. Доход крестьянской семьи шел на удовлетворение личных потребностей колхозников и членов их семей. Крестьянский двор имел и производственные затраты, связанные с функционированием личного хозяйства. Приоритетными были расходы на питание, покупку непродовольственных промышленных товаров, оплату государственных налогов, услуг, расходы на транспорт, культурно-просветительские нужды, на отдых и лечение. Основную часть расходов составляли денежные рас-

ходы, которые носили товарный и нетоварный характер. Динамика нетоварных расходов в бюджете крестьянской семьи в исследуемый период была сложной. С 1950 по 1965 г. доля нетоварных расходов сокращается. Это было обусловлено уменьшением расходов на уплату налогов, сборов, платежей, приобретение облигаций государственных займов. С 1965 г. нетоварные расходы постепенно растут, и вплоть до 1990-х гг. наблюдается снижение товарных расходов (см. табл. 3.4)⁴⁰.

Таблица 3.4

Денежные расходы населения Чувашской Республики (в %)

	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Денежные расходы, всего	103,6	100,4	98,2	96,4	96,9	98,4	97,4
В том числе: покупка товаров	85,9	80,4	75,7	72,5	74,8	74,1	71,8
Оплата услуг и другие расходы	7,9	8,6	7,9	7,4	7,6	7,5	7,1
Обязательные платежи и добровольные взносы	8,3	8,2	8,8	9,9	11,2	11,3	11,1
Сбережения во вкладах и государственных займах	1,5	3,2	5,8	6,6	3,3	5,5	7,4
Превышение доходов над расходами (+), расходов над доходами (-)	-3,6	-0,4	1,8	3,6	3,1	1,6	2,6

В 1965 г. расходы сельских жителей увеличились по сравнению с 1946 г. на 72,8 %, в т.ч. на приобретение товаров — на 68,5 %, на оплату услуг — в 2,1 раза, на обязательные платежи, взносы и сбережения — в 2,2 раза. Однако в 1965 г. покупательный фонд сельского жителя был меньше покупательного фонда горожанина в 3,4 раза⁴¹. В 1970 г. в структуре расходов семей колхозников страны питание занимало 46,8 %, приобретение тканей, одежды и обуви — 17,8 %, на третьем месте находились накопления — 10,1 %, на четвертом — расходы на алкогольные напитки и табак — 5,8 %, далее шли расходы на мебель и культурно-бытовые товары длительного пользования — 4,6 %, приобретение велосипедов или мотоциклов — 4,2 %. Остальные средства использовались на топливо и освещение, оплату различных культурно-бытовых услуг, налоги и сборы⁴². В 1991 г., по данным обследования домашних хозяйств жителей республики, в структуре их расходов покупка продуктов питания составляла 28,7 %, непродовольственных

товаров — 43,5 %, алкогольных напитков — 3,9 %, на оплату услуг приходилось 9,3 %, на налоги, сборы, платежи — 6,8 %, прочие расходы — 7,8 %⁴³. Среди расходной части бюджета сельского населения особое место занимали накопления. В целом по республике доля накоплений во всем распределенном доходе населения выросла с 1,5 % в 1960 г. до 7,4 % в 1990 г. Довольно высокий уровень накоплений сельского населения в 1950–1970-е гг. при достаточно низком уровне их благосостояния объясняется рядом причин: это обеспечение продуктами питания с личного хозяйства, получение части накоплений через продажу излишков продукции личного подворья, ограниченность потребностей и недостаток товаров культурно-бытового назначения. С 1950 г. до 1970 г. средний размер вклада сельских жителей Чувашии вырос более чем в 11 раз. В дальнейшем темпы роста накоплений снижаются (см. табл. 3.5)⁴⁴.

Таблица 3.5

Вклады населения Чувашии в учреждения Сбербанка СССР
(на конец года)

	1940	1950	1960	1970	1980	1985	1990
Число учреждений, всего	173	194	315	390	406	400	393
В сельской местности	143	156	253	316	326	319	318
Число вкладов, тыс.	53,8	45,6	209,6	369	679,8	863	1091,1
В сельской местности	30,2	18,8	93,5	175,5	313,8	361	433,3
Сумма вкладов, млн руб.	1,8	4,1	39,2	208,3	714,6	1042,3	1546,3
В сельской местности	0,8	1	16,6	107,4	343,4	477,9	657,6
Средний размер вкладов, руб.	34	91	186	565	1051	1208	1417
В сельской местности	27	54	177	612	1095	1324	1519

Повседневная бытовая жизнь сельского населения постепенно, хотя и медленно, улучшалась. Улучшению материального положения трудящихся способствовали также отмена военного налога, карточной системы на продовольственные и другие товары, снижение государственных розничных цен на товары первой необходимости. При проведении денежной реформы 1947 г. были определены ценовые пояса, к которым относились республики, края и области. По ряду основных продуктов (хлеб и другие продовольственные товары, свежие фрукты, сухофрукты, молочные продукты, яйца и др.) Чувашия была отнесена ко второму поясу, по картофелю, овощам — к первому поясу. Цены на продукты зависели от того, к какому поясу отнесен регион. Так, цена на хлеб ржаной

для первого пояса была утверждена 2,6 руб., для второго пояса — 2,8 руб., для третьего — 3 рубля. В связи с переходом на новые цены в республике предусматривалось открыть дополнительную сеть предприятий из 18 учреждений по линии Министерства торговли СССР⁴⁵. Снижение розничных цен в конце 1947 г. дало населению республики экономию в размере более 200 млн руб. в год. Уже в 1948 г. хлеба было продано больше в 2 раза, сахара и кондитерских изделий — более чем в 1,8 раза, хлопчатобумажных тканей — в 2 раза, обуви резиновой — в 1,2 раза, чем до отмены карточной системы в 1947 г.⁴⁶ В 1953 г. были снижены государственные розничные цены, по сравнению с ценами, которые действовали до отмены карточной системы в 1947 г., в следующем размере: на хлеб, макаронные изделия и крупу — почти в 3 раза, картофель и овощи — более чем в 3 раза, фрукты — в 2,6 раза, растительное масло — в 1,8 раза, сахар — в 2,3 раза, масло и мясопродукты — почти в 3 раза, яйца — в 2 раза. Но и при этом они более чем на треть превышали довоенный уровень. Сразу же увеличилась продажа населению товаров народного потребления. В 1953 г., по сравнению с 1947 г., было куплено хлеба больше в 2,6 раза, в том числе белого хлеба — более чем в 6 раз, крупы — в 2,4 раза, макаронных изделий — в 3,6 раза, мясопродуктов — в 2,3 раза, масла животного и растительного — почти в 2 раза, сахара — в 5,4 раза, молочных продуктов и яиц — в 1,7 раза, овощей — в 1,5 раза и фруктов — более чем в 3 раза.

В первые послевоенные годы сельское население питалось в основном хлебом и картофелем. По данным ЦСУ СССР, в 1950 г. в месяц на душу одного сельского жителя приходилось 21 кг хлеба и крупы, 24 кг картошки, 13 л молока, 1,39 кг мяса и рыбы, 0,24 кг жиров, 0,25 кг сахара и кондитерских изделий⁴⁷. Люди потребляли хлеба примерно в 1,5 раза, а картофеля в 3 раза больше, чем было предусмотрено рациональными нормами питания. Зато было хроническое недоедание по таким высококалорийным и качественным продуктам, как мясо, молоко и яйца. Крестьянин потреблял мяса в 8, молока — в 3, яиц — в 10 раз меньше, чем требовалось. Несмотря на некоторое улучшение, к началу 1960-х гг. питание большинства советских людей основывалось главным образом на обильном потреблении хлеба, круп и картофеля. Уровень потребления этих продуктов далеко превосходил научно обоснованные рациональные нормы. Напротив, мясо, животное масло, яйца, овощи, фрукты и ягоды все еще играли лишь вспомогательную роль. Их потребление в то время составляло от одной пятой до половины необходимой величины. За 1966—1970-е гг. возросло потребление важнейших продуктов питания сельским населением, в результате увеличилась продажа продовольственных товаров на 71 % по сравнению с 1959—1965 гг., в том числе мяса и птицы — на 85 %, рыбы — в 2,5 раза, масла животного — в 2,1 раза, молочных продуктов —

в 2 раза, сахара — в 1,7 раза, кондитерских изделий — в 1,8 раза, консервов овощных и фруктовых более чем в 3 раза, мороженого — в 10 раз. В 1970-х — первой половине 1980-х гг. СССР стал импортировать продукты питания в значительно большей мере, однако импортные продукты составляли незначительную часть в питании советского человека⁴⁸. Основная задача — снабжение населения продовольствием, как и в целом по стране, в республике оказалась нерешенной. Проблема дефицита товаров для населения, в том числе перебои в торговле хлебом, оставалась одной из злободневных. В разряд дефицита могли попасть любые продукты, как показывали результаты проверок, в их числе оказывались колбасные изделия, сливочное масло, конфеты, консервы, крупы, фрукты и многое другое⁴⁹.

Достигнутый уровень потребления мясных и молочных продуктов, яиц, рыбы и рыбной продукции, сахара и растительного масла к началу 1980-х гг. отставал от норм, рекомендованных Институтом питания Академии медицинских наук СССР. Только потребление хлебопродуктов и картофеля превышало рекомендуемую норму. В сравнении с другими областями и республиками Волго-Вятского района и в целом по региону, уровень потребления основных продуктов питания населением Чувашии был даже ниже⁵⁰. При этом в республике сложилась ситуация, когда уровень и качество питания колхозного населения оказались существенно ниже, чем у городских жителей. В рационе сельских жителей, несмотря на наличие личных подсобных хозяйств, меньше были представлены такие продукты, как мясо и мясопродукты, молоко и молочные продукты, овощи и бахчевые, яйца (см. табл. 3.6)⁵¹. В то же время потребление хлеба, хлебопродуктов и картофеля как у сельских жителей, так и у горожан заметно превышало рациональные нормы.

Таблица 3.6

Потребление основных продуктов питания колхозниками в Чувашии
(в среднем на одного человека в год (кг), яйца — штук)

	1975	1980	1981	1982	1983
Хлебные продукты	162	164	165	164	165
Картофель	172	169	168	168	172
Овощи и бахчевые	52	48	48	46	48
Мясо и мясопродукты	26	30	29	31	32
Молоко и молочные продукты	243	247	216	226	249
Яйца	214	171	174	174	179

Основными причинами недостаточного продовольственного снабжения населения и удовлетворения их потребностей в продуктах питания на пленуме ЦК КПСС (май 1982 г.) были названы более быстрый рост спроса на продукты питания по сравнению с производством продовольствия; рост денежных доходов населения, вызвавший увеличение потребления; рост численности городского населения; переход сельского населения к покупке продуктов питания в государственной торговой сети. В целом же можно говорить о неэффективной системе сельскохозяйственного производства. Для решения сложившейся в стране продовольственной проблемы в мае 1982 г. была принята Продовольственная программа, предусматривавшая развитие всех сфер сельского хозяйства и смежных с ним отраслей. Большое внимание уделялось производству основных видов продовольствия и организации торговли ими в целях обеспечения устойчивого снабжения населения страны высококачественными продуктами. В 1981–1985 гг. предполагалось полностью удовлетворить спрос населения на хлеб и хлебобулочные изделия, расширив также их ассортимент, улучшить снабжение картофелем, сахаром, крупами, кондитерскими изделиями, маргарином, яйцами и рыбой. Обеспечение жителей мясом, молоком, растительным маслом, овощами и фруктами предусматривалось решить в 1986–1990-х гг.⁵² Вопросы реализации Продовольственной программы в Чувашии обсуждались в июне 1982 г. на VI пленуме Чувашского обкома партии. Были намечены конкретные меры по её выполнению и увеличению производства сельскохозяйственной продукции. Личные хозяйства стали рассматриваться как важнейшее подспорье в пополнении продовольственных фондов страны. При этом был принят ряд мер в поддержку личных хозяйств и их развития. Однако решить проблему посредством развития личных хозяйств не удалось: при этом доля потребления ряда продуктов (мяса, овощей, картофеля) из произведенного в личных подсобных хозяйствах увеличилась, по другим продуктам (молоко, яйца) — сократилась⁵³. К 1990 г. 24,6 % мяса, 29,8 % молока и молочных продуктов, 25,8 % яиц, 18,5 % овощей и бахчевых, 74,3 % картофеля на стол населения страны поступала от ЛПХ. Исключение составляли хлеб, сахар, рыба и рыбопродукты, растительное масло⁵⁴. Значительная часть не только сельского, но и городского населения страны получала продукты питания из личных подсобных хозяйств либо непосредственно, либо через родственные отношения, либо через рынок.

В Чувашии фактическое потребление продуктов питания обеспечивалось полностью за счет собственного производства на территории республики, за исключением яиц и овощей в отдельные годы. Структура источников формирования фондов потребления сложилась таким образом, что наибольшее количество продуктов питания (60–70 %) население приобретало через государственную и кооперативную торговлю, а потребность

в картофеле покрывалась за счет личных подсобных хозяйств (58 % фонда потребления 1987 г.)⁵⁵. Многие сельские жители везли из города колбасу, фрукты, хлеб, хорошие кондитерские изделия. Проблема обеспечения населения продовольствием решалась медленно (см. табл. 3.7)⁵⁶.

Таблица 3.7

Потребление основных продуктов питания населением в Чувашии
(в среднем на одного человека в год (кг), яйца — штук)

Наименования	1980	1985	1986	1987	1989	1990
Хлебные продукты	148	141	138	131	130	142
Картофель	152	124	133	147	147	142
Овощи и бахчевые	60	73	68	68	71	66
Мясо и мясопродукты	45	54	57	58	64	67
Молоко и молочные продукты	260	302	306	324	389	396
Яйца	213	239	259	259	279	270
Рыба и рыбопродукты	22	24	22	21	17	15
Сахар	45	46	51	54	44	57
Масло растительное	6	6	6	7	6	7

Достигнутый уровень потребления основных продуктов питания продолжал отставать от рекомендованных нормативов. Но постепенно в рационе питания снижалась доля хлебных продуктов, картофеля, росла доля мяса и мясопродуктов, молока и молочных продуктов, овощей, сахара, растительного масла.

Сложившийся дефицит товаров спровоцировал рост цен. За 1985–1990 гг. средние розничные цены в государственной торговле и магазинах потребительской кооперации увеличились: на колбасные изделия — в 1,2; консервы мясные — в 1,1; хлеб и хлебобулочные изделия — в 1,3; водку и ликеро-водочные изделия — в 1,8 раза. Цены на рыбу, яйца и сахар остались неизменными, на рыбные консервы, растительное масло, кондитерские изделия снизились, а на животное масло, сыр, чай, крупы, макароны, картофель и овощи выросли весьма незначительно. По данным официальной государственной статистики, розничные цены на товары народного потребления возросли за 1990 г. на 5,3 %. Рост рыночных цен на продукты питания в 1990 г. по сравнению с 1980 г.

составил 48,4 %⁵⁷. В дальнейшем превышение спроса над предложением — в Чувашской Республике более чем в 7 раз — к 1992 г. привело к многократному повышению цен на потребительские товары. В 1992 г. они увеличились в республике в 20,3 раза. Проведенная правительством Российской Федерации со 2 января 1992 г. либерализация цен отрицательно сказалась на торговле. В магазинах ощущались острый недостаток товаров, узость ассортимента, и в этих условиях правительство республики вынуждено было ввести нормы отпуска основных продовольственных и непродовольственных товаров⁵⁸. Расходы на питание были все же для сельского жителя весьма велики, они свидетельствуют о медленном росте и о невысоком уровне жизни сельчан, хотя по сравнению с серединой 1950-х гг. в 90-х гг. XX в. этот уровень заметно вырос. Уровень потребления продовольственных товаров в семьях колхозников и семьях работников сельского хозяйства к 1990 г. был еще весьма далек от рациональной структуры питания. При этом в Чувашии он еще и был ниже, чем в целом по РСФСР и Волго-Вятскому региону (см. Приложения 12 и 13).

3.2. Строительство жилья и жилищные условия сельчан

Жилищное строительство на селе в первые послевоенные годы опиралось в основном на средства колхозов и членов сельскохозяйственной артели, что было продекларировано и в пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946—1950 гг. Решения Сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 г. способствовали оживлению жилищного строительства в связи с увеличением общих капиталовложений колхозов страны. Государство брало на себя функцию выделения кредитов на строительство домов и обеспечения поставок строительных материалов сельским жителям. К началу 1950-х гг. производством кирпича, извести, черепицы и других строительных материалов занимались более 250 колхозов республики⁵⁹. С 1957 г., после отмены запрета на организацию в колхозах предприятий по производству строительных материалов, наряду с ними стали появляться межколхозные организации. В 1961 г. в республике работали 23 межколхозных предприятия, объединявшие 121 колхоз. Ими в том году было произведено 5,5 млн шт. кирпича⁶⁰. К 1975 г. в республике действовали 27 межколхозных строительных организаций⁶¹. В 1953 г. сельским жителям было продано стройматериалов на 10 700 руб. — в 12 раз больше, чем в 1948 г. Намного возрос объем продаж цемента, шифера, при этом спрос на данные товары не был удовлетворен⁶². Начиная с 1956 г. колхозы из общего денежного фонда стали выделять отдельной статьей средства на строительство жилья для членов артели, но в основном жилые

дома строились на деньги самих колхозников и сельских жителей. Постановлением Совета министров СССР от 1965 г. «О кредитовании строительства жилых домов для колхозников» сельчанам стали выделять кредит в сумме от 700 до 1500 руб. сроком на 7 лет с началом погашения ссуды после завершения строительства.

Несмотря на трудности, деревня постепенно строилась. Сельскими жителями Чувашии было построено с 1946 г. по 1965 г. 114,9 тыс. домов, в том числе в 1946–1950 гг. – 22,3 тыс., в 1951–1955 гг. – 22,5 тыс., в 1956–1960 гг. – 40,9 тыс., в 1961–1965 гг. – 29,3 тыс. домов⁶³. В передовых хозяйствах республики улучшению жилищных и культурно-бытовых условий колхозников уделялось значительное внимание. Так, в колхозе «Гвардеец» Батыревского района ежегодно 23–30 семей строили добротные дома, колхоз помогал им с транспортом, строительными материалами, деньгами. Велось возведение экспериментального жилого центра, в 1970-х гг. в благоустроенные дома были заселены 54 семьи⁶⁴.

С конца 1960-х гг. тенденция меняется. Выполнение планов преобразования нечерноземья в сельской местности Чувашии способствовало развертыванию строительства жилья за счет средств государства и колхозов. Таким образом, первоначально появились многоквартирные (восьми-, шестнадцатиквартирные и более) дома, впоследствии приступили к строительству двух- и четырехквартирных, а также отдельных домов, предназначенных для одной семьи. В 1980 г., к примеру, по материалам экспедиции по изучению социально-культурного и бытового состояния деревни, 45,2 % опрошенных семей в Шоршелах (Маринско-Посадский район), 37,8 % – в Маяке (Канашский район), 12 % – в Байдеряково (Яльчикский район), 5,2 % – в Ишаках (Чебоксарский район) проживали в домах колхозов, совхозов и местных советов⁶⁵. Подобное строительство было характерно для центральных усадеб, где располагались центры сельских советов, правления колхозов и дирекции совхозов, и было вызвано ус-

Сельский дом. Середина 1980-х гг.

Центральная усадьба колхоза «Победа» Яльчикского района
1972 г.

ловной, как было сказано выше, не всегда обоснованной дифференциацией «перспективных» и «неперспективных» селений. В дальнейшем предоставление жилья применялось, также для привлечения кадров для работы на селе, и не только специалистов, но и механизаторов, животноводов.

Решение жилищной проблемы было направлено на социальные аспекты: достижение санитарных нормативов обеспеченности общей площадью, реализация принципа поквартирного заселения, повышение комфортности жилья. Особенно интенсивно индивидуальное жилищное строительство велось в 1946–1975 гг. (см. табл. 3.8)⁶⁶.

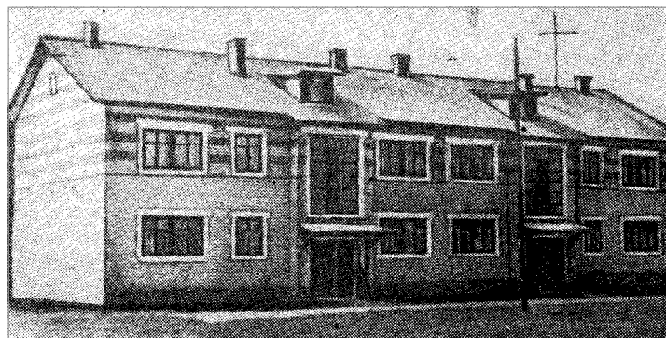
Таблица 3.8

Ввод в действие жилых домов (тыс. кв. м общей (полезной) площади)

Годы	Всего построено	в т.ч. государственными и кооперативными предприятиями и учреждениями	в т.ч. населением	в т.ч. колхозами и межхозяйственными организациями
1946–1950	1007,4	105,9	901,5	—
1951–1955	1142,5	173,3	969,2	—
1956–1960	2262,5	504,1	1758,4	—
1961–1965	2104,3	842	1262,3	—
1966–1970	2357	1254,8	1102,2	—
1971–1975	2841,8	1768	1925,2	48,6
1976–1980	2863,1	2083,5	692,5	87,1
1981–1985	2777,9	2047,5	608,5	121,9
1986–1989	2590,9	2028	486	76,3

Количество же общей жилой площади, введенной в эксплуатацию колхозами, колхозниками и сельской интеллигенцией, работниками совхозов, ежегодно возрастало и в

1990 г. достигло 9454 тыс. кв. м. А по такому показателю, как площадь жилища, приходящаяся в среднем на одного жителя, сельчане оказывались в преимуществе. Если в среднем на одного жителя в республике, по данным 1980 г., приходилось 12,7 кв.м, в 1985 г. — 13,9 кв.м, то в сельской местности соответственно

Многоквартирный дом в с. Ковали Урмарского района 1970-е гг.

13,2 и 15,1 кв. м. В 1990 г. на одного жителя приходилось 15,7 кв. м жилья, в городской местности — 14,6 кв. м, в сельской местности этот показатель составил 17,2 кв. м. Ввод в действие жилых домов за счет всех источников финансирования на 1000 человек населения в республике в 1980–1990 гг. был выше, чем в целом по Российской Федерации и Нечерноземной зоне, но по обеспеченности жильем на одного жителя сельской местности показатели Чувашской республики были немного ниже⁶⁷.

Несмотря на то что жилой площадью сельское население было обеспечено лучше, чем горожане, сказать, что их жилищные условия в целом лучше городских, было нельзя. К началу 1990-х гг. большинство сельских домов было оборудовано газом (78,5%), в том числе отопление имело 27,6% сельского жилищного фонда. Абсолютное большинство чувашских деревень пользовалось водопроводом с водозаборной колонкой на улице. Отдельные селяне устраивали летний водопровод, подсоединенный к магистрали. Около 7% жилья имели водопровод, 5,5% водоотведение, 4,3% были оборудованы ваннами или душевыми, и 1,8% — горячим водоснабжением. Во многих домах старой постройки отсутствовали даже минимальные удобства⁶⁸.

Изменился внешний облик населенных пунктов. В селах появились жилые дома, нередко кирпичные, под шиферными и тесовыми крышами. В первые послевоенные годы в жилищном строительстве преобладали дома-пятистенки. Начали появляться многокомнатные дома из кирпича и других строительных материалов — железобетонных и деревянно-щитовых панелей, шлакобетона и иных конструкций. Например, в с. Ходары Шумерлинского района в 1960 г. жилая площадь каждого дома в среднем составляла 35,8 кв. м. Из 232 домов этого села 35% приходилось на двухкомнатные, 28,8% — на трехкомнатные. Отдельная кухня была в 50 домах, отдельная гостиная —

в 180, спальня — в 106, общая комната — в 187 домах⁶⁹. Необходимо отметить, что с 1950-х гг. началась массовая интенсивная постройка и перестройка домов.

Значительная работа проводилась по благоустройству. Целый ряд селений — Кольцовка Вурнарского, Картлуево и Дятлино Козловского, Янтиково Яльчикского района — добился права называться образцовыми. Для 1980—1990-х гг. характерно повышение уровня благоустроенности жилья, качественных его характеристик, произошло расширение площади жилищ. Размеры жилой площади индивидуальных домов зависели от социально-профессиональной принадлежности владельцев и людности семей. Жилое помещение обычно делилось на несколько комнат с вариантами полной (кухня, столовая, зал, спальня, детская комната), средней (кухня, чистая половина, спальня), частичной (кухня, общая комната) функциональной дифференциацией⁷⁰. Массовым стало возведение пристроенных и дополнительных помещений (зимней и летней кухни, веранды, мансарды, котельных и др.). В 1980-е гг. наметилась тенденция к постройке жилых и других помещений под одной крышей: двускатной в северных районах республики и четырехскатной — в южных. С 1990-х гг. приступили к строительству коттеджей, что повлекло отказ от многих традиционных черт народного зодчества⁷¹. В эти годы сохранились традиции украшения резьбой и раскраски домов, веранд, ворот. У деревянных домов обычно раскрашивались фронтоны, карнизы, наличники окон. Наиболее популярным стало украшение домов накладной (пропильной) резьбой, что было

Члены сельского исполкома намечают работы по весеннему благоустройству села Канашский район

менее трудоемким. Во внутренней отделке жилых помещений также стали использовать окрашивание полов и потолков, оклеивание стен обоями.

Развитию жилищного строительства, улучшению условий жизни и повышению комфортности жилья способствовала электрификация. Уже к концу

войны, в марте 1945 г., было принято постановление правительства Чувашии и бюро обкома КПСС «О развитии сельской электрификации в Чувашской АССР», за 1946–1950-е гг. планировалось построить не менее 111 сельских электростанций, электрифицировать 18 район-

Электростанция колхоза им. Ворошилова. 1951 г.

ных центров, 26 машинно-тракторных станций и 450 колхозов. В основном строительство так называемых «колхозных» малых ГЭС развернулось на реках Большой и Малый Цивиль, Сорма, Выла, Унга, Рыкша, Шатъма и др. Первые сельские гидроэлектростанции появились уже в 1946 г., развернулась работа по созданию энергетической инфраструктуры. К 1950 г. были электрифицированы многие села и часть районных центров, но в основном электроэнергия использовалась для решения производственных задач, нужды сельских жителей не всегда удовлетворялись. В 1960-х гг. в республике началась работа по массовой электрификации сельских поселений⁷². Специалисты, занимающиеся строительными работами — обычно это были электромонтеры — стали главными персонажами сельской повседневной жизни в эти годы. Завершение электрификации сельских населенных пунктов в 1967 г. привело к массовому освещению домов электричеством, появлению самодельных, в основном бумажных абажуров, позже люстр и абажуров заводского изготовления. Традиционным для внутреннего интерьера жилищ было наличие на стенах портретов разных деятелей государства и партии, известных людей, артистов, певцов, репродукций картин, почти всегда вставленных в самодельные рамки, позже в рамки промышленного изготовления. Обязательным элементом стали вывешенные на стенах застекленные рамы-витрины с фотографиями родственников и членов семьи. Как настенные украшения применялись вышитые изделия, как в традиционном стиле, так и по модным на данном отрезке времени сюжетам и орнаментам, ковры. Появились дорожки, ковровые покры-

Электрификаторы села
Цивильского линейного участка
1973 г.

тия на полу, гардины, занавески на окнах. У большинства сельчан имелись иконы или иные атрибуты религиозного культа. Убранство домов отличалось в силу традиций и этнической принадлежности, социального статуса сельских жителей. В первые послевоенные годы мебель в домах была в основном самодель-

ная: деревянные кровати, настенные полки для хранения посуды, стулья, табуретки, столы, скамейки, сундуки для хранения одежды и белья. Одежда для ежедневного ношения вывешивалась в сенях или специальных помещениях-клетях, но уже появляются и шкафы для одежды. В середине 1960-х гг. анкетное обследование показало, что свыше 60 % сельских домов обставлены фабричной мебелью⁷³. Существенное изменение интерьера сельских домов произошло в 1970-х гг., когда сельчане стали приобретать мебель фабричного производства: платяные и посудные шкафы, книжные полки и шкафы, кровати, в том числе детские, диваны, комоды, серванты, зеркала заняли постоянное место в комнатах, появились модные для этого времени трюмо. В 1980-е гг. они стали массовыми атрибутами сельских жилищ. Но сохранялись традиционные сундуки: невеста при вступлении в брак еще должна была иметь сундук. Почти в каждом доме сохранялись колыбели, считалось, что растить малыша лучше в них. За 1946–1990-е гг. металлическая, фарфоровая, стеклянная кухонная и столовая посуда вытесняет аналогичные деревянные и глиняные изделия. Дольше всего в быту сельчан сохранились деревянные ложки и глиняная посуда для хранения молока⁷⁴. Неотъемлемым атрибутом советского быта стал обыкновенный граненый стакан, который повсеместно использовался в общепите. Стаканы стояли в автоматах с газированной водой, в столовых с компотом и кефиром, с чаем и киселем в детских садах и школах, им пользовались в каж-

дой семье, в некоторых из них — в паре с подстаканниками. Стоила она достаточно дешево, в зависимости от количества граней, от 3 до 14 коп. В народе советский граненый стакан первоначально называли «маленковским». Эта история связана с государственным деятелем Георгием Маленковым, по при-

Интерьер дома М.Т. Плешковой. Деревня Нижнее Тимерчево Комсомольского района. 1980-е гг.

казу которого для отдельных категорий военнослужащих в годы Великой Отечественной войны выделялось 200 г водки, выдаваемой в обед. Тем же, кто не пил, позволялось обменять свою норму в объеме граненого стакана на табачный паек или сахар. Это правило просуществовало недолго, но очень запомнилось многим служившим в то время⁷⁵. Журналист И. Федотов писал: «Даже недолгое царствование Георгия Максимилиановича осталось в памяти как знаменитый “маленковский стакан”. Помню, мужики невдалеке на лужайке, но чуть вдали от магазина, поговаривали: “Айда, рванем по одному маленковскому”»⁷⁶.

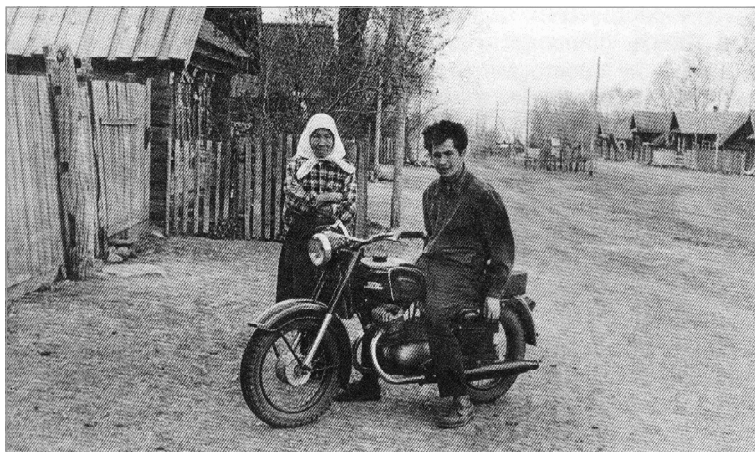
Завершение строительства дома и заселение в нем семьи традиционно справлялись «праздником нового дома». Новоселье является большим торжеством для семьи и родни, только после его проведения в доме было принято отмечать другие события.

3.3. Материально-бытовые условия жизни на селе

Постепенно происходит процесс сглаживания различий в обеспеченности семей с различным уровнем душевого дохода вследствие выравнивания материально-бытовых условий жизни различных категорий колхозников и в целом сельского и городского населения. Стремление к улучшению комфортности быта и городскому стилю, повышение материального благосостояния сельских жителей привели к росту обеспеченности

крестьянских дворов бытовыми предметами долговременного пользования. В 1953 г. на селе было продано 5460 велосипедов — в 9,1 раза больше, чем в 1948 г.; радиоприемников — в 4 раза, кроватей металлических — в 15 раз, и швейных машин — 1,7 раза больше⁷⁷. За семилетие (1959—1965 гг.) труженики села приобрели только в кооперативных магазинах более 160 тыс. велосипедов и мотоциклов, свыше 40 тыс. швейных машин, 25 тыс. радиоприемников, 8 тыс. телевизоров, 7 тыс. стиральных машин. В 1966—1970 гг. продажа стиральных машин составила 28,4 тыс. штук, телевизоров — 32,3 тыс., радиоприемников и радиол — 28,8 тыс., велосипедов — 63,9 тыс., холодильников — более 8 тыс.⁷⁸ Только за четыре года (1976—1979 гг.) через магазины Чувашпотребсоюза было продано 32 тыс. телевизоров, 41 тыс. радиоприемников и радиол, 29 тыс. холодильников, 27 тыс. стиральных машин, 7 тыс. 600 легковых автомобилей⁷⁹. В 1965—1980-х гг. продажа товаров культурно-бытового назначения через государственную и кооперативную торговлю выросла в республике многократно. К примеру, рост продажи фотоаппаратов составил 2,7 раза, электропылесосов — 11,7 раза, бытовых холодильников — 5,6 раза. Если в первые послевоенные годы ведущее место занимало удовлетворение нужд, связанных с питанием и одеждой, начиная с 1960-х гг. население приобретает все больше предметов культурно-бытового назначения длительного пользования — телевизоры, холодильники, стиральные и швейные машины. Наиболее существенное отставание сельских жителей от городских по обеспеченности предметами культурно-бытового назначения длительного пользования наблюдалось в 1960 — начале 1970-х гг. К середине 1980-х гг. прослеживается тенденция к выравниванию этих показателей, особенно по наиболее необходимым в быту предметам — телевизорам, холодильникам, стиральным и швейным машинам. По обеспеченности населения швейными машинами село даже обгоняло город. В 1972 г. в среднем на 100 семей колхозников имелось: 37 радиоприемников и радиол, 27 телевизоров, 1 холодильник, 18 стиральных машин, 48 мотоциклов, мопедов и мотовелосипедов, 5 фотоаппаратов. В 1985 г. на каждые 100 семей колхозников приходилось: радиоприемников — 53; телевизоров — 79; магнитофонов и холодильников — 36; стиральных машин — 58; швейных машин — 64, легковых автомобилей — 2; мотоциклов и мотороллеров — 11 и т.д.⁸⁰ Сельские жители стали больше приобретать транспортные средства в личное пользование. Наиболее высокими темпами росла обеспеченность сельчан велосипедами, которые были почти в каждой семье, мопедами, мотоциклами и мотороллерами, они в большей степени нуждались в этих видах транспорта. Да и по цене они были им доступнее. До середины 1960-х гг. личный автомобиль являлся для большинства советских людей предметом роскоши. По данным этностатистических исследований социально-культурного состоя-

ния 21 сельского поселения ЧАССР, в 1960 г. в них имелись 4 легковых автомобиля, в 1970 г. — 84. С 1972 по 1975 г. продажа легковых автомобилей в республике возросла в 4,1 раза, в дальнейшем объем продаж стабилизировался, вплоть до 1980-х гг. ежегодно продавалось около 3,8 тыс. автомоби-

Художник-карикатурист Виталий Емельянов с матерью в родной деревне. 1976 г.

лей⁸¹. Спрос населения на легковые автомобили не удовлетворялся, а по месту работы людей для покупки автомобиля составлялись списки очередников. В условиях дефицита продажа легковых автомобилей населению осуществлялась в планово-распределительном порядке. Для тружеников сельского хозяйства, особенно лучших руководителей колхозов и совхозов, передовиков производства, выделялись специальные лимиты на продажу автомобилей в качестве специфических премий. По количеству автомобилей на 1000 человек населения республика занимала в России во второй половине 1980-х гг. 78-е место (в 1985 г. — 19,4, в 1990 г. — 25,3 автомобиля; в РСФСР — 44,5 и 58,6 автомобиля)⁸². Важной приметой повседневной послевоенной жизни было радио. На начало 1967 г. 98,7 % населенных пунктов республики были радиофицированы. Многие колхозные радиоузлы были присоединены к сетям радиоузлов СССР, оставались без них 28 населенных пунктов⁸³. Число основных радиотрансляционных точек на селе выросло с 1950 по 1990 г. более чем в 16 раз⁸⁴. В 1967 г. вступил в строй Дом радио с вещательными студиями, в 1968 г. начал работать корреспондентский пункт Всесоюзного радио, что сделало радиопередачи более доступными для населения. Самым серьезным новшеством к началу 1960-х гг. стало появление телевизоров. В 1960 г. по данным исследований 21 сельского населенного пункта в республике телевизор имелся только в одном дворе — в с. Тобурданово Канашского района, но колхозники уже давали заявки на его приобретение, намереваясь пользоваться телепередачами не только из Чебоксар,

Семья Петрянкиных перед телевизором.
Яльчикский район. 1960 г.

но из Казани и Москвы⁸⁵. С конца 1970 г. началась трансляция двух программ Центрального телевидения (ЦТ), а также программы Чебоксарской студии телевидения, с 1976 г. — еще двух программ ЦТ (третьей и четвертой), с середины 1985 г. был осуществлен переход на цветное телевидение.

К 1990 г. охват населения телевизионным вещанием составил 100 %. Информацию о жизни республики и страны население получало в основном по радио и телевидению. Начала развиваться телефонная связь, на первых этапах ее развития ею могли воспользоваться только представители сельской администрации, иногда работники здравоохранения и образования. Темпы роста телефонизации в республике, особенно на селе, отставали от среднероссийских показателей. В 1990 г. на 100 семей постоянного населения в сельской местности приходилось 8,2 телефонных аппарата сети общего пользования. На начало 1990 г. в республике имелось 100,9 тыс. неудовлетворенных заявлений на установку телефона⁸⁶.

До начала 1960-х гг. услугами предприятий бытового обслуживания пользовались в основном жители городов. Большинство же сельских населенных пунктов, за исключением районных центров и некоторых крупных деревень, обходилось без них. Особенностью развития службы быта в республике явились опережающие темпы роста обслуживания сельского населения. За 1976—1982 гг. объем реализации бытовых услуг населению увеличился в 1,9 раза, в сельской местности — в 2,1 раза. В 1985 г., по сравнению с 1970 г., объем реализации бытовых услуг в целом по республике вырос в 3,6 раза, на селе — в 4,3 раза. На селе работало 356 предприятий службы быта, в 1990 г. — 369, затем эти предприятия стали постепенно закрываться или же переносились в районные центры⁸⁷. Для обслуживания сельчан более экономичными стали приемные пункты, которые в определенные дни брали заказы и привозили готовые изделия жите-

лям сел и деревень, сами заказы выполнялись в районных ателье. Значительно укрепилась материально-техническая база предприятий службы быта на селе. В каждом районном центре действовали районные производственные управления бытового обслуживания или райбыткомбинаты. Сельскому населению стали доступны

В одном из залов прачечной с немецким оборудованием в Доме быта колхоза «Сеятель» Моргаушского района 1984 г.

услуги по ремонту бытовой техники, ремонту и пошиву, химчистке и окраске одежды, пошиву и ремонту обуви, металлоремонту, появились парикмахерские, фотомастерские. Кроме того, сельское население начинает пользоваться нотариальными, гостиничными, транспортными, ритуальными услугами⁸⁸. Реализация населению платных бытовых услуг росла быстрыми темпами. В 1989 г. в расчете на одного сельского жителя было оказано бытовых услуг в размере 42 руб., по сравнению с 1960 г. их объем увеличился в 67 раз⁸⁹. За 1965–1980 гг. объем услуг в сельской местности за ремонт и индивидуальный пошив (в сопоставимых ценах 1976 г., в тыс. руб.) возрос в 9,3 раза, ремонт и индивидуальный пошив одежды — в 4,5 раза, на новые виды услуг, такие как химчистка и крашение, — в 22,5 раза, ремонт, индивидуальный пошив и вязание трикотажных изделий — в 307 раз⁹⁰. Несмотря на такие высокие количественные показатели, качество работ предприятий службы быта вызывало массу вопросов. Прежде всего это низкое качество выполненных услуг, несвоевременность выполнения заказов, нехватка сырья, фурнитуры, оборудования, отсутствие опытных мастеров и руководителей, завышение цен. Так, в отчете о работе Комсомольского райплана отмечалось: «В районе есть кузница, где можно организовать ремонт металлоизделий, но нет клиентов из-за дороговизны». Подобная ситуация была типичной для сельской местности⁹¹. Сфера бытового обслуживания населения подвергалась постоянной критике, газеты и журналы

публиковали фельетоны на эту тему, ведущие сатирики использовали сюжеты в концертных выступлениях, разбирались громкие судебные дела, широкое распространение получили слухи о теневых доходах. Очень популярным был киножурнал «Фитиль», обычно его показывали перед началом киносеансов. «В середине 1970-х гг. появилось ироничное выражение «ненавязчивый сервис». В целом, эта была государственная политика, считает исследователь И.Б. Орлов⁹².

В послевоенные годы предусматривались переход от нормированного снабжения к открытой развернутой торговле и значительное увеличение розничного товарооборота в государственной и кооперативной торговле. Потребкооперация стала связующим звеном между городом и деревней. Через ее организации сельское население снабжалось товарами первой необходимости, через кооперацию люди получали первые автомобили, стройматериалы, топливо. В 1958 г. потребительская кооперация продала сельским жителям СССР мебели в 6 раз больше, чем в 1950 г., швейных машин — в 7, металлической посуды — в 2 раза. Денежные расходы колхозников на покупку культтоваров (книги, радиотовары, музыкальные инструменты) увеличились за 1953–1958 гг. в 10,5 раза⁹³. В 1950 г. в Чувашии тканей на душу населения приходилось 16,5 кв. м, верхнего трикотажа — 0,4 штуки, бельевого — 0,8. Значительно увеличилась продажа одежды (на 87 %), трикотажных изделий — в 2,2 раза, кожаной обуви — на 55%, ковров и ковровых изделий — в 1,8 раза⁹⁴. Но в целом организации потребкооперации не могли решить коренные проблемы сферы торговли в стране. В сельских магазинах отсутствовало более трети наименований из обязательного ассортиментного минимума, обычно это были наиболее востребованные жителями товары.

В 1958 г. за счет потребкооперации на селе было построено 26 магазинов, за 1958–1962 гг. были введены в действие 24 столовые. В 1985 г. система потребительской кооперации обслуживала более 640 тыс. чел. на селе, при этом розничный товарооборот, включая и общественное питание, по сравнению с 1970 г. возрос в 2,2 раза. Ежегодно возрастали объемы выпечки и продажи населению хлеба по линии потребительской кооперации. В 1990 г. потребительская кооперация обеспечивала печеным хлебом 715 тыс. чел., ее доля в производстве хлеба в республике составила 52,6 %⁹⁵. Большая работа проводилась по налаживанию предприятий общественного питания. В 1950–1960-х гг. на селе пользовались примусами, керосинками и керогазами. Приготовление пищи в очагах постепенно стало уходить из быта. Вскоре на смену керосиновым приборам пришла газовая плита, первоначально газобаллонная, в дальнейшем почти все населенные пункты Чувашии перешли на сетевой газ. Развитие системы общественного питания прежде всего было связано с перестройкой семейного быта, улучшением усло-

вий ведения домашнего хозяйства, ростом занятости женщин в общественном производстве и личном хозяйстве. Это предполагало расширение столовых, закусочных, ресторанов, производство полуфабрикатов, расширение сети домашних кухонь. В этом процессе принимали участие как государ-

Здание Дома торговли в с. Ковали Урмарского района 1970-е гг.

ственные, потребительские, так и колхозно-совхозные учреждения и предприятия. На конец 1965 г. в селах и деревнях республики работало 1915 торговых предприятий⁹⁶. К началу 1977 г. в сельской местности Чувашии насчитывалось 1914 магазинов и ларьков торговой площадью 89 096 кв.м, 499 столовых, ресторанов и буфетов на 13 724 посадочных места. В совхозах работала 161 столовая на 27 посадочных мест каждая. В них заметно улучшилось качество пищи, расширился ассортимент блюд, улучшилось оснащение предприятий общепита холодильным и технологическим оборудованием. Темпы роста товарооборота в расчете на душу сельского населения, в сравнении с темпами роста товарооборота на душу городского населения, превышали более чем в 2 раза. Однако достигнутый уровень развития торговли на селе не соответствовал растущим потребностям населения, в том числе и по уровню качества продаваемых товаров⁹⁷. На конец 1980 г. в сельских населенных пунктах работали 1923 торговых предприятия, 62 % от их общего числа в республике, на конец 1989 г. — 2040 предприятий (62 %)⁹⁸. Затраты сельчан по многим параметрам отставали от соответствующих затрат городского населения. В абсолютных величинах эти различия достигали 4–5-кратных размеров. На приобретение культурно-бытовых товаров длительного пользования у колхозников расходовалось в два раза меньше средств, чем у горожан, мебели и хозяйственных товаров — в полтора раза, одежды и обуви — на 26 %⁹⁹. Темпы выпуска товаров народного потребления отставали от роста потребностей и доходов граждан. Потребительский рынок нуждался как в простых, так и технически сложных товарах. Спросом пользовались

электроплиты, газовые плиты, электропечи, электронные товары и игрушки, вязальные машины и многое другое. Купить обычным путем холодильник, стиральную машину, телевизор цветного изображения, пылесос было достаточно сложно. Существовали льготные категории граждан, которые могли их приобрести по специальным талонам. Появились даже специальные салоны, где молодым людям, подавшим документы для регистрации брака, предлагали набор товаров по талонам. В целом население постоянно сталкивалось с товарным кризисом. К концу 1980-х гг. по многим товарам, пользующимся у населения спросом, было допущено сокращение производства¹⁰⁰. В их число вошли школьные тетради, резиновая обувь, хозяйственное мыло, зубная паста и даже спички. Сократилось производство обуви, трикотажа, тканей, готовых изделий. В первой половине 1980-х гг. возникла нехватка постельного белья, но в Чувашии производство Чебоксарского хлопчатобумажного комбината спасало положение. Постельное белье из Чувашии было известно всей стране и ценилось за качество и цену. Также была возможность, особенно для сельских малообеспеченных жителей, покупки некондиционного товара. Если в 1989 г. из 276 наименований предметов культурно-бытового назначения 243 продавалось с переборами, то к концу 1990 г. сложился дефицит практически на все товары народного потребления¹⁰¹. Ажиотажный спрос приобрел устойчивый характер. Связан он был и с тем, что у населения скопились большие денежные средства, на которые купить что-либо стало сложно. Так, по воспоминаниям жителей, в сельских магазинах раскупались даже булавки. В некоторых семьях, к примеру, были закуплены школьные формы на годы вперед. Постоянно увеличивалась доля более дорогих товаров, в том числе реализуемых по договорным ценам. Цены так называемого «черного рынка» превышали цены государственной торговли: на мотоциклы — в 2,1 раза, на телевизоры — в 2,5 раза, на легковые автомобили — в 3–5 раз, на медикаменты — в 19 раз¹⁰². Товарный кризис порождал массовый наплыв покупателей в крупные центры: для жителей Чувашии — это Казань, Ульяновск, Москва. Так, сельчане Чувашии за фруктами и консервами из них, детским питанием и другим товаром ездили в г. Новочебоксарск, снабжение которого осуществлялось через ОРС (отделы рабочего снабжения). Почти из каждой семьи выезжали в крупные промышленные центры за одеждой, обувью, детскими товарами. Те, кто не имел такой возможности, заказывали товары через знакомых и родственников. Вскоре стали ездить и за продуктами: везли торты, овсяное печенье, сгущенку, кофе, чай и т.д. Доступ к дефицитным товарам имели работники торговли, сложилось особое социальное положение данной категории работников. Система личных связей, основанная на обмене услугами, оставалась средством

«добывания» необходимых товаров и продуктов. При этом как для работников торговли, так и для покупателей такие взаимоотношения стали нормой.

Дефицит товаров неизбежно вел к злоупотреблениям: зачастую товары повышенного спроса передавались специальным торговым точкам для работников партийных и советских органов, постоянными были перебои с доставкой даже тех товаров, которые имелись в достаточном количестве на складах и базах. В 1988 г. было выявлено, что в магазине № 54 Шумерлинского района при наличии на складе не имелось в продаже трикотажных изделий, галантереи, обуви, импортных мужских рубашек, в магазине «Радуга» — шерстяной пряжи. В магазине для новобранцев «Ландыш» были припрятаны товары повышенного спроса на 7 тыс. руб. В г. Чебоксары в магазине № 22 «Волна», минуя кассу, продали 160 пар сапожек на сумму 9520 руб. Такие факты были не единичными, а системными, и результаты проверок не могли изменить ситуацию, поскольку экономика оставалась дефицитной¹⁰³.

Проблемными для сельских жителей являлись поездки по различным делам в райцентры и города. Из Чебоксар летали небольшие пассажирские самолеты в города Алатырь и Шумерлю, в сельские населенные пункты Тиньгеши, Старые Айбеси, Сойгино, Раскильдино, Верхние Ачаки, Большое Ямашево, совершалось по несколько рейсов в день. К 1990 г. работали 4 местных авиационных маршрута¹⁰⁴. Транспортные расходы пассажиров были невелики, поэтому за проездными билетами почти всегда выстраивались очереди.

К 1972 г. все районные центры были соединены со столицей Чувашии дорогами с твердым покрытием, далее началась работа по соединению районных центров и городов с центральными усадьбами колхозов и совхозов. В 1986 г. 1059 населенных пунктов имело пригородное

Чебоксарский аэропорт
Самолет стал доступен всем
1973 г.

автобусное сообщение¹⁰⁵. Но в начале 1986 г. в Чувашии более 800 км дорог местного значения еще оставались грунтовыми, 27 центральных усадеб колхозов и совхозов не имели также надежных дорог, связывающих их с райцентрами и магистральными дорогами. Еще сложнее обстояло дело с внутрискотловыми автодорогами, в 1985 г. их протяженность составила 331,8 км. Всего же, чтобы связать ими все населенные пункты, а также животноводческие фермы и комплексы, их необходимо было построить протяженностью более 4 тыс. км¹⁰⁶. Улучшение состояния дорог способствовало решению проблемы организации обучения и трудоустройства сельских жителей. С успехом развивалось газоснабжение сельского населения: в 1980 г. 1388 сел и деревень республики из 1760 были газифицированы. В основном газификация сел Чувашии была завершена в 2003–2004 гг.¹⁰⁷

3.4. Повседневный быт и бытовая культура сельского жителя

Изменения условий жизни, рост материального благополучия, доступность многих культурно-бытовых услуг, развитие социальной инфраструктуры села вызвали много новых аспектов в бытовой повседневной жизни сельского населения. В контексте житейской трактовки повседневность — это привычные, из раза в раз повторяющиеся формы жизнедеятельности, определенные стереотипные модели поведения в те моменты, когда происходит реализация повседневных, насущных потребностей человека. В первые послевоенные годы характерной идеологической установкой оставались концепты «освоить культуру», «культурность», выдвинутые властью и пропагандируемые средствами массовой информации с 1930-х гг. и направленные прежде всего на новых городских жителей, но насаждаемые и среди сельского населения. По мнению исследователей, эта политика была направлена «на нормализацию и дисциплину в быденной бытовой жизни» и тем самым «обеспечивала стабильность существующей системы и лояльность граждан»¹⁰⁸. Одной из сторон этой политики стала пропаганда идеи «культурности», привитие сельским жителям набора повседневных практик, норм и запретов, необходимых для укрепления советской культурной среды.

На первом месте находилась культура личной гигиены, жилья. Учителя, медработники выступали проводниками нового быта, показывая собственный пример в различных сторонах повседневной жизни. Сельский актив настаивал на индивидуальном полотенце для каждого члена семьи, к 1970 г. почти во всех домах ими пользовались, меняли их еженедельно. Возросла интенсивность мытья полов, проведения уборок помещений. В жилых помещениях перестали держать ягнят и телят, иногда на ночное вре-

мя в холодные дни заносили щипляты, которых ставили в коробках, но чаще в нежилых помещениях¹⁰⁹. Потребительская культура была направлена на создание уютного, комфортного жилья, а представления об этом в 1946–1990-х гг. неоднократно менялись. Наличие некоторых предметов быта и мебели в домах сельских жителей указывало на принадлежность этой семьи к определенному статусу. Предметы становились символическими маркерами для разных исторических периодов (абажуры, занавески на окнах, перегородки в жилых помещениях, телевизоры, радиолы, автомобили, стенки, мягкая мебель и т.д.). Выполнение этих желаний стало существенной частью повседневной жизни советских людей, совокупность этих материальных вещей стала показателем нового быта. Эти отношения переносились и на общественный быт. Проводились повсеместно акции — за благоустроенную улицу, село, дом и т.д.

Другой уровень освоения культуры представляло собой повышение стандартов потребления. Проявлением культурности считалось, если граждане выглядели хорошо, уделяли внимание внешнему виду, одежде, прическе. Люди послевоенной чувашской деревни были бедно одеты. Значительная часть мужчин ходила в поношенном военном обмундировании. Особенно ценились гимнастерки, брюки-галифе, шинели из так называемой «комсоставской» ткани. В большом употреблении были брюки армейского образца. Большинство мужчин заправляло их в сапоги или в носки, в случае ношения короткой обуви. Мужчины носили рубашки с прямым разрезом, с пришитыми или пристегивающимися отложным воротником, манжетами или облагами, брюки городского покроя, обязательным стало ношение нательного белья. Поверх рубашек

Молодые пары с. Синьялы Чебоксарского района
Середина 1950-х гг.

надевали пиджаки обычно городского образца, готовые или пошитые местными портными. В холодное время года поверх пиджака, гимнастерки, реже верхней рубашки надевали демисезонные или стеганные пальто, а также стеганные пиджаки, зимой носили стеганные и меховые пальто с меховым воротником. Но наиболее распространенным видом одежды являлись телогрейки, называемые «фуфайками». Мужчины среднего и пожилого возраста продолжали еще носить такие традиционные виды одежды, как кафтаны, шубы, тулупы, чапаны. В целом же одежда для мужчин стала больше подходить на городской костюм. Предел мечтаний молодого парня составляли пальто из драпа, шерстяной костюм, хромовые сапоги.

Вплоть до середины 1950-х гг. в одежде женщин переплетались элементы городского и традиционного национальных костюмов, что более характерным было для чувашского населения. Полностью «по-городскому» одевались только представительницы сельской интеллигенции или же работницы промышленных предприятий. Основное национальное одеяние чувашских женщин — «кёпе» — продолжало функционировать вплоть до начала 1970-х гг., у низовых чувашей и пожилых женщин еще дольше. При этом бытовали два типа женских рубах — белые и светлые рубашки, издавна типичные для верховых чувашей, и цветные, ставшие основными у низовых чувашей. Они изготавливались из фабричных тканей, частично претерпел изменения и крой этих рубах. Но молодые девушки (верховые) начали заменять рубахи юбкой с кофтой, делая последние так, что при ношении все же получался вид рубахи с напуском сзади, в традиционном стиле. У более молодых низовых чувашек традиционные рубашки стали шить с одной оборкой и также с частичным изменением кроя. Обязательным элементом женского костюма стало к этому времени ношение фартука или передника, имеющего разное назначение. Ни одна девушка или молодая женщина не обходились без выходного, праздничного передника, варианты которого с появлением фабричных тканей также изменились. Осенне-зимний вариант женских платьев больше приобретал черты городского образца, как и верхней одежды. Женская одежда традиционно богато украшалась вышивкой, тесьмой, кружевом. Вот какое описание праздничного костюма чувашских девушек оставил краевед Н. Пирогов¹¹⁰:

*Шӑрса сакнӑ, шур кӑпеллӗ.
Хӗресле кӑвак сапун.
Аркине йӑлт чӗнтӗрленӗ —
Саванать пӑхассӑн чун!*

«Бусы надеты, в белом платье.
Голубой фартук с лямками крест-накрест.
Низ весь кружевной —
Смотришь — душа радуется!

*Чуссáнкки сáнци кáлушэ
Сáталса йáлтáртáтáть,
Мáн чечеклэ шáль тóтрийэ
Хуллусси сáнче вóртáть.*

Галоши на чесанках
Блестят, переливаются,
Шаль с крупными цветами
Лежит на плечах».

Основным материалом для изготовления одежды служили фабричные ткани: хлопчатобумажные, шелковые, шерстяные. В первые послевоенные годы в крестьянских семьях нижнее нательное, а также постельное белье еще было в основном дмотканым. Его шили из хорошо отбеленного холста, однако в дальнейшем покупное белье фабричного производства становится преобладающим. Но из холста еще долго продолжали шить разные предметы быта и одежды: холщовые сумки для школьников, скатерти, салфетки, полотенца, которые украшались вышивкой и использовались в интерьере. Почти в каждом доме женщины и дети занимались отбеливанием холста, замачивая его в корыте, а затем расстилая на весеннем снегу, где под солнечными лучами он становился белым.

Большую часть одежды, особенно женской и детской, продолжали шить на заказ местные портные, многие предметы одежды шились женщинами самостоятельно, но уже с использованием швейных машинок: в 1960 г. на 100 сельских семей республики приходилось 37 швейных машин¹¹¹.

Наиболее быстрыми темпами вошла в обиход сельчан Чувашии фабричная обувь, так называемого городского образца. Мужчины обычно носили летом сапоги того или иного фасона, они были рабочими, выходными, праздничными. Вошли в употребление, особенно у молодежи, ботинки, полуботинки, кожаные, брезентовые. Летом

Группа сельских жителей. Середина 1950-х гг.

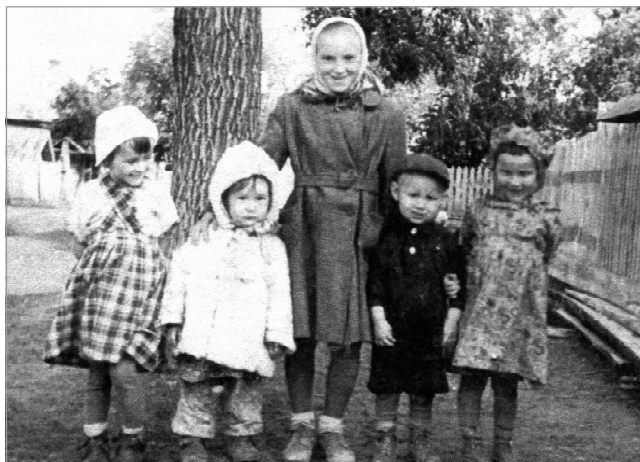
нередко носили тапочки с носками, в непогоду — резиновые галоши. Женщины и девушки носили короткую обувь — ботинки, полуботинки, туфли, тапочки. Цегольской обувью считались хромовые сапожки на высоком каблуке, с голенищем до середины голени. Их обычно шили местные сапожники. Обувь надевалась на фабричные чулки и самодельные нитяные или шерстяные носки. Очень распространенными были резиновые сапоги и галоши. Зимой в основном и женщины, и мужчины носили валенки, наиболее популярными оставались черные валенки или же тонкие валенки (чесанки), которые носили с резиновыми галошами. В республике почти в каждой деревне были мастера, иногда целые семьи, которые занимались изготовлением валенок, в том числе и на продажу. Затем появились артели. В 1958 г. в г. Канаш открылась фабрика валяной обуви, основную ее продукцию составила мужская и женская валяная обувь из натуральной шерсти¹¹². Алатырская обувная фабрика, созданная в апреле 1942 г. на базе предприятий, эвакуированных из городов Орел, Белгород и Ленинград, выпускала следующую обувь: мужские ботинки и полуботинки, женские полуботинки, школьные и детские ботинки. С расширением рабочих площадей, внедрением конвейера и переходом на пошив комнатной обуви предприятие в 1985 г. выпустило 3 млн пар обуви, охватив своей продукцией многие регионы страны¹¹³. Чебоксарский завод резинотехнических изделий им. В.И. Чапаева с 1976 г. приступил к выпуску лакированных резиновых галош.

Почти все деревенские женщины носили головные платки, мужчины — шапки-ушанки, кепки, фуражки. Основным женским головным убором как в летнее, так и зимнее время оставались платки. Летом носили ситцевые, сатиновые, легкие шерстяные, шелковые платки разной расцветки. В качестве выходных головных ubоров нередко употреблялись тонкие шерстяные и шелковые платки с бахромой или кистями. В холодное время года носили более тяжелые хлопчатобумажные и шерстяные платки, зимой тяжелые шали, вязаные шерстяные и пуховые платки. Расцветка шалей была в основном темная, затем появились шали в клетку, вязаные же платки были в основном белыми. В качестве украшений, особенно девушками, использовались бусы, приобретаемые в магазинах, реже ожерелья из бус, бисера и монет, разной формы ленты¹¹⁴.

Наряду с сохранением в одежде сельского населения республики элементов традиционного национального костюма, в ней также происходили изменения, связанные с проникновением новых городских тенденций и культурных потребностей. Только старшее поколение продолжало шить и носить одежду из прежде изготовленных самотканых материалов, при этом редко можно было встретить человека, у которого весь комплект костюма был традиционным. В то же время на протяжении всего рассматривае-

мого нами периода (1946–1990 гг.) элементы национального костюма продолжали функционировать в комплексе одежды сельского населения. В 1980 г. экспедиция по изучению материальной культуры сельского населения республики зафиксировала наличие в 12 % обследованных семей отдельных предметов мужского национального костюма, в 39,3 % семей — женского национального костюма, при этом в 23,6 % семей он был изготовлен в послевоенные годы. Частичное сохранение национальной специфики костюмного комплекса было характерно и для представителей других национальностей, проживающих в сельской местности Чувашии¹¹⁵. Традиции народного костюма находили свое развитие в профессиональном, самодеятельном и народном искусстве, прежде всего в сценическом творчестве и выставочной деятельности. Отдельные элементы внедрялись в производство массовой одежды, выделялись товары потребления фабрики художественных промыслов «Паха тёрё». Согласно данным Чувашского статистико-этнографического исследования 1981–1982 гг., 37,4 % чувашского и 21,6 % русского сельского населения в республике умели ткать, вышивать или плести кружева — 52,9 % и 39,8 % соответственно, шить традиционную одежду — 24,1 % чувашей и 14,7 % русских¹¹⁶. Праздничную национальную одежду в начале 1980-х гг. надевала почти треть сельских женщин, каждая шестая — и в будни¹¹⁷. Необходимо отметить, что наряду с общенациональным комплексом, характерным для всех территорий, в традиционном национальном костюме сохранялись локальные особенности.

Особо остро стояла проблема приобретения одежды для детей. Детям одежду часто перешивали из одежды взрослых. С 1948 г. стало обязательным ношение единой школьной формы, когда был утвержден ее первый вариант. Для девочек это было коричневое платье и белый фартук, для повседневного ношения — черного цвета. Школьная форма для мальчиков состояла из фуражки с кокардой, гимнастерки, ремня с блестящей массивной пряжкой и брюк. Подготовить или купить деревенским детям школьную форму было очень сложно. Если форму для девочек еще можно

Деревенская детвора. 1957 г.

было шить, то только единицы сельских мальчишек могли мечтать о школьной форме. В деревне постоянной была проблема детской обуви. В магазины ее почти не завозили. Для зимнего времени года значительная часть обуви (валенки, тряпичные «бурки») была самодельной, то есть изготовлялась кустарным способом. В последующие годы варианты школьной формы менялись, особенно для мальчиков, и возможности для ее покупки в магазинах увеличились. В 1980-е гг. в республике большое внимание уделялось улучшению торговли товарами для детей, как промышленными, так и продовольственными — продуктами детского и диетического питания. В Чебоксарах был открыт универмаг «Детский мир», в других городах и районных центрах — магазины «Товары для детей», также специализированные магазины и отделы по торговле продуктами питания для детей. Многие товары для детей привозили из больших городов, в основном из Казани, Ульяновска, Нижнего Новгорода и Москвы, из поездок в другие регионы России¹¹⁸.

Деревня плохо снабжалась одеждой и обувью. До конца 1950-х гг. велик был удельный вес самодельной, кустарной одежды и обуви. Из обуви особенно много изготавливалось валенок. В 1946—1947 гг. на одного крестьянина в колхозах РСФСР приобреталось 1,0—1,5 м тканей, в 1950 г. — 6 м, в 1960 г. — 9,5 м. В 1947 г. на каждого члена колхозной семьи в среднем приобреталось 1,1 пары обуви, а в конце 1950-х — примерно 1,7 пары¹¹⁹. В 1958—1960-е гг. на 100 сельских семей Чувашии было приобретено 58 пар сапог, в 1970 г. на 100 человек приходилось 107 пар резиновой обуви¹²⁰. Во второй половине 1950-х гг. Госпланом СССР был определен примерный норматив гардероба одежды, а также обуви для «среднестатистического» советского человека. Однако в силу многих причин, нехватки товаров, отсутствия возможности для их покупки или пошива эти плановые нормы не выдерживались, спрос населения на товары, особен-

но качественные и по умеренным ценам, не удовлетворялся.

Со второй половины 1960-х гг. советские люди получили возможность лучше одеваться. Объем продажи одежды, белья и обуви за 1960—1975 гг. увеличился в 2,5—3 раза, трикотажных изделий — в 5 раз, чулок и носков — более чем в 3,5 раза. По количественным показателям обеспеченности населе-

Без слов. Рисунок В.Е. Емельянова. 1964 г.

ния одежды и обувь страна приближалась к нормам минимального достатка, а иногда и превышала их. Потребление шерстяных тканей на душу населения страны достигло к середине 1970-х гг. 2,8 кв. м (при норме минимального достатка в 2 кв. м и норме избытка в 5 кв. м), шелковых тканей — 5,9 кв. м (нормы — 5 кв. м и 12 кв. м соответственно), трикотажных изделий — 5–6 штук (нормы — 6 штук и 12 штук), кожаной обуви — 3 пары (нормы — 2 пары и 4 пары). Однако весьма остро стояла проблема качества изделий¹²¹. За 1965–1990 гг. степень соответствия потребления тканей (за исключением шерстяных и льняных), обуви постепенно приближалась к рациональным нормам. В 1990 г. соответствие рациональным нормам потребления по хлопчатобумажным тканям составила 86,2 %, шелковым тканям — 64,7 %, шерстяным — 61,9 %, льняным — 36,4 %, бельевому трикотажу — 54,2 % (данные за 1988 г.), обуви — 92,3 %¹²². Увеличилось использование трикотажных изделий. Потребности в более дорогих и качественных тканях (шелковых и шерстяных) удовлетворялись хуже, чем в хлопчатобумажных. Наблюдался острый дефицит модной, высококачественной одежды и обуви. Примерно каждое четвертое изделие верхнего трикотажа, по мнению покупателей, являлось некачественным. Совершенно не удовлетворялся спрос на детскую одежду и обувь. Проблемой было приобрести детские колготки, шубку, пальто, зимнюю обувь. Из года в год дефицитными являлись зимние меховые мужские и женские шапки. Они в основном покупались рядовыми гражданами не в магазинах, а на вещевых рынках по ценам, которые в 3–4 раза превышали государственные. Иногда удавалось через посредников приобрести такие шапки на торговых базах. То, что доставалось работникам торговли, частично продавалось ими на вещевых рынках по спекулятивной цене. В обычном магазине рядовой покупатель мог рассчитывать лишь на кроличью шапку, выстояв длинную очередь. Молодым женщинам трудно было подобрать в магазине готовое красивое платье или пальто. Поэтому большинство из них приобретало ткань, а затем либо сами шили себе одежду, либо заказывали ее в швейном ателье. Сложнее было с обувью. К ней имелось еще больше претензий, поскольку 34–37 % было низкого качества. На прилавках магазинов наиболее доступной была обувь фабрики «Скороход». Не спасло положение и появление относительно дешевой, довольно модной по фасону и не совсем качественной обуви из кожзаменителя. За модными импортными сапогами, туфлями и другой обувью, которые поставлялись из Италии, Югославии, Венгрии, Чехословакии и других стран, всегда выстраивались длинные очереди¹²³. Удельный вес импортных товаров был небольшим, в 1985 г. среди хлопчатобумажных тканей он составлял 4,6 %, шелковых тканей — 7,3 %, кожаной обуви — 9,7 %¹²⁴. В 1985 г. в Чувашии сельский житель согласно нормам не получил товаров на 12,7 млн руб. Лишь на 30 % удовлетворился в сельских магазинах спрос на сезонную обувь¹²⁵.

Совершенным дефицитом была спортивная обувь, как и спортивная одежда. Активные занятия физкультурой и спортом вызвали повышенный спрос на спортивные товары, он удовлетворялся менее чем на половину от потребности. Во многих городах и районных центрах Чувашии появились специализированные отделы в магазинах по продаже спортивных товаров, стало престижным одеваться в модную спортивную одежду, вырос спрос на импортную одежду и инвентарь. В 1989 г. на душу населения республики было продано товаров спортивного и туристического назначения на сумму 4 руб. 45 коп., в 1990 г. — на 5 руб. 7 коп. Это был один из самых высоких показателей за рассматриваемые нами годы¹²⁶. Стремление хорошо одеваться поощрялось, но при этом купить или сшить что-либо приличное было непросто. В целом, государственная политика была направлена на воспитание потребительской культуры, которая позволяла хорошо и красиво выглядеть, согласно общепринятым «образцам» и нормам, поддерживаемым обществом, что нашло отражение и в чувашском сельском сообществе (см. Приложение 22). Она строилась на принципе «красиво, просто и недорого одеваться». Велика была роль средств массовой информации, особенно журнала «Крестьянка» (издавалась в 1922–1991 гг.). В 1973 г. тираж журнала достиг 6,3 млн экземпляров, он пользовался большим спросом не только среди сельских жителей, но и среди городского читателя. В газетах и журналах рекламировали ателье мод, рассказывали о модных тенденциях не только в одежде, но и во внешнем виде (прически, косметика), публиковали модели одежды, практические рекомендации по их использованию. Большое распространение получили лектории для разных категорий населения по ознакомлению с потребительской культурой, на селе такие бесе-

Откуда это чучело? Это же сын соседа, теперь в городе живет. Рисунок В.Е. Емельянова 1968 г.

сиво выглядеть, согласно общепринятым «образцам» и нормам, поддерживаемым обществом, что нашло отражение и в чувашском сельском сообществе (см. Приложение 22). Она строилась на принципе «красиво, просто и недорого одеваться». Велика была роль средств массовой информации, особенно журнала «Крестьянка» (издавалась в 1922–1991 гг.). В 1973 г. тираж журнала достиг 6,3 млн экземпляров, он пользовался большим спросом не только среди сельских жителей, но и среди городского читателя. В газетах и журналах рекламировали ателье мод, рассказывали о модных тенденциях не только в одежде, но и во внешнем виде (прически, косметика), публиковали модели одежды, практические рекомендации по их использованию. Большое распространение получили лектории для разных категорий населения по ознакомлению с потребительской культурой, на селе такие бесе-

ды проводились учителями или библиотекарями. Особое внимание уделялось молодежи, в 1970-е гг. среди молодежи стали популярны «ситцевые» балы, на которых пропагандировались «образцы» одежды. Различные модные веяния и тенденции также получали распространение в чувашской деревне. Элемент советской молодежной субкультуры 1950–1960-х гг. «стиляжничество» также проникло в сельскую местность: о стилягах знали, о них спорили и им подражали¹²⁷. Это веяние было заметно в республике вплоть до середины 1970-х гг., но в целом представителей молодежи, особенно на селе, к стилягам не причисляли. На селе всегда критически относились к новым веяниям моды: осуждалось, а зачастую и запрещалось ношение брюк девушками и женщинами, ношение слишком коротких или слишком длинных юбок, обуви на платформе и др. В дальнейшем среди сельской молодежи наблюдается повышенный спрос на одежду из джинсовой ткани, по возможности заграничной, на трикотажные изделия — кофточки «лапша», «батник», куртки «дутики», стеганые куртки, вязаные вещи и другие предметы одежды. Носить такие ультрамодные для определенного периода вещи, называемые фирменными, особенно привезенные из-за границы, было особым шиком. В магазинах, особенно сельских, купить их было достаточно сложно, их приобретали с рук, у разных спекулянтов, на рынках. Зачастую местные мастерицы по выкройкам и лекалам шили вещи самостоятельно для себя и по заказу.

Появление синтетических тканей: нейлона, лавсана, кримплена, болоньи, искусственного меха — способствовало тому, что модные предметы одежды становились доступными и для жителей чувашского села. Так в 1970–1980-х гг. многие женские пальто и отчасти мужская верхняя одежда шились с использованием искусственного каракуля. У жителей среднего и пожилого возраста пользовались популярностью пиджаки, полупальто из плюша.

Группа жителей чувашского села. 1970-е гг.

С середины 1970-х гг. стали модными изделия из штапеля. Каждая девушка и молодая женщина мечтала иметь плащ-болонью, платье, костюм или хотя бы юбку из кримплена, газовый или капроновый платок. Такие вещи получили место и в гардеробе женщин среднего возраста. Старшее поколение женщин наряду с традиционной одеждой стало носить пиджаки фабричного производства, массовыми в их комплексе одежды стали вязаные вещи, особенно кофты на пуговицах. Появилась мода на дубленые шубы и полушубки из овчины как импортного, так и отечественного производства, в том числе и кустарного. В Чувашии, где традиции пошива одежды из овчины еще не были утрачены, открывались специальные мастерские, появились новые мастера по индивидуальному пошиву. Но более востребованными были дубленые предметы одежды, изготовленные в фабричных условиях, так как у них качество изделий и работы было выше. меховая фабрика «Кёрёк», открытая в 1987 г., в Чувашии стала одним из ведущих предприятий республики по переработке овчины и пошиву изделий из меха. Сельские жители, которые не держали в хозяйстве овец, покупали шкурки у односельчан и заказывали на фабрике дубленые изделия, при этом часто приходилось воспользоваться услугами знакомых, чтобы заказ приняли и выполнили своевременно.

Аграрная политика предусматривала последовательное решение социальных проблем развития и повышение уровня жизни сельского населения. На социальную политику в деревне, ее формирование решающее влияние оказывали производственные отношения, которые определяли основные ее направления и содержание. Важнейшей чертой социальной политики была полная зависимость социального положения сельского труженика и социального развития деревни от государства и централизованного финансирования. Следующей чертой стало нивелирование специфики сельской жизни и подгонка ее под городские образцы и нормативы. С одной стороны, это было вызвано стремлением создать хорошие условия жизни на селе, с другой — они приводили к нарушению сельского уклада, непредсказуемым социальным и экономическим последствиям. Социальная политика на селе была направлена также на выравнивание уровня жизни различных групп населения, стирание социальных различий, повышение уровня жизни сельского населения в целом. Это осуществлялось через выравнивание заработной платы, поддержку малообеспеченных семей, непрогрессивный характер сельскохозяйственного налога, «уравнительное» наделение землей для ведения личного подсобного хозяйства. Со второй половины 1960-х гг. осуществляется комплекс мер по завершению электрификации села и широкому использованию электроэнергии в домашнем хозяйстве, газификации, созданию службы быта, насыщению товарами длительного пользования, электробытовыми приборами. Особое внимание уделялось введению еже-

месячной гарантированной оплаты труда и пенсионного обеспечения сельских тружеников. Определенная часть доходов на социальное развитие поступала из общественных фондов, которые шли на премирование, социальное обеспечение, культурно-бытовые нужды. Особенно значительный рост этих фондов приходится на 1960-е гг. Начиная с 1980-х гг. постоянное внимание уделялось улучшению жилищных, коммунально-бытовых, социально-культурных условий жизни сельского населения, ставилась задача создания на селе комплексной инфраструктуры. В целом, был достигнут значительный рост материального благосостояния и улучшения культурно-бытовых условий жизни на селе. Сельские жители стали покупать больше различных товаров, росло потребление промышленных изделий, значительно расширился рацион питания. Менялся и внешний вид деревни, строились дома, появились новые жилищные комплексы. Вместе с тем социальные проблемы для многих сельчан оставались актуальными. В части сельских поселений, называемых «неперспективными», не было лечебных учреждений, торговых точек, учреждений культуры и бытового обслуживания, закрывались школы, не строились дороги¹²⁸. В рассматриваемые годы не была обеспечена реальная смена приоритетов в социальном развитии села. Несмотря на повышение уровня жизни сельского населения, он не всегда отвечал его потребностям. В то же время финансирование социального развития села осуществлялось по остаточному принципу.

Литература и источники

- ¹ Уровень жизни нашей страны в 1913–1993 гг.: аналитический справочник. М.: [б.и.], 1995. С. 24–25. Размер дохода указан в рублевом эквиваленте 1961 г.
- ² Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 22, 225, 226.
- ³ Димони Т.М. Натуральные доходы колхозников Европейского Севера России в 1945–1990-х гг. // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вып. 3. Вологда: Легия, 2002. С. 74.
- ⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 44. Д.10. Л. 265, 281, 309, 335, 370, 414.
- ⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1968. Т. 4. С. 288–290.
- ⁶ НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 66. Инв. № 217. Л. 156; ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 1061. Л. 2, 3, 4, 5, 6, 8, 17.
- ⁷ Там же. Отд. III. Ед. хр. 371. Л. 49.
- ⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 6: 1966 — июнь 1968 года. С. 111–113.
- ⁹ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 54. Д. 113. Л. 8.
- ¹⁰ Кузьмин В.Л. Чувашская АССР в период борьбы за мощный подъем народного хозяйства, за завершение строительства социализма (1953–1958 гг.) // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 4. Чебоксары, 1960. С. 165.
- ¹¹ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.): статист. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. С. 69; Шорников А.М. Очерки истории сельского хозяйства и

крестьянства Чувашии (1959–1985). Ч. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 121.

¹² НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1785. Инв. № 6016. С. 319; Чувашия, 1920–2010: цифры и факты: статист. сб. / Чувашиятат. Чебоксары, 2010. С. 28.

¹³ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.): статист. сб. С. 69, 73; Чувашия, 1920–2010: цифры и факты. С. 28, 32.

¹⁴ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1666. С. 149.

¹⁵ Агитатор. 1987. № 1. С. 29.

¹⁶ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.): статист. сб. С. 102.

¹⁷ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1848. Л. 33.

¹⁸ История советского крестьянства: в 5 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР; редкол.: В.П. Шерстобитов (гл. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1986. Т. 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 1950-х годов. М., 1988. С. 331.

¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1666. С. 153.

²⁰ Афанасьева Л.А. Живи, мой край родной, деревня Анаткасы ... С. 143. Использованы материалы Чебоксарского районного архива. Ф. 16. Оп. 1. Д. 33.

²¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5: 1962–1965 годы. С. 472–478.

²² Шорников А.М. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959–1985 гг.). Ч. 2. С. 58.

²³ Афанасьева Л.А. Живи, мой край родной, деревня Анаткасы ... С. 149. Использованы материалы Чебоксарского районного архива. Ф. 274. Оп. 2. Д. 101. Л. 70.

²⁴ Чувашия, 1920–2010: цифры и факты. С. 28; НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1666. С. 147.

²⁵ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1974): сб. документов. М.: Колос, 1975. С. 662; Ленинская аграрная политика КПСС: сб. важнейших документов, март 1965 г. – июль 1978 г. / под общ. ред. М.С. Смиртюкова, Е.М. Боголюбова. М.: Политиздат, 1978. С. 425, 666.

²⁶ Ленинская аграрная политика КПСС. С. 669.

²⁷ Юридический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 314–315.

²⁸ Димони Т.М. Социальное обеспечение колхозников Европейского Севера России во второй половине XX века. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/127/5.htm> (дата обращения: 22 марта 2017 г.).

²⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 5. С. 484.

³⁰ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 34. Д. 11. Л. 271; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 5. С. 497–500.

³¹ О расширении льгот инвалидам Отечественной войны и членам семей военнослужащих, погибших в Великую Отечественную войну: постановление СМ СССР от 6 марта 1965 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 5. С. 584; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 10: (Октябрь 1973 – октябрь 1975). М., 1976. С. 47, 388–390; О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны: постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 10 ноября 1978 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. Т. 12: (Июль 1977 – март 1979). М., 1979. С. 516–517; О дополнительных мерах по улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны: поста-

новление ЦК КПСС и СМ СССР от 21 февраля 1980 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 13: (Апрель 1979 — март 1984). С. 301; О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны и семей погибших военно-служащих: постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 26 июля 1984 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 15, ч. 2: Май 1984 — апрель 1985. М., 1985. С. 48.

³² Социальное страхование членов колхозов: сб. официальных материалов. М.: Профиздат, 1976. С. 30–31, 190; Пенсии и пособия членам колхозов: справочник. М.: Россельхозиздат, 1985. С. 144, 150.

³³ Народное хозяйство СССР в 1990 г.: статист. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 112.

³⁴ *Галочкин П.* Феномен сельской глубинки // Республика. № 53. 2015. 21 октября.

³⁵ *Мазур Л.Н.* Зажиточность и колхозное крестьянство: парадоксы социально-экономической дифференциации (по материалам Среднего Урала 1950–1960-х гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда: Русь, 2001. С. 367–369.

³⁶ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1679. С. 366–367.

³⁷ Там же. С. 326–327.

³⁸ Там же. Ед. хр. 1666. С. 155.

³⁹ Чувашия, 1920–2010: цифры и факты. С. 30.

⁴⁰ Там же. С. 31.

⁴¹ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2: 1945–2005. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 106–107.

⁴² *Суслов И.Ф.* Экономические интересы и социальное развитие колхозного крестьянства. М.: Мысль, 1973. С. 211–212.

⁴³ Семья, женщины и дети Чувашской Республики: статист. ежегодник / Государственный комитет Чувашской Республики по статистике. Чебоксары, 1997. С. 44.

⁴⁴ Чувашская областная организация КПСС: хроника, 1898–1991: в 2 кн. Кн. 2: (1956–1991). Чебоксары, 2007. С. 595.

⁴⁵ Денежная реформа в СССР 1947 года: документы и материалы / сост. Л.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, В.С. Пушкарев, В.Н. Шепелев. М.: Росспэн, 2010. С. 224–227.

⁴⁶ *Григорьев А.В.* Повседневный быт сельских жителей Чувашии: исторический опыт и уроки второй половины 1940-х — середины 1960-х гг. Чебоксары, 2006. С. 11.

⁴⁷ *Попов В.П.* Крестьянство и государство 1945–1953 гг. Исследования новейшей русской истории. Париж: YMCA-Press, 1992. С. 217.

⁴⁸ *Симуш П.И.* Облик хозяина земли: новейшие и традиционные черты. М.: Мысль, 1987. С. 144; *Машенков В.Ф., Бондаренко Л.В.* Советская деревня: труд, быт, досуг. М.: Россельхозиздат, 1986. С. 79–80.

⁴⁹ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 238–239; ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 36. Д. 172.

⁵⁰ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1245. Л. 3–4.

⁵¹ Там же. Л. 6.

⁵² *Балицкий Р.Н.* Планы руководства Советского государства по решению продовольственной проблемы в середине 1980-х гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века: сб. статей / науч. ред. А.И. Шевельков. Коломна: Моск. гос. обл. соц.-гуманит. ин-т, 2011. С. 555–558.

⁵³ *Еремеев В.А., Никишев М.Ф.* Состояние и перспективы развития личного подсобного хозяйства в Чувашской АССР // Вопросы истории сельского хозяйства Чувашской АССР: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 108, 118.

⁵⁴ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1780. Инв. № 5246. С. 43–52.

⁵⁵ Там же. Ед. хр. 1653. Л. 9.

⁵⁶ Там же. Л. 7–8; Чувашская Республика и ее место в Волго-Вятском районе / Комитет Чувашской Республики по статистике. Чебоксары, 1996. С. 13–14.

⁵⁷ СССР в цифрах в 1990 году: краткий статист. сб. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 10–17.

⁵⁸ История торговли Чувашии: сб. материалов, документов, воспоминаний. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2009. С. 152.

⁵⁹ Советская Чувашия. 1954. 18 июня, 26 октября.

⁶⁰ *Шорников А.М.* Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959–1985). Ч. 2. С. 14.

⁶¹ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.): статист. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. С. 102.

⁶² ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 1051. Л. 64–69.

⁶³ Чувашия за 40 лет в цифрах. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. С. 116; Советская Чувашия за 45 лет (в цифрах): статист. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. С. 114.

⁶⁴ *Шорников А.М.* Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959–1985). Ч. 2. С. 123.

⁶⁵ Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии (По материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.) / Л.А. Иванов, И.Д. Кузнецов, П.А. Сидоров, П.П. Фокин // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. Чебоксары, 1986. С. 60.

⁶⁶ Чувашская АССР за 70 лет: статист. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 34.

⁶⁷ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1848. С. 81–83; Чувашская АССР за 70 лет. С. 34–35; Чувашия, 1920–2010: цифры и факты. С. 36–37.

⁶⁸ Чувашия, 1920–2010: цифры и факты. С. 38.

⁶⁹ НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 56. Инв. № 83.

⁷⁰ *Иванов Л.А., Фокин П.П.* Новые материалы о жилище и постройках сельского населения Советской Чувашии // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары, 1988. С. 110, 115.

⁷¹ *Матвеев Г.Б.* Чувашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. С. 92–93.

⁷² *Харитонов Л.А., Ефимов Л.А.* Развитие энергетической системы Чувашской АССР в 1945–1960-е годы // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 178–183.

⁷³ Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2: Духовная культура / под ред. М.Я. Сироткина. Чебоксары, 1970. С. 56.

⁷⁴ Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии (По материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.). С. 45–93; НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 419. С. 227; Отд. III. Ед. хр. 393. С. 263.

⁷⁵ URL: <http://fishki.net/1206575-8-interesnyh-faktov-o-sovetskom-granenom-stakane>.

⁷⁶ *Федотов И.* Время лихолетья (Повествование на стыке веков) // ЛИК. № 1. 2006. Январь–март. С. 40.

- ⁷⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-191. Оп. 16. Д. 3. Л. 213–217.
- ⁷⁸ Потребительская кооперация Чувашии: документы, материалы, воспоминания, фотографии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2000. С. 158, 174.
- ⁷⁹ Советская Чувашия. 1980. 18 июня.
- ⁸⁰ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.). С. 114–115; Шорников А.М. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959–1985 гг.). Ч. 2. С. 219.
- ⁸¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 393. Л. 330; Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.). С. 114.
- ⁸² История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 317.
- ⁸³ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 31. Д. 36. Л. 18.
- ⁸⁴ Чувашия: цифры и факты: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2005. С. 80.
- ⁸⁵ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 419. С. 53.
- ⁸⁶ Статистический ежегодник Чувашской Республики, 1999: статист. сб. Чебоксары, 2000. С. 148; Чувашская АССР за 70 лет. С. 92.
- ⁸⁷ Советская Чувашия. 1983. 21 июля; ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 54. Д. 44. Л. 61–68; История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 319.
- ⁸⁸ Служба быта: справочник. М.: Моск. рабочий, 1982. С. 314–320.
- ⁸⁹ Чувашская АССР за 70 лет. С. 33.
- ⁹⁰ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.): статист. сб. С. 138.
- ⁹¹ Григорьев А.В. Повседневный быт сельских жителей Чувашии: исторический опыт и уроки второй половины 1940-х — середины 1960-х гг. С. 17.
- ⁹² Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та — высшей школы экономика, 2010. С. 208.
- ⁹³ История крестьянства СССР: в 5 т. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 — конец 1950-х годов. М., 1988. С. 334–335; История советского рабочего класса: в 6 т. Т. 4. Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945–1960 годы. М., 1987. С. 253.
- ⁹⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-191. Оп. 18. Д. 40. Л. 186–189, 192.
- ⁹⁵ Сютрукова З.Г. Изменения культурно-бытовых условий сельского населения Чувашской АССР в 1971–1985 годах // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 92; Потребительская кооперация Чувашии: документы, материалы, воспоминания, фотографии. С. 136, 142, 241.
- ⁹⁶ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.): статист. сб. С. 125.
- ⁹⁷ Потребительская кооперация Чувашии: документы, материалы, воспоминания, фотографии. С. 181, 192–195, 212.
- ⁹⁸ Советская Чувашия. 1980. 18 июня; Чувашская АССР за 70 лет. С. 27.
- ⁹⁹ Суслов И.Ф. Экономические интересы и социальное развитие колхозного крестьянства. С. 211–212.
- ¹⁰⁰ Семья, женщины и дети Чувашской Республики: статист. сб. С. 50–51.

- ¹⁰¹ СССР в цифрах в 1990 году: краткий статист. сб. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 5, 10–17; Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 49.
- ¹⁰² СССР в цифрах в 1990 году. С. 5, 10–17.
- ¹⁰³ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 318–319.
- ¹⁰⁴ Чувашская АССР за 70 лет. С. 90.
- ¹⁰⁵ Прокопьев И.П. Во имя народа: сб. статей и очерков. Чебоксары, 2001. С. 102.
- ¹⁰⁶ Сютрукова Э.Г. Изменения культурно-бытовых условий сельского населения Чувашской АССР в 1971–1985 годах. С. 99.
- ¹⁰⁷ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 369.
- ¹⁰⁸ Климочкина А.Ю. Бытовая культура советских горожан в 1930-е гг. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2006. №6 / 1 (50). С. 86–91.
- ¹⁰⁹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 393. Л. 520.
- ¹¹⁰ Пирогов Н.Н. Самана таппи: савăсем, шӗтсем, поэма. Новочебоксарск, 2016. С. 11–12.
- ¹¹¹ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 419. С. 41.
- ¹¹² Харитонов В.Г. Канаш: исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. С. 101.
- ¹¹³ Чувашская энциклопедия. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. С. 55.
- ¹¹⁴ Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 1: Материальная культура / под ред. Н.И. Воробьева. Чебоксары, 1956. С. 256–258, 262, 266, 273, 276–279, 287, 292, 294, 346–348.
- ¹¹⁵ Изменения материальной культуры сельского населения Чувашии (По материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.) / Л.А. Иванов, И.Д. Кузнецов, П.А. Сидоров, П.П. Фокин. С. 89–91.
- ¹¹⁶ Иванов В.П. Проблемы этнографии чувашского народа: избранные труды. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2012. С. 395.
- ¹¹⁷ Чуваши: история и культура. Т. 1 / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 375.
- ¹¹⁸ История торговли Чувашии. С. 119.
- ¹¹⁹ Игнатов И.Д. Развитие торговли в СССР после окончания Великой Отечественной войны. М., 1961. С. 18; История советского рабочего класса: в 6 т. Т. 4: Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945–1960 годы. С. 253; История крестьянства СССР: в 5 т. Т. 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 — конец 1950-х годов. С. 334; Мамяченков В.Н. Роковые годы: Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946–1960) / науч. ред. В. П. Мотревич. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та : Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 185–186.
- ¹²⁰ Изменения материальной культуры сельского населения Чувашии (По материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.) / Л.А. Иванов, И.Д. Кузнецов, П.А. Сидоров, П.П. Фокин. С. 89–91.
- ¹²¹ Социальное развитие рабочего класса СССР: рост численности, квалификации, благосостояния рабочих в развитом социалистическом обществе: историко-социологические очерки / под ред. Э. В. Клопова, В.Н. Шубкина, Л.А. Гордона. М.: Наука, 1977. С. 180.
- ¹²² Народное хозяйство СССР в 1990 году: статист. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 142.
- ¹²³ Федченко М.Н. Повседневная жизнь советского человека (1945–1991 гг.): монография. Курган, 2009. С. 129–132.

¹²⁴ Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный статист. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 644.

¹²⁵ Сютрукова Э.Г. Изменение культурно-бытовых условий сельского населения Чувашской АССР в 1971–1985 годах. С. 93.

¹²⁶ Скородумов Н.Г. Физическая культура и спорт в Чувашии (XX в.). Чебоксары: Чувашия, 1994. С. 197.

¹²⁷ Термин «стиляга» появился в 1949 г. В журнале «Крокодил» был напечатан фельетон журналиста Д. Беляева с таким названием. В основе движения были западные стандарты повседневной жизни.

¹²⁸ Шорников А.М. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959–1985 гг.). Ч. 2. С. 219–222.

Глава 4

Социальная и культурная жизнь сельского сообщества

4.1. Культурно-досуговая деятельность на селе

В системе уклада повседневной жизни сельских жителей во внепроизводственной сфере основное внимание уделялось, наряду с удовлетворением материальных потребностей человека, освоению духовных благ, культуры, общению, отдыху и развлечениям. Работа в области культурного строительства на селе постепенно налаживалась. В начале 1947 г. в сельских районах имелось 605 изб-читален, 27 районных Домов культуры, 101 библиотека. Кроме того, работали 248 колхозных клубов. Самыми массовыми и популярными центрами культурно-массовой работы на селе стали избы-читальни. В них действовали драматические, политические, военно-физкультурные, литературные и другие кружки. В последующие годы число изб-читален сокращалось, одновременно возрастало число сельских клубов. В 1950 г. на селе имелись 222 клубных учреждения и 402 избы-читальни, функционировали красные уголки. К началу 1952 г. насчитывалось 31 Дом культуры, 268 сельских клубов и 356 изб-читален. С середины 1960-х гг. значительная часть капитальных вложений в сельском хозяйстве республики была направлена на строительство культурно-бытовых объектов. Только в колхозах за 1966—1975 гг. было построено клубов и Домов культуры на 39,7 тыс. мест¹. Во многих колхозах республики согласно примерному положению «О совете культуры колхоза (совхоза)» были избраны внештатные заместители председателей колхозов по культуре. С 1967 г. за счет культфондов колхозов приобретено для клубов 1600 театральных кресел, 10 клубов и 22 коллектива закупили костюмы, в 7 клубах появились телевизоры, в 4 — магнитофоны². На конец 1980 г. на селе насчитывалось

1054 клубных учреждения³. Большой популярностью у населения пользовались библиотеки. С 1945 по 1952 г. число сельских библиотек возросло на 117, в несколько раз — с 487 тыс. экз. в 1945 г. до 1367 тыс. экз. в 1952 г. — увеличился в них книжный фонд. В дальнейшем сеть сельских библиотек сокращается, что было связано со строительством более приспособленных зданий. Их книжный фонд вырос в 6,8 раза и составил в 1990 г. 6369 тыс. экз.⁴ На селе появляются книжные магазины, растёт объём продаж книжной продукции. В 1965–1985 гг. произошло выравнивание обеспеченности книгами сельских и городских читателей, в начале 1980-х гг. ситуация на селе стала более благоприятной. Число книговыдач на одного читателя также возросло: с 15,1 экз. в 1965 г. до 19,6 в 1980 г. В устном народном творчестве зафиксировалось стремление сельчан овладеть культурой чтения. В данной частушке отражена ситуация, связанная с этой темой: *Пёрре илтём кёнеке, /Тепре илтём кёнеке. /Те вулама, те сырма, /Те савнипе калазма*⁵ («Раз взял книгу, ещё раз взял книгу: то ли читать, то ли писать, то ли с милым поговорить»). По материалам социологического исследования 1980 г. под руководством В.И. Старовойтова, около 90 % опрошенных сельчан читают газеты и журналы, 50 % — художественную литературу, менее востребована научно-популярная, общественно-политическая, учебно-образовательная литература. Научно-техническими изданиями в основном пользовались инженерно-технические работники и механизаторы⁶. Спрос читателей не всегда удовлетворялся. Не хватало популярных журналов, художественной литературы, технической литературы, справочников. Эти издания часто были недоступны и в свободной продаже. Получили развитие «книжные развалы», часть литературы можно было достать только на «черном» рынке. Собрания сочинений отдельных авторов, детективы распространялись по специальным талонам, которые можно было получить на работе или оформив подписку через почтовые отделения, к примеру, в качестве премирования за подписку на периодическую печать.

Развитие сети культурно-развлекательных учреждений на селе происходило комплексно. К концу 1985 г. в сельской местности функционировали 1082 клубных учреждения, 611 массовых библиотек. Но в середине 1980-х гг. треть сельских клубов по материально-техническим возможностям отставала ещё от нормативных требований, в каждом десятом населённом пункте учреждений культуры не было. На начало 1990 г. в сельской местности Чувашской АССР насчитывалось 1014 клубных учреждений, 606 массовых библиотек. По насыщенности местами сельских клубов и Домов культуры (на 1000 чел. — 297 мест) Чувашия занимала 2-е место в Волго-Вятском экономическом районе и 17-е место в России⁷. Проблемы в сфере экономики и финансов республики оказывали непосредственное влияние на развитие учреждений культуры и

Здание клуба сельхозартели «Свобода»
Урмарского района

сферы культуры. В первые послевоенные годы, также в начале 1980-х гг., как и в других отраслях, актуальной стала задержка с выплатой заработной платы. Так, в 1946 г. задолженность по заработной плате работникам культурно-просветительских учреждений по всем районам Чувашии составила 298 894 руб.,

в некоторых районах зарплату не получали в течение 9 месяцев⁸. К началу 1990 г. многие учреждения культуры нуждались в капитальном ремонте, серьезной оставалась проблема с кадрами: текучесть кадров составляла 30—40 %, не хватало специалистов с профильным образованием. Почти каждое пятое здание сельской библиотеки нуждалось в ремонте. Основным недостатком стало отсутствие читальных залов, поскольку библиотеки были расположены в непригодных зданиях.

В культурно-досуговой сфере сложился особый мир — мир кино. По зрелищности и доступности большинству сельчан оно занимало достойное и значимое место в досуге. В 1950 г. в сельской местности действовали 273 киноустановки, в том числе 55 стационарных и 218 передвижных. В дальнейшем вплоть до середины 1980-х гг. количество киноустановок на селе растет, преимущественное развитие получают стационарные сети. К началу 1990 г. в сельских поселениях работало 886 киноустановок, из них 13 были передвижными. Это позволяло показывать кинофильмы в отдаленных деревнях республики⁹. Посещаемость кинозалов в России была одной из самых высоких в мире. С 1976 г. до 1980 г. число посещений киносеансов в среднем одним сельским жителем Чувашии превышал такие же показатели по горожанам¹⁰. В 1985 г. среднестатистический сельский житель сделал 18,2 кинопосещения в год, к примеру, в 1965 г. этот показатель составлял 11,9 посещения. Во второй половине 1980 — начале 1990-х гг. снижение интереса населения к киноискусству стало более заметным. Но в сельской

местности, несмотря на появление видеосалонов и видеоточек, особенно популярных у молодежи, спрос на кинофильмы еще сохранился. Ряд кинофильмов этого периода по праву занял достойное место в истории отечественного кинематографа. Появились фильмы, посвященные Великой Отечественной войне: «Сорок первый», «Баллада о солдате», «Чистое небо», «Летят журавли», «Девять дней одного года» и «Обыкновенный фашизм». В широкий прокат вышли мелодрамы «Весна на Заречной улице», «Два Федора». Особо популярными стали комедии: «Операция «Ы»», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука», «Берегись автомобиля!», «Я шагаю по Москве». Фильмы Андрея Тарковского, так же как и экранизации мировой классики, больше были востребованы представителями интеллигенции. Полюбили зрители фильмы: «Печки-лавочки», «Калина красная», «Начало», «Прошу слова», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Пять вечеров», «Несколько дней из жизни И.И. Обломова», «Родня», «Слово для защиты», «Охота на лис», «Чужие письма», «Объяснение в любви», «Полеты во сне и наяву», «Чучело», «Пацаны», «Осенний марафон», «Военно-полевой роман», «Дядя Ваня», «Сибириада». Это далеко не полный список известных фильмов той эпохи. Десятки миллионов зрителей смотрели комедии «12 стульев», «Иван Васильевич меняет профессию», «Афоня», «Мимино», «Ирония судьбы», «Служебный роман», «Вокзал для двоих», зрелищные ленты «Белое солнце пустыни», «Экипаж». Абсолютными рекордсменами тех лет стали мелодрама «Москва слезам не верит» и боевик «Пираты XX века». Среди детей и юношества особой популярностью пользовался советский цветной художественный фильм «Неуловимые мстители», премьера которого состоялась в 1967 г. Наряду с отечественными фильмами у кинозрителей появилась возможность знакомства с зарубежными картинами. После выхода на экран кинофильма под названием «Чингачгук — Большой Змей», снятого в 1967 г., с Гойко Митичем в главной роли, в стране начался бум. В кинотеатрах стояли очереди, очередной фильм собирал все больше и больше поклонников. В советский кинопрокат летом 1967 г. вышел фильм «Фантомас» — французская приключенческая кинокомедия, которая также стала чрезвычайно популярной. Особенно полны были кинозалы и клубы, когда демонстрировались индийские фильмы. Индийское кино демонстрировали в СССР с 1950-х гг., оно стало значительным явлением эпохи 1980-х. Многие зрители старались не пропускать ни одного сеанса индийского кино. Самыми популярными стали: «Бродяга», «Господин 420», «Такой жец», «Танцор диско», «Три брата», «Самрат», «Как три мушкетера», «Танцуй, танцуй», «Месть и закон», «Мистер Индия» и др. Именами героев этих фильмов называли домашних питомцев, на колхозных фермах даже клички коровам давали именами любимившихся персонажей. Был тепло встре-

чен кинозрителями республики и художественный фильм «Сеспель» (режиссер Владимир Савельев), снятый на киевской студии им. А.П. Довженко в 1970 г.¹¹

В деятельности работников кинофикации были и недостатки, прежде всего это было связано с репертуаром, состоящим на 50–60 % из повторных фильмов. Новые фильмы в сельский кинопрокат поступали с большой задержкой, имели место технические неполадки: срыв графика привоза кинофильма, частый обрыв киноленты, нечеткое изображение, неясный звук или его отсутствие. В запущенном состоянии находились некоторые сельские клубы и другие помещения, в которых проводились киносеансы. Киномехаников не хватало, зачастую они обслуживали несколько селений, но надо отметить, что киномеханики были уважаемыми людьми на селе. Детвора при отсутствии денег могла посещать киносеансы за натуральную оплату, к примеру куриные яйца, которые потом сдавались организациям Чувашпотребсоюза.

В селах появились детские музыкальные школы, первые из них были открыты в колхозе «Гвардеец» Батыревского и совхозе «Волга» Козловского района. На 1 сентября 1985 г. в колхозах и совхозах республики работали 35 детских музыкальных и 3 художественные школы. Во многих учреждениях культуры были разработаны целевые комплексные социально-культурные программы. В 1981 г. при Турмышском сельском совете Янтиковского района начал действовать первый в республике социально-культурный комплекс, который объединил усилия учреждений культуры, общеобразовательной школы, торговых, бытовых, медицинских учреждений, общественных организаций, что позволило наладить обслуживание всех слоев населения.

К началу 1946 г. в республике действовало 6 комплексных спортивных площадок, 57 футбольных и около 500 волейбольных площадок. С 1983 г. начали создаваться культурно-спортивные комплексы, к 1985 г. их число достигло 36¹². Большую работу по улучшению культурного обслуживания на селе проводили театрально-зрелищные предприятия, концертные организации, творческие союзы и общества. В 1947 г. первый колхозный театр, возобновивший свою деятельность в 1944 г. в с. Калинино, перебазировался в пос. Вурнары. С апреля 1946 г. начал работать второй колхозный театр в пос. Ибреси. В январе 1949 г. на базе этих учреждений был создан Чувашский республиканский передвижной колхозный театр, находившийся в колхозе «Колос» (д. Кадиксы) Сундырского района. Ежегодно театр показывал более 500 спектаклей в республике и за ее пределами. Театр действовал до 1959 г., с конца 1950-х гг. его функции во многом перешли к народным театрам¹³. Коллектив Чувашского академического драматического театра показывал сельчанам каждый второй свой спектакль. Театром юного зрителя были созданы крупные базы в колхозе «Ленинская искра» Ядринского, в сов-

хозе «Батыревский» и колхозе «Рассвет» Батыревского района¹⁴. В чувашской филармонии для обслуживания сельского населения были созданы специализированные коллективы — ансамбль чувашской песни и поэзии «Сявал», эстрадно-цирковой ансамбль, музыкально-

**Агитбригада
Моргаушского районного Дома культуры**

лекторская группа. В отдельных колхозах и совхозах работали филиалы профессиональных театров и филармонии, картинные галереи, проводились творческие отчеты писателей, художников, композиторов, читательские и зрительские конференции.

Творческая бригада художников Чувашии «Сельские зори», в состав которой входили народный художник Чувашской АССР Н. Карачарсков, заслуженные художники ЧАССР П. Григорьев-Савушкин, В. Семенов, Э. Юрьев, В. Немцев, в течение 7 лет вели художественную летопись колхоза «Янгорчино» Вурнарского района. Ими было создано свыше 150 живописных картин о жизни села, сельчанах, написаны портреты ветеранов труда и простых тружеников. На основе этих работ в сельском Доме культуры была открыта Янгорчинская народная картинная галерея. В 1977 г. общественный резонанс получил авторский концерт композиторов Ф. Васильева и А. Токарева, проведенный в колхозе «Знамя коммунизма» Моргаушского района. В совхозе «Ударник» Ф. Васильев помог организовать филиал музыкальной школы, передав клавишные инструменты. В связи с празднованием 60-летия Великого Октября в селах и деревнях республики состоялись литературные вечера, прошло более 1500 встреч. В 1975 г. коллективы театров и концертных организаций провели 1361 мероприятие и обслужили 360 тыс. зрителей, деятели литературы и искусства провели встречи в колхозах и совхозах, где приняли участие 73 тыс. слушателей¹⁵. Вплоть до середины 1980-х гг. художественному обслуживанию сельского населения в республике придавалось большое значение.

К концу 1965 г. в сельской местности работало более 2 тыс. коллективов художественной самодеятельности. Театральные коллективы колхоза «Красное Сормово»

Сводный хор на смотре
художественной самодеятельности Чувашии
1973 г.

Моргаушского, Малотуванского сельского клуба Шумерлинского района, Янтиковского районного дома культуры получили признание зрителей. Особую массовость самодеятельность обрела в 1970—1980-х гг. Появились новые формы ее организации, такие как народные и школьные филармонии, лектории, дома музыки и т.д. В 1980 г. на республиканском празднике песни и труда сводный хор насчитывал больше 9 тыс. исполнителей. Вплоть до 1991 г. проводились регулярные смотры — районные, республиканские, всесоюзные. С 1959 г. самодеятельным коллективам, имеющим многолетние традиции и художественные достижения, присваивалось звание народного коллектива.

Повышение образовательного и культурного уровня сельских тружеников расширило их духовные потребности. Каждая семья на селе выписывала и читала в среднем 2—3 экз. журналов и газет. По данным экспедиции Чувашского НИИ, проведенной в 1960 г. по 21 селению республики, складывается следующая картина. На душу населения книжный фонд составлял 4,15 экз. книг, кроме того, на каждые 60 дворов из

100 имелись домашние библиотеки, на каждые 100 семей выписывались 109 названий газет и журналов, среднее посещение кинотеатров на душу населения составило 11,7, прочно вошло в быт крестьянства радио, начинает развиваться телевидение¹⁶. В дальнейшем данные показатели повышались, к 1970 г. только количество получаемой жителями периодической печати увеличилось почти в 3 раза (298 экз. газет и журналов на 100 семей)¹⁷.

По данным социологического исследования 1980 г., проведённого под руководством В.И. Старовойтовой, 45,4 % опрошенных сельских тружеников, в том числе 46,1 % колхозников, 44,2 % рабочих, 43,8 % интеллигентов-специалистов, 52 % служащих-неспециалистов, отметили удовлетворенность досугом. В то же время среди молодежи в возрасте 16–19 лет досугом были довольны только 29 % респондентов. В структуре свободного времени сельчан значительное место занимали труд в домашнем и личном подсобном хозяйстве, культурно-зрелищные мероприятия и работа с детьми, занятия физкультурой и спортом, встреча с родственниками и друзьями. Основными видами досуга являлись просмотр телевизора, слушание радио, посещение кино, чтение, занятия с детьми, встреча с родственниками, друзьями. Меньше времени сельские жители уделяли удовлетворению личных интересов, хобби. Среди них наиболее востребованным было чтение, затем — занятия рукоделием и другими видами творчества, спорт, охота и рыболовство, посещение театров, концертов, выставок и музеев. Данные виды досуга, кроме чтения, были более распространены среди сельской интеллигенции и высококвалифицированных рабочих. Большую часть свободного времени отнимала работа в домашнем и личном подсобном хозяйстве: у 79,7 % опрошенных мужчин, у 94,4 % женщин¹⁸. Деятельность многих культурных учреждений не выходила за рамки традиционных вечеров танца и демонстрации кинофильмов. Они составляли две трети от общего количества проводи-

У колхозного пруда

мых мероприятий. Основными мероприятиями оставались тематические вечера, лекции и доклады, спектакли и концерты. В сельских учреждениях культуры, особенно в отдаленных от столицы и районных центрах поселениях, жители тепло принимали писателей, поэтов, известных деятелей культуры, творческие встречи с ними до середины 1980-х гг. сопровождалась почти всегда выступлениями лекторов общества «Знание». Большинство населения посещало лекции по международной тематике. Наиболее частыми посетителями клубов и библиотек (2–3 раза в неделю) являлись юноши и девушки. Остальное население пользовалось услугами этих учреждений значительно реже, с возрастом посещаемость резко снижалась. В течение года около 32 % сельчан не смотрели кинофильмы в клубах, около 40 % не посещали библиотеки, 21 % — не ходили на лекции, 16 % — на концерты, 12 % не бывали в клубных учреждениях¹⁹. Небольшая часть селян занималась художественной самодеятельностью (3,9 % опрошенных), связано это было и с тем, что во многих сельских клубах эта работа активно проводилась лишь перед праздниками и разного вида смотрами. Часто сельские жители посещали культурные мероприятия в городах республики, особенно в Чебоксарах: бывали в кинотеатрах, на спектаклях, концертах.

В первые послевоенные годы на селе сохранялись престольные праздники, обряды крещения младенцев, венчания, отпевания. Возобновились традиционные формы проведения досуга: календарные праздники и обряды («Сурхури», «Мӓнкун», «Акатуй», «Синсе», «Симёк», «Вӓйӓ»), семейные обряды (родильные, имянаречение, проводы в армию), производственная обрядность. Большую устойчивость продемонстрировали обряды, связанные с семейно-родственной группой: брачная и поминально-похоронная обрядность, обряды пасхального цикла. Некоторые из них, носящие меньшую степень религиозности и включаемые в праздничную культуру, к примеру новогодние гадания на будущее — «Сӓнӓ сул / Нартукан», масленичные мероприятия — «Сӓварни», весенне-летние молодежные игры и хороводы — «Вӓйӓ/Уяв», как отмечает этнолог Е.А. Ягафова, успешно вписавшись в понятие «народная культура» в советский период, благодаря общественной поддержке фольклорного движения и активности участников этих обрядов сохранились и стали значимым явлением общественной жизни чувашской деревни²⁰.

Особое внимание уделялось внедрению в повседневную жизнь сельского сообщества общественно-политических праздников и новых гражданских обрядов. Можно констатировать, что прочно вошли в быт советских людей празднование годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, Дня Советской армии и Военно-морского флота, Международного женского дня — 8 Марта, дня международной соли-

дарности трудящихся — 1 Мая, Дня Победы — 9 мая, Дня Конституции СССР. Постепенно вводилось празднование Нового года, который стал широко бытующим и любимым праздником населения. Традиционный чувашский «Акатуй» постановлением Президиума ЦИК и СНК Чувашской АССР от 10 мая «О проведении весеннего социалистического Акатуя» еще в 1933 г. был узаконен как праздник колхозного крестьянства. В последующие

Масленица в с. Шоршелы. 1980 г.

годы порядок и время проведения колхозных «акатуев» регламентировались районными органами власти. С 1953 г. они назывались «праздником песни и труда», должны были проводиться ежегодно, раз в пять лет проходили республиканские мероприятия²¹. В 1965 г. началось официальное празднование Дня Победы. К 1975 г., к 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне, в республике было открыто 70 памятников и обелисков, 370 музеев, комнат и уголков боевой славы, 62 мемориальные доски²².

В апреле 1964 г. было принято постановление Совета министров Чувашской АССР «О внедрении в быт трудящихся Чувашской АССР новых гражданских обрядов». Работа по реализации этого постановления была прежде всего направлена против религиозных обрядов, затрагивала и традиционные народные формы обрядности. Для оказания практической помощи партийным, советским, профсоюзным и комсомольским органам по внедрению в быт нерелигиозных обрядов и праздников при Совете министров ЧАССР был создан специальный совет. Им разрабатывались сценарии торжественных регистраций бракосочетания, новорожденного, составлялись образцы пригласительных билетов, афиш, текстов объявлений по радио, приветствий и поздравлений²³. В республике проводились семинары, научно-практические конференции по теме «Новые советские праздники и обряды — в жизнь», с участием секретарей парторганизаций, их заместителей по идеологии, председателей и секретарей исполкомов сельских советов, директоров школ, руководителей идеологических учреждений районов и культработников²⁴. Таким образом в быт вошли торжественные регистрации ново-

рожденных, брака (элементы традиционной обрядности сочетались с «комсомольской свадьбой»), торжественное вручение паспортов достигшим 16 лет, проводы на службу в армию, организуемые трудовыми коллективами или местными администрациями (сельскими советами), гражданские похороны²⁵. Широко внедрялись новые праздники, которые, в отличие от обрядов, носили массовый характер, проводились в определенное время года. Старые праздники возрождались в новой форме, например, праздник «Проводы зимы» имеет иное содержание по сравнению с Масленицей. Со временем, часто по инициативе «снизу», т.е. самих сельских жителей, вместо деревенских престольных праздников стали регулярными праздники улиц, села.

Излюбленной формой развлечения и отдыха сельской молодежи были вечеринки, устраиваемые или в одном из сельских домов, или на улице, на завалинке. В больших селах было по несколько мест для проведения таких посиделок. По воспоминаниям, записанным А. Петровой от жителей с. Шоршелы Мариинско-Посадского района, такое времяпровождение было очень распространенным для молодежи села, начиная с середины 1960-х гг. местом основного досуга становятся клубы и клубные мероприятия.

Новые обряды — в быт. Регистрация брака
1974 г.

В среде девушек стали популярными тетради-альбомы, в которых писали друг другу любимые песни, частушки, стихи, пожелания²⁶. К свадьбе девушка должна была приготовить большое количество вышитых изделий, и в свободное время, зимой на вечерках, она занималась вышиванием. Было принято дарить молодым людям, призывающимся в армию, носовые платки и полотенца,

вышитые девушками собственноручно. В начале 1980-х гг. вышивки уже можно было купить на рынке, и многие стали этим пользоваться, да и сами традиции постепенно начали исчезать.

Широкое распространение среди населения получили диспуты, обсуждения литературных произведений, кинокартин, спектаклей, устные журналы. Создавались клубы по интересам, клубы интернациональной дружбы, развивалось туристическое движение. Неформальное общение продолжалось при приеме гостей, прогулках без детей, беседах с товарищами. Директор Синьяльской средней школы А.Л. Владимирова вспоминает: «После уроков мы обсуждали не только школьные дела, а чаще всего новые фильмы, спектакли, новые течения в культуре, моде».

В 1946–1990-х гг. формы досуга сельских жителей стали более разнообразными и качественными. Изменились фактические показатели потребления культуры, культурные запросы, структура досуга, хотя преобладали развлекательные его виды. Но вместе с тем росли требования сельских жителей, особенно молодежи, к культурно-бытовым удобствам, потребность в повышении культуры места проживания. Селяне обращались в разные органы власти, газеты и журналы с требованием наладить работу учреждений культуры. Анализ данных обращений позволяет выделить основные недостатки их работы. Во многих местах заведующие клубами и директора Домов культуры, художественные руководители ограничивались минимумом мероприятий. Среди работников клубных и других учреждений очень частыми были факты невыхода на работу, появления в нетрезвом виде, оставляя желать лучшего их профессиональный уровень. Жители отмечали отсутствие условий для отдыха и проведения разных мероприятий, скудный перечень мероприятий досуга, который нередко ограничивался просмотром кинофильмов, телепередач, набором настольных игр (шашки, шахматы, домино), танцами под магнитофон или же, по настроению руководителя, под баян или гармонь. В коллективном письме молодежи из Яльчикского района отмечалось: «На территории нашего колхоза 5 Домов культуры, ни в одном из них не проводятся мероприятия, нет кружков, уже давно нет лекций и докладов. Вокально-инструментальный коллектив с. Шигали распался. В 1979–1985 гг. не проводили даже праздники песни и труда, в 1986 г. провели “для галочки”, в этом году опять не стали проводить. На просьбы молодежи председатель колхоза (фамилия опущена. — В.Х.) не реагирует. После работы нам тоже, пусть не совсем так, как в городе, но хочется хорошо отдохнуть, а так посещение клуба сегодня пустая трата времени. Может быть, поэтому молодежь не хочет оставаться на селе. Колхоз “Знамя” Яльчикского района. 1987 г.». По мнению редакции газеты «Коммунизм ялавл», проблема с развитием культурных учреждений и самой

культуры на селе была неоднозначной: возникали вопросы к деятельности разных учреждений культуры, не только клубов и Домов культуры, стало системным приписывание количества кружков и их членов, проведенных мероприятий, отношение органов управления культурной сферой к своей работе вызывало немало нареканий²⁷. Но основной тенденцией для чувашского села стала утрата многих традиций и элементов чувашской народной культуры, «социализация и интернационализация культуры» приводили к этому. Проблема заключалась также и в том, что на селе не успела сложиться система новых традиций, и это приводило к разным формам нарушения устоев и норм жизни²⁸.

«Культурное обслуживание села», сложившееся в эти годы, было направлено на минимальные запросы сельского населения и, несмотря на успехи, имело много не-

достатков. Одновременно не оставались без внимания партийных органов и общественных организаций вопросы привития внутренней культуры, культуры личности, а идеологическое воспитание строго регламентировалось и контролировалось. Это касалось прежде всего посещения различных культурно-досуговых учреждений, организованного отдыха. «Несоветский» образ досуга подвергался критике. По критериям, транслировавшимся средствами массовой информации, культурный человек должен читать, ходить в кино, театр, на выставки. Центральный комитет партии определял, какие книги советские люди должны читать, какие фильмы смотреть, что слушать. На уровне республики обком партии вмешивался в творческие процессы всех отраслей литературы и искусства. На бюро обкома партии в 1948 г. обсуждались творчество чувашских композиторов, идеологический уровень произведений. По результатам обсуж-

**Вы заведующий клубом?
Ошибаетесь: я — заведующий фермой.
Рисунок В.Е. Емельянова
1966 г.**

дения были приняты рекомендации: «очистить репертуар театров, филармонии, радиовещания от произведений формалистического, антинародного направления», «для связи композиторов с массами практиковать посылку композиторов на предприятия и в колхозы с творческими концертами», «на художественном совете главное внимание обращать на идейную направленность и художественные достоинства произведений»²⁹. Из массовых библиотек и книготорговой сети изымались книги, многие произведения искусства, художественной литературы, кинофильмы не допускались до массового зрителя. Решением бюро обкома КПСС в 1955 г. был утвержден список книг из 48 названий, подлежащих изъятию из библиотек общественного пользования, в их число попали и 11 изданий Чувашского отдела Наркомнаца в Казани³⁰. «Уровень или приобретение культурности» не должны были выходить за рамки, установленные партийными органами. Часть внешних аспектов культурности, к примеру потребительское отношение к жизни, мещанские буржуазные замашки, стремление следовать модным заграничным тенденциям, увлечение западными ценностями культуры, критиковалась, подвергалась общественному обсуждению. В решении бюро обкома партии в 1955 г. отмечалось: «...в книгах не находит должного отражения современная жизнь советских людей, их самоотверженный труд. В чувашской литературе нет еще значительных произведений о борьбе колхозного крестьянства за выполнение исторических решений партии и правительства, о крутом подъеме всех отраслей сельскохозяйственного производства»³¹. Официальная политика в области литературы и искусства вызывала неприятие среди части интеллигенции в республике. В марте 1959 г. А.С. Артемьев отрицал наличие свободы печати в СССР: «Все подвели под пункт, под параграф, попробуй отклониться, будет тебе». Тогда же Н.Ф. Ильбеков на собрании писателей утверждал, что автор при создании произведения не ставит себе цель помочь строительству коммунизма и об этом не думает. Подобные позиции были открытым неприятием установок и прямых указаний партийного руководства. Ильбекова коллеги подвергли критике, а в партийном руководстве считалось, что у ряда писателей, как и у А.С. Артемьева и Н.Ф. Ильбекова, имеются «нездоровые проявления». Осуждалась деятельность Г. Айги, молодых писателей В. Игнатьева и Ю. Скворцова, которые «преклонялись перед творчеством Пастернака». Подверглись критике творчество видных представителей чувашского изобразительного искусства Н.К. Сверчкова и М.С. Спиридонова, взгляды студентов художественного училища В. Мазурова, Н. Ипатовой, В. Петрова. Конечно, не могли остаться без внимания идеологических работников высказывания некоторых молодых людей, заявлявших, что они сами могут разобраться в «ошибках» писателей, если бы имели возможность ознакомиться с их произведениями (речь шла о романе «Доктор Живаго» Б. Пас-

тернака)³². По мнению партийного руководства, основным долгом деятелей культуры должно было стать отражение успехов страны, воспитание граждан в духе коммунистических идеалов, развитие в русле соцреализма. Деятельность СМИ, учреждений образования и культуры должна была осуществляться в соответствии с программными установками партийных органов. В начале 1960-х гг. партией был выдвинут лозунг «нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме», значительная часть населения в возможности построения коммунизма не сомневалась. Позже эти задачи были уточнены в Программе КПСС, принятой в 1961 г., где основное внимание уделялось коммунистическому воспитанию граждан страны³³. Реализация положений Программы направлялась прежде всего на моральный облик человека. В документе был обозначен идеал «нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту, физическое совершенство»³⁴. В июле 1965 г. в газете «Советская Чувашия» было опубликовано открытое письмо нескольких председателей и бригадира колхозов в адрес творческой интеллигенции. В письме была озвучена просьба об оказании помощи селянам в удовлетворении их духовных потребностей. Резолюция VIII съезда писателей Чувашии в 1967 г., по сути, закрепила эти идеологические требования, отметив, что писатели должны создавать произведения о передовиках производства, стирании различий между городом и деревней, о строительстве нового общества и т.д. Надо подчеркнуть, что, несмотря на это, появились произведения, раскрывающие реальную жизнь послевоенной деревни. Прежде всего, это роман А. Артемьева «Саламби», напечатанный в 1956 г., который и на современном этапе не утратил своей актуальности. Успешными в этом плане стали произведения писателей-деревенщиков, которые наряду с проблемами сельскохозяйственного производства пытались показать внутренний мир человека-труженика. Заметным явлением в чувашской литературе стали произведения А. Емельянова, В. Алендея, Л. Галлерова, Ю. Скворцова и др.³⁵

В целом, в село проникала городская культура, прежде всего с усилением каналов передачи информации. Теперь дети или родственники, проживающие в городах и городских поселениях, старались перенести городские нормы в село, или же сельчане перенимали как облик, так и поведенческие образцы. Крестьяне адаптировались к меняющейся социальной среде, но зачастую не могли её принять и понять. Особенно сложно проходила адаптация бывших сельчан к городской жизни, связана она была с условиями проживания, утратой традиционных ценностей, столкновением с «другой» культурой и жизненными приоритетами. В письме в редакцию газеты «Хыпар» сельская девушка, приехавшая учиться в город, пишет: «Я учусь на первом курсе текстильного техникума в Чебоксарах. Сожалею о переезде в город, потому что нам, студентам этого учрежде-

ния, очень тяжело. Перед общежитием всегда толпы парней. Они нападают на нас, смеются над нами, если смеешь возразить, могут и ударить. Нет покоя и в общежитии, городские ребята выбивают двери комнат и чувствуют себя хозяевами положения. В этой ситуации то, что девушки из села не всегда могут противостоят им и начинают вести “неправильную” жизнь, не вызывает вопросов. Меня беспокоит, что многие из девушек быстро

Писатель-переводчик С. Шуртаков, председатель колхоза «Янгорчино» Вурнарского района В. Романов, писатель А. Емельянов. 1976 г.

принимают подобную жизнь»³⁶. Таких писем в редакции чувашских газет и журналов приходило немало, молодых людей также волновали вопросы духовности и нравственности, проблемы выбора целевых жизненных установок и норм поведения в новых условиях. Как отмечает А.П. Леонтьев, тогда заведующий отделом писем газеты «Хыпар», «найти ответы на эти вопросы было непросто, многие терялись и долго приспособлялись к жизни в городах. В то же время условия жизни только уехавших в город сельчан оставались тяжелыми, многие из них жили в общежитиях, даже будучи семейными. Часть из них строила так называемые “засыпушки” — домики без каких-либо удобств, несанкционированные строения, располагавшиеся преимущественно в оврагах. И многие годы не могли переехать в благоустроенные жилища»³⁷. Но существовала и другая сторона. Именно крестьяне и их мировоззрение в течение многих десятилетий определяли культуру, быт, взгляды советских людей — и это влияние чувствуется в нашем обществе до сих пор. Данное явление достаточно ярко проявлялось в Чувашии, где прирост численности городского населения в значительной степени происходил за счет мигрантов из сельских районов республики, происходило также увеличение абсолютной и относительной численности чувашей-горожан. По мнению этнолога В.П. Иванова, «национально-традиционный образ жизни способен устойчиво сохраняться и в определенной мере модифицироваться в нормах поведения, обыденном сознании и этни-

ческих установках пришельцев, оказывая определенное влияние (в связи с массовым характером) уже на городской образ жизни»³⁸.

4.2. Религиозная ситуация на селе

Несмотря на идеологическое влияние, массовую атеистическую работу, в духовной жизни сельского населения заметное место продолжали занимать религия и удовлетворение религиозных потребностей. Религиозная ситуация в республике оставалась сложной. В военные и первые послевоенные годы политика по отношению к православной церкви была терпимой. К началу 1943 г. в Чувашии действовало 6 православных приходов, в 1943–1945 гг. возобновили деятельность еще 15 приходов. Большим событием в православной жизни республики стало открытие в начале 1946 г. Чебоксарской епархии, которую возглавил архиепископ Иларий (П.Г. Ильин). С этого времени в республике значительно увеличилось количество заявлений об открытии церквей, в результате в 1946 г. был зарегистрирован и открыт 31 православный приход, епархия была разделена на 5 благочинных округов. В 1946 г. епископ Чебоксарский и Чувашский Иларий, настоятели церквей Канаша, Карамышева и Чебоксар были награждены медалью «За доблестный труд»³⁹. К 1956 г. на территории Чувашии функционировало 4 городских и 37 сельских приходов, в дальнейшем 5 православных приходов были сняты с регистрации, и оживление религиозной жизни началось с 1988 г. На 1 января 1994 г. в республике насчитывалось 102 сельских православных прихода⁴⁰. Кроме православных храмов, в республике в 1946 г. имелись 2 мечети, старообрядческий молитвенный дом и молитвенный дом евангельских христиан-баптистов. Часть верующих относилась к сторонникам запрещенных законом религиозных течений, среди них были представители «Истинно православной церкви» (ИПЦ), действовавшей в Батыревском, Комсомольском, Красноармейском, Козловском, Моргаушском, Урмарском, Ядринском и других районах. В 1946–1948 гг. в их рядах насчитывалось около 400 чел., в 1972 г. — 150 чел.⁴¹ Наряду с представителями православной церкви, активизировали в эти годы свою деятельность и другие религиозные организации. Группа евангельских христиан-баптистов из Чебоксар, а также мусульмане из д. Татарские Сугуты добивались официального признания, аргументируя свое лояльное отношение к существующей власти. Среди представителей ИПЦ были зафиксированы более активные выступления против власти, прежде всего против колхозов. Часть их заявляла об исключении из членов коллективных хозяйств, отказывалась выходить на работу. В некоторых селах были открыты нелегальные молитвенные дома евангельских христиан-баптистов, пра-

вославных верующих и мусульманской мечети для проведения религиозных служб и собраний, велась работа среди молодежи⁴². До 1960-х гг. в республике активно развивалось паломничество, особенно чтимыми местами для верующих стали развалины бывшей церкви в с. Ишаки ныне Чебоксарского района и водный источник в с. Миренки Алатырского района. В рамках реализации постановления ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”», Ишлейскому и Алатырскому райкомам было предложено принять меры по прекращению паломничества верующих и закрытию мест паломничества⁴³.

Начиная с 1954 г. усиливается атеистическая и антирелигиозная работа среди населения, с 1958 г. начинается наступление на «религиозные пережитки советских людей». Именно 1958–1964 гг. в отечественной историографии характеризуются как период обострения борьбы с религией. Сущность курса была определена в Программе КПСС, принятой в 1961 г. В данном документе религия называлась «пережитком капитализма в сознании и поведении людей», и преодоление его становилось составной частью работы КПСС по коммунистическому воспитанию граждан страны⁴⁴. Работа велась против всех религий и конфессий и носила выраженный антисектантский характер. Основными формами «перевоспитания» верующих и атеистической работы среди всего населения стали: антирелигиозные публикации в СМИ, появление литературных произведений, кинофильмов, направленных против религии, созданных по специальному социальному заказу. Во время больших религиозных праздников (Пасха, Рождество) с целью отвлечения граждан от посещения церковной службы в учреждениях культуры проводились массовые мероприятия, транслировались популярные советские, иногда иностранные кинофильмы. Около церквей патрулировали партийные и комсомольские активисты, которые следили за участием в религиозных обрядах членов партии и комсомольцев, студентов и учащихся общеобразовательных школ, представителей органов власти и местного самоуправления. Те, кто попадал в списки участников религиозных служб, подвергались обсуждению в разных комиссиях и другим мерам воспитания. Постановлением Совета министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» предусматривалось: усиление работы по ликвидации религиозных организаций на местах, разрушение или использование для других учреждений ранее закрытых храмов, ужесточение финансового контроля над деятельностью религиозных организаций (часть доходов в обязательном порядке перечислялась в Фонд мира), передача финансово-хозяйственной деятельности из рук настоятелей церквей в руки выборных исполнительных органов, высылка священнослужителей в специально отведенные места, уголовное преследование. Особое внима-

ние уделялось атеистическому воспитанию детей. Ограничению деятельности и влияния церкви служила реформа 1961 г., вследствие которой церковная община отделялась от духовной и переходила под управление приходского совета. Все это вело к усилению контроля государства над религиозной жизнью населения. В храмах начали запрещать нахождение молодежи до 18 лет, ограничивалось проведение обрядов на дому, не разрешался колокольный звон, священнослужителей обязали сообщать о лицах, совершивших религиозные обряды и т.д. Но в целом религиозное сознание населения изменить быстро и кардинально не удалось. В 1962 г. в Чувашии было окрещено 60,2 % родившихся детей, в 1963 г. — 56,4 %, из них в селах — 44,2 и 44,8 %, венчались 16,2 % в 1962 г. и 12,6 % в 1963 г., отпевалось чуть более половины умерших⁴⁵.

В первой половине 1960-х гг. начинается новый этап наступления на церковь и религиозное сознание населения. С этого времени антирелигиозная политика приняла характер атеистического воспитания населения на основе положений «научного атеизма» и рассчитанного на длительный период вытеснения веры из сознания народа. К данной работе привлекались все государственные структуры, особое внимание должны были уделять этому вопросу партийные, комсомольские, советские и профсоюзные организации. В 1964 г. Идеологическая комиссия при ЦК КПСС разработала документ под названием «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения». Академией общественных наук при ЦК КПСС был создан Институт научного атеизма. В регионах страны появились опорные пункты этого института, в Чувашии руководителем такого пункта был назначен Г.Е. Кудряшов. Этот институт проводил регулярные опросы населения для выяснения уровня религиозности, особенностей бытования религии, в первую очередь христианства, так как большинство верующих республики причисляли себя к православию⁴⁶. Вскоре началась подготовка кадров пропагандистов атеистической работы. Уже в 1966 г. в Чувашии среди населения вели атеистическую работу 700 организаторов, 2 тыс. лекторов и агитаторов, в первичных партийных организациях было создано 250 советов по научному атеизму. Уставом ВЛКСМ, принятым в 1966 г., на комсомольцев возлагалась обязанность вести решительную борьбу с «религиозными предрассудками».

Органом, призванным реализовывать политику государства в отношении Русской православной церкви (РПЦ), был Совет по делам РПЦ при СНК СССР, образованный 14 сентября 1943 г. постановлением Совнаркома СССР за подписью И. Сталина. Постановлением СМ СССР от 8 декабря 1965 г. Совет по делам РПЦ был объединен с Советом по делам религиозных культов и на этой основе образован Совет по делам религий при Совете министров СССР. Основной целью Совета стало «последо-

вательное осуществление политики Советского государства в отношении религий, контроля за соблюдением законодательства в религиозных культурах»⁴⁷. Совет принимал решения о регистрации и снятии с регистрации религиозных объединений, об открытии и закрытии молитвенных зданий и домов, осуществлял связь между правительством СССР и религиозными организациями. На местах имел подчиненных ему уполномоченных лиц. Все служители культа в СССР для осуществления своей профессиональной деятельности должны были иметь официальную регистрацию в Совете. В 1991 г. Совет был лишен регистрационных, распорядительных и контролирующих функций и постановлением Государственного совета СССР от 14 ноября 1991 г. был упразднен.

В республике для проведения работы по контролю над религиозной жизнью общества был создан Уполномоченный Совета по делам религий Чувашской АССР со своим аппаратом. Одним из основных направлений деятельности чувашского Совета по делам религий стало тотальное слежение за совершением религиозных обрядов, крещений, венчаний, отпеваний. В Совет регулярно поступала информация о совершении жителями Чувашии обрядов в других областях и республиках страны, также он сообщал такие сведения в другие регионы. Коммунисты и комсомольцы, особенно занимающие руководящие должности, за участие в обрядах наказывались по партийной и комсомольской линии, вплоть до исключения, снятия с должности и т.д. Проведение системной и целенаправленной атеистической работы влияло на уровень религиозной обрядности. Сокращение имело место, но не было столь значительным, как планировалось организаторами этой работы. В 1964 г. в Чувашии были крещены более половины родившихся детей (50,6 %), из всех зарегистрированных брачных пар было 12,5 % обвенчанных в церкви, обряд отпевания совершали для 75 % умерших. В 1985 г. эти показатели составили 44,5; 4,9 и 69 %⁴⁸.

В годы перестройки кардинально изменилось положение в обществе религии и церкви. На рубеже 1980–1990-х гг. религиозность советских людей резко повысилась. Системный кризис общества, неуверенность людей в завтрашнем дне, афганская и чернобыльская трагедии приводили многих к Богу и церкви. Критическому пересмотру подверглось отношение советских властей к религии и церкви в прежние годы. Не только как церковный, а как всенародный праздник отмечалось в 1988 г. 1000-летие Крещения Руси. Оживлению церковной жизни, началу «религиозного бума» на рубеже 1980–1990-х гг. способствовали подготовка и принятие принципиально нового законодательства СССР и РСФСР о религиозных организациях. В октябре 1990 г. появились два закона — Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий». Они впервые в советской истории признали за религиозными организациями право юридического лица.

В рассматриваемые нами годы, несмотря на существенную трансформацию, заметную роль в жизни крестьянства продолжала играть традиционная система религиозных воззрений и культа («чувакская вера», чувакское «язычество»)⁴⁹.

4.3. Развитие образования и сельской школьной сети

В области народного образования в первые послевоенные годы предполагалось возобновление и дальнейшее расширение школьной сети, введение всеобщего обязательного обучения детей с 7-летнего возраста как в городе, так и на селе, решение судеб детей, оставшихся без родителей. На начало 1946 г. в республике было выявлено детей-сирот 5633, из них 5045 жили в 16 республиканских детских домах. Но проблема детской беспризорности не была решена, в IV квартале 1945 г. было задержано 411 беспризорных и безнадзорных детей, в I квартале 1946 г. — 313 детей. По неполным данным, в 1946 г. в республике насчитывалось до 600 детей-сирот, состоящих на учете, но нигде не устроенных⁵⁰. Многие школы республики нуждались в ремонте зданий и помещений, не хватало учебного оборудования, не были укомплектованы штаты педагогов и других работников. Наиболее сложной оказалась ситуация именно в сельских школах. В 1945/46 учебном году в 307, в 1946/47 учебном году в 510 сельских школах занимались в две смены⁵¹. Кроме того, большое количество детей 7–15-летнего возраста в силу ряда причин не посещали школы, в 1946/47 учебном году только в течение двух месяцев с начала учебного года выбыли из сельских школ более 2300 учащихся⁵². В 1947/48 учебном году не посещали школы около 12,1 тыс. человек, из них в колхозах работали 6717 детей. Основными причинами выбытия детей из школ, кроме необходимости работы в колхозах, на предприятиях и в домашнем хозяйстве, были отсутствие одежды и обуви, длительные болезни, отдаленность школ и др. А. Мешкова, уроженка Батыревского района, вспоминает: «Мать в силу сложного материального положения решила в первую очередь дать образование сыновьям, а дочь стала основной помощницей матери (отец погиб на фронте) и работником в колхозе». А. Мешкова только в зрелые годы выучилась чтению и письму⁵³. Реальные меры по укреплению системы образования позволили в 1949–1951 гг. завершить переход к 7-летнему всеобучу, увеличить контингент учащихся 8–10 классов в 2,4 раза⁵⁴. С осени 1952 г. было введено всеобщее обязательное семилетнее обучение сельских детей, организовано 96 школ сельской молодежи, в 1958 г. в них обучалось 4,7 тыс. чел.⁵⁵ К концу 1940-х гг. школьная сеть в республике была восстановлена, главным образом за счет государственных средств. Для строительства школ привлекались и средства колхозов, отдель-

Ученики 3 и 4 классов начальной школы махорсовхоза «Стемасский» Алатырского района. 1957 г.

ных министерств, промышленных предприятий. В частности, разные организации Министерства лесной промышленности Чувашии построили 19 школьных зданий на 1049 ученических мест. Широкий отклик нашла инициатива колхозников артели «Первое мая» с. Икково Чебоксарского района, оказавших помощь школам в подготовке к 1946/47 учебному году. Население принимало активное участие в проведении капитального ремонта школ, выделении средств в «фонд всеобуча», организации горячего питания, обеспечении одеждой и обувью, заготовке топлива для школ⁵⁶. С 1946 по 1958 г. на средства колхозов было построено 186 школ на 20 986 мест, за 1966–1975 гг. было введено в эксплуатацию 66 общеобразовательных школ на 14 985 мест, детских учреждений на 1 705 мест. Всего в сельской местности в 1965–1975 гг. было введено в действие 379 школьных учреждений на 109 076 ученических мест⁵⁷.

В общеобразовательных школах усилилось углубленное обучение учащихся сельским специальностям. Рассчитывали, что такая работа в конечном счете приведет к росту численности кадров и закреплению их на селе. Во второй половине 1950-х гг. развернулась работа по осуществлению политехнического обучения. В колхозах и совхозах в середине 1950-х гг. появились первые ученические производственные бригады. Уче-

ническая бригада Малоюшской средней школы Вурнарского района являлась полноценной производственной единицей совхоза, около 250 выпускников школы стали специалистами сельского хозяйства⁵⁸. Учебно-опытные участки многих школ добивались успехов в выращивании сельскохозяйственных культур, становились участниками ВДНХ. Юманайская средняя школа Шумерлинского района в 1954–1956 гг. завоевала 43 медали ВДНХ. Учащиеся колхоза им. Ленина Вурнарского района приняли участие в строительстве колхозной электростанции. Председатель колхоза С.К. Коротков в своем выступлении отмечал: «Наш колхоз — миллионер, мы могли бы обойтись и без помощи ребят. Но они, на наш взгляд, не могут обойтись без трудовой закалки с малых лет. Им самим эта стройка нужна, потому что самое главное — это труд, полезный людям»⁵⁹. Постановление Совета министров ЧАССР от 25 июня 1966 г. утвердило сеть сельских средних общеобразовательных школ с производственным обучением (в основном из числа учащихся 9–10 классов животноводов и механизаторов). В 1980/81 учебном году в целом был завершён переход сельских школ Чувашской АССР на трудовое обучение старшеклассников. В 1985 г. учебные производственные бригады имелись во всех сельских средних и восьмилетних школах. После принятия постановления «Об основных направлениях общеобразовательной реформы» (1984 г.) ожидалось, что произойдет дальнейшее расширение подготовки школьников по новым профессиям.

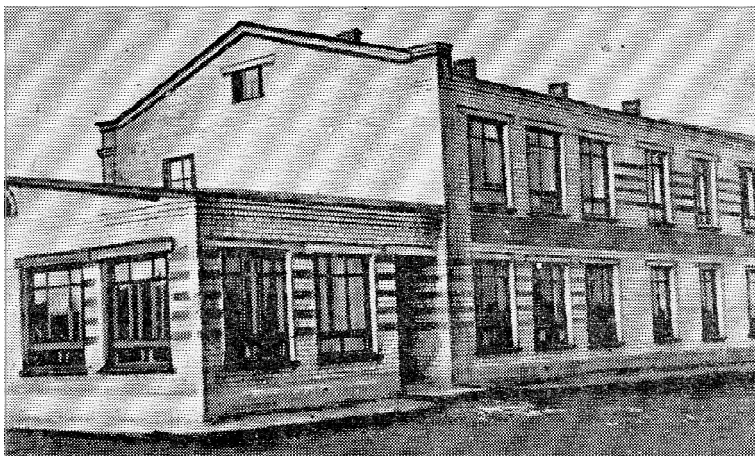

Учащиеся 1 класса Шоршельской средней школы
1989 г.

Но в реальности этого не произошло, только 23 % выпускников выбирали профессию по направлению трудовой подготовки, полученной в школе⁶⁰. В 1985 г. в колхозы, совхозы и другие предприятия и организации сельского хозяйства пришли работать 18,1 %, в 1987 г. 10,7 % выпускников сельских школ⁶¹.

В 1946–1990-х гг. сеть и структура сельских общеобразовательных школ подвергались существенным изменениям. В результате число сельских школ сократилось почти в 2 раза — с 1076 в 1950/51 учебном году до 576 в 1990/91 учебном году, так же как и почти в 2 раза сократилось число обучающихся в них, что было вызвано и уменьшением численности населения на селе⁶². Произошла концентрация детей в средней школе, которая превратилась в основное учебное заведение. Планы строительства детских учреждений и школ в республике не выполнялись, дети из многих деревень ходили в школы за несколько километров, вопросы подвоза детей на учебу решались в индивидуальном порядке, на уровне отдельного образовательного учреждения, колхоза или частью родителей. В официальном порядке на государственном уровне эта проблема не стояла. Родители школьников из колхоза «Заветы Ильича» Моргаушского района писали (1970 г.): «Наши дети ходят в школу за 6–8 км. Они ходят в слякоть, в дождь, в стужу, в пургу. Часто болеют, пропускают занятия. От этого низкая успеваемость. Мы хотим, чтобы наши дети были счастливые и здоровые»⁶³. Дальнейший опыт показал также, что произошла явная недооценка социальной роли сельских малокомплектных школ. Для подготовки детей к школе стали открываться подготовительные классы, в 1985/86 учебном году 99,3% сельских шестилеток посещали эти классы⁶⁴.

Большое внимание в чувашских школах стали уделять обучению русскому языку. Официальная пропаганда активно подчеркивала роль русского языка как активного средства межнационального общения и интернационального воспитания, приобщения к культурному и научному наследию страны. В 1959 г. вторая сессия Верховного Совета Чувашской АССР пятого созыва признала необходимым сохранить установившуюся практику обучения в старших классах чувашских полных средних школ на русском языке и предоставила Министерству просвещения республики право решать по желанию родителей и учащихся в каждом отдельном случае вопросы перевода обучения на русском языке в старших классах чувашской восьмилетней школы⁶⁵. С 1960/61 учебного года эта работа была начата с предметов политехнического цикла. В 1967 г. на сессии Верховного Совета республики переход на русский язык обучения в старших классах чувашских восьмилетних и средних школ, осуществляемый с учетом пожеланий родителей, учащихся и общественности, был одобрен. Правда, на сессии было указано также на недопустимость умаления роли родного языка как языка обучения в начальных классах⁶⁶.

Здание ясли-сада в с. Старые Тойси Батыревского района. 1970-е гг.

Языковые процессы, происходящие в республике, свидетельствовали о том, что в сельской местности преобладал чувашский язык. Практически все население общалось в кругу семьи и с окружающими на родном языке. В общественно-политической и производственной сферах стало

заметным возрастание функций двуязычия. Так, по данным этносоциологического исследования 1981–1982 гг., 16 % сельских чувашей выступали на собраниях только на русском языке, около 25 % — на двух языках, около 3 % чувашей пользовались на работе только русским языком, более 25 % — двумя языками. 16 % опрошенных чувашей в сельской местности отметили, что одинаково хорошо владеют как чувашским, так и русским языками, 1% сельских жителей считали, что владеют русским языком лучше, чем чувашским. Иное положение сложилось в городах. Среди городских чувашей преимущественное положение во всех сферах общения начал занимать русский язык, в том числе и в сфере семейного общения⁶⁷.

В республике развернулась дискуссия о возможности перехода на русский язык обучения учащихся начальных классов чувашских школ. В итоге обком партии рекомендовал «не форсировать этот процесс и уделять повседневное внимание изучению чувашского языка и литературы»⁶⁸. Переход в эти годы к обучению непосредственно на русском языке, вытеснение национальных языков из обихода речи в городах оказали существенное влияние на национальное самосознание, также способствовали культивированию пренебрежительного отношения к сельскому образу жизни и традиционным ценностям. Со второй половины 1980-х гг. начинается процесс возрождения национальной школы, прежде всего в городах, рабочих поселках и райцентрах постепенно вводится преподавание чувашского языка. В 1988/89 учебном году 540 школ из 671 работали по программе национальных, в 19 школах республики изучался татарский язык,

в одной — мордовский. В соответствии с пожеланиями родителей и учащихся в 65 учреждениях образования с многонациональным составом обучающихся ввели преподавание чувашского языка. В Чебоксарах в 32 учебных заведениях из 54 чувашский язык стали изучать как учебный предмет⁶⁹.

Общественные детские учреждения появились в чувашских селах и деревнях с 1940-х гг., нередко один детский сад на несколько ближайших поселений. В дальнейшем развитию детских дошкольных учреждений на селе уделялось пристальное внимание со стороны государственных органов власти. Колхозами и совхозами детские учреждения строились на инициативных началах. Если в 1950 г. 45 сельских дошкольных учреждений посещали 898 детей, то в 1990 г. в 307 сельских детских садах содержался 20 371 ребёнок, потребность в них была полностью удовлетворена⁷⁰. В целом роль сельской общеобразовательной школы в развитии сельского сообщества была велика. Сельская школа выступала не только с функцией формирования образовательного потенциала населения, но и с функцией приобщения подрастающего поколения к труду, духовной жизни и культуре.

4.4. Здравоохранение, физкультура и спорт

В республике проводилась большая работа по улучшению всех видов медицинского обслуживания. Основную работу и нагрузку по оказанию медицинской помощи на селе выполняли фельдшерско-акушерские пункты (993 в 1946 г.). Медицинским обслуживанием сельского населения занимались 46 больничных учреждений и 115 амбула-

В детском саду с. Шоршелы Маринско-Посадского района, открытом в 1974 г.

Больница колхоза «Победа» Яльчикского района
1973 г.

торно-поликлинических учреждений, в 1946 г. в них работали 103 врача и 1558 человек среднего медицинского персонала⁷¹. С 1957 г. началась перестройка районного звена сельского здравоохранения. Участковые больницы с 10–15 койками стали закрываться, как не имеющие условий для оказания качественной медицинской помощи. К середи-

не 1980-х гг. сложилась разветвленная сеть медицинских учреждений: 20 районных и 49 участковых больниц, амбулаторно-поликлинических учреждений, 695 фельдшерско-акушерских пунктов. Одной из основных задач медицинских учреждений на данном этапе стало приближение до сельских жителей специализированной медицинской помощи. Работа велась по двум направлениям: организация выездов специализированных бригад врачей из центральной районной больницы и расширение сети врачебных амбулаторий на местах. Для обслуживания животноводов и механизаторов стали открываться медицинские профилактории. В начале 1980-х гг. зачинателем создания в республике сельских профилакториев на фермах и в машинно-тракторных парках стал Ф.Г. Григорьев, главный врач Канашской районной больницы. Первые открылись, конечно, в Канашском районе. Здесь, по воспоминанию Н.Г. Григорьева, работавшего тогда министром здравоохранения Чувашии, было 7 таких мини-здравниц — с саунами, кабинетами для процедур и даже массажа. Пример Чувашии был востребован союзным Минздравом для использования в стране. К концу 1985 г. в Чувашии насчитывалось 76 профилакториев⁷².

Еще в 1968 г. при Канашской районной больнице впервые в республике была создана станция сельской скорой медицинской помощи. С 1981 г. в ее структуре появи-

лась выездная специализированная поликлиника, оборудованная на специальных автомашинах и укомплектованная врачами почти всех специальностей. С 1982 г. Канашская центральная больница стала базовым лечебным учреждением в Чувашской АССР по проведению всеобщей ежегодной диспансеризации сельского населения⁷³. Но это были отдельные яркие примеры, в целом в сельских больницах медицинский персонал, в первую очередь врачи, закреплялись слабо, разница в обеспеченности врачами в городах и селах была многократ-

Народный врач СССР Ф.Г. Григорьев
и Герой Социалистического Труда М.Э. Зиновьева

ной. Так, в начале 1950-х гг. в Калининском районе работал один врач-терапевт (П. Саперов), который принимал больных в поликлинике, выезжал в сельские фельдшерские пункты⁷⁴. К середине 1960-х гг. в связи с целевой подготовкой медицинских кадров в вузах Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Перми и других городов, обеспечение сельских медицинских учреждений специалистами улучшилось. Но проблема кадров оставалась острой.

К началу 1981 г. обеспеченность сельских населенных пунктов республики детскими дошкольными и медицинскими учреждениями оказалась ниже, чем в городской местности. Исходя из этого в 1985–1990-х гг. значительное внимание уделялось расширению медицинского обслуживания на селе. В эти годы появилось 113 профилакториев на животноводческих фермах, открылись 103 фельдшерско-акушерских пункта. Во всех районах работали выездные поликлиники, которые проводили диспансеризацию населения. Серьезной проблемой оставалось обеспечение населения лекарственными препаратами, часть их них не выдавалась совсем.

Физкультурному движению уделялось в республике повышенное внимание, оно должно было способствовать укреплению здоровья населения. Уже в начале 1946 г. в республике прошли городские районные и республиканские старты. Для первых послевоенных лет, вплоть до 1960-х гг., самым массовым видом спорта на селе стал лыжный. На всесоюзных соревнованиях сельские лыжники из Чувашии занимали общекоманд-

Чемпионы СССР (слева направо): А. Игнатъев,
Р. Камалетдинов, Р. Бикчурин,
Г. Яшмейкин

ные 3 и 4-е места, в личном первенстве звание чемпиона страны удостоился ядринский лыжник С. Бурашников, чемпионом РСФСР стал Р. Бикчурин из Батыревского района. В 1951 г. на Первой Всероссийской спартакиаде спортсменов села спортсмены Чувашии заняли первые командные места по легкой атлетике, велосипедному спорту и первое общекомандное место. Отличились А. Игнатъев (Яльчикский район), Г. Яшмейкин (Красночетайский район), М. Юсупов, Р. Камалетдинов, Р. Бик-

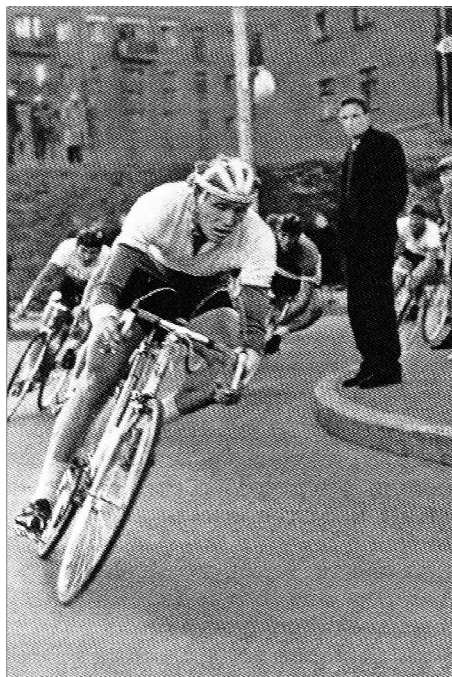
чурин (Батыревский район). За 1948—1960-е гг. Рассых Бикчурин, работающий конюхом в колхозе, установил более 40 рекордов в легкой атлетике, всю жизнь он проработал в родном селе и пользовался заслуженным авторитетом среди спортсменов и болельщиков. В 1952 г. сельский учитель из Яльчикского района Ардалион Игнатъев в составе сборной команды страны принял участие в Олимпийских играх в Хельсинки. Через четыре года на Олимпийских играх в Мельбурне он стал бронзовым призером на дистанции 400 м. Заслуженный мастер спорта СССР А. Игнатъев был 10 лет чемпионом и более 13 лет рекордсменом Советского Союза, удостоился за спортивные достижения ордена Трудового Красного Знамени.

Наиболее характерными событиями на селе стали спортивные состязания на праздниках песни и труда, большая часть программы которых состояла из спортивных мероприятий. В июне 1958 г. состоялась Первая чувашская республиканская спартакиада сельских физкультурников⁷⁵. В 1959 г. прошло еще одно интересное мероприятие — Первая летняя республиканская спартакиада колхозов-миллионеров. В с. Калинино Вурнарского района съехались более 500 спортсменов, состязания прошли по легкой атлетике, велоспорту, поднятию гирь, волейболу, городкам и футболу. В дальнейшем проведение подобных мероприятий стало традиционным, появились новые таланты: рекордсмен по велосипедному спорту колхозный кузнец П. Бакарев, по прыжкам в длину — колхозник из Яльчикского района С. Григорьев и др. Одной из лучших футбольных команд в республике в 1950—1960-х гг. стали спортсмены из колхоза «Новая жизнь» Цивильского района. В начале 1960-х гг. во всех районных центрах действовали комплексные спортивные площадки, росло число волейбольных и футбольных площадок,

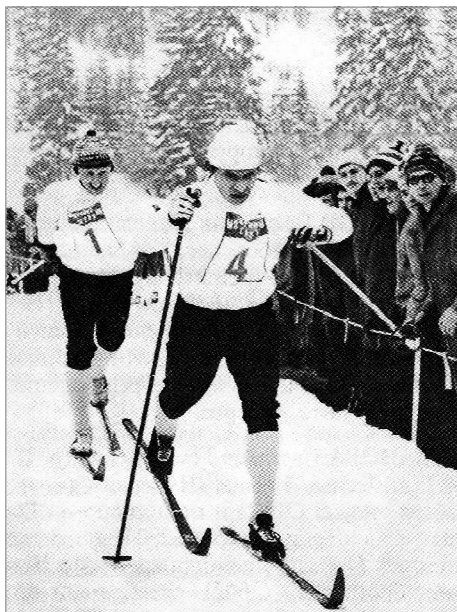
сельских стадионов. Коллективы физкультуры колхозов «Память Ильича», «Коммунар» Батыревского и им. Якунина Ядринского района стали участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Но в целом развитие массового спорта сдерживалось рядом факторов: не хватало тренеров, других специалистов; слабой оставалась материальная база не только для развития спорта, но и физкультурного движения.

Начиная с 1960-х гг., с принятием новой Программы КПСС, где, в частности, выдвигалась задача — внедрить физическую культуру и спорт в быт народа, спортивная работа переносится в коллективы физкультуры, по месту работы и отдыха населения. В 1962 г. более 44 тыс. чел. участвовало в соревнованиях на первенство колхозов, совхозов, предприятий, учреждений, школ и учебных заведений. В некоторых селах проводилась большая работа по развитию физкультуры. Так, в колхозе «Искра» Чебоксарского района коллектив физкультуры состоял из 570 физкультурников — 57 % от общего числа работающих. Только в 1965 г. здесь было подготовлено 39 спортсменов-разрядников. Коллектив физкультуры совхоза им. Кадыкова Чебоксарского района возглавили руководители и специалисты предприятия Ф. Сурков, Ю. Козырев, Р. Иванов, сами являющиеся чемпионами Чувашии. Ими было подготовлено несколько десятков спортсменов-разрядников. Одновременно велась работа по открытию новых спортивных площадок, обеспечению спортивным инвентарем коллективов физкультуры, подготовке преподавателей и тренеров. Так, в Урмарском районе во всех колхозах выделили земельные участки под строительство комплексных спортивных площадок. Во всех совхозах утверждались штатные должности инструкторов по производственной гимнастике. Получил дальнейшее развитие школьный спорт.

В первые послевоенные годы уделялось большое внимание проведению соревнований по военно-прикладным видам спорта, сдаче норм ГТО, ГЗР, наиболее популярным стал стрелковый спорт. Зимние и летние рес-

Олимпийский чемпион по велоспорту
В.Н. Ярды на чемпионате СССР
1970-е гг.

**Олимпийский чемпион по лыжным гонкам
В.П. Воронков во время чемпионата
1967 г.**

публиканские спартакиады помогали выявить наиболее одаренных спортсменов, которые принимали участие в спартакиадах народов РСФСР. В состав сборных команд республик должны были входить 100 сельских спортсменов. Многие известные спортсмены Чувашии именно в эти годы получили путевку в большой спорт и стали чемпионами страны, Европы.

С общим развитием физкультурного движения в республике новые виды спорта пришли и в село, к примеру, появились хоккейные и баскетбольные команды. Только в 1969 г. в коллективах физкультуры колхозов «Гвардеец» Батыревского, им. Ленина Ибресинского, совхоза «Ленинский» Урмарского района, занимавших лидерские позиции в этом движении, было подготовлено около 500 спортсменов-разрядников, правда, большинство из них выполнило нормативы 3 и 2-го

разрядов. К концу 1970-х гг. в республике насчитывалось 661 сельский коллектив физкультуры, объединяющий около 88 тыс. чел. Только в 1980 г. 27 тыс. селян сдали нормы ГТО, было подготовлено около 20 тыс. спортсменов массовых разрядов, 392 перворазрядника и один мастер спорта. Коллектив колхоза им. А.Г. Николаева по итогам работы за 1980 г. занял первое место среди колхозных коллективов РСФСР. Сборные сельские команды Чувашии все увереннее выступали на всероссийских соревнованиях сельских спортсменов, среди них лучшими стали В. Гаврилов, И. Иванов, Л. Степанова, Н. Ильина, А. Миллин, Н. Чамеев. Появились мастера спорта СССР по легкой атлетике, велосипедному спорту, по пулевой стрельбе, борьбе самбо, шашкам, гиревому спорту, национальной борьбе, подготовленные в Батыревском, Урмарском и Чебоксарском районах. Три года подряд (1978—1981) чемпионами СССР становились В. Гаврилов по велокроссу (Урмарский район), Н. Чамеев по бегу среди юниоров (Шемуршинский район). Чемпионами России стали урмарские велосипедисты И. Иванов и В. Гаврилов, легкоатлет из Красноармейского района С. Афанасьев, гиревик Янтиковского района А. Пимулин, Л. Мушлаева по стрельбе, О. Михайлов и С. Кулаков по татаро-башкирской борьбе и др.

Особое внимание уделялось пропаганде физкультуры и спорта всеми спортивными и физкультурными организациями наряду с государственными и общественными организациями, средствами массовой информации.

В ходе подготовки к XXII летним Олимпийским играм в Москве в 1980 г. в республике царил большой спортивный подъем. Так, в Шемуршинском районе в июне состоялись I Олимпийские игры района. В них приняли участие 414 чел. почти из всех сел и деревень района, они соревновались по легкой атлетике, волейболу, велосипедному спорту, футболу и плаванию. Так же как и раньше, сельские спортсмены принимали участие в Спартакиадах народов СССР, но их успехи не всегда соответствовали новым стандартам и требованиям времени. В республике больше внимания уделялось подготовке спортсменов самого высокого уровня для участия в Олимпийских играх, чемпионатах страны, Европы и мира, для этого лучшие условия были созданы, естественно, в городах, прежде всего в столице Чувашии — Чебоксарах. Но село выступало основным источником спортивных талантов, почти все участники Олимпийских игр, чемпионы, рекордсмены и призеры мира, Европы, СССР были выходцами из сел республики. Перечислим только некоторых из них: А. Игнатъев, В. Соколов, В. Воронков, В. Ярды, Н. Пуклаков, П. Андреев, В. Семенов, А. Кидяров, В. Егорова, Е. Николаева, А. Иванова, Вл. Андреев, М. Костина, Викт. Андреев, Г. Романова, А. Деверинская, О. Чугунова, В. Лаптев, Н. Иванова, Т. Краснова, Б. Глинкин, М. Алексеев, М. Бундин, Н. Пашкова и др. В подготовку этих спортсменов, особенно на начальном этапе, внесли вклад и сельские спортивные школы, первые учителя физкультуры, первые сельские соревнования. Развитие физкультурного и спортивного движения приносило свои плоды, почти во всех сельских районах готовились спортсмены первого разряда, члены сборных команд Чувашии,

Спортивный парад в Чебоксарах. Командует парадом В. Соколов, чемпион XIX Олимпийских игр. 1970 г.

а такие районы, как Батыревский, Канашский, Вурнарский, Яльчикский, отличились и в подготовке мастеров спорта.

Доля же занимающихся физкультурой на селе росла не так быстро, данные показатели нередко завывшались в целях выполнения планов и обязательств, обычно принимаемых к юбилейным датам и событиям. Необходимо уточнить, что основные показатели развития физической культуры и спорта как в стране, так и для республики планировались во Всесоюзном спорткомитете, при этом от пятилетки к пятилетке они имели тенденцию к росту. Для многих сельских районов из-за отсутствия спортивных баз, специалистов их выполнение было затруднено. Но проведение различных спортивных мероприятий, лекций, бесед, показ кинофильмов и киножурналов на спортивные темы, о здоровье людей, появление спортивных площадок и комплексов способствовали приобщению сельских жителей к физической культуре, здоровому образу жизни. Особенно важно это было для воспитания молодежи⁷⁶.

4.5. Образ жизни: негативные явления

Трудности сельской жизни, отсутствие или плохая работа учреждений культуры, оторванность от общественной жизни страны, одиночество, чувство ненужности, апатия и безысходность, разрушение устоев и норм жизни, разрушение крестьянского мира, неспособность к быстрой адаптации к изменившимся ценностям и многие другие причины способствовали развитию у части селян склонности к употреблению алкоголя, правонарушениям, воровству общественного (колхозного) добра, снижению общественной непримиримости к этим порокам. Замалчивание присутствия негативных тенденций в облике советского человека (сельского жителя или горожанина), несвоевременное решение этих проблем привели к тому, что они укрепились и получили широкое распространение в сельском обществе. В 1950—1960-х гг. руководство страны приняло ряд документов, направленных на пропаганду здорового образа жизни, массовое привлечение общественности к борьбе с пьянством, правонарушениями и преступностью: постановление ЦК КПСС «О мерах по усилению пропаганды здорового быта среди населения» (1954); постановление правительства СССР и ЦК партии «О мерах по улучшению работы МВД СССР» (1956); Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об ответственности за мелкое хулиганство» (1957); постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» (1958) и «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» (1959). В 1961 г. ЦК партии принял постановление

«О мерах по усилению борьбы с проявлениями преступности в отдельных районах и городах», вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни». Ряд постановлений принял ЦК ВЛКСМ: «О борьбе комсомольских организаций с проявлениями хулиганства среди молодежи» (июнь 1954 г.); «О работе комсомольских организаций по пропаганде здорового быта среди молодежи» (август 1954 г.); «Об усилении борьбы комсомольских организаций с пьянством среди молодежи и самогонварением» (май 1958 г.); «О повышении роли комсомольских организаций в борьбе с нарушителями общественного порядка» (февраль 1960 г.)⁷⁷.

В борьбу против пьянства, правонарушений и девиантного поведения активно включилась общественность. Повсеместно действовали комсомольско-молодежные бригады содействия милиции, комсомольские патрули, добровольные народные дружины. В марте 1959 г. ЦК партии и Совет министров СССР приняли решение о создании в стране добровольных народных дружин по охране общественного порядка. Уже в апреле в республике было создано 769 дружин с охватом в них 15 698 дружинников⁷⁸. Появление дружинников в первое время сдерживало наиболее агрессивное поведение хулиганов, пьяниц. Однако задержание правонарушителей дружинниками лишь частично смягчало ситуацию в обществе, не решая в целом проблему преступности, а в отдельных случаях дружинники рисковали своей жизнью. В 1962 г. было принято специальное постановление «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников»⁷⁹. Но, несмотря на это, дружинники, как и милиционеры, погибали от рук преступников. В 1965 г. за активное участие в охране общественного порядка и проявленные при этом мужество и отвагу Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ЧАССР был награжден дружинник колхоза им. Тимирязева Ядринского района П.К. Александров, его имя было занесено в Почетную книгу трудовой славы и героизма Чувашской АССР (посмертно). П.К. Александров в сентябре 1965 г. был жестоко избит нарушителями правопорядка, и в октябре его жизнь оборвалась⁸⁰. В 1974 г. было принято постановление ЦК КПСС

П.К. Александров
(1938–1965)

и Совета министров СССР «О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин по охране общественного порядка»⁸¹. Проведение работ по организационному укреплению дружин привело к тому, что на начало 1976 г. в республике действовали 1404 народные дружины, в составе которых насчитывалось 35,5 тыс. членов, из них около 20 % составляли колхозники. Заслуживал внимания положительный и действенный опыт дружинников сел Вурманкасы, Сендимиркино Вурнарского, Карачево Козловского, Большой Сундырь Моргаушского, колхоза «Герой» Чебоксарского района. В начале 1976 г. в составе некоторых добровольных дружин колхозов и совхозов республики появились специализированные дружины по борьбе с хищениями и спекуляцией, по линии уголовного розыска. В сельской местности эти группы занимались проблемой хищений колхозной собственности, сельскохозяйственной продукции. Большая работа проводилась дружинами по профилактике и предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних.

Проблема преступности среди детей и подростков в 1970 — начале 1980-х гг. была актуальна. Высокий уровень подростковой преступности отмечался в Алатырском, Ибресинском, Канашском, Красноармейском, Урмарском, Шемуршинском районах, по статистике, многие правонарушения молодежью совершались в состоянии алкогольного опьянения⁸². Так, в 1973 г. были зафиксированы правонарушения в Мариинском Посаде, в Сутчевском, Эльбарусовском и Кугеевском сельсоветах, среди учащихся профтехучилищ и лесотехникума⁸³. В 1985 г. бюро обкома КПСС поставило вопрос о разработке эффективных мер по обеспечению социалистической законности и правопорядка в селах и деревнях, повышению роли сельских сходов в укреплении правопорядка, предупреждению нарушений трудовой и общественной дисциплины⁸⁴. Но ситуация оставалась сложной. В 1989 г. во многих районах республики (Чебоксарском, Ядринском, Моргаушском, Комсомольском, Яльчикском) имели место драки между группами молодежи. Были проведены межведомственные совещания, где обсуждались вопросы профилактики и предупреждения преступности и правонарушений⁸⁵. Реально снизить уровень преступности удалось только в первой половине 1990-х гг.

В 1960-х гг. на селе отмечается рост злоупотребления алкоголем. В пьянство были вовлечены практически все слои населения, включая номенклатурных работников, интеллигенцию, женщин. Часть населения, в том числе девушки и молодые женщины, курили табачные изделия. Продажи населению алкогольных напитков и табачных изделий через государственную и кооперативную торговлю в течение 1960-х — первой половины 1980-х гг. постоянно увеличивались. Некоторое снижение объема продаж спиртных напитков в 1985 г. в связи с попыткой борьбы против пьянства и алкоголизма не означало снижения потребления алкоголя. Повсеместно любители спиртного переходили

на самогон и другую алкогольную продукцию домашней выработки (плодово-ягодное вино, брага и т.п.)⁸⁶. Изготовление сельскими жителями самогона для проведения сельскохозяйственных, строительных работ, для домашних праздников было распространенным явлением на селе. Самогоноварение официально всегда пресекалось, но в определенных пределах. Сельская власть закрывала глаза на изготовление самогона, предназначенного для свадеб, проводов в армию, собственного потребления, проведения семейных праздников. Наказанию подвергались только те, кто систематически торговал этой продукцией. Иногда проводились кампании по борьбе с самогоноварением, которые зачастую заканчивались уничтожением десятка самогонных аппаратов, взамен которых появлялись новые. Эта ситуация получила освещение в произведениях народного творчества. Так, в одной из частушек на эту тему говорится: *Милицы хуиса хъварчѣ ан юхтар тесе. / Въл татах хуиса хъварчѣ ан юхтар тесе. / Аншарли хъвачѣ тыткъана илет, / Темле върттѣн юхтарсан та милицы сисет*⁸⁷ («Милиция запретила гнать самогон, ещё и ещё раз запрещала гнать, но самогон крепостью берёт в плен, и как бы тайно ни гнал его, узнает милиция»). Во время антиалкогольных кампаний усиливались меры по преодолению пьянства, искоренению самогоноварения. Так, в 1983 г. были выявлены 534 факта самогоноварения; в 1984 г. — 556; в I квартале 1985 г. — 121; во II квартале 1985 г. — 124 факта⁸⁸. В 1987 г. правоохранными органами было выявлено 2,5 тыс. случаев самогоноварения. Только в 1987 г. к административной ответственности за распитие спиртных напитков и появление в общественных местах в нетрезвом состоянии было привлечено около 45 тыс. чел., за мелкое хулиганство — 10 тыс. чел., доставлено в медицинский вытрезвитель более 30 тыс. чел. На учете в наркологических службах республики состояло 23 тыс. больных алкоголизмом, 134 наркомана и 55 токсикоманов. Отмечается, что по вине нетрезвых граждан в сельской местности произошло 59 пожаров⁸⁹. Сельчане были всерьез встревожены тем, что на селе развивалось пьянство. Многие из них с одобрением принимали решения ЦК КПСС и обкома

Агитплакат. Рисунок В.Е. Емельянова 1967 г.

партии об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом и упорядочении торговли крепкими и алкогольными напитками и с беспокойством следили за спадом активной работы в этом направлении⁹⁰. Житель с. Шихазаны Канашского района в письме в редакцию газеты «Коммунизм ялавё» отмечает положительные изменения, происшедшие в сельском обществе: это отсутствие длительных праздников, проводы в армию и встреча детей из армии без злоупотребления алкоголем, возврат к трезвой жизни части сельчан, ранее увлекавшихся спиртными напитками. В письмах сельчане предлагали разные методы для улучшения ситуации, в том числе ужесточение наказаний, в частности за самогонование.

На самом деле проблема не решалась так просто. Как отмечает журналист, несмотря на наличие множества общественных организаций и разного рода комиссий, активная работа по поддержанию на селе трезвого образа жизни ими не проводилась, непосредственную работу вели органы милиции и правоохранительной сферы⁹¹. Но были случаи действительно трагические. Серия преступлений (разбойное нападение, изнасилование, убийство и грабеж женщин, всего 9 случаев) была совершена в начале 1960-х гг. на территории Урмарского и Козловского районов республики. В 1964 г. маньяк-убийца был осужден и приговорен к расстрелу, приговор исполнен в 1965 г.⁹² Резонансным стало дело журналиста комсомольской районной газеты «Октябрь ялавё» (Знамя Октября) Н.В. Никифорова. В марте 1989 г. он был убит, и преступление это было связано с его профессиональной деятельностью. В 1984—1989 гг. Н.В. Никифоров работал в редакции газеты заведующим отделом сельского хозяйства, в своих публикациях смело раскрывал недостатки в работе предприятий, организаций, колхозов и совхозов района, критиковал стиль и методы руководства отдельными предприятиями⁹³. В конце 1980-х гг., по мнению М.Ф. Киселева, в то время зам. министра МВД Чувашии, в республике увеличилось количество тяжелых преступлений. Дело молодого журналиста вызвало общественный резонанс не только в республике, но и в Москве, им заинтересовались иностранные журналисты. В связи с гибелью Н.В. Никифорова рассматривались разные версии, проверялись лица, деятельность которых освещалась в его статьях. В результате поисков было установлено, что он был убит пьяными попутчиками, работавшими на лесной делянке, якобы за то, что пригрозил написать об их поведении в газете⁹⁴. Обком КПСС, информируя редакцию газеты «Комсомольская правда», писал: «...в корреспонденции “Смерть журналиста”, опубликованной 14 июня 1989 г., сообщается об убийстве заведующего отделом газеты “Знамя Октября” Комсомольского района ЧАССР Н.В. Никифорова. По данному факту прокуратурой республики возбуждено уголовное дело. Критически проанализировано состояние воспитательной и предупредительной работы

среди населения, определены пути нормализации морально-психологической обстановки в коллективах. На бюро обкома партии дана принципиальная оценка работе руководителей района. В отношении хозяйственных руководителей, торговых работников, указанных в статье, приняты соответствующие меры партийного и административного воздействия»⁹⁵. Также в райкомы партии поступало много жалоб, в том числе о поведении в быту, семейных отношениях, разрешить которые было достаточно сложно, приходилось рассматривать персональные дела, принимать меры по их разрешению. В целом, партийным органам и председателям сельских советов наряду с административно-хозяйственными вопросами часто приходилось решать проблемы воспитательного, нравственного характера, рассматривать взаимоотношения жителей сельского сообщества⁹⁶.

Наряду с созданием социально-бытовых условий жизни сельского населения государство большое внимание уделяло культурно-просветительной работе на селе, заботилось об образовании и просвещении, создании условий для медицинского обслуживания и приобщения к здоровому образу жизни. Для 1946–1990 гг. бесспорны достижения в таких областях, как грамотность населения, здоровье и культурный потенциал, доступность, демократичность пользования важнейшими источниками культуры, средствами массовой информации. Учреждения культуры, образования и здравоохранения, несмотря на имеющиеся различия в своих функциях, являлись центрами притяжения сельских жителей. Особенно клубы, наряду со школами, были призваны создавать минимум культурных удобств для проживания в деревне. Наиболее разветвленную сеть культурно-просветительных учреждений в сельской местности составляли районные Дома культуры, сельские клубы, избы-читальни и библиотеки. Как центры организации досуга, они учитывали интересы различных категорий населения, развивали и прививали культурные запросы и потребности. Однако формы и методы обслуживания населения учреждениями культуры не всегда удовлетворяли потребности населения, которые росли быстрее, чем решались. Вызывали нарекания качество и содержание работы культурных учреждений, да и государственная политика в области культуры при остаточном финансировании отрасли не могла решать некоторые проблемы.

Переход к всеобщему семилетнему и восьмилетнему обучению, среднему образованию, открытие вечерних школ сельской молодежи стали важной вехой в развитии культуры и образования сельского населения. Но к началу 1990-х гг. уровень образования населения Чувашии, особенно чувашского, проживавшего преимущественно в сельской местности, по сравнению с показателями по стране, оставался невысоким. В республике сохранялась заметная разница в уровне образования городского и сельского населения. Так, по данным переписи 1989 г., на 1000 чел. имели высшее и среднее (полное

и неполное) образование 883 горожанина и 680 сельчан. Разница между имеющими высшее образование составила 2,5 раза (106 среди горожан и 42 среди сельских жителей на 1000 чел.)⁹⁷. Улучшалось медицинское обслуживание, выросли расходы на здравоохранение, появились формы социального страхования сельского населения, возможности предоставления им ряда услуг, таких как санаторно-курортное лечение, посещение домов отдыха, поездки на море и т.д. Пользоваться этими услугами могли преимущественно руководители и специалисты аграрного производства, передовики. Основной массе сельских жителей все это было недоступно, еще не сложились и традиции подобной организации отдыха.

Литература и источники

- ¹ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.): статист. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. С. 98–101.
- ² ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 34. Д. 232а. Л. 22, 25.
- ³ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.). С. 117, 163.
- ⁴ Чувашия, 1920–2010: цифры и факты: статист. сб. Чебоксары, 2010. С. 51.
- ⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 809. Инв. № 6173. Л. 99 об.
- ⁶ Староверов В.И., Петров А.П., Ильин И.Е. Социальный портрет сельской Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. из-во, 1985. С. 163.
- ⁷ Чувашская АССР за 70 лет: статист. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 45.
- ⁸ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 6. Л. 180–183.
- ⁹ Чувашская АССР за 70 лет. С. 47; Чувашия, 1920–2010: цифры и факты. С. 52.
- ¹⁰ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.). С. 164.
- ¹¹ Федченко М.Н. Повседневная жизнь советского человека (1945–1991): монография. Курган, 2009. С. 26, 75–76, 79, 163.
- ¹² Скородумов Н.Г. Физическая культура и спорт в Чувашии (XX в.). Чебоксары: Чувашия, 1994. С. 76.
- ¹³ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2: 1945–2005. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 140.
- ¹⁴ Чувашская областная организация КПСС: хроника, 1898–1991: в 2 кн. Кн. 2. (1956–1991). Чебоксары, 2007. С. 260.
- ¹⁵ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 39. Д. 370. Л. 12.
- ¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 419. С. 68.
- ¹⁷ Там же. Отд. III. Ед. хр. 393. Л. 51.
- ¹⁸ Староверов В.И., Петров А.П., Ильин И.Е. Социальный портрет сельской Чувашии. С. 164; Ильин И.Е. Некоторые вопросы социального развития современной деревни Чувашской АССР // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в условиях развитого социализма. Чебоксары, 1982. С. 59.
- ¹⁹ Староверов В.И., Петров А.П., Ильин И.Е. Социальный портрет сельской Чувашии. С. 166; Ильин И.Е. Некоторые вопросы социального развития современной деревни Чувашской АССР. С. 60.

²⁰ Ягафова Е.А. «Чувашская вера» в религиозно-обрядовых традициях чувашского крестьянства в XX веке // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: Материалы III Всероссийской (XI Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17–19 октября 2010 г.) / отв. ред. Г.А. Никитина. Ижевск: Удм. ун-т, 2010. С. 530–531.

²¹ Акатуй // Чувашская энциклопедия. Т. 1: А–Е. Чебоксары, 2006. С. 42–43.

²² ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 39. Д. 98. Л. 176; Д. 87. Л. 34–35.

²³ Там же. Оп. 28. Д. 565. Л. 166–167, 172, 174.

²⁴ Советская Чувашия. 1983. 10 февраля.

²⁵ Бажайкин Н.С. Новые обряды и праздники. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. 87 с.

²⁶ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 403. Инв. № 4169. Часть воспоминаний жителей с. Шоршелы представлена автору краеведом Л. Афанасьевой.

²⁷ Леонтьев А.П. Трагическое наследие: Публицистика разных лет: в 3 кн. Кн. 2. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. С. 87–92. На чуваш. яз.

²⁸ Леонтьев А.П. Борец и наблюдатель: Публицистика разных лет: в 3 кн. Кн. 1. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 163. На чуваш. яз.; Иванов В.П. О некоторых этнографических аспектах изучения современной городской семьи Чувашской АССР // Проблемы этнографии чувашского народа: избранные труды. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2012. С. 131.

²⁹ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 840. Л. 30–32.

³⁰ Там же. Оп. 25. Д. 1127. Л. 98–100.

³¹ Там же. Д. 1472. Л. 6.

³² Там же. Оп. 26. Д. 808. Л. 177; Д. 1061. Л. 23; Д. 1084. Л. 107; Д. 1472. Л. 6; Д. 1475. Л. 84–85.

³³ Программа Коммунистической партии Советского Союза: принята XXII съездом КПСС. М.: Политиздат, 1967. С. 116–132.

³⁴ Там же. С. 119–121.

³⁵ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 118–119, 226.

³⁶ Леонтьев А.П. Борец и наблюдатель: Публицистика разных лет. Кн. 1. С. 119.

³⁷ Там же. С. 165.

³⁸ Иванов В.П. О некоторых этнографических аспектах изучения современной городской семьи Чувашской АССР. С. 134.

³⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

⁴⁰ Браславский Л.Ю. Храмы, приходы и монастыри Чебоксарской и Чувашской епархии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. С. 7–8.

⁴¹ Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1974. С. 227.

⁴² ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 1080. Л. 142; История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 123; Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности. С. 259.

⁴³ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 537. Л. 115–116.

⁴⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза: принята XXII съездом КПСС. С. 121–122.

⁴⁵ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 124; ГИА ЧР. Ф. Р-1857. Оп. 2. Д. 6. Л. 243, 250; Д. 15. Л. 3, 8.

- ⁴⁶ Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности. С. 42.
- ⁴⁷ Об утверждении Положения о Совете по делам религий при СМ СССР: постановление СМ СССР от 10 мая 1966 г. № 361 // Законодательство о религиозных культах. М., 1971. С. 78–82.
- ⁴⁸ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 207.
- ⁴⁹ Ягафова Е.А. «Чувашская вера» в религиозно-обрядовых традициях чувашского крестьянства в XX веке. С. 530–531.
- ⁵⁰ ГАСИ ЧР. Ф. Р-1. Оп. 24. Д. 25. Л. 164.
- ⁵¹ Сергеев Т.С., Ефимов Л.А. Развитие системы школьного образования Чувашии в послевоенные (1945–1958) годы // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. Гуманитарные науки. 2003. № 4. С. 54.
- ⁵² ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 17. Д. 18. Л. 44–49.
- ⁵³ Власова Р. Саспаллисене палламанни телейлэ пулма кансёрлемерё // Хыпар. 2016. № 128. Август, 16.
- ⁵⁴ Сергеев Т.С., Егоров Н.Е. Ликвидация неграмотности населения. Развитие общеобразовательной школы // Из истории культуры Чувашской республики, 1917–1985. Вып. 1. Чебоксары, 1992. С. 20–21.
- ⁵⁵ Степанов Н.С. Очерки истории чувашской советской школы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. С. 214.
- ⁵⁶ Сергеев Т.С., Ефимов Л.А. Развитие системы школьного образования Чувашии в послевоенные (1945–1958) годы. С. 59.
- ⁵⁷ Чувашская АССР к 40-летию советской власти. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. С. 140; Народное хозяйство Чувашской АССР за годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.). С. 99–100.
- ⁵⁸ Коммунизм ялавё. 1984. Январь, 28.
- ⁵⁹ Цит. по: Сергеев Т.С., Ефимов Л.А. Развитие системы школьного образования Чувашии в послевоенные (1945–1958) годы. С. 61.
- ⁶⁰ Советская Чувашия. 1984. 13 мая.
- ⁶¹ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 58. Д. 66. Л. 1–7; НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1653. Л. 40.
- ⁶² Чувашия, 1920–2010: цифры и факты. С. 43–44.
- ⁶³ Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М.: ИРИ РАН, 1996. С.159.
- ⁶⁴ Сергеев Т.С., Егоров Н.Е. Ликвидация неграмотности населения. Развитие общеобразовательной школы. С. 33.
- ⁶⁵ Заседания Верховного Совета Чувашской АССР пятого созыва. Вторая сессия (19 июня 1959 года): стенографический отчет. Чебоксары, 1959. С. 114.
- ⁶⁶ Заседания Верховного Совета Чувашской АССР седьмого созыва. Первая сессия (24–25 марта 1967 г.): стенографический отчет. Чебоксары, 1967. С. 75.
- ⁶⁷ Чуваши: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. С. 77–79.
- ⁶⁸ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 48. Л. 7–8.
- ⁶⁹ Сергеев Т.С., Егоров Н.Е. Ликвидация неграмотности населения. Развитие общеобразовательной школы. С. 38, 47–48.
- ⁷⁰ Чувашия, 1920–2010: цифры и факты. С. 42.
- ⁷¹ Статистика Чувашии в годы Великой Отечественной войны, 2015: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2015. С. 134.

⁷² Григорьев Н.Г. Сельский доктор. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 135 с.

⁷³ Сютрукова З.Г. Изменения культурно-бытовых условий сельского населения Чувашской АССР в 1971–1985 годах // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 93–94.

⁷⁴ Прокопьев И.П. Во имя народа: сб. статей и очерков. Чебоксары: Чувашия, 2001. С. 23.

⁷⁵ Культурная жизнь Советской Чувашии: хроника событий / сост. Т.С. Сергеев. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1991. С. 22.

⁷⁶ Скородумов Н.Г. Физическая культура и спорт в Чувашии (XX в.). С. 75–79, 127, 190, 221, 310, 313.

⁷⁷ Собрание постановлений СССР. 1959. № 4. Ст. 25; Веремеенко И.И., Воробьев В.Ф. В помощь добровольным народным дружинам: сб. нормативных актов. М.: Юрид. лит., 1985; Решмет Д.А. Создание и развитие оперативных комсомольских отрядов дружинников в СССР (1954–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2016. 246 с.; Курицына Е.В. Деятельность милиции по борьбе с преступностью несовершеннолетних в 1953–1964 годы (на примере Пензенской области) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 79. С. 74.

⁷⁸ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 803. Л. 148–149; Д. 788. Л. 41–42.

⁷⁹ URL: <http://docs.cntd.ru/document/9006451> (дата обращения: 6 апреля 2017 г.).

⁸⁰ ГАСИ. Ф. П-1. Оп. 28. Д. 758. Л. 6–9, 10.

⁸¹ СП СССР. 1987. № 21. Ст. 80.

⁸² Иванов А.И. Народные дружины. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. С. 17–20, 26–29, 33, 40.

⁸³ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 37. Д. 51. Л. 96–98.

⁸⁴ Там же. Оп. 58. Д. 29. Л. 4; Советская Чувашия. 1985. 17 января.

⁸⁵ Там же. Оп. 65. Д. 112. Л. 120.

⁸⁶ Леонтьев А.П. Борец и наблюдатель: Публицистика разных лет. Кн. 1. С. 160–162.

⁸⁷ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 1165. Инв. № 7357. Л. 61.

⁸⁸ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 38. Д. 284. Л. 12.

⁸⁹ Там же. Оп. 63. Д. 33. Л. 83–95, 111–115; Советская Чувашия. 1988. 18 марта.

⁹⁰ Там же. Оп. 58. Д. 10. Л. 89–108.

⁹¹ Леонтьев А.П. Борец и наблюдатель: Публицистика разных лет. Кн. 1. С. 42–47.

⁹² Хыпар. 2015. Декабрь, 4. № 235–236. Подробнее см.: Ксенофонтов Г.Н. Суд идет! : Самые громкие преступления в Чувашии (XX век): очерки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016.

⁹³ В 1988 г. был удостоен Премии Союза журналистов Чувашской Республики им. С.В. Эльгера за серию статей по проблемам перестройки в условиях сельского района. Леонтьев А.П. Борец и наблюдатель: Публицистика разных лет. Кн. 1. С. 107–114.

⁹⁴ Коновалов Н. Из интервью с М.Ф. Киселевым // Хыпар. 2015. 6 ноября. № 222–223.

⁹⁵ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 65. Д. 112. Л. 67–68.

⁹⁶ Воспоминания А.Д. Борцова, первого секретаря Урмарского райкома партии, позже зав. отделом пропаганды обкома КПСС // Хыпар. № 211–212. 2015. 16 октября.

⁹⁷ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 290; НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1690. Л. 10.

Глава 5

Социальная деятельность крестьянства

5.1. Взаимодействие крестьянства и власти

Взаимодействие крестьянства и власти является наиболее значимым явлением исторического развития России в XX в. На поддержание стабильности советского государственного устройства были направлены идеологическая работа и политическая учеба, советская пропагандистская работа на селе. Возвращение к мирной жизни предполагало прежде всего восстановление экономики и переориентацию ее на мирные цели. Одновременно остро встал вопрос о выборе путей дальнейшего развития общественного строя. Эти вопросы стали предметом дискуссии при обсуждении в 1945–1946 гг. проекта четвертого пятилетнего плана. Крестьянство и сельских жителей прежде всего волновали проблемы развития коллективных хозяйств. Во многих областях и регионах России распространялись слухи и предположения «о скором роспуске колхозов». Еще во время войны, примерно с 1943 г., информационные сводки ЦК ВКП(б) начинают фиксировать как массовое явление рост настроений в пользу роспуска колхозов¹. В Чувашии проявления такой позиции обнаружались уже в июне 1945 г., когда власти столкнулись с практически открытым нежеланием рядовых колхозников и сельских жителей подписывать письмо чувашского народа Сталину. По сообщениям органов внутренних дел ряда районов республики, объясняли колхозники это тем, что его подписание введет в заблуждение Сталина о хорошей жизни в деревне и тем самым станет поводом для сохранения колхозов. Сложное социально-экономическое положение сельского населения в конце Великой Отечественной

войны, ситуация в колхозах и в аграрной сфере в целом, вызывали у крестьянства разное отношение как к общественным хозяйствам, так и к колхозной жизни. Только в январе – марте 1946 г. в органы власти поступило более 80 писем из районов республики, в которых выражалась озабоченность состоянием дел и необходимость изменения ситуации. Приведем некоторые выдержки из писем: «Колхоз развалился. Хлеб на трудодни не распределяют, картофель тоже, хлебопоставки не выполнили. Лошадей осталось только 10. Плохо в отношении хлеба и дров. Осталось в колхозе 18 лошадей, они все истощены. Положение в колхозе плохое. Молотьбу не закончили, лошади истощены, начиная с осени подошли четыре лошади. Председатель колхоза систематически продает хлеб, но никому неизвестно, куда уходят деньги. Телята, купленные осенью, все подошли, падают и овцы от плохого ухода. Нынче осталось под снегом 4 га картофеля, клевера 5 га, конопли 0,25 га, молотба не закончена»². Первый послевоенный 1946 год выдался очень трудным для сельскохозяйственной отрасли и сельского населения. Уже в начале посевной выяснилось, что во многих хозяйствах не хватает семян. Развернулась работа по сбору семенного материала среди колхозников и отпуска семян в порядке обмена и взаимопомощи колхозами. Государством в 1946 г. в качестве семенной ссуды колхозам республики было отпущено 5985,5 т зерна, 152,3 т конопли и 20,9 т льна³. В связи с нехваткой сельскохозяйственной техники многие работы выполнялись вручную, что привело к нарушениям агротехнических требований. В довершение всех этих трудностей сложились крайне неблагоприятные погодные условия: Чувашию, как и многие другие регионы страны, постигла засуха. По официальным данным республика не входила в группу районов, пострадавших от засухи и голода. Однако положение в ней сложилось трудное. В среднем было собрано по 5,2 ц зерновых с гектара, валовой сбор был меньше, чем в 1945 г.⁴ Несмотря на это, республика должна была выполнить план по хлебозаготовкам. Годовой план из урожая 1946 г. по Чувашской АССР был определен первоначально в 98 283 т, затем доведен до 101 743 т⁵. Выполнение государственного плана хлебозаготовок проходило с трудностями, в итоге он не был выполнен⁶. Сроки проведения уборочных работ в республике сильно затянулись. В октябре 1946 г. принимается постановление Совета министров ЧАССР «О помощи в уборке урожая в колхозах и совхозах Чувашской АССР», разрешающее привлечь к уборочным работам население городов и рабочих поселков, учащихся школ начиная с 5 класса, школ ФЗО, техникумов, училищ, находящихся в сельской местности. Колхозам республики было разрешено за участие в уборочных работах по копке картофеля и уборке зерновых культур членам колхозов и привлеченным работникам выдавать картофель в размере 10 % от накопленного урожая, половину этой нормы можно было получить сразу же,

и в счет количества продукции, причитающегося на трудодни, картофель не включался⁷. Таким образом, в условиях надвигающегося голода республиканские власти пытались решить проблему уборки сельскохозяйственной продукции и поддержать в какой-то мере население.

Голод, охвативший большинство территорий страны, по мнению В.Ф. Зимы, вызван тремя основными факторами: послевоенные трудности, засуха и политика продрозверстки в отношении колхозов и совхозов⁸. По его подсчетам, в Советском Союзе голодало около 100 млн чел., а погибло от голода и связанных с ним эпидемий за 1946—1948 гг. не менее 2 млн чел., в основном это были сельские жители⁹. По данным В.П. Попова, прямые потери от голода в первый год после засухи составили в 1947 г. 770,5 тыс. смертей¹⁰. По статистическим данным, в 1947 г. по сравнению с 1946 г. в республике выросло число умерших на селе, снизился естественный прирост населения¹¹.

В августе 1946 г. постановлением Совета министров ЧАССР колхозам, колхозникам, единоличным крестьянским хозяйствам запрещались продажа и обмен зерна, муки и печеного хлеба до выполнения ими обязательств по сдаче хлеба государству. Колхозники и единоличники, нарушившие постановление, подвергались штрафу до 300 руб., при повторном нарушении — судебной ответственности. Председатели колхозов и другие должностные лица за нарушение постановления привлекались к судебной ответственности. Контроль за рынками и базарами возлагалась на органы милиции¹². 28 сентября 1946 г. было принято постановление Совета министров Чувашской АССР и обкома ВКП(б) «О выполнении постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба»», по которому предусматривалось: «Уменьшить с 1 октября 1946 г. на 70 % фонды хлеба, выделяемые для снабжения населения, проживающего в сельских местностях, для чего совместно с исполкомами райсоветов: сократить контингент снабжаемых в сельской местности за счет иждивенцев, рабочих и служащих совхозов, подсобных хозяйств и МТС, рабочих и служащих предприятий и учреждений местной промышленности, промысловой кооперации, лесоохраны, немедленно снять с пайкового снабжения хлебом в городах и рабочих поселках неработающих взрослых иждивенцев (кроме учащихся и лиц, связанных с уходом за малолетними детьми), [по сравнению с сентябрем 1946 г. в декабре 1946 г. контингент снабжаемых был сокращен на 27 418 чел. — В.Х.], прекратить отпуск хлеба и крупы сверх норм по карточкам и по всем видам дополнительного питания всем категориям населения; уменьшить с 1 октября 1946 г. в городах и рабочих поселках нормы выдачи хлеба всем иждивенцам с 300 до 250 граммов и детям с 400 до 300 граммов в день; производить коммерческую торговлю хлебом в октябре 1946 г. строго в пределах фондов, установленных в республике, прекратить коммерчес-

кую торговлю зернофуражом»¹³. С 1 ноября 1946 г. было принято решение: «применять примесь овсяной и ячменной муки в хлебопечении для всех потребителей до 40 %, увеличить размер припека на один процент, прекратить выпечку подового хлеба». Постановлением СМ ЧАССР и обкома ВКП(б) от 24 марта 1947 г. «Об отпуске зерна в распоряжение исполкомов райсоветов» предусматривалось: «Обязать Чувашскую контору “Заготзерно” отпустить в распоряжение исполкомов райсоветов на снабжение населения в апреле месяце 138 т зерна... Отпускать его только в порядке единовременной помощи остро нуждающимся инвалидам войны, семьям военнослужащих, престарелым, а также многодетным, учителям и другим работникам». 31 марта 1947 г. во изменение вышеназванного постановления принимается решение, по которому разрешается «учитывая затруднения в обеспечении хлебом населения в Порецком районе, отпустить в распоряжение исполкома Порецкого райсовета на снабжение населения в апреле месяце 7 т зерна за счет выделенного республике постановлением СМ СССР от 31 декабря 1946 г.». В апреле — июле 1947 г. был разрешен отпуск хлеба из фонда Совета министров ЧАССР для организации общественного питания в колхозах и оказания помощи нуждающимся семьям. Для этих целей в апреле было выделено 275 т, в мае 147 т, в июле — 500 т (250 т ржи, пшеницы, 250 т овса и ячменя), 1250 ц хлеба. В июле 1947 г. принимается решение: «Предупредить председателей райисполкомов и секретарей райкомов ВКП(б), что ходатайства районов о дополнительном отпуске хлеба в дальнейшем рассматриваться не будут»¹⁴. Для сельских жителей основным продуктом питания стал картофель, зачастую собранный с полей из прошлогоднего урожая. Во многих колхозах республики в течение ряда лет не проводилось распределение хлеба на трудодни, в пищу использовались несъедобные суррогаты: ветки орешника, картофельная кожура, лебеда и др. Колхозы мало чем могли помочь своим работникам, так как и сами не имели продуктов. Некоторые председатели колхозов, понимая сложность ситуации, обращались к жителям с предложением усилить внимание на свое хозяйство: «Если надеяться исключительно на колхоз, то можно умереть с голоду, нынче на распределение надеяться нельзя». В республике были зафиксированы случаи смерти от голода¹⁵. Житель д. Новые Урюмы Канашского района говорил: «Со дня приезда из армии хлеба не ел, только одну картошку. Колхозникам хлеб на трудодни не распределяют с начала войны». В д. Шурут-Нурсово Первомайского района многие жаловались на отсутствие хлеба в течение 5–6 месяцев: «живут только на картошке». В то же время во многих районах республики были отмечены факты злоупотребления должностными полномочиями со стороны руководителей, занимающих посты в государственной и партийной структурах и обеспечения своих близких хлебом и другими продуктами сверх установленных норм. Секретарь

Калининского райкома ВКП(б), председатель райисполкома и ряд ответственных работников районного звена за октябрь — декабрь 1946 г. сверх установленных норм получили по 180—250 кг хлеба, в первый квартал 1947 г. им доставляли по 24 кг муки ежемесячно. В то же время 82 семьи погибших на фронтах Великой Отечественной войны жителей района получали вместо муки и хлеба зерно, да и то несвоевременно. Председатели колхозов, бригадиры, зав. складами, имеющие доступ к запасам хлеба, также совершали правонарушения и использовали без разрешения хлеб и зерно на свои нужды, многие из них были осуждены¹⁶. В сложившейся ситуации запланированное на 1946 г. упразднение карточной системы было отменено, и нормированное снабжение населения продолжалось до конца 1947 г. Общими усилиями последствия засухи были преодолены. Для проведения сева 1947 г. государство выделило республике 11,8 тыс. т зерна, 30 т семян льна, 100 т семян конопли. Было разрешено колхозам и совхозам обменивать некондиционные семена на качественные из ресурсов Госстрахфонда¹⁷. Но и в начале 1947 г. многие жители Чувашии жаловались на продовольственные затруднения: отсутствие распределения хлеба на трудодни в течение ряда лет, необходимость питаться в основном картофелем, злоупотребления со стороны руководителей сельскохозяйственных предприятий; хищения и т.д.¹⁸ В памяти сельчан первые послевоенные годы остались как годы тягот и лишений. Наиболее часто среди воспоминаний встречается сюжет о том, как в весеннюю пору собирали крахмал на полях. Архипова Р., жительница Мариинско-Посадского района Чувашии, вспоминая свои детские послевоенные годы, рассказывает: «Наша жизнь была очень тяжелой. Младший брат от недоедания даже опух. На долгие годы запомнился один случай. Мы с друзьями пошли в поле, засеянное зерновыми культурами, собирать крахмал. Все повесили полотняные мешки. Но вскоре нас заприметили и обвинили в срезе колосков (по законам того времени сбор колосков на общественном поле карался уголовным правом. — В.Х.). У всех отобрали мешки, одна я, свернувшись, как еж, цеплялась за свой мешок и, несмотря на все усилия охранника, не выпустила его из рук. За это у меня забрали головной платок, но я вернулась домой с крахмалом. Чтобы не умереть от голода, пили травяные отвары, употребляли крапиву, борщевик и сердце»¹⁹. Поэт А. Воробьев так описывал эту ситуацию²⁰.

Была весна. С полей войны
Я шел домой дорогой талой.
Хоть раны продолжали ныть,
Я двигался вперед устало.
Вот радость захлестнула грудь —
Околица родная рядом.

И вдруг я обрываю путь:
Такое встало перед взглядом...
У кромки поля мальчуган
В земле копался, весь чумазый,
И что-то быстро клал в карман.
Меня заметил он не сразу.
Казалось, из последних сил
Маячил он былинкой тонкой.
— Что, братец, ищешь? — я спросил.
— Крахмал, — сказал в ответ мальчонка.

В документальной повести «Исповедь деревенского парня» В. Ельцов, характеризуя эти годы, пишет: «Пятидесятые годы запомнились тяжелым ручным трудом, отсутствием еды, нехваткой кормов для скота, отсутствием дров — все это угнетало. Труд колхозника тех времен сравним с трудом каторжника, который, кроме орудий своего труда, не имел ничего. Если бы была возможность возвести монумент, который олицетворял бы послевоенные годы, я, не задумываясь, поставил бы памятник женщине-матери, на чьих плечах страна вынесла все тяготы и лишения в военное и послевоенное время»²¹.

Острую реакцию населения вызвала борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. Обсуждение данных вопросов в партийных организациях всех уровней имело неоднозначный отзыв среди сельчан, многие из них высказывали сомнения в том, что до них доводится верная информация, поддерживали тех или иных руководителей, требовали объяснения положения от руководителей местных парторганизаций. Для оказания помощи в разъяснении материалов была создана пропагандистская группа обкома КПСС, которая выезжала в районы республики. Новая волна таких обсуждений началась после снятия Н.С. Хрущёва в 1964 г.²²

Проведенное в 1950–1951 гг. укрупнение колхозов вызвало неоднозначную оценку колхозников. Уже первые слухи об объединении колхозов парализовали текущую деятельность в них, вызвали бурные обсуждения в сельском сообществе. На 1 января 1951 г. в Чувашии насчитывалось 1234 колхоза, из них укрупненных 413. К 1953 г. число колхозов составило 802 предприятия²³. Второй этап укрупнения начался после Пленума ЦК КПСС в феврале 1958 г. С февраля по май 1959 г. около 100 хозяйств объединились в 47 укрупненных колхозов. В дальнейшем на повестку дня вышел процесс преобразования колхозов в совхозы, но и процесс укрупнения еще продолжался до середины 1960-х гг. В 1965 г. в республике было 333 колхоза²⁴. В ходе подготовки к объединению в колхозах проводились собрания, вначале по разнарядке районных вла-

стей и под их руководством отдельные собрания в колхозах, намеченных к слиянию, затем проходило общее собрание колхозников объединяемых колхозов, на котором выбирался председатель, правление и утверждалось название. В целом решения об объединении принимались единогласно, однако в ходе обсуждений высказывалось довольно много возражений. В июне — июле 1959 г. в МГБ ЧАССР зарегистрировано 19 обращений об укрупнении колхозов, отрицательно характеризующих данные процессы. Житель Порецкого района так оценил положение в своем селе: «Раньше говорили про коммунизм, теперь и радуются. Весь Семеновский сельсовет будет составлять один колхоз, т.е. одну коммуну, все будет общее. Народ волнуется, каждый собирается бежать, но не дают документы для получения паспорта». В письме из Шумерли сообщалось: «Колхозы объединились, из пяти колхозов стал один колхоз... Коров всех пригнали в наш колхоз, овец всех — в Тенекаево, свиней — в Княжиху. Это просто какая-то ерунда. Народ на работу не ходит, кого судят, кому награды, словом, чудеса творятся». В сообщении из Чебоксар констатировалось: «Жить стало трудно. Идет укрупнение колхозов. Я теперь в колхозе не хочу оставаться, хочу уйти на производство. На производстве деньги получишь, а в колхозе — ничего»²⁵. Даже спустя много лет сельчане, и по России в целом, отрицательно относились к процессам укрупнения колхозов. В интервью, записанных в ходе трехлетней социологической экспедиции Т. Шаниным в начале 1991 г., на вопрос: «А если бы такие маленькие колхозы остались, было бы лучше?» — колхозники отмечали: «Лучше, потому что это хозяйство, дела небольшого коллектива крестьянину ближе, доступнее для понимания»²⁶. В Чувашии проведенные реорганизации сельскохозяйственных предприятий при достаточном, а иногда и избыточном сельском населении, при нехватке сельскохозяйственной техники для обработки больших земельных массивов, недостаточном обеспечении кадрами специалистов и руководителей производства и имеющихся природно-климатических условиях не оказали ожидаемого значительного влияния на подъем экономики колхозов. Достаточных средств на содержание социальной сферы всех населенных пунктов ни у государственных сельхозпредприятий, ни у колхозов не было, задерживалось обновление производственных и непроизводственных фондов. В связи с укрупнением колхозов широкий размах приняло перечисление селений из одного сельского совета в другой, укрупнение самих сельсоветов, районов, передача сел и деревень из одного района в другой, что вызывало неудобства и организационную неразбериху для жителей. Так, жители деревень, входящих в состав совхоза «Урожай» Канашского района, на территории которого находились три сельских совета и 11 населенных пунктов, поставили вопрос о разукрупнении совхоза и выступили против объединения сельсоветов. В жалобе сельчан отмечалась «разбросанность дере-

вень и их отдаленность от центральной усадьбы, а также отсутствие благоустроенных дорог, связывающих с центральной усадьбой совхоза»²⁷.

Организационные перестройки в сельском хозяйстве, изменения в приоритетах его развития происходили и в последующие годы. Как и все реформы, проводимые государственными структурами, они вызывали в первичном варианте отторжение у большей части сельских жителей, поэтому так называемые «письма во власть» продолжали бытовать в крестьянской среде. В отдельных случаях жители пользовались сложившейся ситуацией, кампаниями борьбы, репрессий, их письма и заявления были направлены на решение проблем личного характера, в повседневной жизни сельского сообщества таких примеров было немало.

В первые послевоенные годы власть не отказалась и от применения репрессивных мер по отношению к гражданам, высказывающимся против советской власти или же отдельных руководителей партии и государства. Многие из тех, кто осмеливался на критику положения в стране, сложной ситуации в колхозах, были осуждены по статье 58 УК РСФСР за контрреволюционные преступления. С осени 1948 г. начинается так называемая «новая» волна репрессий, особенно в отношении тех, кто был ранее осужден по ст. 58 как «враг народа». Резонансным стало дело председателя колхоза «Ударник» Комсомольского района С.Г. Гильманова, который в апреле 1948 г. был арестован за антисоветские высказывания и якобы порчу портрета Сталина. Верховный суд Чувашии в июле 1948 г. Гильманова оправдал, но по протесту прокуратуры дело было рассмотрено повторно, и он был осужден на пять лет. Дело дошло до Верховного суда и Генеральной прокуратуры СССР и в августе 1949 г. было прекращено²⁸. Дальнейшее усиление контроля над обществом произошло в связи с решениями XIX съезда КПСС. Прежде всего, выполнение указаний партии вылилось в наложение партвзысканий за сокрытие социального происхождения или же данных о своих родственниках, осужденных за оппозиционное отношение к власти. В 1951–1952 гг. ужесточается контроль за регламентом проживания колхозников, приписанных к своему хозяйству, начался процесс «розыска и возвращения» колхозников, ушедших из сельскохозяйственных предприятий на работу в города²⁹. В 1954 г. начинается работа республиканской комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, в результате часть из них была реабилитирована. Часть получила свободу в результате амнистии по Указу Президиума ЦК СССР от 27 марта 1953 г.³⁰ В дальнейшем репрессивные меры стали носить в основном административный, социально-экономический, политический характер (наложение административных взысканий, лишение премий, доплат, понижение в должности, увольнение с работы, перевод на другое место работы, партийные взы-

скания, исключение из рядов КПСС или ВЛКСМ, проведение разъяснительных бесед, воспитательных мер и др.).

Кроме наказания, должны были действовать и методы убеждения, которые проводились через партийные организации и посредством обширной сети разного рода кружков и школ политической грамоты. Для коммунистов и колхозного актива действовали политшколы, кружки по изучению «Краткого курса по изучению истории ВКП(б)». По решению ЦК ВКП(б) с осени 1946 г. в обкомах партии начали создавать штат пропагандистов, уже с ноября они выехали на 5–6 месяцев в сельские районы для повышения идеологического уровня местных коммунистов. В конце 1947 г. был возобновлен выпуск журнала «Блокнот агитатора» на чувашском и русском языках периодичностью два раза в месяц. Журнал издавался до 1991 г. и содержал материалы для агитаторов, знакомил с важнейшими событиями в жизни республики³¹. По итогам 1949/50 учебного года различными формами политучебы было охвачено 95 % коммунистов республики. Была развернута широкая кампания по развитию в колхозах сети партийных ячеек. В 1951 г. на селе насчитывалось 893 колхозных и совхозных, 240 территориальных первичных организаций ВКП(б) и 29 парторганизаций МТС, которые объеди-

Участницы народного университета для женщин при
Комсомольском районном исполкоме

няли в своих рядах свыше 12,4 тыс. членов и кандидатов партии. Для усиления партийно-политической работы Февральский (1947 г.) пленум ЦК ВКП(б) признал необходимым ввести в МТС должность заместителя директора по политической части³². Система политического и идеологического просвещения, в том числе давления и контроля, в послевоенный период продолжала расширяться и охватывать все большее число населения. В связи с этим увеличивалось значение органов пропаганды и агитации, они пытались держать под контролем все процессы, происходящие в обществе. К 1980 г. 410 тыс. чел. было охвачено разными формами партийного, комсомольского и экономического образования. К пропагандистской работе привлечено около 2 тыс. чел. руководящего корпуса республики. В республике было организовано 602 ленинских, 469 общественно-политических чтений, 766 лекториев, 850 циклов лекций, 655 кино- и радиолекториев, 794 университета и школы женщин³³. В 1985–1986 гг. всеми формами марксистско-ленинской учебы было охвачено свыше 590 тыс. чел. Центральное место в них занимало изучение различных партийных документов и решений, мобилизация населения на их претворение³⁴. Регулярно читались лекции и доклады, проводились политинформации на местах работы и учебы. Большинство населения было хорошо информировано о международном положении страны.

Международная тематика вызывала у них интерес, этой темой интересовались разные круги общества, часто на коллективных собраниях высказывались предложения и замечания по тому или иному событию или решению. Очень активную работу проводил Чувашский комитет защиты мира. Только под Стокгольмским воззванием (1976), призывающим к остановке гонки вооружения, запрещению ядерного и всех других видов оружия массового уничтожения, всеобщему полному разоружению, созыву Всемирной конференции по разоружению, подписалось 99,8 % взрослого населения республики, начиная с 16 лет. От трудовых коллективов, лично от граждан в адрес Чувашского комитета мира поступило свыше 20 тыс. писем, резолюций, решений собраний. Успешно прошел сбор средств в Фонд мира³⁵.

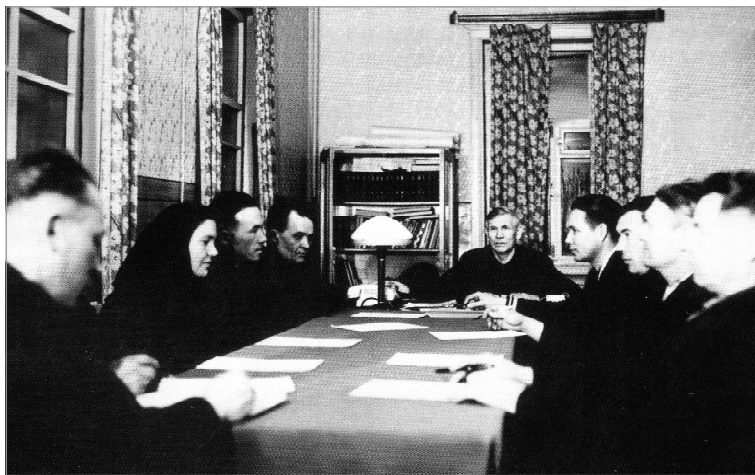
В 1985–1990-х гг. массовое сознание значительно политизировалось: если в начале 1980-х гг. интерес к внутривнутриполитическим событиям проявляли 40–50 % населения, то к 1988 г. — около 80 %. Да и сам период был насыщен актуальными для республики и страны событиями и политическими заявлениями разного характера. Партийным активом проводилась большая разъяснительная работа в период избирательных кампаний по выборам в Верховные Советы СССР, РСФСР, Чувашской АССР и местные советы народных депутатов. Приходилось вести значительную работу в период распространения среди населения облигаций государственного займа восстановления

и развития народного хозяйства. Сложно проходила мобилизация колхозников на лесозаготовки в осенне-зимнее время и на дорожное строительство по трудгужповинности в весенне-летнее время. Представители райкомов и райисполкомов направлялись на продолжительное время для оказания помощи местным руководителям в этом деле. За выполнение работ по заготовке леса и в дорожном строительстве колхозники не получали зарплату, в некоторых колхозах им начисляли трудодни, а условия работы были тяжелыми из-за отсутствия механизации труда. Идеологическая работа партийных и советских органов, связанная с проведением общественно-политических и хозяйственных кампаний, была достаточно сложной, учитывая условия жизни сельских жителей и развития колхозов, особенно в первые послевоенные годы. Большую часть в районном звене руководящих органов составляли бывшие фронтовики, им надолго приходилось выезжать в села и деревни для оказания помощи и проведения мероприятий разного характера и уровня, разбора жалоб и т.д. И.П. Прокопьев вспоминает: «В те годы районные организации не имели автомобилей, и их работники добирались до деревень пешком или на своих велосипедах. В те дни, когда секретари райкома не выезжали, конюх В. Калининского райкома партии на своем конном транспорте развозила нас по колхозам, а там уж добирались сами. Живя неделями в командировках, питались сухим пайком, взятым с собой, так как столовых в колхозах не было, ночевали на стульях и столах в помещениях правлений колхозов, положив под голову газетные подшивки и накрывшись своей армейской шинелью. Все эти бытовые трудности переносили спокойно, ибо каждый из нас хорошо понимал, что они являются следствием войны и преодолеть их можно только напряженной работой»³⁶. В то же время он подчеркивает, что в деятельности партийных и советских органов преобладал административно-командный стиль работы. На самом деле было немало фактов злоупотребления своими полномочиями представителей партийного и административного звена на местах, которые выражались в получении от колхозов бесплатно продуктов для личных целей и для перепродажи, получении денежных средств и использовании их для личных нужд и хозяйственных нужд районных организаций³⁷. В действительности система политучебы на селе как для коммунистов, так и для основных жителей не стала действенной формой советской пропаганды в рассматриваемых нами хронологических рамках. Со временем менялись формы и методы пропаганды, но действенность их от этого сильно не повышалась. Основными проблемами оставались посещаемость занятий, уровень освоения знаний. Партийные руководители сами подробно анализировали эти недостатки и пытались их преодолеть. Были и энтузиасты идеологического фронта как среди рядовых колхозников и работников совхозов, так и среди коммунистов, комсомольцев, актива сельскохозяйственных предприятий, тем бо-

лее их активная позиция способствовала продвижению по партийной линии и руководящей карьере. В 1946 г. в составе Чувашской областной организации КПСС насчитывалось 6561 крестьянин, 3258 рабочих и 9726 служащих. В 1990 г. — соответственно 14 365, 27 832, 31 383³⁸.

5.2. Социальные представления и поведенческая практика крестьянства

Особой сферой социальной деятельности сельского населения являлись управление общественным производством и участие в общественно-политической жизни на селе. При формальном подходе все обстояло благополучно, по некоторым данным, свыше 95 % колхозников и работников сельского хозяйства принимали активное участие в общественной жизни села. В реальной жизни сельского населения право на самостоятельность, на инициативу реализовывалось недостаточно, и само его участие было зачастую формальным. Более того, по мнению Ж.Т. Тощенко, «оно сопровождалось серьезными издержками и ухудшением социального самочувствия»³⁹. Большинство сельских жителей Чувашии так или иначе принимало участие в различных формах общественного управления. Они являлись депутатами Советов народных депутатов, членами народного контроля, советов бригад, ферм, но более половины сельчан не занимались общественной деятельностью⁴⁰. Прежде всего, деятельность в общественной жизни села и в управлении общественным производством выражалась через участие в общих колхозных и совхозных собраниях, собраниях уполномоченных, собраниях подразделений, сессиях сельских советов, заседаниях исполкомов сельских советов, собраниях первичных партийных, профсоюзных, комсомольских и других обществен-

Заседание правления колхоза «Гвардеец» Батыревского района ведет председатель, Герой Социалистического Труда М.Г. Долгов 1967 г.

ных организаций, заседаниях правлений колхозов, ревизионных комиссий, советов бригад. Наиболее авторитетные колхозники избирались членами правлений колхозов. В колхозе им. Сталина Вурнарского района среди девяти членов правления в 1950 г. было пять Героев Социалистического Труда, но это было скорее исключением, чем правилом.

Редко проводились сельские сходы, не как в ходе реализации Указа от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» или обсуждения проекта Примерного устава колхозов 1969 г. и т.д. Начиная с 1946 г. больше внимания в колхозах стали уделять проведению отчетных и отчетно-выборных собраний. На отчетных собраниях по итогам 1949 г. в республике присутствовало около 70 % колхозников, 8–10 % из них приняли участие в обсуждении отчетных материалов⁴¹. Мир крестьянства зачастую замыкался в рамках своего села, в границах колхоза или совхоза, поэтому основными вопросами для обсуждения на всех вышеупомянутых формах сельской демократии становились проблемы развития отдельных отраслей аграрного производства: использование земли, семенная кампания, животноводство, строительство, приобретение и сохранность общественного имущества, трудовое участие, отчеты и выборы. В целом это блок производственных проблем, только изредка на собраниях обсуждались вопросы быденной жизни сельчанина, в основном возникающие из-за необходимости решения судьбы того или иного двора и его членов. К примеру, на общем собрании колхозников «Победа» Алатырского района в 1968 г. решался вопрос об исключении из колхоза семьи Молгачевых из 7 человек за неучастие в колхозном производстве. Обязательно в повестку дня собраний включались идеологические вопросы, обсуждение партийных документов и принятие планов по их реализации, агитационные и пропагандистские темы⁴².

Анализ данных об участии сельских труженников Чувашии в работе собраний по материалам социологического обследования 1980 г. под руководством В.И. Старовойра показал, что среди интеллигентов-специалистов 81,7 % опрошенных выступали на собраниях регулярно, среди колхозников и работников совхозов активность проявляли 35,4 и 35,5 % соответственно⁴³. Социальная апатия проявлялась в отношении крестьян к выборам в представительные органы власти — советы всех уровней. Предвыборные кампании весьма активно вторгались в повседневную жизнь людей. Избирательные участки обычно разбивались на «десятидворки» во главе с учителями, активистами из руководящего состава села, колхоза. Сами выборы проходили почти при 100 % участии избирателей, случаи неучастия или же отрицательного отношения к ним становились пред-

методом детального обсуждения в партийных и государственных органах власти⁴⁴. Несмотря на это, население находило возможность выразить свое отношение и настроение во время проведения выборных кампаний. Материалы соответствующих архивных разделов показывают, что в феврале 1946 г. в ходе проведения выборов в Верховный Совет СССР среди избирателей оказались лица, выступающие со своим мнением по поводу выборов, ситуации в стране, выражающие конкретные предложения. Часть приписок на бюллетенях для голосования, с одной стороны, выражала поддержку курса партии и правительства, с другой стороны — сомнения в реальной возможности посредством выборов изменить в лучшую сторону существующее положение. Некоторые высказывания были направлены против колхозов, необходимости трудиться за «пустые» трудодни и т.д. Во время выборов в Верховный Совет ЧАССР в 1951 г. в ряде сельских населенных пунктов республики появились анонимные записки о сложном материальном положении колхозников, нехватке товаров, налогах⁴⁵. В марте 1965 г., во время выборов в местные Советы депутатов трудящихся, были высказаны критические замечания в адрес местных советов. Надписи на бюллетенях предлагали завершение электрификации деревень в Козловском районе, строительство Аликовской районной больницы, налаживание снабжения колхозов сельскохозяйственной техникой и т.д.⁴⁶

Усиление административного и налогового нажима на деревню порождало недовольство, протест со стороны части колхозников, проявлявшиеся в различных, в основном пассивных формах: многочисленных письмах-жалобах в органы власти, в том числе в центральные, руководителям партии и государства. Немало писем направлялось лично И.В. Сталину, М.И. Калинину, А.А. Андрееву, К.Е. Ворошилову, в Министерство сельского хозяйства, республиканские, районные организации, редакции газет и журналов. По своему содержанию письма были разными. Во многих из них содержались различные просьбы по оказанию помощи колхозам, предложения о путях и средствах их укрепления. Особенно много писем направлялось в Совет по делам колхозов, пользовавшийся большим авторитетом среди колхозного крестьянства: за 1947 г. — более 40 тыс., а за 1947–1952 гг. — 126 тыс. За 1947–1950 гг. в Совете было принято около 2,5 тыс. крестьян-ходоков. Но только от 30 до 50 % жалоб и предложений было взято под контроль, проверено в 1947 г. только 48 жалоб (0,35 %), а в 1950 г. — 144 (3,2 %). В 1947 г. в президиуме Совета было рассмотрено лишь 18, или 0,13 %, а в 1950 г. — 115 (2,5 %) жалоб и заявлений колхозников из 5–19 областей. В то же время, как сообщалось с мест, в стране за нарушение Устава сельхозартели к ответственности было привлечено в 1947 г. 3 056 чел., а в 1950 г. — 2 463 чел. Тысячи писем было рассмотрено областными и республиканскими представителями Совета.

Жалобы крестьян в вышестоящие инстанции не оставались без внимания местных властей, откуда они приходили. По этой причине большинство жалобщиков скрывало свои фамилии. Тех же, кто не скрывал своей фамилии и адреса, на местах подвергали преследованиям: незаконному аресту, возбуждению уголовных преследований, высылке в отдаленную местность, отстранению от работы в колхозе, снятию с должности, исключению из членов колхоза, лишению свободы⁴⁷. Так, решением Чурачикского райкома ВКП(б) от 26 июня 1948 г. из партии были исключены рядовые члены колхоза «Мотор» М.Е. Ефимов и В.Т. Тимофеев. Ефимову М.Е. вменялись «антипартийные высказывания, антиколхозные выступления на общих собраниях, связь с рвачами колхоза Ильиным и Михайловым, необложение своего хозяйства государственными поставками, дезорганизация во время уборки урожая 1947 г. и непризнание своих ошибок». На самом деле он выступил на колхозном собрании в защиту односельчанина, отстраненного от работы в колхозе⁴⁸.

Часть активных жителей села решалась на открытые выступления с предложениями и критикой существующего положения в отрасли и на селе. Главный агроном колхоза «Победа» Яльчикского района Е.И. Васильева выступила в 1957 г. на Горьковском совещании работников сельского хозяйства, в присутствии Н.С. Хрущёва, затронула, в частности, вопрос о заработной плате специалистов, работающих в колхозах. При этом до начала совещания представитель ЦК, сопровождающий Н.С. Хрущёва, рекомендовал ей не поднимать некоторые вопросы, по которым мнение Е.И. Васильевой могло не совпасть с официальным. В результате Н.С. Хрущёв подверг резкой критике предложения Е.И. Васильевой, да в такой форме, что многим присутствующим на совещании участникам, как написано в архивном документе, «стало неловко за т. Хрущёва»⁴⁹. К счастью, это выступление не сказалось на дальнейшей работе Е.И. Васильевой.

В.В. Зайцев и Е.И. Васильева

Письма колхозников содержали не только жалобы и просьбы. В них часто поднимались вопросы колхозного строительства, конкретные предложения по налоговой системе, организации общественных работ, оплаты труда. По мнению известного историка И.М. Волкова, деревня первых послевоенных лет выражала свое мнение о происходящих событиях, оценивала политику в области сельского хозяйства, высказывала предложения и замечания о путях подъема колхозного производства, добивалась выполнения части требований⁵⁰. В сфере общественно-политических отношений формы протеста выражались: в стремлении скомпрометировать в глазах населения пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства; в восхвалении условий жизни и труда за границей; в распространении слухов о советской власти и роспуске колхозов; в возрождении религиозного сознания и распространении религии среди молодежи, в устной критике колхозного и политического строя СССР. Иногда действия принимали религиозные, мистические формы. В республике были случаи распространения листовок антисоветского характера. В феврале 1958 г. на ст. Канаш и в с. Яншихово-Норваши были обнаружены 3 листовки, в которых выражалось недовольство условиями жизни. В декабре 1959 г. в пос. Ибреси появилось 6 анонимных листовок антисоветского характера, с призывом объединиться с целью улучшения жизни населения⁵¹. В отдельных случаях в анонимных письмах и листовках мог содержаться призыв создать независимые организации, как легальные, так и нелегальные, для борьбы за социальную справедливость, для улучшения условий жизни (к примеру, «Союз борьбы за социальную справедливость», «Новая мужская рабочая партия», в действительности таких организаций не существовало)⁵². В целом, обращения сельских жителей касались производственных вопросов, социальных и бытовых условий жизни. Различные слои населения остро реагировали на недостатки в торговом и транспортном обслуживании. Труженики села в 1972 г. выражали озабоченность в связи с малоснежной зимой и гибелью части озимых, состоянием электрификации и механизации сельскохозяйственного производства. В Козловском, Шумерлинском, Янтиковском районах сельские жители просили улучшить торговлю хлебом и сахарным песком, колбасными изделиями. Сельские коммунисты ставили вопросы об улучшении снабжения хозяйств сельскохозяйственной техникой, автотранспортом, строительстве на селе предприятий бытового обслуживания, улучшении торговли, общественного питания. В первом полугодии 1972 г. на бюро райкомов и горкомов рассматривались вопросы усиления борьбы с преступностью, антиобщественными явлениями, улучшения торговли и общественного питания, медицинского обслуживания⁵³.

С критическими замечаниями рядовые коммунисты имели возможность выступить на собраниях партийного актива, иногда они носили организованный характер, список выступающих готовился заранее, но, несмотря на это, пожелания и предложения сельских активистов на них партийным работникам приходилось фиксировать и каким-либо образом на них реагировать. Несмотря на заорганизованность в избрании депутатского корпуса, обращения к депутатам помогали сельчанам решать свои проблемы, касающиеся повседневного быта и условий жизни. Значительное количество писем направлялось уроженцу Чувашии, летчику-космонавту А.Г. Николаеву, его супруге В.В. Терешковой. В этих письмах были просьбы как общественного, так и личного характера. В многочисленных воспоминаниях о А.Г. Николаеве отмечается, что он всегда стремился помочь жителям республики, многие из тех, кто писал ему письма, получали и ответы лично от него. Сельские женщины обращались к В.В. Терешковой чаще всего с просьбой стать крестной матерью их ребёнка, по сохранившимся воспоминаниям, она обычно высылала подарки для детей⁵⁴. В ходе обсуждения проекта пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 гг. были внесены предложения, в том числе 697 — по развитию сельского хозяйства, 659 — по улучшению благосостояния трудящихся, 247 — по развитию культуры, науки, образования⁵⁵. На заседаниях бюро и секретариата обкома КПСС, на заседаниях бюро райкомов партии постоянно рассматривались вопросы, обозначенные в письмах граждан, в 1980-е гг. стали проводиться «дни открытого письма». Так, в 1985 г. в дни открытого письма в сельские советы Алатырского района поступило 361 письмо с предложениями улучшения

Праздником становился каждый приезд А. Николаева и В. Терешковой в Чувашию

работы на местах: в 115 из них указывалось на недостатки в сфере торговли, в 44 — в медобслуживании, в 28 — в связи, в 10 — в выдаче зарплаты⁵⁶.

С началом процессов демократизации общества стали больше внимания уделять повышению роли

сельских сходов трудящихся в укреплении правопорядка, предупреждении нарушений трудовой и общественной дисциплины⁵⁷. В июле 1990 г. состоялся Учредительный съезд крестьян Чувашской АССР с участием 503 делегатов. На нем был заслушан доклад председателя оргкомитета, директора Чувашской сельскохозяйственной опытной станции А.Н. Фадеева «О Крестьянском союзе Чувашской АССР, его целях и задачах» и содоклад министра продовольствия и закупок республики В.С. Краснова. Основной целью вновь созданной организации должно было стать создание массового общественного движения за коренные социально-экономические преобразования в сельском хозяйстве, социальное переустройство села, улучшение условий жизни и труда крестьян. Председателем совета был единогласно избран А.П. Айдак, председатель колхоза «Ленинская искра» Ядринского района, заместителем — председатель колхоза «За коммунизм» Моргаушского района Ю.А. Иванов. Также на съезде был образован забастовочный комитет во главе с директором совхоза «Орнарский» Урмарского района Н.Н. Максимовым. Вскоре совет Крестьянского союза республики совместно с отделом социально-экономической и аграрной политики рескома КПСС приступил к разработке комплексной программы социально-экономического развития села на 1991–1995 гг.⁵⁸

Формы социального протеста крестьянства охватывали сферы хозяйственно-экономической жизни и общественно-политических отношений. Анализ его различных форм в сфере хозяйственно-экономической жизни показывает, что граждане стремились оказать сопротивление неоправданно высокому изъятию ресурсов деревни. В основном вину за создавшееся положение перекладывали на местную власть, защиту и опору видели в Центре. Довольно значимую роль среди экономических форм социального протеста колхозников составлял самовольный захват общественной земли в целях расширения приусадебного хозяйства. Другой формой стало хищение колхозной собственности, носившее как организованный, так и спонтанный характер. В основном расхищались продукты питания и корм для скота. Для определенной части сельских жителей постулат «В колхозе нельзя не воровать. Не проживешь иначе...» считался естественным и моральным. «Воровство и у барина, и в колхозе можно было оправдать: забирали свое, трудовое. Это было и не воровством, а восстановлением справедливости»⁵⁹ — вот их мнение. Но посягать на имущество соседей, односельчан, просто людей было нельзя, здесь жестко действовали моральные принципы и традиционные ценности. Исследователи отмечают, что чуваша «уважали собственность частных лиц, а также права крестьян, в основу которых положен человеческий труд, однако кража государственной (“божьей”) собственности не являлась предосудительной»⁶⁰.

Отток жителей через легальные и нелегальные каналы из деревни также стал одной из форм социального протеста. Наиболее массовыми формами крестьянского протеста являлись уклонение от обязательных повинностей (неучастие в общественных работах, растаскивание колхозной собственности, невыполнение обязательств по сдаче сельхозпродукции государству, рост числа хозяйств «недоимщиков» — все носило хозяйственно-экономический характер).

Жалобы и требования крестьянства, сельских жителей распространялись на следующие конфликтные ситуации: крестьянин и государство, крестьянин и местная власть, крестьянин и церковь. В первую очередь они отражали тяжесть налогообложения, недовольство местной властью (сельсоветы, партийные организации, председатели колхозов, районное руководство), культурной политикой, уровнем жизни, социальным положением.

5.3. Права и обязанности крестьянства

Основные социально-экономические права и свободы гражданина СССР затрагивали такие важные сферы жизни, как собственность, труд, отдых, здоровье, образование, и были призваны обеспечить физические, материальные, духовные и другие социально значимые потребности личности. Основные права и обязанности граждан регулировались в 1946—1990-х гг. Конституциями СССР 1936 г. (Глава 10. Основные права и обязанности граждан) и 1977 г. (Глава 7. Основные права, свободы и обязанности граждан)⁶¹. Конституция 1977 г. со всеми поправками и изменениями действовала до 1991 г. Государство выступало как единственный собственник всех общественных богатств, средств производства, объектов культуры, социальной сферы, формально провозглашаемых общенародными. Оно сосредоточивало в своих руках все функции по производству и распределению материальных благ, планировало развитие экономики и культуры, определяло фонды, штаты, планы каждого предприятия, направление средств в ту или иную сферу и выступало гарантом обеспечения прав и свобод граждан. Отношение крестьян к конституционным правам и обязанностям, под влиянием агитационных и пропагандистских лозунгов, в целом было положительным. Оно нашло отражение в фольклоре. Так, в 1949 г. была записана частушка о положениях Конституции, в русле советской идеологии: *Сўл тўпери сар хёвел / Илемлетет тёнчене / Конституци, тён закон, / Савантарать чёрене. / Чечек сыххи пит паха / Тёрлё тёлё пулнйран. / Конституци пит паха / Брай пурнйс панйран. / Сарй каййк юррине / Пур сыннйн та илтмелле, / Халйх сырнй закона / Пур сыннйн та пёлмелле. / Сё-*

*мёрт сески суралсан / Ырӑ шӑршӑ сарӑлать. / Конституци вуласан / Чӑре хытӑ савӑнать*⁶² («Солнце яркое на небе, украшает мир. Конституция, основной закон, сердца радует. Букет цветов хорош тем, что сделан из разных цветов. Конституция хороша тем, что жизнь добрую даёт. Пение канарейки все услышать должны, закон, народом написанный, все знать должны. Когда цветёт черемуха, аромат её стелется. Когда читаешь Конституцию, душа радуется»). Но в поэзии народа сохранялась и ирония по поводу своих прав: *Шурӑ сӑппун кӑсӑине / Сухан чикме юрамасть. / Халӑ сӑнӑ Конституци, / Сынран кулма юрамасть*⁶³ («В карман белого фартука луковицу не положено класть. Сейчас новая Конституция, над человеком не положено смеяться»).

Колхозные крестьяне обладали определенными правами и обязанностями. Среди специфических сословных прав колхозников можно отметить следующие (не считая тех прав, которые колхозникам как гражданам СССР давала Конституция 1936 г. и 1977 г.): право избирать и быть избранным в органы управления колхоза; право пользоваться участком земли, владеть личным подсобным хозяйством и распоряжаться произведенной в нем продукцией; право торговать на рынке произведенной в ЛПХ продукцией или продуктами, полученными от колхоза, когда на то имелось разрешение государственных органов; право на получение материальной помощи от колхоза в случаях временной потери нетрудоспособности; право на отход из колхоза, уход на временные работы; право отказаться от членства в колхозе и выйти из колхоза (если на то получено согласие общего собрания и правления). Но в первые послевоенные годы колхозники были лишены некоторых прав, касающихся личной свободы: на добровольный выход из колхоза, на свободу передвижения, на легальный выбор места работы. Им было отказано в выдаче паспортов общегражданского образца, оказались недоступны почти все социальные гарантии, имеющиеся к тому времени у рабочих и служащих: право на гарантированный и регулярно выплачиваемый заработок, нормированный рабочий день, оплату сверхурочных работ, больничных листов, на оплачиваемый отпуск, государственную пенсию по старости или инвалидности.

В послевоенные годы вопрос о наделении паспортами всего сельского населения рассматривался на бюро Совета министров СССР в 1949 г., но был отклонен. В октябре 1953 г. было принято новое положение о паспортах, однако ходатайство МВД СССР о наделении сельских жителей паспортами не было принято. Жителям, желающим куда-либо выехать, выдавали справки сельских советов, удостоверяющие их личность, которые получить было непросто⁶⁴. Такой же порядок сохранялся для деревенских жителей, выезжающих в дома отдыха, на совещания, в командировки. Если же они отправлялись за пределы своего района в другие местности страны на срок свыше тридцати дней,

Ч А С С Р
 Татарский районный
 паспортный стол
 Сельскохозяйственный арт.
 Батыревского района
 Чувашской АССР
 1 марта 1961
 № 193

Справка

Выдана правлением колхоза «Россия»
 (наименование колхоза)

Игнатьев
 (наименование сельсовета) сельсовета

Батыревского
 (наименование района) района

Чувашской АССР
 (наименование области, республики) области, республики

члену колхоза гр-ну (к) Осиповой Евдокии
 (фамилия, имя и отчество полностью)

в том, что он (она) действительно выбывает на работу и торфяную промышленность Совета народного хозяйства Игнатьевской Бурхи экономического административного района, в соответствии с зарегистрированным в правлении колхоза индивидуальным трудовым договором.

Настоящая справка выдана на предмет получения паспорта.

Председатель правления колхоза Игнатьев (подпись)
 Бухгалтер Васильев (подпись)

Печать

Тип. Хоз. Упр. Сов. Мин. РСФСР. Дан. 2467

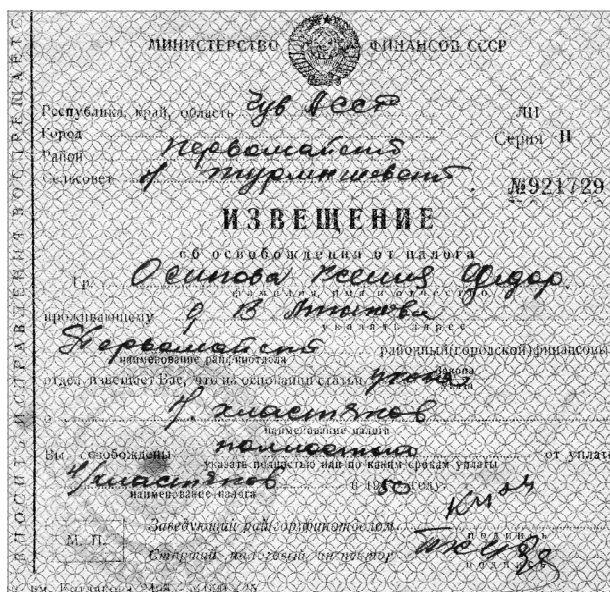
**Справка правления колхоза «Россия»
 на Осипову Евдокию Федоровну. 1961 г.**

то обязаны были получить паспорт в органах милиции по месту жительства. Журналист И. Федотов так описывает ситуацию: «Изошлялись “беспашпортники”-крестьяне всячески: подделывали справки, иначе арестуют на первой же станции, тайком ставили печати на чистую бумагу, а далее — дело техники. У кого не

было такой возможности, делали копию сельсоветской печати с жирного оттиска с помощью сырой картошки или вареного яйца. С последнего оттиск получался отменный, но это требовало ювелирного мастерства. Таким образом, поколение 1937–1940 гг. рождения выбивалось из прочной орбиты Канаша и Шумерли»⁶⁵. Хотя октябрьское (1953 г.) положение о паспортах узаконивало выдачу краткосрочных паспортов «отходникам» на «срок действия договора», колхозники хорошо понимали относительную ценность этих документов, рассматривая их как формальное разрешение на сезонные работы. Чтобы не связываться с милицией, они брали справку в правлении колхоза и сельсовете. Таким образом, и пять лет спустя после введения для колхозников так называемых краткосрочных паспортов МВД СССР отмечало в 1958 г.: «Не допускать направления граждан из сельской непаспортизированной местности за пределы области, края, республики (не имеющей областного деления) на сезонные работы по справкам сельских советов или колхозов, обеспечивая выдачу этой категории граждан краткосрочных паспортов на срок действия заключенных ими договоров»⁶⁶. Отсутствие паспорта у большей части сельских жителей создавало для них трудности при осуществлении трудовых, семейных и имущественных прав, поступлении на учебу, получении различного рода почтовых отправок, приобретении товаров в кредит, прописке в гостиницах и т.п. При нарушении паспортного режима государство прибегало к разным мерам наказания крестьян, вплоть

до уголовных. Известный киносценарист В. Погильдяков вспоминал: «Чтобы пойти учиться, нужен был паспорт, который колхозникам был не положен. Пришлось пойти на хитрость, однако все вскоре раскрылось. За нарушение паспортного режима и обман государства у нас перепахали огород с только что расцветшей картошкой, скот угнали в колхоз. Такие санкции применяло государство за мою самоволку “из крепостного права”»⁶⁷. Одним из главных доводов о нецелесообразности выдачи паспортов гражданам, проживающим в сельской местности, во многих случаях выступала необходимость сдерживания механического роста городского населения. В 1970 г. была принята «Инструкция о порядке прописки и выписки граждан исполкомами сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся», в ней указывалась возможность выдачи паспортов жителям сельской местности, работающим на предприятиях и в учреждениях, а также гражданам, которым в связи с характером выполняемой работы необходимы документы, удостоверяющие личность. К этому времени острота вопроса о получении сельскими жителями паспорта была уже снята, многие из них при необходимости могли их официально получить. Наконец, в 1974 г. было принято Положение о паспортной системе в СССР (утверждено постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР» от 28.08.1974, № 677), согласно которому паспорта стали выдавать всем гражданам СССР с 16-летнего возраста, впервые включая и жителей села, колхозников. Сельчане также получили право свободного перемещения по стране. При этом для колхозников сохранялся существующий порядок приема их на работу на предприятия и стройки, т.е. при наличии справки об отпуске их правлением колхоза⁶⁸.

Правовое положение колхозников начало меняться к лучшему после 1953 г., когда были запрещены исключения из колхозов, освобождены от налога выплаты по трудодням, налог на приусадебные участки колхозников был уменьшен (стал вдвое ниже, чем у рабочих и служащих). Новый устав сельхозартели 1956 г. разрешил колхозникам самим определять размер приусадебного участка, количество скота, находящегося в личной собственности, минимум трудодней, а в 1958 г. обязательные поставки и натуроплаты были заменены закупками. Изменился и принцип оплаты труда в колхозах: вводились ежемесячное авансирование и форма денежной оплаты по дифференцированным расценкам труда. В 1966 г. оплата по трудодням была заменена гарантированной оплатой труда. Появились новые условия для реализации права на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях. Сельским жителям гарантировалась возможность получения государственных пенсий и социальных пособий.

**Извещение об освобождении от налога
Осиповой Ксении Федоровны. 1950 г.**

Что касается обязанностей, то первоочередной из них являлся труд в общественном хозяйстве, для колхозного крестьянства — в колхозах, соблюдение трудовой дисциплины. В соответствии с принципом социализма «от каждого — по способностям, каждому — по труду» государство сохраняло право осуществлять контроль за мерой труда и потребления, тем самым определяя государственную налоговую политику. В данной области отношения крестьянства и государства всегда были напряженными. Основным доводом для крестьянства служило положение о том, что государство, изы-

мающее часть продукции, не должно это делать так, чтобы возникла угроза существованию крестьянских хозяйств и самого крестьянства.

В послевоенные годы крестьянство облагалось рядом налогов: кроме сельскохозяйственного налога, существовал налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, рыболовный сбор, налог на лошадей единоличных крестьянских хозяйств. К местным налогам относились налог со строений, земельная рента, разовый сбор на колхозных рынках, сбор с владельцев транспортных средств (вплоть до велосипедов), с владельцев скота. Кроме того, почти каждая семья в сельской местности платила самообложение, которое формально являлось добровольным сбором, а фактически неизбежным для каждого крестьянского двора. Средства, полученные по самообложению, должны были расходоваться на школьное строительство и культурно-бытовые нужды села. Сбор возлагался на сельские советы. В 1948 г. сумма самообложения, например, жителей д. Анаткасы Чебоксарского района составляла: с хозяйств колхозников 20 руб., с хозяйств единоличников, имеющих скот, — 75 руб., не имеющих скота — 40 руб. Решением Анаткасинского сельского исполкома 75 % от общей суммы налога направлялись на строительство трёх колодцев и ремонт одного колодца, 25 % — на строитель-

ство школы. В 1950 г. доходы от самообложения были направлены на строительство фельдшерско-акушерского пункта и на покупку пожарного инвентаря. В 1965 г. с каждого хозяйства взимались 2 руб. в счет самообложения, которые были использованы для проведения водопровода и установки переправы через реку Кукушум. В 1969 г. на средства от самообложения содержались водокачки и переправы через реку Кукушум. Ежегодно часть хозяйств колхозников освобождалась от уплаты взносов⁶⁹. Сельскохозяйственный налог в денежной форме был введен еще в 1923 г. взамен натурального и денежного налогов на сельское хозяйство. С 1924 г. он уплачивался только деньгами. Сельскохозяйственный налог собирали с владельцев приусадебных земельных участков и служебных земельных наделов в сельской местности. Объект обложения — земельный участок, независимо от размеров получаемого с него дохода. Единоличные хозяйства платили налог в удвоенном размере. При определении размера налога не учитывались несельскохозяйственные земли. В 1948 г. постановлениями правительства размер сельскохозяйственного налога по сравнению с 1947 г. при тех же источниках и нормах доходности был увеличен на 30 %. В хозяйствах колхозников облагались налогом не только скот и посевы, но и фруктовые деревья. Хозяйства, выбывшие (исключенные) из колхоза, привлекались к уплате сельхозналога на одинаковых основаниях с единоличными хозяйствами, выше на 100 %, чем колхозные дворы, независимо от времени выбытия. Если в составе колхозного двора отдельные трудоспособные члены семьи не состояли членами кол-

РАСЧЕТ
сельскохозяйственного налога за 1953 год к платежному
извещению серии И № 464843 с хозяйства
гр. Осиповой Ксении Федоровны
(фамилия, имя и отчество)

		1	Рублей
Сумма предъявленного аванса налога (с учетом перерасчета)			34
Сумма налога за I-е полугодие 1953 года (исчисленная по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1953 года).	Исчисленная в размере 40% от суммы годового оклада, включая надбавку на одиноких и малосемейных граждан (за вычетом суммы льгот) _____ руб.	2	3764
	Подлежит уплате к 15 июля 1953 года	3	34
	Сложено налога из суммы предъявленного аванса (стр. 1 минус стр. 2)	4	
	Сумма налога, начисленная сверх предъявленного аванса и подлежащая уплате во II полугодии (стр. 2 минус стр. 1)	5	364
	Сумма годового оклада, исчисленная с _____ га земельного участка по _____ руб. с 1 сотой га, за вычетом суммы льгот _____ руб.		
Сумма налога за II-е полугодие 1953 года (исчисленная по Закону от 8 августа 1953 года).	Кроме того, годовая сумма надбавки на одиноких и малосемейных граждан _____ руб.		
	Вся сумма годового оклада _____ руб.		
	Подлежит уплате в размере 60%	6	60
	Подлежит уплате, включая доначисленную сумму налога за I полугодие (стр. 6 - стр. 5)	7	6364
	Всего сумма налога, подлежащая уплате за 1953 год (сумма строк 3-7)	8	10764
	Уплачено в счет налога на _____ 1953 год	9	94
	Остается к уплате (строка 8 минус строка 9)	10	4364

Заведующий райфинотделом _____
Старший налоговый инспектор _____

Место печати: _____

Расчет сельскохозяйственного налога за 1953 год с хозяйства Осиповой Ксении Федоровны

хоза или же были исключены и не работали по найму, то сумма налога с такого хозяйства повышалась на 20 %. В 1948 г. ряд льгот, представленных хозяйствам населения, был отменён⁷⁰. Ставки обложения доходов ежегодно повышались. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1950 г. увеличились расчетные нормы доходности по зерновым, картофелю, овощам, а в 1952 г. была введена надбавка в 7 % к облагаемому доходу на не учитываемые ранее доходы от молодняка скота и домашней птицы, и впервые в налогообложение были включены доходы колхозников, получаемые по трудовым дням⁷¹. В 1953 г. были приняты два налоговых закона: «О сельскохозяйственном налоге» и «О подоходном налоге с колхозов», согласно которым сумма налогов повысилась в очередной раз. К доходу от личных хозяйств была установлена еще надбавка в 10 % на прочие «источники прибыли» (от птицеводства, от выращивания молодняка скота, от сбора дикорастущих ягод, грибов и т.д.) вне зависимости от их размеров⁷². В целом по стране общая сумма сельхозналога в 1951 г. по сравнению с 1940 г. выросла в 4,3 раза (с 1,9 млрд руб. до 8,3 млрд руб.). Рост налогов вдвое опережал рост доходности колхозов, совхозов и личных хозяйств, поэтому значительная часть их не могла быть оплачена в установленные сроки и переходила в долги⁷³. В Чувашии постановлением Совета министров республики от 2 августа 1951 г. «О нормах доходности, облагаемой сельскохозяйственным налогом, для районов Чувашской АССР на 1951 год» устанавливались три срока уплаты налога равными долями — к 1 сентября, 1 октября и 1 ноября. По итогам 1950 г. 141 хозяйство колхозников и единоличников, пострадавших от стихийных бедствий, было освобождено от налога⁷⁴.

В проекте докладной записки Наркомфина СССР председателю Совета министров СССР Г.М. Маленкову (март 1953 г.) отмечалось: «Если сопоставить рост налога за указанные годы (1948—1952) с ростом доходов крестьян за те же годы и данными о ценах колхозных рынков на сельскохозяйственные продукты, которые под влиянием систематического понижения государственных розничных цен ежегодно снижались, получается диспропорция в сторону экономически не оправданного увеличения налогового обложения крестьян...»⁷⁵ С 1953 г. налог стал исчисляться по твердым ставкам с каждой сотой гектара земли, находящейся в личном подсобном хозяйстве, независимо от размера общей суммы доходов, что привело к его снижению. Средняя ставка сельхозналога по РСФСР устанавливалась в размере 8,5 руб. с сотки. Из общей суммы сельхозналога 50 % падало на доходы от скота. Также в 1953 г. сумма сельхозналога снижалась на 50 % для хозяйств, не имеющих коров, на 30 % — в 1954 г. В результате налог с колхозного двора уменьшился примерно в 2 раза. По закону 1953 г. недоимки прошлых лет с хозяйств были списаны. Средняя величина налога на ЛПХ в РСФСР в 1947 г.

составляла 374 руб., в 1948 г. — 508 руб., в 1951 г. — 519 руб., в 1954 г. — 300 руб., в 1955 г. — 287 руб., к 1965 г. — 16,6 руб. (166 руб. в масштабе цен до 1961 г.). При этом по регионам РСФСР сумма налога заметно различалась⁷⁶. Сумма налога с сельского населения в среднем понизилась более чем в 2 раза. Если в Чувашии в 1952 г. она равнялась 8,6 млн руб., то после принятия закона составила около 3,4 млн руб.

Устанавливалась система льгот, которыми в республике ежегодно пользовались около 40 тыс. хозяйств колхозников, рабочих и служащих⁷⁷. Полностью освобождались от сельхозналога хозяйства, член семьи которых находился на военной службе, если в семье не было других трудоспособных, кроме жены или матери военнослужащего, имеющего детей до 8 лет; хозяйства, в составе которых были инвалиды Великой Отечественной войны, при наличии только одного трудоспособного члена семьи; колхозники и единоличники пенсионного возраста, сельская интеллигенция — учителя, врачи, агрономы и др. Заработки от кустарно-ремесленных промыслов и других неземледельческих занятий колхозников и единоличников облагались не сельскохозяйственным, а подоходным налогом. С января 1954 г. был отменен налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан из числа лиц, облагаемых сельхозналогом, в результате чего сельхозналог уменьшился в 2,5 раза. С января 1958 г. было прекращено взимание налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан с лиц, имеющих детей, а также с одиноких женщин, не имеющих детей. В 1954–1955 гг. рабочие и служащие были освобождены от подоходного налога с дохода от сельскохозяйственных занятий в городах, а на колхозных рынках уменьшены ставки разового сбора. Указ от 12 сентября 1957 г. «О подоходном налоге с колхозников» вводил единую ставку обложения денежных и натуральных доходов. В 1958 г. данная ставка составляла 12,5 %. Налог на хозяйства колхозников, некоторые члены семьи которых без уважительных причин не зарабатывали в 1953 г. установленного минимума трудодней в колхозах, повышался на 50 %. В законе также была предусмотрена статья о повышении на 75 % сельхозналога с хозяйств колхозников, если в его составе имелись трудоспособные члены, не состоящие в колхозах и не работающие по найму. В отношении единоличных хозяйств, как и раньше, ставки сельхозналога устанавливались на 100 % больше, чем для колхозников⁷⁸. Доля налогов и сборов в местные бюджеты в денежном доходе крестьянского двора РСФСР составила в 1948 г. до 14 %, к 1957 г. сократилась до 1 %. В 1960–1980-х гг. сельхозналог продолжал существовать, но его размеры значительно снизились⁷⁹. В ноябре 1964 г. был отменен денежный налог с горожан, имеющих в хозяйстве скот⁸⁰. С 1965 г. сельскохозяйственный налог стал начисляться только с площади земельного участка, которым пользовался гражданин. С января 1972 г. большие льготы стали предоставляться

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ СССР

Республика, край, область _____ Сергия БЦ
 Район _____ Гавриинский сельсовет
 Сельсовет _____ Батраевского района ЧАССР № 520164

ПЛАТЕЖНОЕ ИЗВЕЩЕНИЕ № 321
 (лицевого счета)
 по сельскохозяйственному налогу

р. Осипова Ксения Федоровна
 (фамилия, имя и отчество плательщика)

На основании Закона о сельскохозяйственном налоге от 8 августа 1953 года Вы обязаны уплатить сельхозналог за 1960 год в сумме 19 руб. 20 коп. (Десятинадцать руб. 20 коп.) в следующие сроки:

в 1 марта	3	руб. 84	коп.
к 1 июня	3	руб. 84	коп.
к 1 сентября	5	руб. 76	коп.
к 1 ноября	5	руб. 76	коп.

Кроме того, Вы обязаны немедленно уплатить недоимку за 1960 год в сумме _____ руб. _____ коп. и пеню на эту недоимку на _____ (число и месяц) _____ руб. _____ коп.

За просрочку платежа взимается пеня в размере 0,2% за каждый день просрочки. Не внесенные в срок платежи взыскиваются в порядке, установленном законом. При уплате налога плательщику выдается квитанция установленной формы.

21 Янв 1960 1960 г.

Начальник инспекции (старший инспектор) Смирнов
 Государственных доходов _____ (подпись)
 ВИСЕТЬ ИСПРАВЛЕНИЯ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Платежное извещение по сельскохозяйственному налогу Осиповой Ксении Федоровны. 1960 г.

личным хозяйствам, в составе которых были инвалиды 1-й и 2-й групп из числа колхозников. Расширялись льготы по подсобным хозяйствам учителей, врачей, медицинских работников, специалистов сельского хозяйства. Было отменено повышение налога с хозяйств колхозников, отдельные трудоспособные члены семьи которых без уважительных причин не выработали в истекшем году установленного минимума трудодней в колхозе. Освобождались от налогов (сельскохозяйственного и подоходного) рабочие и служащие за пользование индивидуальными огородами и садами независимо от их размеров. В результате поступления сельхозналога снизились в 1972 г. по сравнению с 1971 г. на 5,7 %. С 1 января 1972 г. был

отменен сбор с владельцев скота и государственный налог на лошадей единоличных хозяйств⁸¹. В эти годы доля расходов семей колхозников на денежные налоги находилась в пределах 1,3–2,2 % от общего объема их расходов⁸².

Большое место в системе денежных повинностей крестьянства занимала подписка на государственные займы (проводились с 1922 г., в 1946–1957 гг. ежегодно), формально являвшаяся добровольной, но имевшая по существу характер денежного налога. До 1953 г. объемы займов возрастали, в 1953–1954 гг. были снижены наполовину, в 1955–1956 гг. вновь возросли и достигли 32 млрд руб. В 1957 г. была установлена подписка на 12 млрд руб. Фактические суммы подписки в 1946–1957 гг. были выше установленных⁸³. В 1956 г. средняя сумма подписки дворов колхозников в РСФСР равнялась 173 руб. В 1950 г. расходы ЛПХ на эти цели составляли 3,4 %, в 1957 г. — 0,2 % денежных доходов двора⁸⁴. В 1957 г. отменили подписки на займы, одновременно пре-

кратились выигрыши тиражей ранее выпущенных займов, их погашение перенесли на 1977 г. на срок до 20 лет равными долями⁸⁵. Ход подписки контролировался партийными органами. Активную роль играли советские и финансовые работники. Для обеспечения массовости участия в подписке на займы сельского населения в начале 1950-х гг. к моменту ее объявления местными органами власти организовывались различные мероприятия, к этому времени старались рассчитаться по трудовым. Повсеместным явлением стало проведение соревнований за выполнение и перевыполнение плана подписки. Встречались случаи принуждения, удержания взносов из сумм, причитающихся за трудовые.

В целом, денежные повинности крестьянства, достигнув своего пика к началу 1950-х гг., сокращаются после 1953 г. Доля расходов на уплату налогов и сборов, приобретение облигаций и подписку на госзаем в РСФСР в среднем составляла в 1948 г. 17 %, в 1950 г. — 18 %, в 1953 г. — 4,5 %, в 1958 г. — 2,5 % дохода ЛПХ. Наиболее высокий уровень выплат приходился на 1950–1952 гг. — до 20 %. К 1963 г. их доля не превышала 1,9 % дохода семьи⁸⁶. В дальнейшем по СССР на различные налоги, сборы и платежи в 1980–1990-х гг. уходило от 1,6 до 1,8 % совокупного дохода семьи колхозника, на те же цели из совокупного дохода семьи рабочего и служащего использовалось от 9,1 до 9,9 %⁸⁷. В 1991 г., по данным обследования домашних хозяйств жителей республики, в структуре их расходов на налоги, сборы, платежи приходилось 6,8 %⁸⁸.

Изъятие продукции крестьянского двора было введено в 1932–1933 гг. в форме обязательных поставок государству отдельных, а в 1939–1941 гг. почти всех основных продуктов, производимых в приусадебном хозяйстве (зерно, рис, картофель, мясо,

Расчет оклада сельскохозяйственного налога на год			
Общая площадь земельного участка, находящегося в личном пользовании хозяйства			Площадь в сотых га
			0,26
В том числе	заятая под постройками, лесами, кустарниками, дорогами общественного пользования, оврагами и балками		0,02
	площадь земельного участка, с которой исчислен налог		0,24
Сумма исчисленного налога	из расчета по _____ руб. 80 коп. с одной сотой га	Рублей	Коп.
		19	20
	с повышением налога на _____ % в соответствии со ст. _____ Закона		
Сумма налога, сложенная по льготам	по ст. _____ Закона		
	по ст. _____ Закона		
	по ст. _____ Закона		
	Итого сложено		
Сумма налога, подлежащая уплате			19 20
Инспектор государственных доходов _____ (подпись)			
Жалобы на неправильное исчисление налога подаются заведующему районным финансовым отделом. Подача заявлений и жалоб не приостанавливает уплаты и взыскания налога.			

**Платежное извещение
по сельскохозяйственному налогу
Осиповой Ксении Федоровны. 1960 г.**

молоко, шерсть, коженное сырье, яйца, табак и махорка). Так, в 1940 г. колхозные дворы в счет обязательных поставок в зависимости от зон страны должны были сдать от 32 до 45 кг мяса (единоличные — от 64 до 90 кг), 200—1100 г шерсти с каждой овцы, 130—200 г с каждой козы (единоличные — 500—1400 и 150—220), 2—20 ц с гектара плана сева картофеля (единоличные — 3—25 ц), 0,5—2 шт. шкур овец и коз (единоличные — 1—3 шт.). Кроме того, в обязательном порядке сдавались все шкуры крупного рогатого скота, получаемые от убоя или падежа от незаразных заболеваний.

Постановлением СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 19 марта 1946 г. среднегодовые нормы обязательной поставки молока государству по колхозным дворам устанавливались в размере до 260 л с каждой коровы, до 300 л с единоличных хозяйств. С 1948 г. колхозники, имеющие посевы зерновых культур и риса, привлекались к обязательным поставкам по нормам, установленным для единоличных хозяйств данного района. С 1949 г. на 50 % повышалась норма обязательных поставок шерсти крестьянским дворам, имеющим овец. В послевоенные годы колхозный двор в зависимости от почвенно-климатической зоны обязан был сдавать 40—60 кг мяса, 120—180 л молока, 30—150 штук яиц в год. С 1953 г. годовые нормы были снижены до 30 кг мяса, 60—110 л молока, 30—100 шт. яиц, 200—1100 г овечьей шерсти. С 1954 г. хозяйства, не имеющие скота в личном пользовании, перестали привлекаться к поставкам животноводческой продукции,

кроме яиц. Также личные хозяйства полностью освобождались от обязательных поставок государству зерна⁸⁹. Как правило, выполнение обязательств разбивалось на 2—4 календарных срока сдачи (это не касалось зерна, риса, картофеля, сдававшихся из первых обмолов и сборов). Недоимки по поставкам не списывались, а переходили на следующий год. Для решения вопроса о списании недоимок требовалось специальное рас-

б. Шерсть:	900	граммов	Серия <u>Zn</u>		№ <u>7216</u>
а) овечьей полушерстью по норме	90	граммов			
в) козьей по норме	180	граммов	ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ		
на поставку государству в 1953 году мяса, молока, брынзы-сыра, яиц, шерсти и коженного сырья					
Гр. <u>Осипова</u>					
<u>Косая Федоровна</u>					
Колхозник, рабочий, служащий, санитарино-лечебное учреждение					
Колхоз <u>им. Мухоморова</u>					
Села <u>В. Артамоново</u>					
Сельсовет <u>И. Юрковское</u>					
Район <u>Туркманкаинский</u>					
Область (республика) <u>ТАССР</u>					
На основании постановления Правительства Вы обязаны сдать государству в 1953 году по государственным обязательным ценам:					
Справка 286, 286/67, УМ-841, т. 12, стр. 60. Тираж: Котляшова 1953					

Обязательство на поставку государству в 1953 г. мяса, молока, брынзы-сыра, яиц, шерсти и коженного сырья с хозяйства Осиповой Ксении Федоровны

поряжение правительства (по каждому случаю) и ходатайство областных партийных и советских органов, согласие Наркомата заготовок и сельхозотдела ЦК ВКП(б). Подача жалоб и заявлений не приостанавливала взыскания налогов. В целом, исполнение крестьянством натурально-продуктовой повинности внесло весомый вклад в государственные заготовки продуктов растениеводства и животноводства. Доля хозяйств колхозников, рабочих и служащих в государ-

1. Мясо (в живом весе) по норме 40 кг с учетом колхозника 4 кг (на основании ст. 4 постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 18.IV 1949 г. и постановления Совета Министров СССР № 1948 от 11.VI 1951 г. и др.)				Молоко должно быть сдано на пункт, завод — <i>Дервомакс</i> организации.							
Всего подлежит сдаче мяса 44 кг в том числе по срокам:				2. Брынзы-сыра 750 граммоз или овечьего молока литров Привоз-сыр или сырье молока должно быть сдано на <i>Дервомакс</i> пункт до 1.IX 1953 г.							
С 1 января по 31 марта	С 1 апреля по 30 июня	С 1 июля по 30 сентября	С 1 октября по 1 декабря	4. Яиц 100 штук Яица должны быть сданы на пункт <i>Дервомакс</i> организации в следующие сроки (в штуках).							
13.3	6.2	11	13.2	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь, июль	Август, сентябрь	Октябрь, ноябрь, декабрь
Мясо должно быть сдано на приемный пункт, Загот- склад в <i>Дервомакс</i> .				5. Кожевенного сырья (шкура) качеством не ниже II сорта: а) мелких кож (овечьих шерстных и полушерстных или козлых, размером не менее 35 квадратных дециметров каждая в парном виде) 9.5 штук. б) крупных кож, лоскут от 4 кг и выше каждая (в пар- ном виде) штук. Кожевенное сырье должно быть сдано на ближайший заготпункт, Заготовочное до 1 июля 1953 г. 50% а остатки 50% — до 1 декабря 1953 г.							
2. Молока базисной жирности: по норме литров с учетом колхозника литров (на основании ст. 4 постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 18.IV 1949 г. и постановления Совета Министров СССР № 1948 от 11.VI 1951 г. и др.)				Распределение сдачи молока по срокам (в литрах): Январь Июль Февраль Август Март Сентябрь Апрель Октябрь Май Ноябрь Июнь							

Обязательство на поставку государству в 1953 г. мяса, молока, брынзы-сыра, яиц, шерсти и кожевенного сырья с хозяйства Осиповой Ксении Федоровны

ственных закупках и заготовках составляла в РСФСР в 1940 г. по картофелю 30 %, в 1950 г. — 40 %, по мясу скота и птицы — соответственно 25 и 29 %, яйцу — 100 и 55 %, молоку — 26 и 40 %, шерсти — 22 и 20 %⁹⁰.

Сущностным моментом в оформлении системы повинностей являлись методы привлечения к ним. Было создано принципиально новое, в определенной степени уникальное законодательство, регламентирующее введение, взимание повинностей, систему санкций за их невыполнение. Вопросами исчисления и взимания налогов в послевоенные годы ведали налоговые инспекторы, которые занимались учетом всех источников доходов семьи, в т.ч. путем опроса домохозяйина, исчислением налоговых платежей, предоставлением льгот по платежам, организацией своевременного сбора налогов. Данные сверялись с записями похозяйственных книг сельсоветов и материалами предыдущего обложения. С конца 1950-х гг. исчисление и взимание налогов были возложены на правления колхозов. Выполнение планов обязательных поставок сельскохозяйственной продукции и различных налогов сельским населением проходило сложно. На 1 сентября 1948 г. налоговые недоимки по республике достигли 9473 тыс. руб., в т.ч. имелась задолженность по сельхозналогу, налогам на холостяков и малосемейных граждан и др.⁹¹

В августе 1949 г. сотрудниками Министерства государственного контроля СССР по контролю за расходованием и сохранностью хлебопродуктов в Чувашской АССР

была проведена проверка выполнения решений правительства о заготовке мяса, молока и животного масла по итогам первого полугодия 1949 г. в Управлении Уполномоченного Министерства заготовок СССР по Чувашской АССР. По итогам проверки было выявлено, что большинство индивидуальных сдатчиков не приступало к выполнению плана первого полугодия 1949 г. по сдаче молока и мяса за данный период. Так, из 151 306 хозяйств индивидуальных сдатчиков, имеющих обязательство по сдаче мяса государству на 1949 г., 50 738 хозяйств республики не приступили к выполнению обязательств, не выполнили обязательств 137 510 хозяйств. Не лучше обстояло дело по сдаче молока: из 108 793 хозяйств индивидуальных сдатчиков по молоку 15 444 также не приступили к выполнению обязательств, и 64 722 хозяйства не выполнили план. Проверка выявила факты невыполнения своих обязательств по сдаче государству мяса и молока работниками районных уполномоченных Министерства заготовок, факты пропуска хозяйств, подлежащих привлечению к обязательным поставкам, недоучета скота и незаконного предоставления льгот и, наоборот, привлечения хозяйств, имеющих льготы.

За уклонение от повинностей колхозник привлекался к разным видам ответственности вплоть до конфискации имущества и судебных решений. В 1945 г. действие постановления СНК СССР от 24 ноября 1942 г., разрешающее взыскание недоимок с хозяйства районным уполномоченным Наркомата заготовок «в беспорядном порядке», было продлено на послевоенный период и находило широкое применение. Так, за 1947 г. по РСФСР были переданы в суд дела на 15,8 тыс. хозяйств, имеющих недоимки по поставкам кожсырья, 132 тыс. хозяйств — по поставкам яиц, 231 тыс. — по молокопоставкам. Доля привлеченных к суду составляла от 0,5 до 2 % колхозных дворов, обязанных участвовать в государственных поставках. В 1949 г. в Чувашской АССР 5464 индивидуальным сдатчикам, имеющим задолженность по поставкам мяса, были вручены предупреждения, в 621 хозяйстве произведено беспорядное изъятие скота, переданы в суд 503 дела, осуждено 437 неплательщиков, взыскания произведены с 269 хозяйств. За задолженность по сдаче государству молока 6300 хозяйствам были вручены предупреждения, 707 дел передано в суд, рассмотрены в судах 484 дела, осуждено 411 неплательщиков, взыскана задолженность в 231 хозяйстве⁹². Уголовная ответственность была отменена в 1954 г. По постановлению Совета министров СССР от 13 апреля 1954 г. основным наказанием стал штраф в размере одно- или двукратной стоимости несданных продуктов, а также лишение права пользования приусадебным участком на срок до двух лет. Сохранились в качестве наказания опись имущества и изъятие продуктов «в беспорядном порядке». Решения уже принимались не судом, а райисполкомами. Уголовная ответственность предполагалась и за укрытие источников дохода.

ИЗВЕЩЕНИЕ

о задолженности по обязательным поставкам животноводческих продуктов

Гражданину Осиповой Ксении Федоров.
Фамилия, имя и отчество

колхоза им. Ленина

сельсовета И. Мухоморова

района Первомайск

проживающему _____

Ставлю Вас в известность, что по состоянию на 1 января 1953 года за Вами числится задолженность по обязательным поставкам животноводческих продуктов и сырья государству в количестве:

Наименование продуктов	Единица измерен.	По обязательной поставке
Мяса	кг	
Яиц	шт.	7
Молока	литр.	
Шерсти овечьей полугрубой	кг	
Шерсти козьей	кг	
Овчин, козлин	шт.	
Свиных шкур	шт.	1688

Специальный тираж 1/24 в. л., 20-30-1157-ХИ-53 г., зак. 6213, тир. 4000000

Предупреждаю, что указанная задолженность должна быть погашена Вами в первую очередь.

В случае несдачи числящейся за Вами задолженности, Вы будете привлечены к установленной законом ответственности.

Районный уполномоченный
 Министерства заготовок СССР В. В. В.
подпись

_____ 1953 г.

Извещение о задолженности по обязательным поставкам животноводческих продуктов с хозяйства Осиповой Ксении Федоровны. 1953 г.

Для села стали характерным явлением самоуправство и незаконные действия должностных лиц, занимающихся взиманием налогов. В д. Малые Шемердяны Ядринского района в декабре 1946 г. три работника налоговой службы изъяли продукты и вещи у семьи Шихмаревых, которая даже не имела долгов по налогам. Изъятые продукты были перераспределены между налоговиками. В д. Шоркино у единоличника П. Родионова председатель сельсовета и налоговый инспектор райфинотдела за недоимку в 250 руб. изъяли овцу и двух коз, которые оценивались в 1200 руб. Суд обязал вернуть имущество потерпевшему, но затем это решение было отменено. Налоговый произвол вызывал массовые жалобы. Только в первые четыре месяца 1949 г. в городские и районные финансовые органы поступило 16 186 заявлений о неправильном обложении налогами, из которых 10 675 были удовлетворены. Районные уполномоченные Министерства заготовок СССР получили за этот период 22 335 писем и заявлений о неправильном обложении поставками, из которых 14 423 (70 %) было разрешено в пользу заявителей⁹³.

Сельское население было задавлено мыслимыми и немыслимыми налогами. Вот как описывается ситуация в чувашском селе: «Налог на все: на только набирающую силу яблоньку, вишню, на живность любую и на всякое прочее-прочее замеченное властями имущество. Дело доходило до того, что даже на глупую овечку налагалась законная будто бы контрибуция: поставка молока натурой! Иной сейчас даже не поверит. Но это было. И приключалось на моей памяти... Держишь корову — масло сбей и отдай агенту. А сам изволь: пей уйран, то есть пахту. Не заплатишь — вскроют сундук или же уведут живность... От бессилия перед этим социалистическим, равным непосильному крепостному оброком крестьяне вырубали яблони, вишни. Бывало, роптали. Нередко из-за недоимок попадали в тюрьмы, калечились человеческие судьбы: стариков, детородных женщин и мужиков, несмышленных детенышей»⁹⁴. Приведем выдержку из разговоров на селе: *Сельсоветран сельсовета хут сўрет, хайшён ёне памалла, хайшён сура́х памалла. Пирён ёни сук, сура́ххи сук, вёсем вырне чӑхсем пур, чӑхсем пама хирёс мар*⁹⁵ («Из сельсовета в сельсовет кочует бумага, кому надо сдать корову, кому — овцу. У нас коровы нет, нет и овцы. Есть только куры, можем только их и сдать»). Обязательные поставки государству сельскохозяйственных продуктов колхозниками, рабочими и служащими были отменены с 1 января 1958 г. постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 4 июля 1957 г.

До 1958 г. преобладали чрезвычайно жесткие внеэкономические меры к исполнению повинностей. Система повинностей была тесно вплетена в политическую и социально-экономическую жизнь государства. Тяжесть повинностей увеличивалась в периоды решения крупномасштабных государственных задач: они были резко повышены в 1948—1953 гг. После 1953 г. началось плавное сокращение объемов и видов повинностей. Высок был уровень эксплуатации двора при выполнении обязательных поставок. Доля продукции приусадебных хозяйств колхозников, сдаваемой государству, составляла по разным категориям от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{2}$ общего объема производства двора. Сопоставление цен, выплачиваемых при сдаче дворами продукции в счет государственных поставок, с государственными розничными ценами показывает, что изъятие продуктов фактически происходило бесплатно (разница в ценах доходила до десятикратных размеров). Например, в 1950 г. молоко сдавалось государству крестьянами по цене 25 коп. за литр при государственной розничной цене 2 руб. 70 коп., мясо сдавалось по цене 14 коп. за килограмм при государственной розничной цене 11 руб. 40 коп. Доля денежных повинностей колхозников, составлявшая в 1948 г. 17 %, возросла к началу 1950-х гг. до пятой части денежных доходов двора⁹⁶.

Крестьяне в массовом порядке возмущались сложившимся положением. В анонимном письме в Совет министров СССР от 22 октября 1948 г. отмечалось: «Пришло время коренным образом пересмотреть множественность налогов, а займы выпускать в чрезвычайное время, а то ведь ежегодный заем при спуске на место планов является обязательным, так как не соберешь заем — нечем будет жить, бюджет лопнет, а отсюда гонка за выполнением вольно или неволью. Заем должен быть по нашему пожеланию, чисто добровольным, без включения в территориальные бюджеты, а продавать его в любое время года, на получение выигрышей»⁹⁷. В 1989 г. за счет налогов с населения формировалось более 10 % доходов бюджета. Размер этой доли зависел от принципов хозяйствования и социальной политики.

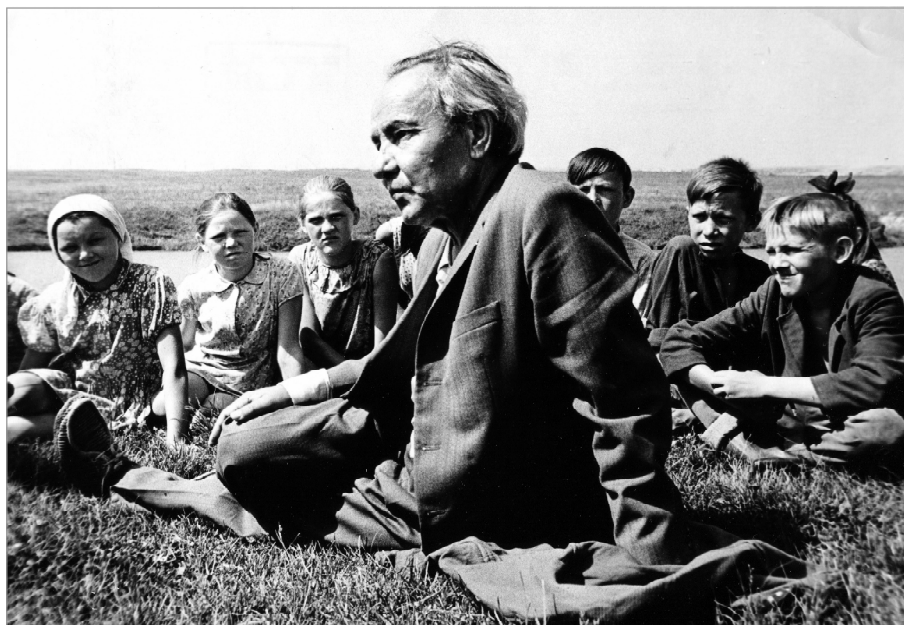
5.4. Социальная идентичность и социальное самочувствие крестьянства

Социальная идентичность различных групп советского общества сравнительно недавно привлекла внимание исследователей. В рассматриваемые нами годы колхозные крестьяне характеризуются как один из двух ведущих классов советского общества. По Конституции 1936 г., Советское государство — государство рабочих и крестьян. В речи И.В. Сталина о проекте данной Конституции, провозглашенной в ноябре 1936 г. на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, были подчеркнуты основные официальные характеристики колхозного крестьянства: «Наше крестьянство является совершенно новым, небывалым ещё в истории крестьянством. Начать хотя бы с того, что у нас уже нет помещиков, кулаков, купцов, которые могли бы эксплуатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть крестьянство, освобождённое от эксплуатации. Во-вторых, наше крестьянство в своём большинстве является колхозным. Это значит, что оно базирует свой труд и своё достояние не на отсталой средневековой технике, а на технике современной, базирует свой труд и своё достояние не на мелком производстве, а на крупном механизированном производстве. И наконец, хозяйство нашего крестьянства, если взять его большинство, опирается не на частную собственность, а на коллективную собственность, выросшую на базе коллективного труда. Как видите, наше крестьянство — это совершенно особое крестьянство, новое (новое!) крестьянство, какого не знает история человечества»⁹⁸. В Конституции 1977 г., действовавшей до 1991 г., в ст. 1 обозначалось, что СССР «есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян, интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны»⁹⁹.

В первые послевоенные годы, вплоть до начала 1960-х гг., в связи с организацией колхозов, развитием и упрочением колхозной системы, сохранялось деление крестьянства на колхозников и единоличников. В данной ситуации именно отношение государства и отношение к государству выступало фактором формирования идентичности. Если единоличники рассматривались Советским государством как потенциальные противники, то в колхозниках власть видела лояльных крестьян. Вся система агитационно-пропагандистской работы была направлена на создание положительного образа колхозов и колхозников. В устном народном творчестве (пословицах, частушках и т.д.), не говоря о профессиональной литературе, поддерживался имидж колхозника и колхозов. Противопоставление колхозной жизни и жизни прежней, крестьянской было актуальным: «Была жизнь невеселая, стала светлая, колхозная»; «Колхозный труд — народный труд»; «Сила колхоза — в народе»; «Колхозный путь — правильный путь»; «Колхоз — дорога к коммунизму» и т.д.¹⁰⁰ Подчеркивалось, что колхозниками могли стать отдельные категории крестьянства. Например, в одной из песен, исполняемой по местному радио сельскими женщинами, отмечалось: *Бедняк Ваньккă, средняк Паньккă, кѣтѹс Мишкă, патрак Гришкă кѣчѣс колхоза, кѣчѣс колхоза. Лаишисене, ёнисене, анисене, сарансене пачѣс колхоза, пачѣс колхоза*¹⁰¹ («Бедняк Ванька, середняк Панька, пастух Мишка, батрак Гришка вступили в колхоз. Лошадей, коров, пашню, луга отдали колхозу»). Крестьяне пользовались таким отношением, в случае необходимости в своих письмах-обращениях в органы власти указывали на то, что вступили в колхоз, ссылались на статус колхозника. Отношения между колхозниками и единоличниками складывались по-разному, из-за агрессивной государственной политики в отношении последних, искусственного противопоставления членам колхозов и проч., среди колхозного крестьянства в целом сложилось к ним негативное отношение. В 1960—1970-х гг. в каждом селе или деревне могли указать на семьи единоличников, их называли «инхозники» с некоторым оттенком осуждения. Иногда в их взаимном восприятии проскальзывала враждебность, наиболее сильно проявлявшаяся среди молодежи. Но надо отметить, что и те, и другие, несмотря на превратности судьбы, изменения юридического статуса, характера производственной активности и социальной организации на селе, продолжали считать себя крестьянами. Этому способствовала как сила традиции, так и высоко оцениваемый политической пропагандой статус крестьянства в иерархии социальных групп советского общества. Крестьянская идентичность жителей села проявлялась прежде всего в их антагонизме по отношению к городскому населению. Противопоставление себя миру города было характерным и для колхозной деревни. «Жизнь деревенскую город не знает»; «Уважаемый в деревне человек в городе не уважаем»; «Чем быть последним в городе, луч-

ше быть первым в деревне»; «В деревне береги имя и уважение, в городе береги бумагу (справку)»; «Деревня работает — город торгует» — вот некоторые высказывания сельских жителей и пословицы, характеризующие взаимоотношения деревни и города¹⁰². В последующие годы, к концу 1980-х гг., миграционные процессы, процессы урбанизации республики, изменение социально-экономического положения сельских жителей и горожан, рост образовательного и культурного потенциала крестьянства, особенно молодежи, привели к тому, что противопоставление «город — село» нивелируется, но не исчезает. Наоборот, для части крестьянства городской образ жизни и возможность стать горожанином становятся престижными.

Важным признаком принадлежности к крестьянству для деревенских жителей было занятие земледелием, вид хозяйственной деятельности. Традиционно чувашы — землепашцы. Крестьянин относился к земле с уважением и труд на земле считал главным и почетным своим делом¹⁰³. В 1946–1990 гг. традиционное отношение к земледельческому труду еще сохранялось, поддерживалось оно как примерами заботливого отношения к земле передовиков сельского хозяйства, руководителей отдельных колхозов, простых колхозников, так и средствами массовой информации, агитационно-разъ-

Я. Ухсай среди ребят с. Синьял-Покровское Чебоксарского района
1974 г.

яснительной работой. Видные представители интеллигенции Чувашии, которые в основном были выходцами из села, принадлежность к сельскохозяйственному труду считали важным элементом самоидентификации, тем самым поддерживая в общественном сознании положительный имидж земледельца и любовь к земле. П. Хузангай свое отношение к этому выразил следующими словами: «Для меня поэзия сельскохозяйственного труда началась с детских лет и непосредственно в процессе работы. Помню, как отец, кончая жать полоску ржи, оставлял горсточку стеблей нетронутой, завязывал колосья вместе и проносил такое четверостишие: “Полоска, верни мне мои силы, укрепи натруженную поясницу, верни моему серпу зубья, приду домой, угости сметаной”»¹⁰⁴. В письме к руководителю республики И.П. Прокопьеву в январе 1979 г. народный писатель Я. Ухсай писал: «Надо иметь книгу, где бы была выражена боль личная и народная за землю»¹⁰⁵. Чувашский мир, крестьянская, сельскохозяйственная субкультура были в центре внимания поэта Алексея Воробьева¹⁰⁶.

В целом государственная аграрная политика была направлена преимущественно на развитие общественных хозяйств, в которых вольно или невольно происходило отчуждение крестьянина от земли, точнее от ответственного отношения к сельскохозяйственному труду. Приведем пример. В 1945 г. колхозник Вурнарского района (И.И. Илларионов) выступил на совещании бригадиров и машиноведов против применения машин в уборочных работах из-за незрелости зерна, предложил проводить уборку местами вручную. Его предложение было оценено как акт саботажа, материалы переданы в районную прокуратуру, в характеристике личности подчеркивалось, что он бывший кулак. Желание ряда руководителей колхозов вести некоторые агротехнические мероприятия с учетом традиционных навыков земледелия также приписывалось к элементам вредительства. Хотя случаи, когда сельскохозяйственной техники не хватало и приходилось многие работы выполнять вручную, не были исключительными для первых послевоенных лет¹⁰⁷. Председатели колхозов, душой болеющие за дело, наиболее рачительные хозяева земли, вплоть до реорганизации МТС выступали против обработки некоторых земельных участков техникой. Это было связано с ответственным отношением к работе, стремлением соблюсти агротехнику земледелия, плохим качеством выполняемых МТС работ. К тому же колхозы должны были оплатить работы МТС поставкой сельскохозяйственной продукции, что являлось дополнительным методом изъятия государством средств из аграрной сферы. Еще в конце 1970 — начале 1980-х гг. методы работы известного в республике руководителя — председателя колхоза «Знамя труда» Моргаушского района Е.А. Андреева, «сына и хозяина земли», как называли его журналисты, в необходимых случаях привлекавшего колхозников к работе вручную, чтобы спасти урожай и сберечь

землю, были на слуху у крестьян и работников сельского хозяйства¹⁰⁸. Достаточно активно обсуждался вопрос об ответственном отношении к земле и труду в общественном хозяйстве при рассмотрении проекта Примерного устава колхоза в 1969 г.¹⁰⁹ В дальнейшем крестьяне в своих обращениях в органы власти стали больше обращать внимание на необходимость усиления ответственности руководителей за землю и

А.Г. Николаев и Е.А. Андреев

ее использование. Так, в письме в обком партии жителя с. Порецкое И.Г. Ведина в 1981 г. предлагалось усилить спрос с руководителей хозяйств и других кадров за разумное, эффективное использование земли, трудовых ресурсов. Он писал: «Земля наша, матушка, — бесценное богатство. Мы на ней живем, ею пользуемся, она нас поит и кормит. При советской власти мы стали жить неузнаваемо богаче материально и духовно»¹¹⁰.

К середине 1970-х гг. активность крестьян в борьбе за землю снижается, меняется отношение к земле и сельскохозяйственному труду, утрачивается традиционная ценность земли. Земля больше приобретает практическую значимость, связанную с ростом доходов за счет работы на ней, выплат и льгот из общественных фондов, улучшением материального положения, изменением отношения к кропотливому труду, отсутствием материальной заинтересованности, снижением духовной потребности хозяйствования на земле. С 1980-х гг. все большее внимание начинают уделять воспитательной работе среди сельской молодежи. Одновременно происходит процесс изменения социально-культурного типа работника, занятого сельскохозяйственным трудом, утраты основных черт, характерных для крестьянства¹¹¹. Все эти процессы привели к существенному изменению отношения к сельскохозяйственному труду, переходу от преимущественно крестьянской к крестьянско-городской жизни и культуре. Как отмечает исследователь, «и города из нас не получилось, и навсегда утрачено село»¹¹².

Традиционно, когда дается характеристика основных качеств чувашей, приводится такая сторона их ментальности, как трудолюбие. «Это не просто бытовая приверженность к труду, а идейно спланирующая основа труда. Труд — всему голова. Так гла-

сит пословица. Крестьянин знает ему цену и в народных песнях возвеличивает труд как таковой и продукты трудовой деятельности»¹¹³. В основном деревенская жизнь строилась на основе труда в общественном хозяйстве и труда в собственном хозяйстве. По воспоминаниям колхозников, работать в колхозах начинали с 10—11 лет, а иногда и еще раньше, в 7—8 лет, многое зависело от благосостояния семьи. Заработанные детьми и подростками трудовни, как правило, записывались в трудовые книжки матерей, но иногда подростки получали денежное вознаграждение за свою работу, особенно мальчишки-старшеклассники, подрабатывающие помощниками трактористов, комбайнеров, пастухами и т.д. В личном подворье привлечение к труду детей было обязательным элементом введения хозяйства. А.Г. Николаев вспоминает: «Родители нас очень рано приучили к труду... Летом мы почти не жили дома. Только ночевали. С рассветом я уезжал с отцом в поле. Что он делал, за то и я брался. Ходил за плугом, бороной, сеялкой. Даже косил. Правда, пшеницу и рожь, если они густые, трудновато было одолевать, но ячмень, овес и гречиху косили запросто. Доводилось и возить снопы, скирдовать, молотить. Часто на ночь оставались в поле...»¹¹⁴ Вплоть до конца 1980-х гг. подростки и школьники принимали непосредственное участие в общественном производстве. Сама система организации труда в колхозах и совхозах, других сельскохозяйственных предприятиях не могла быть действенной. Отдачи от труда в личном хозяйстве было больше, но он тоже не всегда был эффективен. Отношение к общественному производству у колхозного крестьянства и рабочих совхозов не было однозначным. Так, во время социологического исследования 1980 г. (опрошены 484 крестьянина и 404 рабочего совхозов) 73,7 % колхозников и 66,8 % работников совхозов высказали положительное отношение к работе в общественном хозяйстве. Наибольшую удовлетворенность работой в общественном хозяйстве отметили работники, занятые квалифицированным механизированным трудом, и труженики старшего возраста, менее ценным общественный труд казался работникам неквалифицированного ручного труда, наименьший показатель удовлетворенности трудом выявился у работников умственного труда высшей квалификации (руководители хозяйств, специалисты сельского хозяйства) и у молодежи, особенно у женщин в возрасте 25—29 лет (47 % опрошенных)¹¹⁵. Отношение к труду сельчан во многом зависело от социально-экономических факторов, определяющих его содержательность и перспективы для развития. Большая физическая нагрузка, недостатки в организации и оплате труда, отсутствие материальной заинтересованности оказывали наибольшее влияние на отношение к труду. Приведем сюжет из жизни деревни. В 1950 г. И.П. Прокопьев был назначен заведующим отделом пропаганды и агитации Калининского райкома партии. В первые же дни работы он был командирован в колхоз им. К. Мар-

кса в качестве уполномоченного по завершению уборки и заготовки картофеля и овощей. К середине октября из-за дождей картофель был убран лишь с половины площадей. В связи с низким урожаем зерновых культур колхозникам не выдали зерна на заработанные трудодни, и они отказались выйти на копку картофеля. И.П. Прокопьев вместе с председателем колхоза А. Емельяновым¹¹⁶ пошли по дворам колхозников, упрасывая их выйти на работу. На следующий день в правлении колхоза организовали собрание коммунистов, комсомольцев, учителей, где за каждым было закреплено по несколько дворов с целью мобилизации всех колхозников на завершение уборки картофеля, кормовой свеклы и капусты. Бригадирам поручили подготовить подводы и мешки для вывоза урожая. После этого работа наладилась, и уборка была завершена. Но значительную роль сыграло обещание председателя колхоза А.В. Емельянова выдать за трудодни немного зерна, несмотря на запрет свыше из-за невыполнения плана продажи его государству¹¹⁷.

Ограничение прав колхозников в решении вопросов внутриколхозной жизни подрывало у них чувство хозяина, чувство ответственности за общественные дела. В 1960–1980-е гг. отношение к общественному производству, к труду меняется (см. подробнее в главе 1). Негативные явления и социальная апатия крестьянства становятся системными факторами социальной жизни крестьянства, таким образом, происходит адаптация крестьян к условиям жизни. Эти изменения волновали общество, само крестьянство, к концу 1980-х гг. — руководителей и организаторов аграрного сектора экономики. Приведем некоторые выдержки из республиканской периодики: «И сегодня как колхозы, так и совхозы не могут сделать самостоятельно ни одного шага. Нет и желания изменить это, привыкли к указаниям. Так легче, ответственность можно переложить на вышестоящие органы. Из крестьянина сделали человека, не умеющего работать без команды, без указаний. Уже третье поколение крестьян не может принимать участие в решении судеб села и сельчан. Если у человека нет интереса, возродить чувство хозяина у крестьянина не удастся и сотнями постановлений и инструкций»¹¹⁸.

Не менее важным элементом крестьянского самосознания было стремление к свободе хозяйственной деятельности, сохранилось оно и в колхозной деревне, где в принципе была невозможной. Именно оно лежало в основе противостояния крестьян колхозной политике, появления и распространения время от времени среди жителей села слухов о развитии индивидуальных хозяйств, отмене колхозов и т.д. Свобода хозяйственной деятельности могла реализоваться, и лишь частично, через личные подсобные хозяйства, являющиеся одной из основных сфер жизнедеятельности сельского населения, а ведение ЛПХ — неотъемлемая черта сельского уклада жизни. Оно оказывало существ-

венное влияние на формирование социальных качеств сельского населения, на его отношение к труду и реальное поведение в общественном производстве. Давая определение понятию крестьянства, Т. Шанин подчеркивает семейный характер организации как производственной, так и повседневной жизни крестьянского сообщества. «Семейное хозяйство, — пишет автор, — функционирует как основная единица крестьянской собственности, производства, потребления, биологического воспроизводства, самоопределения, престижа, социализации и благосостояния»¹¹⁹. Такое сущностное положение крестьянства определяло основное противоречие развития российской деревни на протяжении всего XX в.: это было противоречие между установками колхозного крестьянства и механизмами частной собственности и хозяйственной свободы. Экономической основой социализма была и конституционно закреплялась общественная, социалистическая собственность в государственной (общенародной) и кооперативно-колхозной формах, причем последнюю предполагалось поднять до уровня общенародной. Возрождения форм частной собственности, что было основой экономического развития крестьянства доколхозного периода, государство не могло допустить. За крестьянином признавалось лишь право личной собственности, объектами которой могли быть трудовые доходы и сбережения, жилой дом, подсобное домашнее хозяйство, предметы домашнего обихода и личного потребления и удобства. Таким образом собственность гражданина фактически была полностью выключена из сферы общественного производства. Эти условия не могли не основываться на экономически пассивной личности, не поощрять иждивенчество. Именно такой человек — наемный труженик — требовался для государства-собственника, и он за годы советской власти в достаточно широких масштабах сформировался¹²⁰. На формирование негативного отношения к частной собственности была направлена вся идеологическая работа.

В докладной записке органов госбезопасности, направленной на имя С.М. Илюкова, отмечались настроения среди студенческой молодежи республики в начале 1960-х гг. Поводом для рассмотрения стали высказывания студентки Чувашского сельскохозяйственного института К., которая рассуждала об уровне культуры земледелия в Америке, состоянии колхозов в стране и выразила возможность (желание) трудиться с удовольствием на селе, если бы «все это принадлежало не колхозу, а лично ей»¹²¹. В прессе и на заседаниях бюро обкома партии, а затем и на заседаниях Союза писателей Чувашии часто подвергались критике произведения писателей, «пронизанные духом частнособственнической идеологии»¹²². Во многих литературных произведениях в эти годы возвлеклась работа в колхозах, а те произведения, в которых каким-либо образом освещалась деятельность в личных хозяйствах, подвергались критике. Так, в 1949 г. в жур-

нале «Ялав» (Знамя) была опубликована статья А. Эсхеля, где критическому обзору подверглись произведения И. Тукташа и Я. Ухсяя за сюжеты о личных хозяйствах крестьян, якобы «воспевающие пережитки прошлого мира, психологию единоличника»¹²³. По мнению исследователя чувашской литературы, «опять рождаются схемы: зажиточные деревни, богатые колхозы, передовые фермы, электростанции»¹²⁴.

Основой крестьянской идентичности являлись проживание в сельской местности, труд на земле и желание самостоятельно хозяйствовать. Но статус колхозника вынудил крестьян к отходу от ряда традиционных привилегий: свободы хозяйствования, наличия имущества, даже изменений повседневной жизни. Постепенно происходит утрата крестьянами основных признаков социальной идентичности. Прежде всего, это появление на селе новой модели крестьянского подворья без надела и скота, отчуждение от земли, средств производства, от принятия хозяйственных решений, появление новых источников существования крестьянской семьи, изменение характера сельскохозяйственного труда, утрата интереса к ведению личного хозяйства, размывание традиционной крестьянской культуры, дифференциация крестьянства, системный разрыв деревенских жителей с сельским хозяйством, товаризация рабочей силы на селе, но не земли. Публицист отмечает: «Очень жаль, но сегодня чувашские крестьяне не готовы всем миром выйти на борьбу с оврагами и эрозией почвы, их приучили сидеть и ждать помощи от “агропромовских” партнеров. Жаль, но совместная артельная работа сельского сообщества по возведению прудов и запруд — явление нечастое, если такое случается, то все республиканские средства массовой информации сразу публикуют статьи. Жаль, но сегодняшние чувашские крестьяне не могут похвалиться ответственным отношением к общественной работе, может быть, в своем хозяйстве не найдется и пылинки, но то, что за засилье колхозных полей сорняками не болит душа у многих, очевидно. Жаль, но чувашский крестьянин сегодня не может восхвалить себя скромностью, так же как и проживающий в городе чуваш; из года в год растет число матерей, бросающих своих новорожденных детей, распадаются семьи, налицо моральная деградация»¹²⁵.

В целом крестьянству Чувашии удалось сохранить земледельческую идентичность. Этому способствовало и то, что социальный статус колхозника-крестьянина воспроизводился из поколения в поколение. Изменение социального статуса было возможно только при условии перехода в другую социальную категорию — рабочего или служащего государственного учреждения или предприятия.

Социальное самочувствие крестьянства было связано с личным подворьем, своим хозяйством. Восприятие сельским жителем своего дома (*сурт*, *кил*; по определению Н.И. Ашмарина, *сурт* — это строение, включающее двор со всеми относящимися

к нему постройками; *кил*, по мнению А.К. Салмина, соединяет вместе домочадцев, скот, избу, постройки, землю, имущество, т.е. ряд составляющих основу социальной идентичности крестьянства), своей усадьбы, в которой особо значимы сад и огород, всегда являлось абсолютно положительным¹²⁶. В мировоззрении крестьянина дом занимает значимое место, он выступает центром обитания семьи, первичным культурным пространством, где сельскому жителю суждено родиться, расти, вступать в брак, растить детей, уйти в другой мир. Рубежным пространством между домом и улицей выступает двор. Улица как внешнее пространство, по утверждению А.К. Салмина, регламентировала нормативы обычного права, т.е. нормы поведения и проживания. И наконец, необходимо подчеркнуть единство деревенского пространства и населения, охватывающее и рамки культурного пространства¹²⁷. Высокая оценка окружающего пространства определялась его устроенностью, упорядоченностью, ценностным аспектом для жизни, эстетичностью. В народном фольклоре (половицы, поговорки, песенный фольклор, мифы) такое отношение к близкому окружению проявлялось достаточно четко.

Жизнь крестьянского сообщества всегда характеризовалась традиционностью. Одновременно существование крестьянства зависело от состояния природы, отношения с начальством, решения которого не всегда являлись понятными, социально-экономического состояния общественных хозяйств, уровня жизни и быта. Поэтому крестьянину было присуще острое чувство непрочности социального бытия и общественной связи, положения в обществе. Вплоть до середины 1980-х гг. крестьяне имели комплекс вины за свое происхождение, отсталость деревни, в том числе и благодаря пропагандистским лозунгам и идеологическим установкам. При этом игнорирование факта, что деревня являлась и является источником развития чувашского народа, его традиций, культуры, было характерным для официальной политики на селе. Исходя из этих положений, крестьянство также менялось, программа минимум предусматривала выживание, программа максимум — преодоление социального различия, превращение в нового человека или же, в крайнем случае, имитации этого положения.

Литература, источники и примечания

¹Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека, 1945–1948 гг. // Отечественная история. 1998. № 3. С. 30.

²ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 6. Л. 115–120, 130–138.

³Красная Чувашия. 1946. 16 апреля; ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 44. Д. 3. Л. 1–2.

⁴Народное хозяйство Чувашской АССР за 1957 год: статист. сб. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958. С. 102.

⁵ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 26а. Л. 42.

- ⁶ Там же. Д. 29. Л. 11, 56, 74; Д. 30. Л. 34; Д. 260. Л. 88, 96.
- ⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-869. Оп. 3. Д. 1. Л. 97–98.
- ⁸ *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 182.
- ⁹ Там же. С. 11, 170.
- ¹⁰ *Попов В.П.* Экономическая политика Советского государства, 1946–1953 гг. Тамбов: Тамб. гос. техн. ун-т, 2000. С. 24.
- ¹¹ Статистика Чувашии в годы Великой Отечественной войны, 2015: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2015. С. 127.
- ¹² ГИА ЧР. Ф. Р-869. Оп. 5. Д. 1. Л. 86.
- ¹³ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 29. Л. 21, 94; Д. 255. Л. 3–4.
- ¹⁴ Там же. Д. 257. Л. 124; Д. 259. Л. 34; Д. 260. Л. 12, 42.
- ¹⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 16. Д. 1. Л. 164–165, 169; ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 1217. Л. 10 об.
- ¹⁶ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 61–62; ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 29. Л. 79, 90, 102, 126; Д. 30. Л. 47; Д. 31. Л. 19; Д. 257. Л. 199.
- ¹⁷ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 29. Д. 246. Л. 11–12.
- ¹⁸ Там же. Оп. 24. Д. 231. Л. 34–36.
- ¹⁹ Хыпар. 2015. № 14–15. Январь, 30. С. 11.
- ²⁰ *Воробьев А.* Сут пайӑрка: савӑсем. Шупашкар: Сӗнӗ вӑхӑт, 2012. С. 89–90.
- ²¹ Аргументы и факты Чувашия. № 4. 2015. С. 11.
- ²² ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 28. Д. 643. Л. 5–21, 27, 35, 69, 75, 120; Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты, 1953–1964 гг. / сост. О.В. Хлевнюк, М.Ю. Прокуменщиков, В.Ю. Васильев, Й. Горлицкий, Т.Ю. Жукова, В.В. Кондрашин, Л.П. Кошелева, Р.А. Подкур, Е.В. Шевелева. М., 2009. С. 21–23; *Прокопьев И.П.* Во имя народа: сб. статей и очерков. Чебоксары: Чувашия, 2001. С. 174–175.
- ²³ Народное хозяйство Чувашской АССР: статист. сб. Чебоксары, 1957. С. 80; Народное хозяйство Чувашской АССР за 1957 год. С. 234.
- ²⁴ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 95–96.
- ²⁵ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 1126. Л. 74, 76–77.
- ²⁶ *Виноградский В.Г.* Российский крестьянский двор // Мир России. 1996. № 3. С. 70.
- ²⁷ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 96; ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 46. Д. 137. Л. 7.
- ²⁸ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 11. Л. 107–109, 148; История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 36.
- ²⁹ ГАСИ ЧР. Ф. П-715. Оп. 1. Д. 608. Л. 438; Д. 597. Л. 118, 177.
- ³⁰ Там же. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 11. Л. 83–88, 104–105.
- ³¹ Чувашская энциклопедия. Т. 1: А–Е. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. С. 26.
- ³² Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. С. 389; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 3. С. 381.
- ³³ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 46. Д. 15. Л. 50–54.
- ³⁴ Там же. Оп. 60. Д. 225. Л. 8–11; Оп. 24. Д. 24; ГИА ЧР. Ф. Р-1430. Д. 204. Л. 12.

- ³⁵ Чувашская областная организация КПСС: хроника, 1898—1991: в 2 кн. Кн. 2 (1956—1991). Чебоксары, 2007. С. 252.
- ³⁶ Прокопьев И.П. Во имя народа. С. 171.
- ³⁷ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 27. Л. 79, 103, 165; Д. 28. Л. 80.
- ³⁸ Чувашская энциклопедия. Т. 4: С—Я. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 533.
- ³⁹ Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. С. 349.
- ⁴⁰ Староверов В.И., Петров А.П., Ильин И.Е. Социальный портрет сельской Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. С. 150.
- ⁴¹ Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М.: Мысль, 1972. С. 74; Социалистическое земледелие. 1950. 14 сентября.
- ⁴² Павлов Н.П. Колхозная демократия — действенное средство укрепления общественной собственности (1946—1970). Ижевск: Удмуртия, 1984. 237 с.; Костяшов Ю.В. Повседневность послевоенной деревни: Из истории переселенческих колхозов Калининградской области, 1946—1953 гг. М.: Полит. энциклопедия, 2015. С. 241, 244—250; ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 554, 558, 752, 759; Оп. 32. Д. 183. Л. 3.
- ⁴³ Староверов В.И., Петров А.П., Ильин И.Е. Социальный портрет сельской Чувашии. С. 154.
- ⁴⁴ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 512. Л. 65—66; Оп. 49. Д. 4. Л. 118, 120; Советская Чувашия. 1958. 20 марта.
- ⁴⁵ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 25. Д. 5. Л. 36, 37, 113.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 28. Д. 750. Л. 50—54.
- ⁴⁷ Попов В.П. Крестьянство и государство (1945—1953): сб. документов. Париж: YMCA-Press, 1992. С. 4, 41; Приложение № 22.
- ⁴⁸ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 554. Л. 74.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 28. Д. 600. Л. 7.
- ⁵⁰ Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. С. 76—78.
- ⁵¹ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 790. Л. 60—63; Д. 1061. Л. 4.
- ⁵² Там же. Л. 60—63; Д. 255. Л. 117; Оп. 28. Д. 14. Л. 5—7.
- ⁵³ Там же. Оп. 36. Д. 172. Л. 4, 5, 10, 13, 15, 20.
- ⁵⁴ Иванова В.А. Андриян Николаев: Орбиты космические и земные. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. С. 260—261, 265—268.
- ⁵⁵ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 35. Д. 5. Л. 64.
- ⁵⁶ Там же. Ф. П-12. Оп. 34. Д. 28. Л. 2—8.
- ⁵⁷ Советская Чувашия. 1985. 17 января.
- ⁵⁸ Там же. 1990. 20 июля.
- ⁵⁹ Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: ИФ РАН, 2000. С. 100; Виноградский В.Г. Российский крестьянский двор. С. 58, 72.
- ⁶⁰ Егоров Д.В. Воровство в представлениях чувашского крестьянства // Вестник Чувашского государственного университета. 2009. № 4. С. 37.
- ⁶¹ URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1936.htm>(<http://constitution.garant.ru/history/ussr/sfsr/1936/>)<http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/>; Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории советской Конституции. М.: Политиздат, 1987. 364 с.
- ⁶² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 809. Инв. № 6175. Л. 135—135 об.

⁶³ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 2411. Инв. № 8760.

⁶⁴ Попов В.П. Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.) // Социс. 1995. № 9. С. 3–13.

⁶⁵ Федотов И. Время лихолетья (Повествование на стыке веков) // ЛИК. 2006. № 1. Январь–март. С. 42.

⁶⁶ Цит. по: Попов В. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/6/porov.html (дата обращения: 13.04.2017).

⁶⁷ Бизнес-среда. 1996. № 21. Май. С. 11.

⁶⁸ Собрание постановлений СССР. 1974. № 19. Ст. 109; Попов В. Паспортная система советского крепостничества.

⁶⁹ Афанасьева Л.А. Живи, мой край родной, деревня Анаткасы: летопись истории поселения. Чебоксары, 2014. С. 114–115, 118, 120; ГИА ЧР. Ф. Р-1062. Оп. 3. Д. 54. Л. 1; Ф. Р-950. Оп. 3. Д. 97. Л. 22; Д. 132. Л. 9; Чебоксарский районный архив. Ф. 16. Оп. 1. Д. 16. Л. 6, 7.

⁷⁰ Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х — начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109–125.

⁷¹ Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 100; Попов В.П. Крестьянство и государство (1945–1953). С. 218–219.

⁷² Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: Росспэн, 2001. С. 136–137.

⁷³ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. С. 201.

⁷⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-869. Оп. 5. Д. 22. Л. 182, 281.

⁷⁵ Попов В.П. Крестьянство и государство (1945–1953). С. 219.

⁷⁶ Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы. С. 104.

⁷⁷ Ильин В.И. Развитие бюджета Чувашской АССР в послевоенные годы // Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. 22. С. 7–8.

⁷⁸ Петухова Н.Е. История налогообложения России в IX–XX вв. М.: Вузовский учебник, 2008. С. 360–362.

⁷⁹ Гулин К.А., Димони Т.М., Карпов С.Г. Бюджет и имущество крестьян Европейского Севера России второй половины XX века / науч. ред. М.А. Безнин. Вологда, 2003. С. 91–93.

⁸⁰ Мамяченков В.Н. Подсобные хозяйства в Свердловской области в 1950–1980-х гг. // Государственная власть и крестьянство в XX — начале XXI века: сб. статей / науч. ред. А.И. Шевельков. Коломна, 2011. С. 533.

⁸¹ Петухова Н.Е. История налогообложения России в IX–XX вв. С. 370.

⁸² Гулин К.А., Димони Т.М., Карпов С.Г. Бюджет и имущество крестьян Европейского Севера России второй половины XX века. С. 91–93.

⁸³ Зеленин И.Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни, 1946–1958 гг. (состав и деятельность общественных организаций, Советов, рост политической активности сельских тружеников). М.: Наука, 1978. С. 220–221.

⁸⁴ Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы. С. 104.

⁸⁵ Петухова Н.Е. История налогообложения России в IX–XX вв. С. 365.

⁸⁶ Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. С. 27; Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950–1965. М.; Вологда, 1991. С. 209–211.

- ⁸⁷ Народное хозяйство СССР в 1990 г.: статист. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 113–114.
- ⁸⁸ Семья, женщины и дети Чувашской Республики: статист. ежегодник / Государственный комитет Чувашской Республики по статистике. Чебоксары, 1997. С. 44.
- ⁸⁹ Государственная аграрная политика в России XX века в контексте модернизационного процесса. Вологда: ВГПУ, Изд-во «Русь», 2006. С. 54.
- ⁹⁰ Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы. С. 103; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г.: статист. ежегодник. М.: Статистика, 1971. С. 221, 259.
- ⁹¹ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 24. Д. 556. Л. 78.
- ⁹² ГИА ЧР. Ф. Р-869. Оп. 5. Д. 17. Л. 44.
- ⁹³ История Чувашии Новейшего времени. Кн. 2. С. 32.
- ⁹⁴ Федотов И. Время лихолетья (Повествование на стыке веков). С. 40.
- ⁹⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 1165. Л. 43.
- ⁹⁶ Безнин М.А., Димони Т.М. История крестьянства Европейского Севера России в XX в.: итоги и проблемы изучения // Вестник РГНФ. 2003. № 1. С. 36; Попов В.П. Крестьянство и государство (1945–1953). С. 178.
- ⁹⁷ Попов В.П. Крестьянство и государство (1945–1953). С. 210.
- ⁹⁸ URL:<http://ivstalin.su/index.php?in=1&nompro=11&nomrub=4> (дата обращения: 25.10. 2016).
- ⁹⁹ Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории советской Конституции.
- ¹⁰⁰ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 203. Инв. № 1695. Л. 10, 19–20, 51–53.
- ¹⁰¹ Там же. Ед. хр. 1165. Л. 56.
- ¹⁰² Чаваш халăх пултарулахĕ. Ваттисен сăмахĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2007. С. 177, 398, 399, 400.
- ¹⁰³ Там же. С. 26, 273–274, 302–307, 314.
- ¹⁰⁴ Хузангай П. Книга дружбы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. С. 42–51.
- ¹⁰⁵ Прокопьев И.П. По зову сердца: сб. статей. Чебоксары, 1998. С. 28.
- ¹⁰⁶ Иванова Е.Ю. Отражение особенностей национального менталитета в художественной картине мира Алексея Воробьева // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности и 400-летию освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (Чебоксары, 8–9 ноября 2012 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 137, 138.
- ¹⁰⁷ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 1217. Л. 3, 4, 6.
- ¹⁰⁸ Работники сельского хозяйства: очерки: иллюстр. изд. Т. 11. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 46–58.
- ¹⁰⁹ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 33. Д. 225.
- ¹¹⁰ Там же. Оп. 50. Д. 131. Л. 157–158.
- ¹¹¹ Карпов С.Г. Социальные процессы в северной деревне в 1960–1980-е годы // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: Материалы научной конференции (5–6 февраля 2004 г.). Вологда: Вологод. ин-т права и экономики, 2005. С. 287.
- ¹¹² Роголина Н.Л. Задачи и уроки изучения российских аграрных реформ XX века // Российская история. 2011. № 4. С. 3–13.

¹¹³ Николаева А.Ю. Трансформация традиционного религиозно-мифологического мышления чувашского народа в эпоху глобализации // Культура и искусство: традиции и современность: материалы Международной очно-заочной научно-практической конференции / отв. ред. Л.Г. Григорьева. Чебоксары, 2013; Евграфова Т.Н., Чопенко Л.С. Труд как ценность чувашского земледельца // Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность. Ч. 1. Чебоксары: ЧКИ РУК: ЧГИГН, 2010. С. 225.

¹¹⁴ Иванова В.А. Андриян Николаев: Орбиты космические и земные. С. 12.

¹¹⁵ Староверов В.И., Петров А.П., Ильин И.Е. Социальный портрет сельской Чувашии. С. 111–113.

¹¹⁶ А. Емельянов был одним из смелых, самостоятельно мыслящих руководителей. Его острые деловые выступления на районных собраниях получили широкий резонанс. В дальнейшем став народным писателем Чувашии, посвятил ряд художественных произведений жизни колхозной деревни.

¹¹⁷ Прокопьев И.П. Во имя народа. С. 166.

¹¹⁸ Леонтьев А.П. Борец и наблюдатель: Публицистика разных лет: в 3 кн. Кн. 1. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. На чуваш. яз. С. 74, 80.

¹¹⁹ Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс, Прогресс – Академия, 1992. С. 11–12.

¹²⁰ Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории советской Конституции; Хрущёв Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 2; Программа Коммунистической партии Советского Союза: принята XXII съездом КПСС. М., 1964.

¹²¹ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 1061. Л. 22–24.

¹²² Там же. Оп. 24. Д. 841. Л. 87.

¹²³ Эшел А. Ёсём сүлөпе – малтан малалла! // Ялав. № 1. 1949. Январь. С. 24–28.

¹²⁴ История чувашской литературы XX века. Ч. 1 (1900–1955 годы): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 405.

¹²⁵ Леонтьев А.П. Трагическое наследие: Публицистика разных лет. Кн. 2. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. С. 216.

¹²⁶ Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб., 2007. С. 490–496.

¹²⁷ Там же. С. 528, 542–544.

Заключение

XX в. для России — это век крестьянский и одновременно век модернизаций, включавших в себя индустриализацию, урбанизацию, культурную и демографическую революции и, конечно, политику инновационного обновления аграрной сферы. Все большее значение в модернизации сельского хозяйства придавалось технологиям, товаризации сельскохозяйственной продукции, переходу на рыночные отношения. Что же касается личных хозяйств сельчан, рубежным стал сентябрьский пленум 1953 г., когда на государственном уровне были определены принципы дальнейшего развития колхозных дворов. Однако вплоть до первой половины 1960-х гг. наименьшее внимание в аграрной экономике уделялось вопросам их развития. В развитии аграрного сектора, особенно сельского сообщества, очень тесно взаимообусловлены традиции и инновации. Это повлияло на то, что в рассматриваемые годы сохранилось хозяйство крестьянского двора в виде личного подсобного хозяйства, как важнейший элемент традиционной жизни деревни. Но итогом этих процессов стала трансформация крестьянского двора, изменение многих его функций. Для всего сельского хозяйства, сельского населения это проявилось в проведении нескончаемых аграрных реформ.

Под влиянием отношений с властью изменились цели сельского мира. Если в начале XX в. главной крестьянской мечтой, как отмечает И.Е. Кознова, «была земля, которая, как представлялось, обеспечивала преемственность работающих на земле поколений (“дети будут с землей”), то ведущей тенденцией следующих десятилетий до начала XXI в. стал настрой землевладельцев на отъезд детей из села»¹.

На многие попытки государства регулировать развитие сельского хозяйства и самого крестьянства оно противопоставляло видение своего места в обществе и возможность его сохранения. Действия крестьянства прежде всего были направлены на стабилизацию ситуации, решение актуальных вопросов своего жизнеобеспечения. Крестьянство всегда отличалось некоторым прагматическим подходом к власти, когда «власть сама жила и давала жить другим». Именно умение адаптироваться к самым неблагоприятным условиям жизни в контексте концепции «моральной экономики» и «оружия слабых» помогало сельскому населению как России, так и ее регионов сохраниться и развиваться в достаточно сложный период аграрных реформ в 1946–1990-х гг.²

К концу Великой Отечественной войны крестьяне по всей стране стали говорить о переменах, которые принесет мир. Ожидалось, что после войны советская власть либо отменит, либо значительно модифицирует колхозы. Но вместо ожидаемого послабления в отношении колхозов и колхозников началось ужесточение колхозной дисциплины. Одновременно выросли планы поставок продукции и налоги, а денежная реформа 1947 г. свела на нет сбережения крестьян. В конце 1940-х гг. была проведена коллективизация на вновь присоединенных территориях, что стало подтверждением того факта, что колхозы являются одним из ключевых элементов советской системы.

В 1950-е гг. прошло укрупнение колхозов, одним из последствий которого стала утрата селом функции самоуправления и хозяйственной единицы. Кроме того, новые колхозы были так велики, что для руководства ими понадобились профессиональные управленцы. Тут же развернулась кампания по отправке в село добровольцев — 30-тысячников, призванных встать во главе коллективных хозяйств.

Последние четыре десятилетия советской власти оказались важными для эволюции колхозной системы: происходит постепенный поворот к облегчению существования общественных хозяйств, прежде всего финансирования их развития. В эти годы были значительно повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. Средний доход колхозников от работы в колхозе (и денежный, и натуральный) за период 1953–1967 гг. вырос в абсолютном выражении на 311 %. К середине 1960-х гг. колхозники основную часть заработка получали наличными, а не натурой. С 1964 г. они стали получать пенсии по старости, сначала значительно меньше пенсий городских рабочих и служащих. Но уже в 1968 г. пенсионный возраст для колхозников снизили до 60 лет у мужчин и 55 лет у женщин, как и у городского населения, а размер колхозных пенсий был повышен. В 1966 г. вводится гарантированная оплата труда для колхозников. В 1970 г. была введена единая система государственного социального страхования всех членов колхозов, хотя размеры пособий были более низкими, чем для городских

рабочих. В общей сложности это привело к тому, что в сельской местности за период 1950—1976 гг. доходы выросли гораздо значительнее, чем в городе, увеличился средний заработок (в натуре и наличными).

Если в 1960-е гг. совершился скачок вперед в материальном положении сельчан, то в 1970-е гг. деревня начала догонять город и в сфере культуры. Поввысился образовательный уровень сельского населения. В село пришло телевидение; к 1980 г. на каждые 100 семей приходился 71 телевизор, в городах — 91. Стало модным иметь холодильник, стиральную машину, начали появляться автомобили. Но, несмотря на столь заметные улучшения, деревня во многих отношениях отставала от города. Хотя в большинстве сел появились электричество, газ, доля сельских дворов с благоустройством была невелика. Страдало и благоустройство сельских населенных пунктов.

Остаточные признаки статуса колхозников как людей более низкого положения дожили вплоть до 1970 и 1980-х гг. До 1991 г. сохранилось формальное запрещение колхозникам держать лошадей, хотя оно не столь строго соблюдалось в последнее десятилетие. С 1982 г. правительство разрешило иметь лошадь рабочим совхозов и всем прочим сельским жителям, кроме колхозников. Новый закон о паспортизации дал право колхозникам на автоматическое получение паспорта по достижении совершеннолетия. Таким образом, большинство исторических несправедливостей в отношении крестьянства было устранено к концу 1980-х гг. Сельское население жило лучше и работало меньше, чем когда-либо, оно как бы достигло своих целей — почти полностью избавиться от рисков. Государство отпускало сельскому хозяйству дотации практически без всякого эффекта, низкая производительность труда в сельском хозяйстве стала притчей во языцех³.

Когда же крестьяне получили возможность изменить свое положение в соответствии с экономическими реформами, начатыми в 1990 г. в Российской Федерации, в связи с переходом к многоукладной экономике, с началом создания крестьянских (фермерских) хозяйств, оно не было готово к нему. Колхоз стал казаться весьма привлекательным, и так считали не только крестьяне. В ходе аграрной реформы в конце 1993 г. все колхозы и совхозы республики прошли перерегистрацию. На их базе было создано 58 товариществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ закрытого типа, Ассоциация крестьянских хозяйств, 57 сельскохозяйственных кооперативов, 3 подсобных хозяйства и 166 коллективных хозяйств. Прежний статус сохранили 99 колхозов и 19 совхозов⁴. В 1994 г. министр сельского хозяйства и продовольствия Чувашии А.И. Федотов в своем интервью подчеркнул: «А разговор о том, что колхозы себя полностью исчерпали, мне думается, преждевременный. Время покажет, кто выживет в

здоровой конкуренции: колхоз ли, фермер или кто-то другой»⁵. На первом этапе реформ трудности возникли как для колхозов и колхозников, так и для покинувших их граждан. Как выразился один из фермеров Чувашии, «они работают не на себя, а на чужого дядю, ну почти так же, как колхозы и совхозы»⁶. Крестьянство Чувашии свой выбор сделало в пользу личных подсобных хозяйств. В связи с реализацией земельной реформы 1991 г., важным условием которой являлось обеспечение граждан земельными участками для личного хозяйства, в республике количество крестьянских дворов за 1991–1996 гг. увеличилось более чем на 10 тыс. единиц и составило более 206 тыс. дворов на начало 1997 г. За ними было закреплено 104 тыс. га земли. Средний размер земельного участка в личном подворье, составлявший в 1930–1990-х гг. 0,3 га, возрос до 0,5 га. Более 70 тыс. семей (каждая третья) получили в свое пользование земельный участок в размере 1 га. В 2003 г. в личном подсобном хозяйстве находилось 125 тыс. га земли. В 2007 г. площадь земель, занятых приусадебными землепользователями, составила 130,2 тыс. га, в среднем на одну семью приходилось 61,2 сотки⁷.

Крестьянский двор в Чувашии не только сумел сохраниться в XX в., но и получил дальнейшее развитие. Роль деревенского сообщества гораздо шире производственных отношений. Сельская местность и крестьянский двор несут важнейшую социально-демографическую функцию: воспроизводство сельского населения, обеспечение сельского хозяйства и других отраслей экономики трудовыми ресурсами. Важнейшим является выполнение культурной функции — создание духовных ценностей, сохранение национально-культурных традиций, охрана памятников природы, истории и культуры. Селяне несут природоохранную функцию и ряд других обязанностей. К тому же время заметно перестраивает стратегию и тактику крестьянской повседневности и иницирует сельских жителей искать и находить новые способы взаимодействия общественного хозяйства и двора, новые формы производства, потребления, организации труда, а также места и способы приложения производительных усилий. Крестьянство являлось и является социальной подсистемой, довольно успешно сохраняющей собственную структуру, выработавшей за долгие годы аграрных реформ формы и способы для предотвращения кардинальных изменений.

На современном этапе развитие села возможно только при условии полноценного развития субъектности сельского населения как особой социальной общности, учитывающей возможности потенциалов конкретных сельских поселений. Главная роль при этом, по нашему мнению, как и ранее, будет принадлежать сельским домохозяйствам (крестьянскому двору), в основе которых лежат семейные отношения. Все вопросы, начиная от воспитания детей и кончая вопросами научного землепользования, находят

здесь свое рациональное решение, соответствующее содержанию крестьянского труда. Однако это совершенно не означает, что крестьянский двор представляет собою замкнутый организм, стремящийся к изоляции от остального мира. Степень замкнутости зависит от внешних обстоятельств, а ее подвижность обеспечивает жизнеспособность этого организму и всей земледельческой структуре в целом⁸.

Литература и источники

¹ Кознова И.Е. Крестьянская память о власти в современной России // Крестьянство и власть в истории России XX века. М.: ООО «АГР», 2011. С. 217, 220–221.

² Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в социальном мире: пер. с англ. / сост. Т. Шанин; под ред. А.В. Гордона. М.: Прогресс–Академия, 1992. С. 202–210; Штейнберг И.Е. Парадигма четырех «К» в исследованиях социальных сетей поддержки // Социс. 2010. № 5. С. 42.

³ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня: пер. с англ. М., 2001. С. 354–357.

⁴ Сидоров П.А. Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. С. 45; Малютин С.Р. Современная аграрная реформа: итоги переходного этапа и проблемы // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке: преобразования, проблемы и перспективы развития. Чебоксары, 1997. С. 97; Сельское хозяйство Чувашской Республики: статист. сб. Чебоксары, 2007. С. 21–22.

⁵ Советская Чувашия. 1994. 19 марта.

⁶ Бильбасова Е. Вот тебе, фермер, и Юрьев день // Бизнес-среда. 1995. Ноябрь. № 1. С. 1.

⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп. 1. Д. 30. Л. 47–48, 50–51; Чувашия за 40 лет в цифрах: статист. сб. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. С. 102; Котов Ю.Н. О ходе реализации программы проведения земельной реформы в Чувашской Республике // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке: преобразования, проблемы и перспективы развития. Чебоксары, 1997. С. 120; Сельское хозяйство Чувашской Республики: статист. сб. Чебоксары, 2007. С. 13.

⁸ Ланциков А.П., Салуцкий А.С. Крестьянский вопрос вчера и сегодня. М.: Современник, 1990. С. 273.

Приложение

1. Национальный состав населения Чувашии (по данным переписей населения, тыс. чел.)

	1959 (на 15 января)	1970 (на 15 января)	1979 (на 17 января)	1989 (на 12 января)	2002 (на 9 октября)
Все население	1097,9	1233,7	1298,7	1338	1313,8
Чуваши	770,3	856,2	887,7	906,9	889,3
Русские	263,7	299,2	338,2	357,1	348,5
Татары	31,4	36,2	37,6	35,7	36,4
Мордва	23,9	21	20,3	18,7	16
Марийцы	0,8	2,1	3	3,8	3,5
Другие национальности	7,8	9	11,9	15,8	16,6

Источник: Чувашия, 1920–2010: цифры и факты: статист. сб. / Чувашистат. Чебоксары, 2010. С. 23. В 1959, 1970 гг. — наличное население. За 2002 г. без учета не указавших национальность.

2. Численность мужчин и женщин в Чувашии
(по данным переписей населения, тыс. чел.)

	1959	1970	1979	1989
Все население	1097,9	1233,7	1298,7	1338
в т.ч. мужчин	469,1	536,3	581	615,7
женщин	629,1	692,5	717,7	722,3
Городское	255,7	435,9	591,4	771
в т.ч. мужчин	112,9	193,3	266,5	360,5
женщин	142,8	242,6	324,9	410,5
Сельское	842,5	792,9	707,3	567
в т.ч. мужчин	356,2	343	314,5	255,2
женщин	473,2	449,9	392,8	311,8

Источник: Численность населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 45, 56, 67.

3. Удельный вес мужчин и женщин в общей численности населения Чувашии
(по данным переписей населения, в %)

	1959	1970	1979	1989
Все население	100	100	100	100
в т.ч. мужчин	42,7	43,6	44,7	46
женщин	57,3	56,4	55,3	54
Городское	100	100	100	100
в т.ч. мужчин	44,2	44,3	45,1	46,8
женщин	55,8	55,7	54,9	53,2
Сельское	100	100	100	100
в т.ч. мужчин	42,3	43,3	44,5	45
женщин	57,7	56,7	55,5	55

Источник: Численность населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 78.

4. Общие коэффициенты естественного движения населения Чувашии
(на 1000 чел. населения)

Годы	Родившихся	Умерших	Естественный прирост
1940	36,1	28,8	7,3
1950	29,6	11,8	17,8
1960	30,7	8,3	22,4
1970	18,3	8,9	9,4
1980	17,3	10,7	6,6
1990	15,8	10,1	5,7

Источник: Чувашия, 1920–2010: цифры и факты: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2010. С. 24.

5. Общие коэффициенты брачности и разводимости населения Чувашии
(на 1000 чел. населения)

Годы	Браки	Разводы
1940	3	0,3
1950	7,1	0,3
1960	9,3	0,5
1970	7,8	1,3
1980	9,2	1,9
1990	9	2,1

Источник: Чувашия, 1920–2010: цифры и факты: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2010. С. 24.

**6. Социально-профессиональная структура
колхозного крестьянства Чувашии (в %)**

	1965	1970	1975	1982
Работники квалифицированного механизированного труда	7	7,9	10	17,2
Работники квалифицированного ручного труда	10,7	10,7	11,7	12,9
Работники неквалифицированного и малоквалифицированного ручного труда	82,9	81,4	78,3	69,9

Источник: Староверов В.И., Петров А.П., Ильин И.Е. Социальный портрет сельской Чувашии. Чебоксары, 1985. С. 65.

**7. Социально-профессиональная структура
рабочих совхозов Чувашии (в %)**

	1969	1972	1975	1979	1982
Работники квалифицированного механизированного труда	10,9	13,2	14,5	20,1	20,6
Работники квалифицированного ручного труда	8,9	10,7	12,7	13	13,6
Работники неквалифицированного и малоквалифицированного ручного труда	80,2	76,1	72,8	66,9	65,8

Источник: Староверов В.И., Петров А.П., Ильин И.Е. Социальный портрет сельской Чувашии. Чебоксары, 1985. С. 66.

**8. Среднегодовая численность колхозников,
занятых в общественном хозяйстве колхозов Чувашии (тыс. чел.)**

1970	1980	1985	1986	1987	1988	1989
176,1	122,6	105,8	101,6	96	89,3	87,2

Источник: Труд в РСФСР // НАЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1785. Инв. № 6016. С. 146.

**9. Производство основных продуктов земледелия
в хозяйствах населения Чувашии, валовый сбор картофеля (тыс. т)**

	1940	1950	1953	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962
Все категории хозяйств	5017	8478	10267	7116	10893	9179	11874	10346	9735	10715	7986
Совхозы и другие госхозы	25	108	103	58	86	60	79	93	400	494	365
Колхозы	1842	2991	3502	2400	4616	4163	4699	4999	5119	5088	3936
Приусадебные земли колхозников, рабочих и служащих	3150	5379	6662	4658	6191	4956	7096	5254	4216	5133	3685

Источник: Сводные показатели развития сельского хозяйства Чувашской АССР, 1940–1962 гг. // НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 126. Инв. № 456. Л. 8.

**10. Производство основных продуктов земледелия
в хозяйствах населения Чувашии, валовый сбор овощей (тыс. т)**

	1940	1950	1953	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962
Все категории хозяйств	578	515	711	645	555	640	675	638	806	1079	793
Совхозы и другие госхозы	23	12	21	20	12	15	14	16	33	46	38
Колхозы	349	293	318	304	308	278	274	218	225	408	297
Приусадебные земли колхозников, рабочих и служащих	206	210	372	321	235	347	387	404	548	625	458

Источник: Сводные показатели развития сельского хозяйства Чувашской АССР, 1940–1962 гг. // НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 126. Инв. № 456. Л. 9.

**11. Заработная плата рабочих и служащих в среднем в год
в Чувашской АССР (в руб.)**

	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1970	1980	1985	1989
По всем отраслям народного хозяйства	778	804	799	846	862	876	915	948	103,6	147,7	169,5	211,9
в т.ч. промышленности	822	837	829	887	907	922	950	987	110,5	165,6	191,2	238,5
Сельское хозяйство	544	661	522	632	604	636	653	592	77,1	106,6	146,5	185
В т.ч. совхозы	729	612	377	612	513	569	569	562	76,2	105,1	146,4	183,9

Источник: Народное хозяйство ЧАССР за годы семилетки (1959–1965 гг.) // НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 66. Инв. № 217. Л. 227; Труд в РСФСР // НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1785. Инв. № 6016. С. 255.

**12. Потребление основных продуктов питания
населением в Чувашской АССР/РСФСР
(на душу населения в год; кг)**

	1980	1985	1986	1987	1988	1989
Мясо и мясопродукты	45/62	54/67	57/68	58/71	59/73	64/75
Молоко и молочные продукты	260/328	302/344	306/356	324/363	358/385	389/396
Масло животное	3,2/5,3	4,3/6	4,5/6,1	4,8/6,7	5,6/7,2	5,6/7,3
Сыр	1,5/2,6	1,8/3,1	2,1/3,2	1,8/3,2	2,1/3,3	2,5/3,3
Яйца, шт.	213/279	239/299	259/310	259/315	272/319	279/309
Рыба и рыбопродукты	22/23	24/23	22/23	21/23	19/22	17/21
Сахар	45/47	46/45	51/47	54/51	50/51	44/45
Растительное масло	5,7/9,1	6,4/9,8	5,9/9,9	6,6/10,2	6,3/10,3	6,6/10,4
Картофель	152/118	124/109	133/113	147/115	143/107	147/104
Овощи и продовольственные бахчевые	60/94	73/98	68/97	68/95	71/97	71/93
Хлебные продукты	148/126	141/119	138/119	131/118	133/117	130/115

Источник: Потребление основных продуктов питания населением РСФСР // НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1780. Инв. № 5246. С. 9–38.

**13. Потребление основных продуктов питания населением
в Чувашской АССР/в Волго-Вятском районе**
(на душу населения в год; кг)

	1965	1970	1975	1980	1985	1989
Мясо и мясопродукты	29/34	33/40	42/52	45/53	54/60	64/69
Молоко и молочные продукты	169/248	229/317	269/324	260/302	302/332	389/387
Яйца, шт.	121/130	133/166	193/255	213/265	239/287	279/313
Хлеб и хлебобулочные продукты	177/186	168/166	151/149	148/143	141/129	130/121
Картофель	211/181	175/163	178/164	152/147	124/128	147/132
Овощи и продовольственные бахчевые	54/65	60/73	59/74	60/68	73/77	71/80
Рыба и рыбопродукты	12/14	16/20	19/22	21,5/24,4	23,5/25	17,3/20
Сахар	27,8/35	33,8/40,8	42,7/44	44,9/48,6	45,7/47	43,8/43,7
Масло растительное	2,8/5,4	3,9/5,7	4,8/7	5,7/7,6	6,4/8,6	6,6/9,7

Источник: История торговли Чувашии: сб. материалов, документов, воспоминаний. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2009. С. 146–147.

14. Совокупный доход семей колхозников и его использование в РСФСР (в %)

	1970	1980	1985	1986	1987	1988
Совокупный доход, всего	100	100	100	100	100	100
Доходы от колхозов	46,5	53,5	57,3	57,7	59	59,4
Заработная плата членов семьи	7,7	8,6	8,4	8,4	8	8,3
Пособия, стипендии, пенсии, дотации	8,3	9,3	9,2	9,2	9	8,2
Доход от личного подсобного хозяйства	33,4	25,1	21,8	21,2	20,5	20
Доход из других источников	4,1	3,5	3,3	3,5	3,5	4,1

Источник: РСФСР: социальное развитие и повышение уровня жизни населения // НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1666. С. 153.

15. Доход от личного подсобного хозяйства населения РСФСР
(по материалам обследований семейных бюджетов; на семью в год, в руб.)

	1980	1985	1987	1988
Все население	191	185	203	212
Рабочие и служащие	110	113	130	140
Колхозники	988	1045	1104	1160

Источник: РСФСР: социальное развитие и повышение уровня жизни населения // НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1666. С. 155.

16. Состав и использование денежных доходов населения Чувашской Республики (в %)

	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Совокупный доход, всего	100	100	100	100	100	100	100
Заработная плата	63,5	68,3	66,3	65,4	66,5	63,8	63
Доходы рабочих и служащих от предприятий, кроме заработной платы	1,5	1,8	2,2	2,1	2	2,1	1,8
Денежные доходы от колхозов	8,3	8,9	11,6	9,6	7,7	7,7	6,1
Поступления от продажи продуктов сельского хозяйства	8	5,3	5,4	5,8	4,3	5,1	8,6
Пенсии и пособия	12,2	11,9	11,4	12,1	12,8	13,6	13,9
Стипендии	0,8	0,8	0,7	0,8	0,8	0,7	0,5
Поступления из финансовой системы	1,5	1,1	1,4	2,6	3,5	3,9	5,1
Прочие поступления	4,2	1,9	1	1,6	2,4	3,1	1

Источник: Чувашия, 1920–2010: цифры и факты: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2010. С. 30.

17. Соотношение цен колхозного рынка и государственных розничных цен в РСФСР
(государственные розничные цены=100)

	1970	1980	1985	1986	1987	1988
Все продукты	164	221	251	252	279	295
Картофель	177	375	428	421	360	344
Овощи	208	289	279	275	286	275
Капуста свежая	280	477	476	440	430	491
Лук репчатый	153	198	260	274	217	217
Огурцы свежие	220	227	224	243	244	269
Помидоры свежие	211	249	247	238	287	232
Фрукты	176	258	276	275	251	263
Масло растительное	134	195	182	200	238	227
Мясо	160	175	258	260	232	243
Молочные продукты	154	287	281	355	321	375

Источник: РСФСР: социальное развитие и повышение уровня жизни населения // НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1666. С. 193.

18. Бюджет времени рабочих и служащих промышленности и колхозников в 1988 году в РСФСР
(часы и минуты; в рабочий день /в выходной день)

	Рабочие и служащие: мужчины	Рабочие и служащие: женщины	Колхозники: мужчины	Колхозники: женщины
Рабочее время	7,57	7,57	7,41	7,18
Время на ведение домашнего хозяйства	0,59/2,44	3,11/6,13	0,45/2,05	3,49/6,23
На покупку товаров и получение услуг	0,15/0,58	0,46/1,26	0,07/0,24	0,32/0,48
На работу по дому	0,44/1,46	2,25/4,47	0,38/1,41	3,17/5,35
Затраты времени в личном подсобном хозяйстве и на садовом участке	0,04/0,17	0,01/0,05	1,21/2,01	3,17/5,35
Свободное время	4,05/9,18	2,28/6,38	3,42/7,38	2,01/4,58

Источник: РСФСР: социальное развитие и повышение уровня жизни населения. Т. 2 // НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1667. С. 93.

**19. Средний размер назначенных месячных пенсий по Закону
о государственных пенсиях населения Чувашской АССР (на конец года, в руб.)**

	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Население	25,4	30,7	36,6	49,7	56,7	70,7	101

Источник: Чувашия, 1920–2010: цифры и факты: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2010. С. 28.

**20. Численность пенсионеров по видам пенсионного обеспечения
в 1965–1985 гг. в Чувашии
(на конец года, тыс. чел.)**

	1960	1965	1970	1975	1980	1985
По Закону о пенсиях и пособиях членам колхозов всего	7,1	51,4	98,1	101,2	84,9	75,8
Из них по старости	–	45,8	86,5	89,8	74,3	67,4
По инвалидности	–	–	6,7	5,6	4,8	4,1
По случаю потери кормильца (на каждого трудоспособного члена семьи)	–	–	4,8	5,8	5,8	4,3

Источник: Чувашия, 1920–2010: цифры и факты: статист. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2010. С. 34.

21. Устав сельхозартели «Дружба» Чебоксарского района, принятый в 1956 году

1. Установить размер приусадебного участка для хозяйств колхозников — 0,3 га.
2. Хозяйства колхозников, не принимающих участия в колхозном строительстве, лишать приусадебных участков.
3. Хозяйства колхозников, самовольно ушедших с колхозного производства и не имеющих никакого отношения к колхозу более одного года, лишать приусадебных участков с уборкой надворных построек.
4. У хозяйств рабочих и служащих, трудоспособные члены которых не выполняют установленный минимум трудодней, сократить приусадебные участки в установленных для них размерах.
5. Определить следующий порядок предоставления тягловой силы колхозникам:
 - а) при выполнении установленного минимума трудодней трудоспособными членами семьи отпускается на хозяйственные нужды бесплатно 8 подвод в год на хозяйство;
 - б) при выработке хозяйствами колхозников свыше 400 трудодней предоставлять бесплатно на каждые 50 трудодней одну подводу, но не свыше 12 подвод в общей сложности в год;
 - в) при предоставлении тягла сверх установленной нормы взимать плату за каждый километр по 1 рублю;
 - г) установить размер платы за легкий проезд на лошади по личным делам 12 рублей за сутки;
 - д) при строительстве жилых домов и надворных построек хозяйствам колхозников, трудоспособные члены которых выполняют установленный минимум трудодней, транспорт предоставить бесплатно;
 - е) о предоставлении тягловой силы хозяйствам колхозников, трудоспособные члены которых не выполняют установленный минимум трудодней, решать в каждом случае на заседании правления колхоза.
6. За пастбу личного скота на общих выгонах и пастбищах колхозникам, выполняющим установленный минимум трудодней, установить взимание платы в следующих размерах за каждую голову, в рублях: КРС — 150,0, овцы и козы — 50,0, свиньи — 00,0.
7. В целях улучшения культурного вида селений считать обязательным иметь перед каждым домом колхозника не менее 5 декоративных деревьев, а также всемерно расширять посадку плодовых деревьев.
8. Считать необходимым прибывающих в колхоз из других колхозов по выходу замуж или по другим причинам принимать в колхоз в индивидуальном порядке по их заявлениям на собрании уполномоченных.
9. В целях создания обеспеченной старости честным колхозникам и норм бытовых условий получившим увечье или инвалидность в колхозном производстве, установить им ежегодную пенсию исходя из уровня материальной обеспеченности их до 200 трудодней в год, рассмотрев предварительно эти вопросы в индивидуальном порядке на заседании правления.
10. Установить следующий порядок предоставления отпусков колхозникам по беременности:
 - а) при нормальных родах 112 дней, т.е. 56 дней до родов и 56 дней после родов с начислением 100 % трудодней от средней выработки;
 - б) при ненормальных родах — 132 дня, т.е. 56 дней до родов и 76 дней после родов с начислением 100 % трудодней от средней выработки.
11. Бригадиры в месяц 1 раз заносят выработанные колхозниками трудодни в их трудовые книжки и доводят эти сведения до колхозников.

12. Установить следующий размер минимума трудодней:
- а) колхозникам: для мужчин — 150 трудодней, для женщин — 120 трудодней;
 - б) членам промартели: для мужчин — 75 трудодней, для женщин — 60 трудодней;
 - в) рабочим и служащим — 20 трудодней;
 - г) подросткам от 12 до 16 лет, не учащимся в учебном заведении — 50 трудодней.
13. Выполнение минимума трудодней колхозниками ежеквартально рассматривать на заседании правления с принятием необходимых мер к лицам, не выполняющим минимум трудодней.
14. Установить, чтобы колхозники, не выполняющие установленный минимум трудодней без уважительных причин, при распределении натуральных денежных доходов получали на 30 % ниже, чем получают на трудодни выполнившие минимум трудодней колхозники.
15. Предусмотреть ежегодное предоставление 2-недельных отпусков добросовестно работающим рядовым работникам животноводческих ферм с начислением 100 % трудодней от средней выработки.
16. Общее собрание колхозников проводить 3 раза в год, а в промежутках между общими собраниями проводить собрания уполномоченных — один раз в 2 месяца.
17. Уполномоченные выбираются на общем собрании колхозников сроком на 1 год по норме — от 10 членов колхоза 1 уполномоченный из числа рядовых колхозников.
- Члены правления, бригадиры и зав. отраслями автоматически входят в состав и пользуются правами уполномоченных.
18. Общее собрание колхозников решает вопросы:
- а) выборы председателя и правления колхоза;
 - б) выборы ревизионной комиссии;
 - в) утверждает годовой отчет и отчет ревизионной комиссии;
 - г) утверждает протоколы собрания уполномоченных.
19. Собрание уполномоченных решает:
- а) прием и исключение из колхоза;
 - б) утверждает производственный план и приходно-расходные сметы;
 - в) утверждает бухгалтера колхоза и протоколы заседания правления колхоза;
 - г) текущие вопросы.
20. За уклонение от работы в колхозном производстве несколько раз лишать такого колхозника от работы в колхозе от 1 года до 3 месяцев.
21. При невыполнении бригадами и зав. отраслями нарядов правления колхоза без уважительной на то причины оштрафовать: за первый раз — 5 трудодней; за повторные — по 10 трудодней.
22. За каждый день невыхода колхозников на работу или невыполнение нарядов бригадиров оштрафовать по 3 трудодня.
23. Ввести ежеквартальное авансирование колхозников с 1957 года, создав для этого необходимый фонд.
- Просить исполком райсовета утвердить устав сельхозартели с настоящими поправками и дополнениями.

Источник: Афанасьева Л.А. Живи, мой край родной, деревня Анаткасы: летопись истории поселения. Чебоксары, 2014. С. 143–144 // Чебоксарский районный архив. Ф. 16. Оп. 1. Д. 33.

22. Произведения устного народного творчества на тему сельской жизни

Письмо анонимного автора, инвалида войны в НКВД о работе врача С.

1945 г.

Есть помещица в районе,
Жена С. в райкоме.
Утром встав, попьет чаек и бежит скорей в ларек.
Там товары отбирает и скандалы учиняет,
Отправляет на толчок.
А затем идет в больницу,
Встретит робкую сестрицу, прочитает ей мораль,
Накричит на фельдшерицу, обругает главврача.
И оттуда стрекоза прямо мчится в кабинет
Научить осла-супруга, кого снять, с кого взять
А кому и в шею дать.
А потом идет домой
По дороге вестовой,
Привезли дары с колхоза,
Принимает и ворчит,
«Что так мало?» — говорит,
— Мы ведь первые в районе,
Мой муж — первый секретарь,
Потому нам и давай
Больше всех и лучше всех».
Пообедала — пошла проверять дела райздравицы,
Там ведь ставленник сидит,
По указке все творит.
Наконец идет во ВТЭК,
Здесь встречает всех калек,
И безруких, и безногих,
Стариков и старушенок,
Все стоят, и все вздыхают,
Ожидают и трепещут.
Вот зашла и закричала:
«Что вас много здесь набилось?!
Всех смотреть я вас не стану.
Ведь я занята с утра и работаю день целый,
Убирайтесь, как пришли.
Соцсобес мне платит мало.
Я за двадцать получаю, и останьтесь двадцать».

Облачилась, приступила
«Что согнул ты пальцы, симулянт проклятый,
Разгибай скорей, а не хочешь —
И удар по морде.
Ах, вы, лодыри войны, ах, вы, лодыри труда,
Как устала с вами я!»
Где ты, наш отец любимый,
Где ты, Сталин, наш родной,
Посмотри, как нас встречают
Здесь, истерзанных войной.
Посмотри, как морды бьют нам,
Как нам хлеба не дают,
Как подарки красноармейцев
По себе все раздают.
Ты пошли людей надежных,
Пусть сорвут с них все награды,
Отберут все партбилеты.
Ты скажи им: «Негодяи,
Вам не место быть здесь с нами».
Мы ходили, мы прошли,
Побывали и в обкоме
Но и там нам все сказали:
«Что нам ваши все законы,
Когда судья и С. знакомы».

*Инвалид войны Жук.
ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 1217. Л. 366.*

Тексты песен и частушек

Атте, лашуна ан шыра
Колхоз кѣтѹ варринче.
Санӑн лашу унта сук
Аслӑ улӑх варринче.
Анне, хѣрна ан шыра
Ялти хѣрсен хушшинче.
Санӑн хѣрѹ унта сук,
Вӑрман та варринче, шурлӑхра.

Мӑн сул синчи тусанне
Автомашини вѣстерет.
Пирѣн сӑмрӑксен ёмѣрне
Хура вӑрман ирттерет.

Кайӑпӑр-ха пасара
Уйри ёсе пѣтерсен.
Курайӑр-ха ырлӑхне
Хурлӑх курса пѣтерсен.

Манӑн савни вѣренет,
Скоро агроном пулать.
Сѣмѣрт сѣски суралать,
Скоро сѣмѣрчѣ пулать.

Шофер арӑм пуласчѣ,
Кабинӑна ларасчѣ.
Хам курайман сынсене
Кабинӑран йѣплесчѣ.

«Отец, лошадь свою не ищи
В стаде колхозном,
Твоей лошади там нет —
В середине великого луга.
Мать, дочь свою не ищи
Среди девушек деревни,
Твоей дочери там нет —
В лесу да она, в болоте».

«На большой дороге пыль
От автомашины.
Нашу жизнь юную
Проживает лес дремучий».

«Пойдем на базар
После работ полевых.
Дождемся счастья,
Как горе переживем».

НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 1165. Инв. № 7357. Л. 159, 128–130.

«Мой друг учится,
Скоро будет агрономом.
Расцвела черемуха,
Скоро будут ягодки».

«Стать бы женой шофера,
Сесть бы в кабинку.
Тех, кого не люблю,
Из кабины бы подразнить».

НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 2411. Инв. № 8760.

Атя, савни, пасара,
Адиколон илсе пар.
Адиколон илсе памасан
Ма тус турӑн эс мана.

Атту пур-и, пальто пур-и
Вырсарникун тӑхӑнма?
Атту сук тӑк, пальто сук тӑк,
Ма тус турӑн эс мана.

«Милый, пойдём на базар,
Купи мне одеколон.
Если не покупаешь одеколон,
Зачем в женихи набиваться.

Есть ли сапоги, есть ли пальто у тебя,
Чтоб надеть их в воскресенье?
Если нет сапог, если нет пальто,
Зачем в женихи набиваться».

НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 809. Инв. № 6173. Л. 99 об.

Эпир савас сар ача,
Маттур ача пулинчӗ.
Комсомол палли йӑл-ял
Кӑкри сӑнче сӑсинчӗ.

Пурсӑн тутӑр вӗстертӗм
Сад пахчине ситиччен.
Стахановкӑ эп пултӑм
Комсомола кӗриччен.

«Тот, кого мы полюбим,
Пусть будет удалецом.
Пусть значок комсомольца
Сияет у него на груди.

Развевала платок шелковый
До самого сада.
Стала я стахановкой
До вступления в комсомол».

НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 809. Инв. № 6175. Л. 136.

Указатель именной

- Агафонов В.А. 45
Айги Г. 10, 175
Айдак А.П. 44, 90, 221
Александров П.К. 195
Александрова Л.А. 13
Алексеев Г.А. 6
Алексеев М. 193
Алендей В.С. 10, 176
Андреев А.А., государственный деятель 55, 217
Андреев В. 193
Андреев Е.А. 25, 26, 44, 51, 240, 241
Андреев П. 193
Артемьев А.С. 10, 175, 176
Аругюнян Ю.В. 63
Архипова Р. 208
Афанасьев И.А. 6
Афанасьев С. 192
Афанасьева Л.А. 11, 107, 109, 156, 201, 249, 268
Ахмеев Г.Н. 6
Ашанин А.Д. 50
Ашанин В.Д. 50
Ашмарин Н.И. 245
- Бажайкин Н.С.** 201
Бакарев П. 190
Балицкий Р.Н. 106, 157
Бардин А.В. 65
Батурин Н.К. 109
Безнин М.А. 4, 13, 14, 42, 62, 64, 74, 106, 107, 108, 109, 249, 250
Беляев Д. 161
Беляева Е.Е. 38
Бердинских В.А. 14
Бикчурин Р. 190
Бильбасова Е. 256
Боголюбов К.М. 108, 156
Бойко И.И. 2, 11, 63
Большакова А.Ю. 12
- Бондаренко Л.В. 157
Борцов А.Д. 203
Браславский Л.Ю. 6, 201
Бундин М. 193
Бурашников С. 190
- Васильев В.А.** 6
Васильев В.Ю. 247
Васильев Ф. 167
Васильева Е.И. 40, 44, 218
Васильева О. 61
Ведин И.Г., сельский житель 241
Великий П.П. 103, 110
Вербицкая О.М. 4, 12, 14, 64
Веремеенко И.И. 203
Верт Н. 107
Верхеев И.Е. 6
Викторов В.Н. 6, 61, 62
Вилов А.А. 13
Виноградский В.Г. 15, 247, 248
Виола Л. 65
Владимирова А.Л. 173
Власов Ф.О., колхозник 116
Власова Р. 202
Воглер И. 12
Волков И.М. 3, 11, 219, 248
Волков К.А. 44
Воробьев А. 10, 208, 240, 247, 250
Воробьев В.Ф. 203
Воробьев Н.И. 160
Воронков В.П. 192, 193
Ворошилов К.Е. 217
- Гаврилов В. 192
Галлямова А.Г. 13
Галочкин П. 120
Гильманов С.Г. 211
Глинкин Б. 193
Гордон А.В. 256

- Гордон Л.А. 160
Горлицкий Й. 247
Григорьев А.В. 159
Григорьев Н.Г. 188, 203
Григорьев С. 190
Григорьев Ф.Г. 188, 189
Григорьева В.С. 50
Григорьева Л.Г. 251
Григорьев-Савушкин П. 167
Гулин К.А. 249
Гуров Ю.Б. 6
Гущин Н.Я. 12
- Данилов А.А. 249
Данилов В.П. 4, 11, 12, 14
Деверинская А. 193
Денисевич М.Н. 4, 12, 72, 106
Денисов И.Я. 44
Денисова Л.Н. 4, 12, 109, 202
Димони Т.М. 13, 14, 42, 64, 74, 106, 155, 156, 249, 250
Дмитренко В.П. 11
Дмитриев К.Д. 6
Долгов В.М. 13
Долгов М.Г. 43, 51, 215
Доманин А.Ф. 50
- Евграфова Т.Н. 251
Евлампове К.Е. 6
Егоров А.Г. 108
Егоров Д.В. 248
Егоров Н.Е. 6, 202
Егорова В. 193
Елдырева Т.Ф. 50
Ельцов В. 209
Емельянов А.В. 10, 177, 243, 251
Емельянов В.Е. 49, 137, 150, 152, 174, 197
Емельянов Г.И. 50
Ергачев М.Н. 6, 23, 102, 106, 108, 109, 110
Еремеев В.А. 109, 158
Ерошкина Е.Е. 50
Ефимов Л.А. 158, 202
Ефимов М.Е., колхозник 218
- Жукова Т.Ю. 247
- Задкова Т.Ю. 14
Зайцев В.В. 30, 40, 43, 50, 51
Зайцев М.В. 6
Захарова А.Н. 15
Зеленин И.Е. 4, 11, 12, 108, 249
Зима В.Ф. 66, 206, 247, 249
Зимин А.А. 61, 62
Зиновьева М.Э. 51, 52, 189
Зотова О.И. 12
Зубкова Е.Ю. 4, 12, 14, 66, 246
- Иванов А.И. 203
Иванов В.П. 6, 15, 61, 62, 160, 177, 201
Иванов И. 192
Иванов Л.А. 6, 15, 16, 107, 158, 160
Иванов Р. 191
Иванов Ю.А. 221
Иванова А. 193
Иванова В.А. 248, 251
Иванова Г.М. 14
Иванова Е.Ю. 250
Иванова М. 30
Иванова Н. 193
Игнатов И.Д. 160
Игнатьев А. 190, 193
Игнатьев В. 175
Изюмова Л.В. 14, 249
Иларий (Ильин П.Г.), архиепископ 178
Илларионов И.И., колхозник 240
Ильбеков Н.Ф. 175
Ильдеменов В.И. 6
Ильин, колхозник 218
Ильин В.И. 249
Ильин И.Е. 6, 15, 61, 63, 64, 110, 200, 248, 251, 260
Ильина Н. 192
Ильиных В.А. 14
Ипатов Н. 175
Исюков С.М. 244
Истомин В.Г. 13, 105
Ицков Н.Я. 92

- Кабанов В.В. 11
Кабытов П.С. 11
Казаков Н.А. 62
Калинин М.И. 217
Калинина К.В. 6
Калугина Э.И. 12, 106
Камаледтинов Р. 190
Каменских М.С. 61
Карачарсков Н. 167
Каргин Н.В. 51
Карпов С.Г. 249, 250
Карпунина И.Б. 62
Касимов Е.В. 2
Кедров Н.Г. 65
Кидяров А. 193
Киреева Н.А. 13
Киркорова Л.А. 12, 110
Кирсанов В.В. 13
Киселев М.Ф. 198, 203
Клементьев В.Н. 2
Климочкина А.Ю. 160
Клопов Э.В. 160
Козлова Н. 14
Кознова И.Е. 14, 248, 252, 256
Козырев Ю. 191
Кондрашин В.В. 247
Коновалов Н. 203
Коньшев Д.Н. 105, 106, 107
Корольков В.А. 6
Коротков С.К. 43, 50, 53, 55, 184
Космовская О.В. 60, 63
Космовский А.В. 60, 63
Костина М. 193
Костяшов Ю.В. 14, 61, 248
Котов Ю.Н. 106, 107, 256
Кошелева Л.П. 247
Кошкин В.П. 43
Кошкин И.Ф. 43
Краснов В.С. 221
Краснова Т. 193
Кряжинов А.М. 108
Ксенофонтов Г.Н. 203
Кудряшов Г.Е. 180, 201, 202
Кудряшов Г.С. 6
Кузнецов И.Д. 15, 16, 107, 158, 160
Кузьмин В.Л. 6, 155
Кузьмин И.Т. 51
Кузьмин Л. 66
Кукушкин Ю.С. 248, 250, 251
Кулаков С. 192
Кураков Л.П. 61, 62
Курицына Е.В. 203
Лаврентьева М.Д. 50
Лаврова А.П. 15
Ланщиков А.П. 11, 256
Лаптев В. 193
Ластовка Т. 66
Леонтьев А.П. 10, 16, 177, 201, 203, 251
Лёнин А.В. 44, 51, 116
Ломшин В.А. 14
Лукин С.Л. 44, 52
Лукина С.Ф. 51
Лысенко Е.Г. 12, 105
Мазур Л.Н. 62, 104, 110, 120
Мазуров В. 175
Максимов Н.Н. 221
Маленков Г.М. 135, 228
Малютин С.Р. 6, 256
Мамяченков В.Н. 160, 249
Маркелов И.А. 6
Мартынов Г.А. 16, 44
Марченя П.П. 14, 106
Маслов С. 105
Матвеев Г.Б. 158
Матвеев Г.М. 6
Машенков В.Ф. 157
Мелентьева А.П. 110
Мешкова А. 182
Миллин А. 192
Милосердов В.В. 12, 106
Миронов Н.Ф. 51
Митич Гойко 165
Миттов А. 10

- Михайлов, колхозник 218
 Михайлов Н.М. 6
 Михайлов О. 192
 Михайлов П.М. 6
 Михайлова Р.В. 12
 Михайлова С.М. 6
 Михайловский И.А. 51
 Михайловский И.Ю. 13
 Михейкин Н.Я. 50
 Моисеева Е.В. 109
 Москвитина Р.А. 13
 Мотревич В.П. 4, 12, 107, 160
 Мушлаева Л. 192
- На**дькин Т.Д. 15
 Назаренко В.И. 13
 Немцев В. 167
 Нестеров В.А. 62
 Нестерова Н.В. 15
 Никитин В.А. 44, 51
 Никитина Г.А. 15, 201
 Никифоров Н.В. 198
 Никишев М.Ф. 109, 158
 Николаев А.Г. 220, 241, 242, 248, 251
 Николаев А.П. 6
 Николаев Г.А. 15, 250
 Николаев К.Н. 50
 Николаева А.Ю. 251
 Николаева Е. 193
 Никонова Г.Н. 74, 106
 Никулин А. 14
 Новикова В.В. 12
 Ножкина И.А. 74, 106
 Носова Н.П. 110
- Об**ломов И.И. 165
 Орлов В.В. 6
 Орлов И.Б. 13, 140, 159
 Орлова А.Н., доярка 52
 Осипов Н.Н. 11
 Осипова Е.Ф. 20, 21, 224
 Осипова К.Ф. 89, 226, 227, 230, 231, 232, 233, 235
- Осокина Е. 96, 109
- П**авлов Н.П. 13, 65, 248
 Панарина В.З. 51
 Пастернак Б. 175
 Пашкова Н. 193
 Перепелкин И.Е. 50
 Петров А.П. 15, 61, 63, 64, 110, 200, 248, 251, 260
 Петров В. 175
 Петров П. 10
 Петрова А. 172
 Петрова А.Е. 50
 Петрова Т.И. 6
 Петрянкины, семья 138
 Петухова Н.Е. 249
 Пимулин А. 192
 Пинаева Д.А. 15
 Пирогов Н.Н. 146, 160
 Плешкова М.Т. 135
 Погильдяков В. 10, 57, 225
 Погодина Т.В. 110
 Погудин В.И. 11
 Подкур Р.А. 247
 Поляков Ю.А. 11, 13, 14
 Попкова В.Т. 50
 Попов В.П. 4, 12, 14, 46, 60, 64, 65, 69, 105, 206, 247, 248, 249, 250
 Прозуменщиков М.Ю. 247
 Прокопьев В.Е. 6
 Прокопьев И.П. 6, 10, 16, 160, 203, 214, 240, 242, 243, 247, 248, 250, 251
 Пронькин И.П. 50
 Пуклаков Н. 193
 Пупин П.П. 50
 Пыжиков А.В. 249
- Р**азин С.Ю. 14, 106
 Решмет Д.А. 203
 Роголина Н.Л. 14, 250
 Рогаткин Н.И. 55
 Родионов П., единоличник 235
 Романов В.И. 44, 52, 177
 Романов П. 66

- Романова Г. 193
Рыбаков А.Г. 13
Рыбалка В.И. 14
Рыбкин А. 10
Рывкина Р.В. 12
- Савельев Владимир 166
Саканин В.М. 50
Саканин И.С. 50
Салкин В.Е. 50
Салмин А.К. 246, 251
Салуцкий А.С. 11, 256
Сапёров П. 189
Свеклов В.Г. 51
Сверчков Н.К. 175
Сенявский А.С. 13, 104, 110
Семёнов В. 167, 193
Семьянин А.А. 6
Сергеев Т.С. 6, 202, 203
Серебрякова Ю.Г. 6
Сидоров Г.С. 6
Сидоров П.А. 6, 16, 61, 62, 107, 158, 160, 256
Симуш П.И. 4, 12
Сироткин М.Я. 158
Скворцов Ю.И. 10, 175, 176
Скородумов Н.Г. 6, 161, 200, 203
Скотт Дж. 4, 12, 75, 256
Смалайкин А.Д. 44
Смиртюков М.С. 65, 156
Спиридонов М.С. 175
Сталин И.В. (Сталин) 12, 71, 211, 217, 237, 270
Старухин И.П. 55
Стебут И.А. 30
Степанов Н.С. 6, 202
Соколов А.К. 14
Соколов В. 193
Сорокин П.И. 54
Сорокина Р.В. 38
Староверов В.И. 12, 15, 61, 63, 64, 110, 163, 169, 200, 216, 248, 251, 260
Сурков Ф. 191
Суорова Н.С. 50
Суслов И.Ф. 159
- Сымаков А.Н. 109
Сютрукова Э.Г. 6, 159, 160, 161, 203
- Таллеров Л.В. 10, 176
Таймасова Т.Н. 11
Тарасов А. 10
Тарковский Андрей 165
Терешкова В.В. 220
Тимофеев В.Т., колхозник 218
Токарев А. 167
Толстова Н.Н. 105
Тощенко Ж.Т. 12, 74, 106, 215, 248
Тукташ И. 245
- Ухсай Я. 10, 239, 240, 245
- Фадеев А.Н. 221
Федорова М. 20
Федотов А.И. 254
Федотов И. 10, 135, 158, 224, 249, 250
Федченко М.Н. 13, 160, 200
Фицпатрик Ш. 14, 66, 68, 105, 107, 256
Фокин П.П. 6, 15, 16, 62, 107, 158, 160
- Хаймуллин С.Н. 6
Харитонов Л.А. 158
Харитонов В.Г. 6, 11, 15, 63, 160
Хлевнюк О.В. 247
Хрущёв Н.С. 12, 92, 105, 108, 209, 218, 247, 251
Хузангай П.П. 10, 59, 66, 240, 250
- Чамеев Н. 192
Чаянов А.В. 67, 75, 105
Черненко К.У. 65
Черных А.В. 61
Чинчиков А.М. 11
Чистяков О.И. 248, 250, 251
Чопенко Л.С. 251
Чугунова О. 193
- Шабунин Д.М. 63
Шанин Т. 12, 14, 106, 110, 210, 244, 251, 256
Шевелева Е.В. 247
Шевельков А.И. 106, 157, 249
Шестаков В.А. 105

Широков О.Н. 6
Шихмаревы, семья 235
Шлябин С.А. 44
Шмелев Г.И. 106
Шордеев А.Г. 44, 51
Шорков П.Г. 51
Шорников А.М. 6, 61, 65, 107, 108, 109, 155, 156,
158, 159, 161
Шорохова Е.В. 12
Штейнберг И.Е. 256
Шубкин В.Н. 160
Шуртаков С. 177

Эсхель А. 245, 251

Юрьев Э. 167

Юсупов М. 190

Ягафова Е.А. 170, 201, 202

Ярды В.Н. 191, 193

Ярская-Смирнова Е. 66

Ястребова А.М. 51

Яшмейкин Г. 190

Список сокращений, аббревиатур и некоторых терминов, использованных в книге

- АО — акционерное общество
АССР — автономная советская социалистическая республика
ВВЭР — Волго-Вятский экономический район
ветработник — ветеринарный работник
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
водопровод — система непрерывного водоснабжения
водоснабжение — подача поверхностных или подземных вод
га — гектар
ГАСИ ЧР — Государственный архив современной истории Чувашской Республики
ГЗР — «Готов к защите Родины» (спортивно-технический комплекс)
ГИА ЧР — Государственный исторический архив Чувашской Республики
госорганизация — государственная организация
Госстрахфонд — осуществляемая государством программа обязательного социального страхования, обеспечивающая выплаты инвалидам и заболевшим работникам, пенсионерам
ГТО — «Готов к труду и обороне СССР» (комплекс физической подготовки)
ГЭС — гидроэлектростанция
д. — деревня
Заготзерно — зернозаготовительный пункт, Всесоюзная контора по заготовкам и сбыту зерна
землепользование — распоряжение земельной собственностью, пользование землей в установленном законом порядке
зернопродукты — продукция из зерна
ИПЦ — истинно-православная церковь
ИС — Институт социологии
исполком — исполнительный комитет
и т. д. — и так далее
капиталовложения — определенные затраты, ресурсы, направленные на развитие предприятия, дела
кв. — квадратный
колхоз — коллективное хозяйство
кооператор — лицо, участвующее в кооперации, объединении двух и более предприятий, людей для выполнения той или иной задачи
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
культтовары — общее название товаров, предназначенных для удовлетворения культурных потребностей населения
ЛПХ — личное подсобное хозяйство
леспромхоз — лесопромышленное хозяйство
лесозавод — завод по обработке лесных материалов, здесь топоним

лесозаготовки — заготовка лесоматериалов
лесхоз — лесное хозяйство
МГБ — Министерство государственной безопасности
МВД — Министерство внутренних дел
медобслуживание — медицинское обслуживание
медработники — медицинские работники
Минздрав — Министерство здравоохранения
МТС — машинно-тракторная станция
мясопродукты — мясные продукты
Наркомнац — Народный комиссариат по делам национальностей
НА ЧГИГН — научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
облисполком — областной исполнительный комитет
ОРС — отдел рабочего снабжения
партком — партийный комитет
пединститут — педагогический институт
политинформация — политическая информация, вид политико-массовой работы в форме обязательных лекций и бесед среди населения
политучеба — политическая учеба, изучение марксизма-ленинизма, истории КПСС, текущей политики, широко проводившаяся среди населения
политшкола — политическая школа, школа для политической подготовки
пос. — поселок
потребкооперация — потребительская кооперация (добровольное объединение граждан и юридических лиц на основе членства с целью удовлетворения потребностей в товарах и услугах)
райисполком — районный исполнительный комитет
райком — районный комитет
райсовет — районный совет
РАН — Российская академия наук
реском — республиканский комитет
Росгражданстрой — республиканский комитет по гражданскому строительству и архитектуре
РПЦ — Русская православная церковь
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
рыбобпродукты — рыба и продукты из нее, предназначенные для пищевых целей
с. — село
Сбербанк — сберегательный банк
сельсовет — сельский совет
сельхозартель — сельскохозяйственная артель
сельхозинститут — сельскохозяйственный институт
сельхозналог — сельскохозяйственный налог
сельхозотдел — сельскохозяйственный отдел
СНК, Совнарком — Совет народных комиссаров
СМ — Совет министров

СМИ — средства массовой информации

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

совхоз — советское хозяйство

СП — собрание постановлений

т — тонна

табл. — таблица

товарооборот — объем продаж торговой организацией в денежном выражении за определенный

период времени

ТОО — товарищество с ограниченной ответственностью

торфоразработки — место добычи торфа

трудгужповинность — трудовые и гужевые (транспортные) повинности

трудоизбыточный — избыток рабочей силы в трудоспособном возрасте в районе

трудонедостающий — недостаток рабочей силы в трудоспособном возрасте в районе

трудоучастие — трудовое участие

УК — Уголовный кодекс

ФЗО — фабрично-заводское обучение

хлебопродукты — продукты обмолота, обмола и другой переработки хлеба (зерно, мука, крупа)

ЦК — Центральный комитет

ЦСУ — Центральное статистическое управление

ЧСХИ — Чувашский сельскохозяйственный институт

Чувашпотребсоюз — Чувашский республиканский союз потребительских обществ

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Сельское население Чувашии в 1946–1990 гг.: численность, расселение, социально-демографическая характеристика, трудовые ресурсы	
1.1. Численность, расселение сельских жителей Чувашии	17
1.2. Социально-демографическая характеристика сельского населения	26
1.3. Социально-профессиональная структура сельского населения	31
1.4. Трудовые ресурсы села: занятость и занятия	45
Глава 2. Хозяйство крестьянского двора и производство сельскохозяйственной продукции	
2.1. Личное крестьянское хозяйство Чувашии: основные этапы и динамика развития	67
2.2. Усадьба и землепользование личного крестьянского хозяйства	76
2.3. Хозяйство крестьянского двора: земледелие и животноводство	85
2.4. Крестьянские хозяйства и обеспечение населения сельскохозяйственной продукцией. 93	
2.5. Труд крестьянина в личном хозяйстве	100
Глава 3. Уровень жизни и повседневный быт крестьянства Чувашии	
3.1. Уровень жизни сельского населения: семейный бюджет, потребление и расходы	111
3.2. Строительство жилья и жилищные условия сельчан	128
3.3. Материально-бытовые условия жизни на селе	135
3.4. Повседневный быт и бытовая культура сельского жителя	144
Глава 4. Социальная и культурная жизнь сельского сообщества	
4.1. Культурно-досуговая деятельность на селе	162
4.2. Религиозная ситуация на селе	178
4.3. Развитие образования и сельской школьной сети	182
4.4. Здоровоохранение, физкультура и спорт	187
4.5. Образ жизни: негативные явления	194
Глава 5. Социальная деятельность крестьянства	
5.1. Взаимодействие крестьянства и власти	204
5.2. Социальные представления и поведенческая практика крестьянства	215
5.3. Права и обязанности крестьянства	222
5.4. Социальная идентичность и социальное самочувствие крестьянства	237
Заключение	252
Приложение	257
Указатель именной	273
Список сокращений, аббревиатур и некоторых терминов, использованных в книге	279

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научное издание

ХАРИТОНОВА Валентина Григорьевна

КРЕСТЬЯНСТВО ЧУВАШИИ

**ХОЗЯЙСТВО, СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
И ПОВСЕДНЕВНЫЙ БЫТ
(1946–1990 гг.)**

Фотографии из фондов научного архива ЧГИГН, а также В.Ф. Исаева,
Ю. Ананьева, А. Скурихина, Н. Бондаренко, Г.С. Самсоновой,
Г.Б. Матвеева, рисунки В.Е. Емельянова

Редактор *Т.Н. Таймасова*

Выпускающий редактор *И.П. Семёнова*

Корректор *Л.Н. Сачкова*

Компьютерный дизайн и вёрстка *Н.И. Никифоровой*

Подписано к печати 20.10.2017. Формат 70х90¹/₁₆.
Гарнитура Academy Chuvash. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Уч.-изд.л. 18,35. Заказ №10. Тираж 200 экз.

Отпечатано в РИО БНУ ЧР
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29/1